ОИК XVIII в
дубл.

~~48
92~~

СУЩЕСТВЕННОЕ ИЗОБРАЖЕНІЕ ЕСТЕСТВА НАРОДНЫХЪ ОБЩЕСТВЪ И ВСЯКАГО РОДА ЗАКОНОВЪ,

сочиненное

ГОСПОДИНОМЪ ЮСТИ,

съ

НѢМЕЦКАГО

на

РОССІЙСКОЙ ЯЗЫКЪ

перевелъ

ВРМ. ВЛКВ.

Изъ книгъ В: С: Ваксел

Печатано при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ, 1770. года.

Гос. Историч. Научн. Б-ка
НКП РСФСР
Инвент. № 444014
" " 193 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ

Часть первая.

страница

О началѣ обществъ. - - 3

Часть вторая.

О основаніи обществъ. - - 25

Часть третія.

О намѣреніи обществъ. - - 37

Часть четвертая.

О естествѣ верьховныя власти во всѣхъ народахъ. - - 59

Часть пятая.

О разныхъ образахъ правленія. - 83

Отдѣленіе первое О единоначаліи. 88

——— *второе* О многоначаліи. 102

Отдѣленіе третіе О народоначаліи. 118

——— *четвертое* О смѣшенныхъ правленія образахъ. - 131

Часть шестая.

О подкрѣпленіяхъ разныхъ правленія образовъ, - - 141

Часть седьмая.

О содержаніи верьховныя власти и подданныхъ между собою, - 173

Отдѣленіе первое О тѣсномъ союзѣ между правителемъ и подданными. 175

——— *второе* О должностяхъ подданныхъ къ правителю. 193

——— *третіе* О должностяхъ Правителя къ подданнымъ. 201

Часть осьмая.

О существѣ законовъ. - - 213

Отдѣленіе первое На чемъ утверждается сила законовъ въ областяхъ. 219

——— *второе* О существенномъ раздѣленіи и нужномъ различіи законовъ. - - 241

——— *третіе* О законахъ естественныхъ. - - 267

Отдѣленіе

Отдѣленіе четвертое О правилахъ вѣры. 283
——— *пятое* О народномъ правѣ. 298
——— *шестое* О нравственныхъ и домовныхъ законахъ. - 316
——— *седьмое* О законахъ политическихъ. - - 332
——— *осьмое* О законахъ доходовъ государственныхъ. - 347
——— *девятое* О гражданскихъ законахъ. - - 357
——— *десятое* О законахъ благоустройства. - 367
——— *первоенадесять* О поврежденіи законовъ. - - 378

* * *

* * * * * *

Неисправности типографскія

стран.	строк.	напечатано.	читай.
7	28	произращеніе	произрастеніе
9	9	свойство	свойственное
10	6	ращеніе	растеніе
11	32	разуму . . . разумомъ	уму — умомъ
12	4	разумъ	умъ
—	14	разума	ума
—	19	разума	ума
—	20	разума	ума
—	31	разума	ума
—	37	разума	ума
15	14	помало	помалу
16	36	между словомъ: узаконеніямъ и учрежденныя надлежитъ быть	то
17	2	мощихъ	могущихъ
—	19	нестоенія	нестроенія

стран.	строк.	напечатано.	читай.
29	19	рıщенıе	растенıе
34	17	впредь	вредъ
48	23	нешогмо	нетокмо
55	20	полицейскıе	благоустройственные
63	33	ваасть	власть
64	29	ворьховная	верьховная
70	3	полицейскıе	благоустройственные
72	30	ихъ	его
82	18	даваемое	даемое
86	19	асильственномъ	насильственномъ
93	26	опровергающıе	опровергающее
99	45	предписанıю	предписанıи
116	25	благочинному	благоустройственному
—	34	благочинной	благоустройственной
126	13	учредиъ	учредилъ
128	8 и 9	властолюбной Карѳагенъ	властолюбную Картагу
—	9	онаго	ея
152	33	пуилѣжанıемъ	прилѣжанıе
158	17	покрушку	по крушцу
236	7	одного	отъ одного
312	27	чтобь	что

Впрочемъ

Впрочемъ трудившейся въ переводѣ увѣдомляетъ Благосклоннаго Читателя, что въ началѣ книги сея, до четвертой ея части упоминаются слова: *основательные законы, основательныя правила, основательныя положенія*, и что учинено ошибкою, а надлежитъ вмѣсто того разумѣть: *по основаніе положенные законы, начальныя правила, основаніемъ служащія положенія*. И проситъ наконецъ усердно, какъ о сихъ, такъ можетъ быть и многихъ другихъ перевода сего недостаточнаго погрѣшностяхъ великодушнаго снисхожденія.

ИЗОБРА-

ИЗОБРАЖЕНІЕ
СУЩЕСТВА
НАРОДНЫХЪ ОБЩЕСТВЪ
И
ЕСТЕСТВЕННАГО ОНЫХЪ СОСТОЯНІЯ,
ИЛИ
ОСНОВАТЕЛЬНОЕ ЗНАНІЕ
МУДРОСТИ ПРАВЛЕНІЯ,
ГРАЖДАНСТВА
И
ВСЯКАГО
ПРАВИТЕЛЬСТВА.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
О
НАЧАЛѢ ОБЩЕСТВЪ.

§. 1.

Естественная вольность противополагается началу и учрежденію обществъ; и такъ, когда мы хотимъ разсуждать о началѣ народнаго общества, то надлежитъ намъ напередъ возвратиться къ естественной вольности. Первое сіе людей состояніе по лучщему онаго воображенію подобно состоянію самовластныхъ Государей, и вольныхъ народовъ въ семъ состояніи живущихъ. Главное понятіе обстоятельства ихъ есть таково, что они никакихъ законовъ не признаютъ, кромѣ происходящихъ отъ собственныхъ ихъ опредѣленій; ибо какъ они чужимъ узаконеніямъ никогда подвержены не бываютъ, развѣ принужденіемъ, то и въ разсужденіи соотвѣтствія ихъ съ другими,

Понятіе естественныя вольности изъ состоянія вольныхъ обществъ.

 или

или всегда припуждаютЪ, или сами принуждаются; и потому вольныя общества могутЪ, простѣйшей имѣя предлогЪ, отрицать обязательство какого нибудь договора, объявивЪ токмо, что они кЪ тому принуждены были. ИзЪ сего не иное что выдетЪ, какЪ безразсудная жалоба ихЪ на естественное состоянiе, сообразная желанiю, получить власть надЪ покаряющимЪ, или побѣждающимЪ ихЪ какимЪ либо народомЪ. По довольномЪ разсмотренiи естества вещей не возможно ужё будетЪ чинитЪ такихЪ предлоговЪ. Но сего недоставало и по сiе время многимЪ, какЪ ученымЪ людямЪ, такЪ и политикамЪ. Не рѣдко вступались они, надмены будучи понятiями гражданскаго права, вЪ дѣла вольныхЪ народовЪ.

§. 2.

ВЪ семЪ состоянiи жили люди до начала обществЪ.

ВЪ самомЪ семЪ состоянiи, вЪ которомЪ видимЪ мы теперь самовластныхЪ Государей и вольныя общества, жили люди до начала купножительствЪ. Они не были подвержены никакимЪ узаконенiямЪ, кромѣ послѣдовавшихЪ изЪ собственныхЪ ихЪ обстоятельствЪ и сочиненныхЪ ими самими. Когда они признавали надЪ собою естественные законы, то были оные не иные, какЪ произходящiе непосредственными и кратчайшими путями изЪ собственнаго ихЪ естества, или опредѣленiя; ибо всѣ мнимые уставы естественнаго права, истекающiе издалече взятыхЪ положенiй, и сопряженные вЪ познанiи сЪ великимЪ трудомЪ и наукою, суть мечтанiй ученыхЪ людей, вЪ состоянiи естественныя вольности никому и никогда на мысль неприходившiй. Когда дѣти были вЪ послушанiи у своихЪ родителей; то былЪ сей законЪ послѣдовавшей изЪ временнаго

ихъ естественнаго состоянія, ихъ надобности, слѣдовательно и изъ ихъ опредѣленія. Когда кто вступалъ къ кому во услуженіе, то не инако какъ принуждаемъ къ тому былъ особливымъ обстоятельствомъ своего состоянія, то есть нуждою; однако былъ сей законъ имъ самимъ себѣ налагаемой. Во всѣхъ другихъ случаяхъ не могъ онъ инако быть подверженъ чужимъ законамъ, какъ по мѣрѣ принужденія. И такъ были тогда люди въ такомъ состояніи, какъ мы видимъ теперь самовластныхъ Государей и вольныя общества, то есть: что они безпрестанно принуждаютъ, или принуждаются.

§. 3.

Состояніе людей прежде полученія познаній и понятій.

Однако сего состоянія, когда люди будучи въ естественной вольности предприняли другихъ принуждать, не можемъ мы прежде представить себѣ, какъ въ такое время, когда познаніе ихъ и разумъ возрастать начали. Люди раждаются не съ самымъ познаніемъ, но просто со способностію къ познанію. Сила сія къ познанію не можетъ прежде дѣятельною быть, пока не будетъ очищена. Сіе не инако послѣдовать могло, какъ мало по малу и по степенямъ, да и съ великою бы медленностію, когда бы намъ пріобрѣтенныя другими людьми познаній въ томъ не спомоществовали. По сему люди въ первобытномъ состояніи естественныя своея вольности весьма недостаточныя имѣли понятія, и чаятельно, отъ звѣрей въ маломъ чемъ разнились. Оставшіеся намъ отъ древнихъ временъ слѣды совершенно въ томъ увѣряютъ. По извѣстію наидревнѣйшихъ свѣтскихъ писателей, жили люди въ лѣсахъ, въ разсѣдинахъ и пещерахъ; да и сверьхъ того у всѣхъ народовъ, гдѣ хотя малѣйшая тѣнь

древности есть, находимЪ мы знаки крайней дикости. КтомужЪ и изобрѣтеній новѣйшихЪ временЪ, мореплаваніемЪ учиненныя, открыли намЪ вездѣ множество народовЪ, имѣющихЪ предЪ скотомЪ мало преимущества; потому что не было имЪ еще случая, обхожденіемЪ сЪ разумными народами умножить познаній своихЪ и понятій; и ежели извѣстій Господина *Георгія Вилгелма Стеллера* о многихЪ живущихЪ народахЪ на островахЪ лежащихЪ между Камчаткою и Америкою, подлинникомЪ мною читанныя, со временемЪ на свѣтЪ изданы будутЪ, то не инако какЪ ужаснуться надлежитЪ, увѣдавЪ толь странной житія образЪ человѣкоподобныхЪ тварей. ВЪ семЪ первѣйшемЪ состояніи естественныя вольности, или лучше сказать, вЪ первой дикости, долженствующей предЪитти естественной вольности, не воображали себѣ люди другЪ друга принуждать, дабы жить по своей волѣ. Понятій принужденія и воли не суть таковы, чтобЪ они ихЪ тогдажЪ имѣть могли; и хотя они вЪ томЪ, или другомЪ дѣлѣ, или вЪ какой пищѣ одинЪ другаго отгонять могли, но сіе есть принужденіе, оставить желаніе свое, а не принужденіе, чтобЪ желаніе имѣть, и жить по волѣ другаго; да и не имѣли они тогда и причины дѣлать другому принужденія. ЧѣмЪ меньше познаніе, тѣмЪ меньше всегда и надобность,

§. 4.

ВЪ первомЪ состояніи естественныя вольности бы-

Состояніе естественныя вольности началось тогда, когда люди столько познанія и понятія получили, что разумЪ ихЪ оказываться началЪ. Не можно никакой твари вольною почесть, когда она не знаетЪ ни себя, ни своего бытія, ни своея вольности. Однако по всему правдо-

правдоподобію не малое время миновалось до тѣхъ поръ, когда люди до сего дошли; при семъ уважить надобно и то, какое множество сложныхъ понятій къ началу разума потребно, съ положеніемъ напередъ, что всѣ народы, неимѣвшие особливыхъ откровеній, отъ силы разума къ самому разуму безъ всѣхъ посредствъ доходить должны были. Въ семъ первѣйшемъ состояніи естественныя вольности, по видимому всѣ народы состояли изъ звѣроловцовъ и рыбаковъ. Поверьхность земли покрытая однимъ токмо лѣсомъ со множествомъ дикихъ звѣрей, и за недостаткомъ рѣкъ наполненная большими и малыми озерами: [такимъ образомъ должны мы себѣ представить земной шаръ въ первобытномъ его состояніи, и какъ мы нынѣ всѣ пустыя зѐмли находимъ], здѣлала звѣроловцами и рыбаками жителей своихъ, возчувствовавшихъ первыя дѣйствія своего разума, и начавшихъ открывать глазà свои на первѣйшія жизни спокойности. Сей былъ первой образъ всѣхъ народовъ питанія. Такіе находимъ мы слѣды въ древнѣйшихъ повѣствованіяхъ, а въ Америкѣ и въ другихъ отдаленныхъ странахъ, есть и нынѣ множество народовъ пребывающихъ въ первоначальной грубости. Какъ извѣстія, такъ и естество вещей, и произращеніе человѣческаго разума, научаютъ насъ, что всѣ народы здѣлались изъ звѣроловцовъ и рыбаковъ пастухами, изъ пастуховъ земледѣльцами, а наконецъ изъ земледѣльцовъ купцами, учеными и ремесленными людьми. И такъ, когда люди въ первомъ состояніи естественныя вольности, были звѣроловцы и рыбаки, то хотя и жилъ каждой по собственнымъ своимъ уставамъ; однако имѣли люди мало причины,

ли люди звѣроловцы и рыбаки, что подало причину къ общежительству.

другЪ друга принуждать, для того, что надобности ихЪ весьма были малы. НапротивЪ чего первое сіе состояніе подало причину кЪ общему житію; происхожденіе его надлежитЪ обстоятельнѣе разсмотрѣть.

§. 5.

Трудно доказать, что общежительство происходитЪ отЪ врожденнаго побужденія.

Производящіе начало общаго житія людей изЪ ихЪ склонностей и побужденій врожденныхЪ безЪ всякаго различія всѣмЪ тварямЪ, по моему мнѣнію весьма заблуждаютЪ. ВЪ настоящемЪ состояніи нашемЪ, весьма трудно справедливо о томЪ разсудить, ощущаемЪ ли мы естественное побужденіе ко общенію, или нѣтЪ. Естественное побужденіе, толь многими людьми, якобы ощущаемое можетЪ происходить отЪ обыкновенія, учинившагося однажды естествомЪ, чтобЪ сЪ людьми обходиться; а особливо отЪ пустаго воображенія, чрезЪ что таковыя возможности лишаются, входить вЪ самихЪ себя, и для того, ища провожденія времени, желаніе сіе вЪ себѣ находятЪ. ИзЪ общежительной же жизни звѣрей не можно здѣлать заключенія на людей. Когда мы изЪ сего желаемЪ справедливо заключить, то должно представить себѣ человѣка вЪ звѣрскомЪ его естествѣ; и тогда надлежитЪ почесть его подлинно хищнымЪ звѣремЪ; какЪ онЪ и вЪ самомЪ дѣлѣ наимочнѣйшей лютой звѣрь и понынѣ есть, отЪ котораго зубуЪ и ловитвы мало тварей безопасныхЪ остается; ибо онЪ не такЪ, какЪ прочіе хищные звѣри, ловитЪ для утоленія своего голода, но умерщвляетЪ твари, для удовлетворенія своего лакомства, своей роскоши, сусты и удовольствія вЪ избыткѣ; однакожЪ и хищные звѣри не живутЪ вЪ обществѣ, что и естеству ихЪ противно;

впро-

впрочемъ препятствовали бы они другъ другу въ хищеніи, или бы по крайней мѣрѣ стали въ дѣлежѣ ссориться, какъ намъ само искусство довольно то показываетъ. Каждой изъ нихъ похищаетъ для себя, и въ такомъ намѣреніи отъ другаго удаляется; тожъ самое дѣлали бы и люди, когда бы были безъ всякаго познанія и понятія въ звѣрскомъ состояніи. Побужденіе, искать себѣ четы, свойственно всѣмъ хищнымъ звѣрямъ, не есть побужденіе къ общенію. Многіе по исполненіи потребнаго къ дѣторожденію, или по крайней мѣрѣ, когда уже молодые дѣти возрастутъ, о общеніи не помышляютъ.

§. 6.

Познаніе прибытковъ отъ общаго вспоможенія, и слѣдовательно умъ есть причина общаго житія.

И по сему чаятельнѣе, что умъ единственно истинная причина есть общественной людской жизни. Какъ скоро люди познанія свои и понятія умножили, и какъ скоро потомужъ звѣрское оставили житіе, и начали познавать многія удобности, прежде имъ неизвѣстныя, то непремѣнно должны были увидѣть великой прибытокъ, получаемой ими отъ помощи другихъ людей; и сіе самое побудило ихъ къ купножительству. Когда мы представляемъ себѣ людей, въ первомъ состояніи звѣроловцами и рыбаками; то познали они изъ искусства безъ сомнѣнія, коль легче звѣря поимать, когда многіе за нимъ гонятся въ одно время; коль обильнѣе рыбная бываетъ ловля, когда оную многіе соединенными стараніями предпріемлютъ, и какъ поспѣшнѣе всякая работа происходитъ, когда многіе другъ другу помогаютъ. Сіи прибытки побудили людей вмѣстѣ жить. Но чтобъ сіи прибытки познать, надлежитъ быть прежде разуму; а чтобъ общими стараніями полученныя вещи равно и полюбовно ме-

жду собою раздѣлить, то надобно имѣть прежде понятіе о справедливости. Все сіе не есть плодъ естественнаго побужденія, но паче пріобрѣтеннаго умомъ познанія.

§. 7.

Причины и случаи увеличившія, человѣческія общества и происхожденіе войны.

И какъ разумъ такимъ образомъ въ первомъ былъ ращеніи, и люди увидѣли прибытки общаго житія, то подало сіе къ увеличенію возрастающихъ малыхъ обществъ разныя причины. Дѣти безъ сумнѣнія устрояли жилища свои по близости отцовъ своихъ, дабы получать отъ нихъ пользу. Люди, познавшіе тогда себя, увидѣли и слабость свою; страхъ въ нихъ родился. Сіе причиною было, что разныя малыя общества соединились. И такъ *страхъ*, есть второе побудительное къ общежитію основаніе, находящееся во всемъ естествѣ. Когда хищные звѣри никакого страха неимѣющіе для намѣренія своего живутъ разно между собою: то подобно сему всѣ прочіе нехищные страхомъ понуждаются быть вмѣстѣ въ великихъ стадахъ. И по сему произошли между людьми большіе предъ прежними общества; а какъ они познанія свои и понятія отъ часу больше умножали, чаятельно жъ, что ловлѣ звѣриной и рыбной скотоводство присоединили, то научались познавать отъ часу больше спокойностей жизни. Потребности ихъ и желанія пріумножились съ ихъ познаніемъ, яко вещи между собою неразлучающіяся и равными стезями шествующій; и тогда, какъ кажется, начали они познаніе прибытковъ общаго пособія, толь полезной плодъ поникающаго разума, во вредъ употреблять слабѣйшимъ людямъ. Сіе не мало ласкаю произрастающія съ разумомъ вмѣстѣ страсти

сти ихъ, когда они могли пользоваться общимъ вспоможеніемъ другихъ людей, и плодами трудовъ ихъ, не входя съ ними въ произшедшихъ прибыткахъ въ разныя доли. И такимъ образомъ сильнѣйшей старался тогда слабѣйшаго принудить, и подвергнуть его своему уставу, чтобъ наслаждаться услугою его для пользы своея и покоя. И сіе состояніе принуждать, или принужденнымъ быть, есть начало войны. Разныя человѣческія общества, бывшія между собою ближайшія и мыслящія каждое о собственномъ своемъ прибыткѣ, нашли великое множество причинъ за благости естества, коими каждое общество, со изключеніемъ другихъ овладѣть хотѣло, въ ссору притти и въ войну, что вторично поводъ подало къ увеличенію обществъ соединеніемъ малѣйшихъ, дабы чрезъ то къ оборонѣ тѣмъ надежнѣе быть.

§. 8.

Желаніе властолюбія по мнѣнію Гобезія, подлинно ли врожденное побужденіе есть?

Я думаю, что всѣ читатели мои будутъ со мною согласны въ томъ, что сіе есть правдоподобное и на естествѣ самомъ основанное происхожденіе человѣческихъ обществъ, до сего можетъ быть мало усмотренное. По сему можно весьма легко разсудить, какихъ мыслей быть должно о мнѣніи *Гобезія*, приписавшаго человѣку врожденное побужденіе къ начальству надъ другими. Понятія принужденія и власти весьма соединены, такъ что человѣкъ въ тотъ часъ, и отъ природы имѣть ихъ не можетъ. Когда мы представимъ себѣ человѣка просто въ звѣрскомъ его естествѣ съ одною токмо способностію къ разуму, а не съ самымъ разумомъ, то увидимъ въ немъ хищнаго звѣря, мало естественнаго побужденія къ обществу и къ власти

надъ

надЪ другими имѣющаго, подобнаго льву, удавляющему похищенное на утоленіе своего голода, безЪ желанія господствовать другими звѣрьми. КакЪ же скоро разумЪ вЪ немЪ означится, то страхЪ есть первое естественное побужденіе. ОнЪ ощущаетЪ вездѣ невѣдомую ему до того слабость свою, и такЪ какЪ волкЪ, или лисица, вЪ пасть или вЪ тенето пойманные грызутЪ желѣзо ихЪ умерщвляющее, познавЪ предлежащую ему или ей отЪ того опасность. СтрахЪ и познаніе прибытковЪ отЪ общаго вспоможенія побуждаютЪ человѣка кЪ общему житію; а при дальномЪ возращеніи человѣческаго разума, когда понятія его о способностяхЪ жизни и слѣдовательно надобности его сЪ желаніями умножатся, раждается вЪ человѣкѣ хотѣніе властвовать надЪ равными себѣ. И какЪ сіе далеко весьма отстоитЪ отЪ естества человѣческаго и отЪ начала разума, то потому и не можетЪ быть естественнымЪ побужденіемЪ. И такЪ когда *Гобезій* на мнимомЪ своемЪ естественномЪ побужденіи общее свое основательное положеніе, и все строеніе свое естественнаго права утверждаетЪ, почитая оное непрестанною войною всѣхЪ людей; то учитЪ онЪ не токмо весьма ложному естественному, но и еще человѣчеству истинное бесчестіе наносящему праву. Начало человѣческаго разума бываетЪ всегда мало, просто, безЪ злости и желанія кЪ угнѣтенію ближняго своего. Посредственной же разумЪ провождается всегда лукавствомЪ, злостію и желаніемЪ преодолѣнія; истинно великой и совершенно очищенной разумЪ послушествуетЪ непремѣнно справедливости, правосудію и великодушію. Сіе есть все то, что о происхожденіи человѣческаго разума, какЪ вообще, такЪ и

у всѣхъ народовъ частно, сказать можно. Оно и понынѣ есть конечное изображеніе состоянія и слѣдствія человѣческаго разума. Всегда еще находилъ я, что лукавые, коварные и злые люди посредственной имѣютъ разумъ; и какъ бы много въ свѣтѣ злости ни было, однако не надлежитъ тому удивляться, ибо посредственныхъ смысловъ больше бываетъ, нежели великихъ душъ.

§. 9.

Сія общества, былж еще неучрежденные. Разность между обоими.

Люди такимъ образомъ въ обществахъ живущіе не составляли еще учрежденныхъ. Между обоими находится существенная разность. Совокупное вспоможеніе есть предметъ общества, однако учрежденные имѣютъ еще несравненно большее намѣреніе. Въ первыхъ обществахъ жили люди въ состояніи естественныя вольности. Каждой поступалъ по волѣ своей и по своему уставу, ежели только отъ другаго принуждаемъ не былъ; ибо когда воли ихъ не были сопряжены, то былъ тогда каждой еще воленъ, и отъ него зависѣло, пользоваться ли прибыткомъ общаго вспоможенія, или оставя оное жить собою? Вольность сія по собственному благоизобрѣтенію выходитъ изъ общенія, и свойственна всѣмъ неимѣющимъ начальника, или живущимъ не подъ законами учрежденныхъ обществъ. Различіе между простыми и учрежденными обществами состоитъ наиглавнѣйше въ томъ, что послѣдніе имѣютъ надъ собою верьховную власть. И такъ когда общество одного изъ сочленовъ своихъ принуждаетъ поступать по намѣреніямъ своимъ и договорамъ; то дѣлается сіе по состоянію и правамъ войны, а не по естеству верьховныя власти.

§. 10.

§. 10.

Могли ли люди жить въ состояніи естественныя вольности, не сочиняя учрежденныхъ обществъ?

Теперь вопрошается, не было ли возможно жить людямъ въ состояніи естественныя вольности въ такихъ простыхъ обществахъ, не сочиняя учрежденныхъ? По мнѣнію моему равенъ сей вопросъ богословскому вопросу, возможно ли было остаться людямъ въ состояніи непорочности? И по видимому священное писаніе изъясненіемъ непорочности ничего больше показать не хотѣло, какъ токмо изображеніе первѣйшихъ временъ состоянія естественныя вольности, когда произшелъ человѣческой разумъ, будучи въ началѣ малъ и простъ, токмо незлобенъ и непороченъ. Начертаніе сіе представлено намъ повѣствованіемъ примѣра, по обыкновенію тогдашняго времени, и по восточнонародному ученію, что въ священномъ писаніи многими мѣстами доказать можно, и въ чемъ никто спорить не можетъ. Ничто по разсужденію моему не представляетъ такъ ясно слѣдствій умноженія человѣческаго познанія, и возрастающихъ отъ того желаній и потребъ, какъ примѣръ вкушенія яблока, и произшедшаго отъ того паденія. Напротивъ же того, когда повѣсть сію взять въ свойственномъ ея смыслѣ, то выдетъ вещь противная здравому разсужденію, а паче божественной справедливости, то есть: что Богъ, за одно токмо яблока вкушеніе здѣлалъ нещастнымъ не токмо весь человѣческой родъ, но еще, когда одно токмо заповѣди его преслушаніе въ уваженіе принято будетъ, приписалъ и вину двухъ человѣкъ, противъ всякаго умнаго понятія о присвоеніи, всему ихъ потомству; однако на оба сіи вопроса по мнѣнію моему одинакимъ образомъ отвѣтствовать надлежитъ.

житъ. Когда бъ возможно было людямъ отъ нача́ла разума ихъ, или отъ первыхъ понятій познанія въ тотъ часъ доходить до совершеннаго разума, или къ высочайшему познанію, то бъ могли они жить какъ въ состояніи непорочности, не вдаваясь въ пороки и злости, такъ равномѣрно и въ состояніи естественныя вольности, не дѣлая учрежденныхъ обществъ. Но сіе была вещь вовсе невозможная по существу людей, получающихъ понятія свои единственно чувственными орудіями, пріумножающими по степенямъ познаній ихъ. И такимъ образомъ хотя они познаній свои мало по малой усугубляли, однако не имѣли еще употребленія совершеннаго разума, по чему изъ умноженнаго сего познанія не могло иное что произойти, какъ умноженіе желаній ихъ и мнимыхъ надобностей, которыя они удовольствовать старались всякими неправедными средствами. Сіе произвело злости и непорядки въ человѣческихъ обществахъ, что здѣлало нужными гражданскіе законы или учрежденныя общества. И такимъ образомъ не могъ Богъ препятствовать паденію человѣка, не перемѣнивъ чудеснымъ образомъ естества и существа человѣческаго.

§. 11.

Не страхъ отъ чужаго нападенія, но внутренніе непорядки суть ближайшія побужденія къ учине-

Теперь приступаемъ мы къ дѣйствительному учрежденныхъ обществъ началу, или къ тому, какъ изъ состоявшихъ въ естественной вольности обществъ, порядочныя гражданскія установленія послѣдовали. Многіе ученые люди думали, что боязнь отъ нападенія другихъ ближайшая причина была къ сочиненію учрежденныхъ обществъ, дабы въ случаѣ такова нападенія подъ общимъ повелѣніемъ и предводитель-

жію учрежденныхъ. дительствомъ соединенныя употреблять силы. Однако страхъ отъ такого нападенія можетъ хотя побудить людей, вмѣстѣ жить и здѣлать общества, какъ выше сего прежде причиною было произшедшихъ малыхъ обществъ; но какъ сіи общества въ состояніи уже были къ отчаянію чужаго нападенія, то не видно, какъ люди могли изъ сего поводъ взять, предпосадить себѣ верьховную власть, и покориться чужимъ законамъ. Больше жъ, чаятельно, что возрастающіе пороки и своевольства, терзавшіе внутреннее спокойство сихъ обществъ ближайшимъ побужденіемъ были къ приступленію къ гражданскимъ уставамъ и узаконеніямъ. Когда такія нестроенія происходили, то естественнымъ образомъ должны были наизнатнѣйшіе и разумнѣйшіе люди изъ общества входить въ посредство судьями, для прекращенія такихъ ссоръ и неспокойствъ, и для возстановленія мира. Сіе придало имъ, когда часто такіе случаи бывали, преимущественную знатность между своими сочленами, а когда изрѣченій ихъ почитали справедливыми; то и въ подобныхъ случаяхъ на то ссылались. Сіе было уже путемъ или началомъ къ узаконеніямъ, понеже обычаи могли быть вмѣсто законовъ. И такъ подходили люди, не помышляя, можетъ быть, о томъ, отъ часу ближе, къ гражданскимъ учрежденіямъ. Я ничего здѣсь не пишу, кромѣ естества вещи, и то, что видѣть можно и понынѣ по надежнымъ извѣстіямъ въ разныхъ Американскихъ и въ другихъ дикихъ народахъ, живущихъ въ естественной вольности.

§. 12.

Многія образы обществъ

И какъ по сему путь устроенъ былъ къ гражданскимъ узаконеніямъ учрежденныя общества

ства, по всему виду здѣлались не одинакимъ образомъ, но при разныхъ случаяхъ, могущихъ раздѣленными быть въ четыре образа. Первой и древнѣйшей образъ есть безъ сумнѣнія тотъ, что отцовская власть произрастала въ дѣйствительную верьховную. Когда въ одномъ обществѣ происходили непорядки и несогласія, то часто случалось, что одинъ родъ, почитая себя довольно сильнымъ къ защищенію, отъ прочихъ отдѣлялся. Мы находимъ и въ Библіи многіе тому примѣры; кромужъ и на не въ весьма еще оселенномъ земномъ шарѣ много для того мѣста было. Такое отдѣлившееся поколѣніе въ разсужденіи отцовскія власти, отцу и повиновалось, и сію отмѣнность имѣлъ глава роду, то есть первѣйшей отецъ или прародитель въ разсужденіи домашнія власти надъ всѣми къ роду сему принадлежащими. И такъ когда ссоры и нестроенія въ родѣ происходили, то прародитель или первѣйшей отецъ естественнымъ образомъ оные примирялъ и прекращалъ. По смерти сего прародителя право главы рода, и происходящая отъ того отмѣнность доставалась большому сыну. Правда, онъ хотя и не имѣлъ отцовскія власти надъ братьями своими, могущими для того отдѣлиться, и новаго искать для себя поселенія; но когда они сего не признавали за полезно, то не могли отказывать старшему брату своему въ сей отличности отмѣнности. Доказательства о преимущественныхъ правахъ перворожденія въ древнѣйшія времена, находимъ мы, какъ въ священномъ такъ и въ свѣтскихъ писаніяхъ. Когда старшей братъ право свое главы рода оставлялъ потомъ старшему сыну своему, то могли изъ сего мало по малу произойти

происхожденія 1. изъ отцовской власти и домовной или изъ отличности главы рода.

господство, власть и сила, а особливо когда таковой мудростiю въ сужденiяхъ, храбростiю же въ предводительствѣ противъ непрiятельскихъ нападенiй любовь и почтенiе въ родѣ прiобрѣталъ. Братья и дяди не имѣли нималѣйшей причины, знаменитости его противиться, или въ чемъ либо его ненавидѣть. Царское достоинство было въ древнѣйшiя времена безъ всякаго великолѣпiя, строгости и насилiя, о чемъ мы довольно вездѣ подтвержденiя находимъ какъ въ Библiи, такъ и у *Гомера*, почему и съ правдою согласно видится, что глава всего поколѣнiя всѣ дѣла съ главами особливыхъ родовъ миролюбно исправлялъ. А что такимъ образомъ возрасли правительства, то древноность насъ въ томъ увѣряетъ, что прародители были вмѣстѣ священники и жрецы родовъ; и сiе могло имъ подать въ прекращенiи ссоръ наивеличайшую знатность и власть. Въ семъ состояло по свидѣтельству *Гомера* и прочихъ древнѣйшихъ писателей царское званiе. Сверьхъ же того находимъ мы, что иногда Цари и священники равнозначащiя имена были, понеже одинъ, и тожеже человѣкъ иногда Царемъ, иногда священникомъ называемъ былъ.

§. 13.

a. Почтенiемъ и отличностiю прiобрѣтенными кѣмъ либо въ обществѣ, чрезъ что мало по малу верьховная власть у-

Въ обществахъ состоявшихъ изъ многихъ родовъ могла знатность прiобрѣтенная кѣмъ либо справедливыми въ судахъ изреченiями [§. 11.] и почтенiе храбростiю противъ непрiятелей полученное, путь такому отворитъ къ верьховной власти по привычкѣ. Когда чинимыя имъ предложенiя обществу были угодны, такъ что оные всегда и исполняемы были, то было сiе уже нѣкоторой родъ и закона. А между тѣмъ не невозможно было и то, что

люди

люди пріобыкши къ его предписаніямъ ему ни въ чемъ ужѐ больше не прекословили; чрезъ что власть его и сила мало по малу утверждались. Когда общество подъ его предводительствомъ было благодѣйственно, а онъ имѣлъ сына себѣ подобнаго, то не трудно было и ему укрѣпиться въ знаменитости; и симъ образомъ правленіе отъ часу возрастало такъ, что кромѣ всякаго сомнѣнія всѣ происшедшия учрежденныя общества съ начала отъ естества и подобія простыхъ обществъ весьма мало отдалены были. Великой сочинитель *Антимахїапеля* (1) хотя и думаетъ: „Что живущихъ въ общенародіяхъ и истинно „вольныхъ людей никакъ не возможно склонить „къ принятію Государя, хотя бы онъ и лучшей изо всего свѣта былъ„. И сія мысль весьма справедлива, ибо здѣсь говорится о премѣненіи ужѐ составленныхъ вольныхъ обществъ въ единовластіе. Но совсѣмъ другое притомъ обстоятельство, когда какое нибудь общество будучи въ естественной вольности мало по малу пріобыкнетъ къ правленію человѣка, онымъ весьма почитаемаго, или по собственному же того общества хотѣнію имъ управляющаго. Такое общество не знаетъ еще нимало о злыхъ единовластія примѣрахъ устрашающихъ нынѣшніе народы.

утвердиться могла.

§. 14.

Третій путь, образовавшей множество изъ первѣйшихъ обществъ учрежденными, правдоподобно состоялъ въ наученіи къ спокойствію въ жизни преданномъ отъ свѣдущихъ и скусныхъ людей грубому и совсѣмъ несмысленному народу.

3. Наученїемъ въ вещахъ потребныхъ, къ спокойствїю въ жизни.

(1) *Антимахїапель* кн. 9. стр. 269.

роду. Люди здѣлавшіе къ общей пользѣ щасшливыя изобрѣтенія, или пришедшіе отъ народа, превозшедшаго другихъ въ наукахъ и откровеніяхъ, нужныхъ человѣческому покою, должны естественнымъ образомъ благопріятными быть въ невѣжествѣ пребывающимъ, коль скоро польза наученія таковыхъ познана будетъ. Симъ людямъ отдавалось чрезвычайное почтеніе, такъ что и скоро пріобыкали жить по ихъ учрежденіямъ, найденнымъ однажды токмо полезными; по чему сіи научители нималой трудности не имѣли новое составить правительство. Такимъ образомъ учредилъ правленіе въ Атенахъ *Тезей* (2) собравъ разсѣянной въ Аттикѣ и въ крайнемъ невѣжествѣ погруженной народъ, наученой имъ потомъ въ вещахъ къ покою въ жизни потребныхъ. Равномѣрно же и *Кадмъ* (3) и нѣкоторые другіе Египтяне нашли случай, новыя установить въ Греціи общества; ибо они отечество свое, гдѣ художества прежде всѣхъ изобрѣтены, оставили, и неискусныхъ въ томъ въ естественной вольности жившихъ Грековъ научили.

§. 15.

4. Предводители новыхъ поселеній здѣлали чрезъ то также правительства.

Наконецъ сіи предводители вышедшихъ народовъ, или новыхъ поселеній, когда предпріятіе щастливо происходило, были всегда новыхъ государствъ основателями. Когда людей по тогдашнему пропитанія образу въ одной странѣ весьма умножалось, то не только вмѣсто соединясь искали они новаго жилища, но имѣли еще нужду

---

(2) ПЛУТАРХЪ въ жизни *Тезеевой*. *Туцидитъ* въ исторіи кн. I.

(3) *Геродотъ* кн. I.

нужду вЪ предводителѢ, хотя и жили на прежнихЪ мѢстахЪ вЪ естественной вольности, понеже вЪ путешествїяхЪ опасаться должны были нападенія и другихЪ случаевЪ отЪ прочихЪ народныхЪ обществЪ или отЪ дикихЪ звѢрей. ТакимЪ образомЪ во время похода прїобыкши вЪ повелѢнїяхЪ своего предводителя жить, слѢдовали они предписанїямЪ его и вЪ учрежденїяхЪ новыхЪ жилищЪ, такЪ что онЪ всегда почти былЪ ихЪ главою. Такое жЪ слѢдствїе бывало и тогда, когда какое нибудь утвержденное правительство, желая свободиться излишняго народа, или новое поселенїе основывало, или излишнихЪ молодыхЪ людей на отвагу высылало, чтобЪ выгнать другихЪ народовЪ изЪ ихЪ жилищЪ. ПовѢсть о древнѢйшихЪ временахЪ сЪ самаго нача́ла до конца великихЪ народныхЪ переходовЪ, толь многими о семЪ примѢрами наполнена, что излишно уже будетЪ сослаться на тотЪ или другой примѢрЪ.

§. 16.

ВсѢ правительства учинившіяся такимЪ образомЪ изЪ обществЪ жившихЪ вЪ естественной вольности, были не большїя единоначалїя; а сей былЪ безЪ сомнѢнїя наидревнѢйшей правленїя образЪ во всемЪ свѢтѢ естественно послѢдовавшей. ГосподинЪ *Монтескю* (4) хотя и думаетЪ, что и многовластїе можетЪ быть также сЪ естествомЪ согласно; ибо когда власть прародителя подала образецЪ кЪ единовластїю, то равномѢрнымЪ образомЪ по смерти его власть братьевЪ и племянниковЪ подала случай кЪ многовластїю. Однако по мнѢнїю моему понятїя о правленїи многихЪ, и учрежденїе

ДревнѢйшїя правительства были не большїя единоначалїя произшедшїя естественнымЪ образомЪ, изЪ естественной вольности вЪ гражданское учрежденїе.

(4) ВЪ *разумѢ законовЪ* часть 1. книг. 1. глав. 3.

жденіе такого начальства были многочастны и ухищренны такъ, что въ тотъ часъ при переходѣ изъ естественныя вольности въ гражданскія учрежденія произойти онымъ было не возможно. Народамъ надобны были судьи, прекращающіе ссоры и непорядки между членами общества, также и предводители въ войнѣ противъ ихъ непріятелей. Обоихъ находили они въ особѣ одного человѣка. Власть многихъ произвела бы при семъ токмо нестроеніе, ибо проницаніе ихъ не довольно было велико, чтобъ они могли благоучрежденнымъ образомъ установить многовластіе. Вышеизобрѣтенные случаи, произведшіе правительства, объясняютъ намъ также одно единовластіе. Древнѣйшіе повѣсти упоминаютъ о самодержавіяхъ а особливо въ такія времена, когда о народныхъ правленіяхъ еще ни малѣйшихъ слѣдовъ не находимъ. Всѣ Греческія общенародія были въ началѣ не большими царствами. Злоупотребленіе царскія власти принудило людей мыслить о другомъ гражданскомъ правленіи.

§. 17.

Всѣ сіи не большія единоначалія были весьма скромны, и не отходили почти отъ естественныя вольности.

А какъ вышеизображеннымъ же образомъ переходъ изъ состоянія естественныя вольности токмо мало по малу и непримѣтно слѣдовалъ, то были также и первые не большія единоначалія такъ кротки и умѣренны, что отъ естественныя вольности мало отходили. Цари какъ по Библіи, такъ и по объявленію *Гомера*, безъ всякаго великолѣпія, подобно нынѣшнимъ богатымъ уѣзднымъ дворянамъ, были судьи священники, и предводители въ войнѣ. Народъ въ собраніяхъ своихъ удерживалъ всегда у себя законодательную власть; и сіи собранія были тѣ жъ самыя, кои имѣли прежде

жде общества для разсужденія о собственныхъ дѣлахъ ихъ еще въ естественной вольности. О состояніи семъ древнѣйшихъ правительствъ согласны всѣ извѣстія (5), также видимъ мы въ собственныхъ предкахъ нашихъ, (сочинитель говоритъ о Нѣмцахъ), коль мало разствовали гражданскія ихъ установленія отъ естественныя вольности. Учрежденіе ихъ было одно токмо смѣшеніе гражданскаго правленія съ естественною вольностію, дающею всегда изреченія. *Тацитъ* (6) увѣряетъ, что у Нѣмцовъ священники одни могли наказывать и повелѣвать, не по приказу Царя или вождя и не по собственной своей власти, но ради почтенія къ вѣрѣ, признавая оное божественнымъ повелѣніемъ. Цари и Князья имѣли одно право предлагать и уговаривать (7). Токмо въ военное время имѣли повелители, по свидѣтельству *Іюлія Цесаря* (8) власть живота и смерти. Но и въ семъ случаѣ разсматривали естество вещи, и поступали не слѣпо по безпредѣльному полководца произволу.

§. 18.

Сіе сообразно воли всѣхъ народовъ и долженствуетъ быть основательнымъ положеніемъ

Изъ не большаго сего отдаленія первыхъ обществъ отъ состоянія естественныя вольности, также и изъ безпримѣтнаго произшествія гражданскихъ учрежденій по мнѣнію моему безсумнѣнно слѣдуетъ то, что люди никогда не хотѣли подвергнуть себя строжайшему правленію. Намѣреніе сіе народовъ основано на естествѣ вещи. Люди были бы наибезум-

(5) *Туцидидъ* въ исторіи своей кн. I. *Аристотель* въ политикѣ кн. III. гл. 14. *Геродотъ* кн. I.
(6) О нравахъ *Германовъ* гл. 7.
(7) *Тацитъ* о нравахъ *Германовъ* гл. II.
(8) *Іюлій* Цесарь о Галлической войнѣ кн. VI.

вѣкъ правленій.

умнѣйшіе, когда бы добровольно и съ намѣреніемъ промѣняли неоцѣненное свое благо, то есть вольность, на рабство. И такъ желаніе народовъ при вступленіи въ учрежденныя обществa было безъ сомнѣнія сіе, что они уступаютъ естественную свою вольность и подвергаются закону другаго, съ тѣмъ, дабы чрезъ то учреждаемаго общества намѣреніе неминуемо исполнено было. Но кто бъ хотѣлъ отрицать, что желаніе сіе народовъ при сочинении всѣхъ и каждаго правленія въ уваженіе принято не бывало. Сверьхъ же сего побужденіе къ господству надъ другими не основано на человѣческомъ естествѣ. Оно есть одно токмо слѣдствіе посредственнаго разума [§. 8.]. Но люди безспорно полагаютъ напередъ, что они совершеннымъ разумомъ управляются. Сіе преимущество можетъ ихъ единственно побудить къ порученію надъ собою кому нибудь правленія. Къ тому жъ наконецъ и всемогущій Богъ произвелъ насъ на свѣтъ всѣхъ съ равною вольностію, съ равными достоинствомъ и правами, то дѣлаю я изъ сего всего заключеніе, что каждаго правительства есть долгъ и должность, естественную подданныхъ вольность тогда только ограничивать, когда того потребуетъ намѣреніе общества, и что всегда наилучшее есть правительство то, которое безъ истребленія того намѣренія естественной вольности наиболѣе приближается. Заключеніе сіе происходящее изъ начала учрежденныхъ обществъ есть такое положеніе, на которое въ разсужденіяхъ моихъ часто ссылаться буду.

ЧАСТЬ

ЧАСТЬ ВТОРАЯ
О
ОСНОВАНІИ УЧРЕЖДЕННЫХЪ ОБЩЕСТВЪ.

§. 19.

Общества людей въ состояніи естественыя вольности, произведшія, такъ какъ мы прежде показали, мало помалу и учрежденныя, состоятъ изъ многихъ родовъ; и сіи роды суть по сему первое и главнѣйшее оныхъ основаніе, содержащее въ себѣ великую важность въ разсужденіи существа народовъ. Не токмо великость оныхъ зависитъ отъ сего; ибо чѣмъ многочисленнѣе и сильнѣе роды, тѣмъ больше бываетъ такое общество, но и состояніе родовъ сочиняетъ состоятельство самаго того общества. Не можно и подумать, чтобъ о семъ усумниться: ибо какъ цѣлому не быть подобну своимъ частямъ. И потому всѣ обстоятельства родовъ, составляющихъ цѣлой народъ, великость оныхъ, ихъ богатство и прилѣжность, домоправительство, добродѣтели ихъ и пороки имѣютъ наисильнѣйшее и непосредственнѣйшее вліяніе въ самое правительство. Изъ сего

Учрежденныя общества состоятъ изъ многихъ родовъ, которыхъ обстоятельства великое имѣютъ вліяніе въ состояніе первыхъ.

сего выводимъ мы два начальныя положенія, долженствующія во всѣхъ правленіяхъ весьма употребляемы быть. Первое есть то, что состояніе обществъ зависитъ отъ состоянія одинакихъ родовъ; второе, что всѣ основательныя поправленія въ обществахъ должны происходить отъ собственнаго источника, или отъ перваго обществъ основанія, то есть отъ одинакихъ родовъ.

§. 20.

Требуетъ ли мудрое учрежденіе опредѣленія числа родовъ, изъ которыхъ обществу состоять?

Нѣкоторые Греческіе законодавцы искали особливыя мудрости въ томъ, чтобъ опредѣлить число родовъ, общество составляющихъ. *Платонъ* (1) полагаетъ число гражданъ въ общенародіи своемъ до-сорока пяти тысячъ, да и всѣ Греческія правительства были такого мнѣнія будто бы имъ надлежало состоять изъ извѣстнаго числа гражданъ; какъ то сіе ясно показываетъ ихъ законъ, такъ и частыя убавки излишняго ихъ народа въ новыя поселенія. По особливымъ обстоятельствамъ всѣхъ сихъ общенародій состояла всеконечно въ томъ премудрость законодателя, чтобъ опредѣлить число гражданства. Каждое изъ сихъ обществъ состояло изъ одного токмо города, и не большія земли окружности. Греки почитали работу гнусною, да и самъ *Аристотель* (2) утверждаетъ, чтобъ художниковъ и ремесленныхъ людей не брать въ число гражданъ; разные Греческіе народы имѣли у себя побѣжденныхъ, пахавшихъ землю ихъ, и гражданъ питавшихъ. При такихъ обстоятельствахъ число гражданъ подлинно не могло быть без-

---

(1) О законахъ кн. V.

(2) Политики кн. III. гл. 4. кн. II. гл. 7.

безконечно умножено, ибо въ противномъ случаѣ былъ бы недостатокъ въ пропитанiи. Сверьхъ же того не имѣли они нужды въ большой наружной силѣ, для того, что и сосѣди ихъ были также малы; образъ правленiя всенароднаго, гдѣ всѣ дѣла зависили отъ голосовъ народа, требовалъ свѣденiя о числѣ сихъ голосовъ, и того, чтобъ не каждой безъ разбору въ гражданство принимаемъ былъ. Но какъ нынѣшнiя наши правительства не состоятъ ни въ которомъ изъ сихъ обстоятельствъ, то никакая правленiя мудрость не требуетъ опредѣленiя числа жителей земли. Ктому жъ нѣтъ и возможнаго случая, чтобъ благополучiе государства зависило отъ такого предпоставленiя; но еще весьма основательнѣе для благоучрежденнаго правительства, жителей умножать сколько возможно.

§. 21.

Земля родами обитаемая, второе есть основанiе общества, имѣющее наивеличайшее влiянiе.

Роды, составляющiе вообще народъ, живутъ на извѣстной земли поверьхности, и сiя поверьхность есть второе основанiе всѣхъ и каждаго народа. Сiе второе основанiе равномѣрно также существительно есть, что безъ него никакого государства представить себѣ не возможно. Ежели бы во всѣхъ Европейскихъ земляхъ скитающiеся Жиды, когда либо вознамѣрились вступить въ общее соединенiе, избрать себѣ Царя или иную какую верьховную власть, жить подъ его законами, и въ дѣлахъ своихъ довольствоваться его судомъ; однако не взирая на сiе, не можно будетъ ихъ почесть обществомъ для того, что нѣтъ у нихъ существеннаго къ тому основанiя, то есть принадлежащей имъ земли поверьхности. А какъ скоро сего основанiя не будетъ, и непрiятель землею овладѣетъ

дѣетъ такъ, что выгнать его оттуда не возможно; то кончится также и общество. Сію поверьхность, обитаемую принадлежащими къ обществу родами, называемъ областію, а качество землѝ, доброту и мѣстоположеніе, естественными прибытками, сверьхъ же того страна воздуха, имѣетъ таковде наисильнѣйшія и непосредственнѣйшія вліянія въ состояніе всякаго народа, необходимо сообразнаго питающей его землѣ. Сіе есть пребыванія его мѣсто, на земномъ шарѣ имъ занятое, и всѣ существа могутъ по состоянію тѣхъ мѣстъ, гдѣ находятся, доказаны быть въ дѣйствіи. А между тѣмъ долженъ народъ, по самой возможности употреблять въ пользу мѣсто свое. Сіе есть начальное положеніе, произтекающее изъ сего заключенія.

§. 22.

Прилѣжаніе жителей, нѣкоторымъ образомъ награждающее худое землѝ качество есть отъ искусства проиcходящее, и ненадежное основаніе.

Можетъ быть, думаютъ нѣкоторые, что состояніе общества зависитъ больше отъ прилѣжанія жителей, нежели отъ качества землѝ. Для того укажутъ мнѣ Малтійскую область на неплодномъ каменѣ основанную; еще больше положатъ мнѣ въ примѣръ Голландію, почти во всѣхъ естественныхъ благодѣяніяхъ недостатокъ имѣющую, и не большой своей землѝ уголокъ великой цѣны стоящими оплотами охраняющую, дабы моремъ не быть поглощенной; но при всемъ томъ посредствомъ прилѣжанія жителей своихъ въ цвѣтущемъ состояніи находящуюся. Я отвѣтствую на сіе, что худое качество землѝ безспорно прилѣжаніемъ жителей довольно награждено быть можетъ; однако сіе всегда будетъ заимственное и отъ искусства произшедшее основаніе, подобное строенію, утвержденному на сваяхъ во дно морское

ское вколоченныхъ; въ семъ строенiи, говорю я, можно нѣсколько времени спокойно жить; но наконецъ сваи подгнiютъ, и строенiе повалится. Такое некрѣпкое основанiе имѣютъ всѣ общества, пришедшiя способомъ мореплаванiя, и своихъ трудовъ безъ естественныхъ благъ въ цвѣтущее состоянiе. Сiе основанiе пребудетъ такъ долго, пока другiе народы лѣнящiеся, разсмотрѣвъ, не соединятъ съ вещами собственнаго раченiя своего, оставляемаго ими нынѣ тому прилѣжному народу. Какъ скоро первые умудрятся, то ухищренное послѣднихъ основанiе начнетъ приходить въ гнилость, и наконецъ не останется имъ ничего кромѣ худой земли естествомъ имъ данной. По мнѣнiю моему, такое основанiе Голландскаго народа въ нынѣшнемъ вѣкѣ весьма гнить уже начало, и согласно истиннѣ гнилость сiя отъ часу умножаться будетъ, по мѣрѣ ращенiя мудрости и прилѣжанiя другихъ Европейскихъ, а особливо сѣверныхъ народовъ. Сверьхъ же сего основанiе сiе имѣетъ всегда въ себѣ сiю погрѣшность, что народъ зависитъ отъ областей, награждающихъ недостатки его; и по сему могущихъ цвѣтущее онаго состоянiе ежеминутно прекратить, такъ какъ Малта въ послѣднее съ Королемъ обѣихъ Сицилiй несогласiе довольно сiе возчувствовала. И симъ образомъ несравненно есть могущественнѣе народъ зданiе благополучiя своего на собственной и естественными добротами одаренной землѣ утверждающей.

§. 23.

Соединенiя всѣхъ хотѣнiй въ

И такъ многiе одинакiе роды, и земля ими обитаемая суть по сему сугубое видимое основанiе каждаго народа; сiи роды будучи нравствен-

одну волю есть первое нравственное общества основаніе.

ственными тѣлами, должны такожде и на нравственныхъ основаніяхъ утверждены быть. Когда изъ сихъ одинакихъ родовъ общество составляется; то должны всѣ сіи одинакіе роды соединить свои хотѣнія; сіе соединеніе многихъ единственныхъ воль есть первое нравственное основаніе обществъ, составляющее гражданской его чинъ и его существо. Симъ гражданское состояніе разнится отъ естественныя вольности; существителное же ея написаніе есть вольность собственнаго хотѣнія. Оставленіе сего особливаго хотѣнія и соединеніе его съ хотѣніями прочихъ гражданъ въ одну волю, есть разнствующая особенность гражданскаго учрежденія; но въ чемъ состоитъ совокупная сія воля, о томъ показано будетъ въ послѣдующей части.

§. 24.

Не престанное сіе воль соединеніе есть также главнѣйшее охраненіе общества.

Равномѣрно какъ общество соединеніемъ многихъ воль въ одну производится, то и всегдашняя сихъ воль нераздѣлимость есть главнѣйшее средство его сохраненія, почитаемая во всѣхъ вещахъ безпрестаннымъ твореніемъ и произведеніемъ. И такъ общество при всѣхъ нужныхъ и нещастныхъ случаяхъ всегда сохранится, когда только соединеніе воль безпрерывно продолжается. Римъ болше всѣхъ народовъ въ свѣтѣ претерпѣлъ нещастія, и одна токмо всѣхъ единодушная воля сохранила сіе общество имѣвшее всегда великихъ людей, народъ отъ разногласія удерживавшихъ. Таковъ былъ Сципіонъ клятвою обязавшей устрашенныхъ Римлянъ послѣ Каннейскаго нещастнаго бою, не оставлять Рима; что было жители онаго и здѣлать покусились. Такожде можно учинить общее примѣчаніе, что нещастія со-

внѣ весьма рѣдко да и почти никогда конечнаго паденiя народу не приносили, ежели бы не посредствовали къ тому наипаче внутреннiе воль раздоры. И посему есть и сiе не малаго вниманiя достойное основательное положенiе въ государствѣ, что естество общества не можетъ понесть никогда раздѣленной и сугубой воли, и что все къ тому приводящее рачительно убѣгать надлежитъ. По сему основанiю должны многiя вещи, особливо духовная власть разсуждаемы быть.

§. 25.

Второе нравственное основанiе есть соединенiе всѣхъ единственныхъ силъ въ одну, отъ чего верьховная власть происходитъ.

Всѣ одинакiе роды, соединившiе такимъ образомъ воли свои, имѣютъ каждой для себя силу. Когда они воли свои соединяютъ, то должны они и одинакiя силы свои соединить. Воля разумнаго существа есть просто то, что силою правитъ. Соединенiе всъхъ одинакихъ воль въ одну волю, есть второе нравственное основанiе каждаго общества; и сiе то самое составляетъ учрежденное общество и совершенно его образуетъ. Сiя единственная сила происходящая изъ соединенiя многихъ одинакихъ воль, есть теперь то, что верьховною властiю называется; ибо употребляющей соединенную сiю силу имѣетъ въ своихъ рукахъ и верьховную власть общества; верьховная же власть наиглавнѣйшее составляетъ существо государства, и чрезъ что оное отличается отъ обществъ въ состоянiи естественныя вольности находящихся. И такъ верьховная власть въ обществѣ есть ничто иное, какъ употребленiе соединенныхъ онаго силъ. Однако здѣсь не доходитъ еще до того, находится ли употребленiе сея силы въ рукахъ одного человѣка, нѣсколькихъ родовъ, или всѣхъ.

§. 26.

Общества могутъ токмо посредствомъ соединенныя своея силы и по мѣрѣ наружнаго супротивленія дѣйствовать.

Дѣятельность тѣла основывается на его силѣ; по мѣрѣ оныя каждое тѣло можетъ дѣйствіе свое оказать. Тожъ самое обстоятельство и въ обществѣ находится, гдѣ всякое дѣйствіе зависитъ отъ соединенныя силы. Сія общая истинна есть обильной источникъ основательныхъ положеній. Она то научаетъ, ничего соединенныя общенародныя силы превосходящаго не предпринимать, и отъ нея происходитъ ученіе о справедливомъ силъ обществъ употребленіи, отвращающее насъ отъ злоупотребленія, слабость по себѣ влекущаго, такъ какъ совокупность оныхъ надлежащимъ употребленіемъ всегда умножается. Всѣ общества привлекшія себѣ конечное безсиліе или и во-се паденіе, не умѣли употреблять силъ своихъ. Сіе можно наияснѣйше показать во всѣхъ какъ древнихъ, такъ и новыхъ народахъ. Однако въ дѣятельности тѣла зависитъ не все отъ собственныя его силы, но можетъ быть еще столько и отъ супротивленія, находимаго имъ въ другомъ тѣлѣ: и такъ о силѣ каждаго тѣла надлежитъ разсуждать по супротивленію ближайшихъ тѣлъ, и такимъ же образомъ поступать и въ обществахъ; ибо прямое употребленіе собственныхъ силъ, и разсмотреніе внѣшняго супротивленія составляютъ наиважнѣйшую часть мудрости правленія.

§. 27.

Разсматривается мнѣніе нѣкоторыхъ уче-

Большая часть ученыхъ людей, писавшихъ о существѣ обществъ, представили образованіе оныхъ совсѣмъ инымъ видомъ; пріобыкшіе же впрочемъ мысли свои основательно предлага-

тать утверждали (3), что кЪ учиненію общества потребны договорЪ и два заключенія. Нѣкоторое число людей, или многіе роды, желающіе вступить межЪ собою вЪ гражданское учрежденіе, должны напередЪ здѣлать общей договорЪ, быть всѣмЪ вмѣстѣ, а по договорѣ два заключенія; вопервыхЪ, общее благополучіе совокупно поспѣшествовать, вовторыхЪ же, учредить надЪ собою верьховную власть. Однако умолчавЪ обЪявленное прежде мною вЪ предшедшей части, какЪ достовѣрнымЪ образомЪ общества мало по малу и непримѣтно произошли, такЪ что почти и не возможно, чтобЪ притомЪ о договорѣ или заключеніяхЪ упомянуто было; то по мнѣнію моему существо, основаніе и образованіе обществЪ лучше обЪяснено быть не можетЪ, какЪ принятіемЪ за происхожденіе оныхЪ соединеніе воль и силЪ многихЪ родовЪ. ДоговорЪ, чтобЪ вмѣстѣ быть, не дѣлаетЪ ничего существительнаго кЪ гражданскому учрежденію, ибо можетЪ быть вЪ такомЪ обществѣ, которое чрезЪ то однако учрежденнымЪ не составится. Ежели же вЪ этотЪ часЪ по договорѣ семЪ приняты и заключенія; то можетЪ быть, полагаютЪ гражданское учрежденіе и верьховную власть прежде, нежели оная заключеніями сими произведена. Заключенія до начала верьховныя власти послѣдовавшія, не имѣютЪ ничего обязательнаго для всѣхЪ членовЪ, а лучше было бы, когда бЪ сіи заключенія равномѣрно договорами признаны были: ибо сіи токмо могутЪ и вЪ состояніи естественныя вольности здѣлать обязательство. Заключенія же, или удобнѣе сказать, намѣренія, допускаютЪ вЪ семЪ состояніи перемѣну воли;

ныхЪ людей о договорѣ и заключеніяхЪ потребныхЪ кЪ учрежденію обществЪ.

(3) ВЪ естественномЪ и народномЪ правѣ господина Грибнера.

какЪ между тѣмЪ соединеніе воль и силЪ вЪ молчаніи послѣдовать можетЪ, что дѣйствительному обществЪ происхожденію весьма свойственнѣе есть.

§. 28.

Общество соединеніемЪ воль и силЪ премѣняется вЪ одинакое нераздѣлимое тѣло.

ИзЪ соединенія воль и силЪ происходитЪ одно тѣло. Соединенная сила, управляемая вЪ разумномЪ существѣ одною волею, есть понятіе о тѣлѣ одушевленномЪ разумнымЪ существомЪ. И такЪ общество есть одинакое нераздѣлимое тѣло, имѣющее во всѣхЪ своихЪ частяхЪ наиточнѣйшее соотвѣтствіе; а по сему сіе основательное положеніе достойно примѣчанія во всякихЪ правленія дѣлахЪ. Общество не можетЪ ничего терпѣть и вЪ малѣйшихЪ своихЪ дробяхЪ, чтобЪ ощущеніе чего либо не распространилось на всѣ другія части, а впредь на цѣлое. Поврежденіе вЪ одной части оказавшееся, есть вредЪ и всему обществу по мѣрѣ содержанія онаго. Начальное сіе положеніе непремѣнно наблюдать надлежитЪ какЪ вЪ основательныхЪ учрежденіяхЪ такЪ равномѣрно и вЪ установленіи самыхЪ обществЪ. Ничего такого дозволять не должно, что противно соотвѣтствію и нераздѣлимости тѣла, кЪ тому жЪ не попущать бытію излишнихЪ частей, кЪ сопряженію тѣла ни вЪ чемЪ неприбыточествующихЪ. Сіи излишнія части суть всегда непотребны и вредительны. ПрилѣжнымЪ разсмотреніемЪ можно довольно найти излишнихЪ частей во всѣхЪ обществахЪ.

§. 29.

О раздѣлѣ земли нужномЪ кЪ утвержде-

И когда такимЪ образомЪ общество основано и учинено будетЪ; то обыкновенно произойдетЪ притомЪ еще дѣйствіе, извѣстнымЪ посредствомЪ кЪ основанію его принадлежащее.

Оно

Оно состоитъ въ раздѣлѣ земли, которая есть также основанiемъ общества (§. 21.). Сiе раздѣленiе всегда нужно, когда токмо общество съ разсужденiемъ и намѣренiемъ вновѣ производится, а не мало по малу и безпримѣтно возрастаетъ. При такомъ раздѣленiи вопервыхъ надлежитъ смотрѣть на потребное къ содержанiю гражданскаго учрежденiя, и опредѣлить на то извѣстную часть земли, называемую въ наше время казенными маетностями, на которыхъ правительство въ разсужденiи доходовъ для его содержанiя утверждается. Ибо при началѣ общества никто себѣ не воображаетъ для пользы всего государства обремененну быть податьми вводимыми мало по малу и злоупотребленiемъ верьховныя власти или особливыми нужными случаями. Ромулъ основавъ новое общество въ Римѣ, раздѣлилъ всю области своея принадлежащую землю на́-три равныя части. Одна часть была взята на содержанiе царскiя власти или въ казенныя маетности; вторая назначена была на употребленiе и обряды вѣры и на содержанiе священниковъ, а третiя часть была раздѣлена по прочему народу. Подобное жъ сему обстоятельству въ раздѣлѣ земли находимъ въ древнiя времяна въ Египтѣ, хотя о началѣ сего раздѣла никакого извѣстiя и не имѣемъ. Для простыхъ людей опредѣленная часть земли была Ромуломъ на равныя части раздѣлена между новыми его гражданами. Тожъ учинилъ и *Ликургъ* въ Спартѣ: да и *Платонъ* (4) почиталъ тожъ нужнымъ въ своемъ общенародiи. Сiе равное раздѣленiе не токмо согласно съ справедливостiю, а особливо при учиненiи новаго общества; ибо въ семъ случаѣ

нiю общества въ разсужденiи потребныхъ ему на содержанiе доходовъ, и о опредѣленiи имѣнiя прочему народу.

(4) О республикѣ кн. VIII.

чаѣ для весьма особливыхѣ обстоятельствѣ никоторому гражданину не надлежитѣ давать преимущества, да и благополучіе народа требуетѣ, чтобѣ граждане, елико можно, равное имѣніе имѣли. Богатство и убожество родовѣ имѣютѣ непрекословное вліяніе вѣ состояніе общества, а прибытокѣ приносимой одинмѣ богатымѣ родомѣ силамѣ общества, не награждаетѣ нимало вреда причиненнаго оному пятью или шестью убогими семействами.

ЧАСТЬ ТРЕТІЯ
О
НАМѢРЕНІИ ОБЩЕСТВА.

§. 30.

Соединеніе многихъ воль въ одну волю есть первое нравственное основаніе обществъ, и составляетъ наиглавнѣйше гражданское состояніе (23.). Когда жъ надлежитъ соединить многія воли въ одну; то должны люди всѣ одной и тойже вещи хотѣть, и сія главная воля каждаго должна въ себѣ заключать всѣ особливыя его хотѣнія. Однимъ словомъ, сопрягающіи воли свои должны имѣть всеобщее главное намѣреніе, всѣми дѣлами ихъ руководствующее. И такъ вопрошается, въ чемъ состоитъ главное ихъ намѣреніе, дѣйствующее соединеніемъ воль ихъ при основаніи и установленіи общества? Оное не можетъ быть иное что, какъ общее благо, благополучіе всѣхъ и каждаго рода, такимъ образомъ соединяющихся; однимъ словомъ: совокупное благоденствіе всего народа.

Соединеніе воль предполагаетъ общее намѣреніе, состоящее въ общемъ же благополучіи.

§. 31.

Ничто по мнѣнію моему такъ не безсумнительно, какъ сіе намѣреніе, предвзятое

Сіе намѣреніе об-

людьми въ гражданскихъ учрежденіяхъ. Оное происходитъ не токмо изъ естества и намѣренія каждаго, но и изъ случая къ составленію общества. Естество насадило въ каждомъ человѣкѣ побужденіе къ самоохраненію, слѣдовательно же и самолюбіе; онъ посредствомъ ихъ существомъ своимъ и бытіемъ радуется, и оныя всему на свѣтѣ несравненно предпочитаетъ; изъ того раждается въ человѣкѣ желаніе, быть благополучнымъ; и по тому благополучіе есть намѣреніе жизни нашея. Сіе каждому человѣку толь сродное намѣреніе и великимъ естества производителемъ заблагопріемлется. Сіе безконечное Существо по высочайшей своей благости дозволяетъ каждому созданію столько блага, сколько возможно. Онъ создалъ человѣка на то, чтобъ здѣлать благополучною каждую тварь по состоянію ея существа, и по соотвѣтствію вещей, сколько возможно. Когда жъ особливая воля и намѣреніе каждаго человѣка состоитъ въ томъ, чтобъ быть благополучнымъ, то равномѣрно и соединенная воля, и взятое притомъ намѣреніе не можетъ иное что быть, какъ общее благополучіе. Поводъ къ произшествію обществъ наияснѣйшимъ образомъ сіе подтверждаетъ. Благополучіе, какъ особливое каждаго рода намѣреніе, весьма было пресѣчено возникшими въ состояніи естественныя вольности пороками и своевольствами, и тѣмъ покой всѣхъ обществъ нарушенъ былъ. Того ради думали люди учрежденіемъ гражданскихъ установленій отвратить сіи непорядки (§. 11.), и чрезъ то истребить всѣ помѣшательства, ослабляющіе особливое благополучіе каждаго рода. И такъ всякой надѣялся учрежденіемъ обществъ снискать себѣ благополучіе въ состояніи естественныя вольности уже непріобрѣтаемое. По симъ обстоятельствамъ

ществъ ясно представляется изъ особливаго намѣренія каждаго человѣка и изъ случая къ сочиненію обществъ поводъ подавшаго.

ствамъ можно ли было имѣть при началѣ обществѣ иное намѣреніе, кромѣ того, чтобъ поспѣшествовать общее благополучіе? По изреченію великаго сочинителя *Антимахіапеля* (1) не возможно имѣть инаго намѣренія, какъ токмо, чтобъ соединить каждаго особливое благо съ общимъ благомъ.

§. 32.

Сіе намѣреніе происходитъ также изъ естества разумнаго существа, когда оное другому покаряется.

Кромѣ всякаго сумнѣнія намѣреніе сіе происходитъ изъ естества разумныхъ существъ. Когда разумное существо, познавающее самаго себя и свое намѣреніе, и имѣющее понятіе о вольности, другому разумному существу покаряется, то можетъ къ тому побуждено быть двумя причинами: вопервыхъ долженствуетъ оно отъ того разумнаго существа, коему покаряется, произведено и создано быть; ибо тогда понимаетъ разумъ онаго, что ему въ разсужденіи сего существа въ тойже покорности и повиновеніи быть надлежитъ, въ которой оно находилось до своего происхожденія; или вовторыхъ должно оному обнадежену быть, что весьма для него прибыточнѣе будетъ, когда оно покорится законамъ другаго, нежели поступитъ по собственному своему произволу. Кромѣ двухъ сихъ побудительныхъ основаній, нѣтъ иной возможности, поревающей разумное существо къ сомоохотному законамъ другаго покоренію. Да и можно еще сказать, что увѣреніе о собственномъ своемъ добрѣ единственное основаніе есть повиновенія для разумнаго существа. Ибо когда оно увѣрено, что существо его произведшее не ищетъ его благополучія, но еще болѣе умножаетъ его нещастіе, то тогда основаніе

(1) *Антимахіапель* глава 1

покорности своея отлагаетъ, думая, что уже больше не обязано никакою благодарностію тому существу за свое произведеніе, котораго намѣреніе къ лучшему его не склоняется; и для того будетъ искать, ежели можно, востать противъ того существа, и прекратить свою отъ него зависимость. И такъ увѣреніе о собственномъ своемъ благѣ есть единственное основаніе послушанія для разумнаго существа; и хотя можно его страхомъ отъ нѣкоторыхъ дѣйствъ удержать; однако никогда до того не приводится, чтобъ оно извѣстныя дѣйствія по лучшей своей возможности и силамъ учредило, когда не будетъ истиннаго основанія покоренія.

§. 33.

Сіе намѣреніе истекаетъ также изъ существа законовъ и изъясненія оныхъ.

Сіе жъ самое намѣреніе истекаетъ также изъ существа самихъ законовъ, которые, буде отличать отъ повѣленій, ничто иное, суть какъ изъ естества вещей происходящія содержанія. Сіе изъясненіе, учиненное господиномъ *Монтескю* (2) есть наилучшее, могущее употребляемо быть здѣсь при происхождении обществъ; ибо дѣйствительные законы суть тогда вещи вовсе еще неизвѣстные. И такъ когда законы необходимые и изъ естества вещей произходящія содержанія суть, то кромѣ всякаго сумнѣнія слѣдуетъ, что никакіе другіе законы въ обществѣ быть не могутъ, кромѣ проистекающихъ изъ естества и намѣренія людей. Естество каждаго человѣка состоитъ въ желаніи благополучія; и сіе есть намѣреніе жизни, предпоставляемое каждымъ человѣкомъ (§. 31.); слѣдовательно, когда люди другимъ зако-

(2) Въ разумѣ законовъ книг. I. глава. I.

законамъ покаряются, то разумѣется сіе необходимо о такихъ содержаніяхъ, которыя происходятъ изъ ихъ естества и намѣренія, и общимъ предметомъ обществъ не можетъ иное другое быть, какъ особливое намѣреніе жизни, то есть ихъ благополучіе, каждому человѣку врожденное. Всѣ другіе законы неимѣющіе сего намѣренія, не суть истинные законы, и не бывъ необходимыми содержаніями естества и намѣренія людей и обществъ почесться могутъ дѣйствительными мучительскими велѣніями, коимъ повиниться люди никогда намѣренія не имѣли.

§. 34.

Люди не могли никогда имѣть воли, покориться необузданной власти другаго.

И подлинно люди не могутъ имѣть желанія при вступленіи въ общества покориться необузданной волѣ. Какъ? Безъ всѣхъ условій покаряться люди власти другаго? Въ семъ случаѣ надобно имъ быть непремѣнно всякаго ума лишеннымъ, или еще болѣе нечувственнымъ безумцамъ. Какъ бы, нападеніе другихъ, и слѣдуемая изъ того опасность, велики ни были въ состояніи естественныя вольности; однако имѣютъ люди всегда право защищать себя, а притомъ и надежду, прогнать силу силою. Но когда бы они безъ договору о власти, и просто своенравію другаго покорились, то бы они подлинно увидѣли, что состояніе ихъ тысячу разъ хуже стало. И тогда бы они не инако, какъ съ заключенными въ оковы руками и ногами терпѣливо части своея ожидать принуждены были. Можно ли же представить себѣ такую волю отъ разумнаго общества? Наизлощастнѣйшей невольникъ въ Турецiи, когда онъ господина своего добровольно перемѣнить долженъ, безъ договора сего никогда не чинитъ; а вольные люди, непознавшіе еще надъ собою

законовЪ другаго, могутЪ ли имѣть соизволеніе безЪ договора покориться? Могли ли они положиться на доброту сѣрдца и на изящныя качества тѣхЪ, которымЪ безЪ всякаго условія верьховную власть поручили? По истиннѣ когда люди такЪ повреждены были, что учрежденныя общества необходимо надобными учинились, то должно было уже быть многимЪ примѣрамЪ человѣческія злости, и поврежденія нравовЪ, такЪ что люди толь слѣпую повѣренность кому нибудь межЪ себя здѣлали. А хотя бы они при избраніи и не мыслили о лучшемЪ Государѣ; однако всегда надежнѣе утвердить договорЪ, по которому бы онЪ власть свою надЪ нами вЪ дѣйство производилЪ. И такЪ какЪ о семЪ ни разсуждать; однако все выходитЪ невозможность, чтобЪ люди когда либо имѣли волю, или еще впредь имѣть могли, покориться просто своенравію другаго человѣка. Каждой правитель и правительство принуждающіе подданныхЪ своихЪ по одному своему своенравному хотѣнію, дѣлаютЪ такимЪ образомЪ истинное мучительство, ибо присвояютЪ себѣ власть, имЪ никогда неввѣряемую, и прямо идущую противЪ воли и намѣренія, сопрягающихЪ людей вЪ гражданскихЪ учрежденіяхЪ.

§. 35.

Особливое благосостояніе, прибытокЪ и охраненіе правителя не могутЪ быть намѣреніемЪ общества.

Были нѣкоторые учители омерзѣнія достойныя мудрости правленія, старающіеся Государей уговорить, что они право имѣютЪ для особливаго своего благосостоянія, для особливаго своего прибытка, и собственнаго своего самоохраненія дѣлать наижесточайшіе несправедливости, какЪ вЪ разсужденіи другихЪ Государей, такЪ и вЪ разсужденіи своихЪ подданныхЪ; и сіи зловредные учители нашли во многихЪ полити-

литикахъ ревнительныхъ учениковъ, или лучше сказать: они ничего не писали кромѣ того, что прежде самымъ дѣломъ произходило. Не о *Махіапелѣ* здѣсь слово, хотя подобныхъ ему людей именемъ его Махіавелистами называютъ. Я еще сумнителенъ въ томъ, писалъ ли *Махіапель* въ своей мудрости правленія иное что, а несърытую сатиру на злыхъ правителей тогдашнихъ временъ. Человѣкъ, имѣвшей здравой разумъ и разсужденіе, доказанные многими его писаніями, исполненной великою противъ мучителей ненавистію, какъ о томъ многими его сочиненіями явствуется; а между искренними друзьями дивившейся всегда *Кассїю* и *Бруту*, и взявшей наконецъ участіе въ заговорѣ противъ угнѣтателей вольности своего отечества, за что и пытанъ былъ, и впрочемъ къ сатирѣ великую склонность имѣвшей и многія угрызательныя комедіи написавшей; сей человѣкъ, говорю я, могъ ли въ правду давать наставленіе мучителямъ? Все же то, въ чемъ его порочить можно, состоитъ въ подлой боязливости, принудившей его, истинныя свои намѣренія скрыть наилучшимъ образомъ. Между тѣмъ для людей остроумныхъ писывалъ онъ всегда весьма явственно. По мнѣнію моему будетъ явная сатира, когда кто злости и мучительству дѣлать станетъ правила; да и сами толикихъ злодѣйствъ исполнители въ томъ часъ ужаснуться должны, когда хотя мало еще остается въ нихъ умнаго разсужденія и человѣческихъ ощущеній. Какъ? ежели бъ я намѣрился первые источники и побуждающія причины прошедшей войны, и всѣ изрядныя мѣры, которыя болѣе двухъ третей бѣднаго моего отечества въ наижалостнѣйшее привели состояніе предло-

предложить въ правилахъ и учительныхъ положеніяхъ, то бъ всѣ умные люди не скоро узнали истиннаго моего намѣренія? Но правду или сатирически писалъ *Махіапель*, однако правила его весьма еще справедливы въ разсужденіи книги, сочиненной отцомъ *Ноде*, по приказанію Кардинала *Мазарина*, въ которой всѣ начальныя основанія человѣчества и справедливости съ намѣреніемъ ногами попираются. Между тѣмъ сочинители всѣхъ книгъ учащихъ, что Государи справедливость, благополучіе и благоденствіе своихъ подданныхъ, своему своенравію, корысти и прибыткамъ жертвовать должны и могутъ, весьма убѣгаютъ, чтобъ ни мало не упоминать о началѣ и намѣреніи обществъ. О семъ есть также примѣчаніе и въ *Антимахіапелѣ* (3); да и подлинно, когда сіи проклятые учители намѣреніе обществъ раздробятъ; то омерзительное ихъ ученіе или съ симъ намѣреніемъ въ явной придетъ раздоръ, или когда сатирически пишутъ, сатира вскорѣ откроется. И такъ почитаютъ они благоразумнѣе о намѣреніи семъ совсѣмъ умолчать; ибо никоторой писатель ни политикъ не обезчестивалъ еще человѣческаго рода столь много, чтобъ явно училъ или утверждалъ, что подданные сотворены для правителей, а народъ составленъ для того, чтобъ удовольствовать своенравіе, прибытки, страсти и прихоти одного человѣка, не взирая на то хотя и бывали нѣкогда такіе Государи и Политики, которые поступали такъ какъ будто бы сіе ученіе въ дѣйство производили. А можетъ быть и человѣческая злость произвела бы такихъ извер-
говъ,

(3) *Антимахіапель* глав. 1.

товъ, кои бы не усумнились вышеизображенное злое ученіе явно утверждать, когда бъ положеніе, что подданные для Государей созданы, не весьма вздорно было. Поставляющіе ни во что сумнѣніе людей въ чесности ихъ и справедливости, не хотятъ однако, чтобъ сумнѣвались въ ихъ разумѣ.

§. 36.

Благополучію подданныхъ должно быть главнымъ намѣреніемъ общества.

Когда за нѣсколько сотъ лѣтъ предъ симъ основательныя положенія, которымъ *Махіавель* училъ, или только изображалъ, въ великомъ были употребленіи, то должно признаться въ честь нашего вѣка, что оные нынѣ мало или совсѣмъ неупотребительны, къ тому жъ не можно отрицать, чтобъ почти не всѣ правители о благополучіи подданныхъ своихъ пеклись, однако ежели бы отъ меня потребовали доказательства о томъ, что благополучіе подданныхъ вездѣ главнѣйшее правителей прáвило есть, то я почту оное за трудность силы мои превышающую. Наконецъ уже увидѣли, что Махіавелевы прáвила никуда непотребны, и что безлюдная земля и весьма угнѣтенные поданные не дѣлаютъ Государя сильнымъ, что бѣдная и пропитанія лишенная область влечетъ по себѣ нищету и правителя. И для того нынѣ вездѣ помышляютъ зéмли болѣе населять, купечество и рукодѣлія размножать, и впрочемъ государство приводить въ цвѣтущее состояніе; однако когда всѣ сіи старанія склоняются токмо на силу, богатство, великость и знатность правителя и его дому, то по мнѣнію моему есть очевидно, что они имѣютъ все сіе главнымъ, а благополучіе подданныхъ побочнымъ намѣреніемъ, или по крайней мѣрѣ почитаютъ они благополучіе подданныхъ такимъ основаніемъ, на которомъ утверждаютъ собственную

вели-

великость свою и свое благоденствіе; а сіе видится мнѣ не весьма ласкательное для подданныхЪ снисхожденіе, подобное тому такЪ какЪ крестьянинЪ любитЪ своихЪ лошадей и ихЪ хорошо кормитЪ, для того, чтобы были дороже, и лучше бЪ работать могли; или, желая расплодить коровЪ и овецЪ, за ними имѣетЪ хорошей присмотрЪ, чтобЪ больше получать молока и другихЪ прибылей. Все сіе дѣлаетЪ крестьянинЪ ради собственнаго своего прибытка, а благосостояніе скота его есть такое малое притомЪ дѣло, о которомЪ онЪ часто и не мыслитЪ. Когда бы лошади, коровы и овцы познаніе и разумЪ имѣли, то бы не подумали, что они за такой хорошей кормЪ и присмотрЪ нѣкоторою благодарностію господамЪ своимЪ обязаны; и подлинно, ежели бы главное намѣреніе многихЪ правителей равномѣрнымЪ образомЪ главнѣйше склонялось на собственную ихЪ пользу, происходящую изЪ благосостоянія подданныхЪ, то бЪ и подданные нималой не имѣли причины правителямЪ своимЪ особливыя оказывать благодарности. Существо обществЪ и намѣреніе при происхожденіи оныхЪ требуетЪ, чтобЪ сіе совсѣмЪ было на оборотЪ, а именно: чтобЪ общее благоденствіе и благополучіе государства было главнымЪ намѣреніемЪ, и слѣдовательно всѣ мѣры правителей, великость и знатность Государей и ихЪ дому были тому послѣдующія, а не предшествующія. Я не уповаю, чтобы вЪ семЪ мнѣ кто нибудь противорѣчить сталЪ, но думаю напротивЪ того, что и всѣ Европейскіе Государи вЪ томЪ со мною согласны.

§. 37.

По чему различать, что прави-

МожетЪ быть, здѣлаютЪ мнѣ возраженіе, что трудно различить, имѣютЪ ли правители собственную великость свою и пользу

пользу или благополучіе подданныхъ главнымъ намѣреніемъ, какъ между тѣмъ непрекословно уже, что объясненными въ прежнемъ (§.) мѣрами какъ благополучіе подданныхъ, такъ сила и благоденствіе всего общества равномѣрно жъ и великость правителей вдругъ споспѣшествуемы будутъ; что сего довольно, и не надлежитъ за тѣмъ ненавистно разсуждать, и правителямъ приписывать такія намѣренія, которыя они хотя имѣть и могутъ, однако по любви того отъ нихъ надѣяться не можно. На сіе отвѣтствую я: какъ благополучіе подданныхъ, благоденствіе и сила государства, также благосостояніе и великость правителей суть вещи между собою наиточнѣйшую зависимость имѣющія и одинакими средствами и мѣрами поспѣшествуемыя, то поистиннѣ трудно различить, которая изъ сихъ вещей наиглавнѣйшая есть и побудительное основаніе всѣхъ дѣлъ правителя. Но въ какомъ бы точномъ содержаніи сіи вещи между собою ни были, однако между тѣмъ весьма разнствуютъ; для того что, когда мѣры правителей въ точность разсматривать, то всегда довольно найти можно различающихъ знаковъ, изъ которыхъ познавается, по какимъ побудительнымъ основаніямъ дѣла происходятъ. Когда правитель ненадобную начнетъ войну явно клонящуюся не на благополучіе государства и его сохраненіе, но на собственное свое и своего рода увеличеніе, то тогда благосостояніе подданныхъ его, которые и при щастливой войнѣ великой претерпѣваютъ вредъ, не можетъ быть главнымъ побужденіемъ его предпріятія; и въ такомъ случаѣ не можно почитать за ненависть подданныхъ, когда намѣреніе сіе, однажды уже открывшееся, повсюду такимъ чаемо

тели благополучіе подданныхъ своихъ почитаютъ главнымъ или побочнымъ намѣреніемъ.

ему будетЪ. КакЪ *Людвигъ XIV.* чтобЪ возвесть на Гишпанской престолЪ своего внука, государство свое вЪ войну замѣшалЪ, которая подданнымЪ его крайнѣ раззорителна была, то главнымЪ намѣреніемЪ его тогда было возвышеніе его дому, а не благополучіе его подданныхЪ, ибо хотя *Филиппъ V.* былЪ бы КоролемЪ ГишпанскимЪ или нѣтЪ, однако сіе бы благополучія Франціи не здѣлало; а особливо что раздѣлительной трактатЪ несравненно прибыточнѣе былЪ кЪ укрѣпленію ФранцузскихЪ силЪ. КакЪ *Людвигъ XV.* началЪ войну, чтобЪ тестя своего утвердить на ПольскомЪ престолѣ, какЪ нынѣ вдовствующая Королева Гишпанская области своего супруга многимЪ войнамЪ подвергла, чтобЪ сыновьямЪ своимЪ доставить владѣній вЪ Италіи, то вЪ тогдашнія времена не надобно было увеличивательныхЪ трубЪ министерству на усмотреніе отличающихЪ признаковЪ вЪ побудительныхЪ основаніяхЪ всѣхЪ предпріятій. Когда правители, для взятья не большаго угла земли своихЪ подданныхЪ не тогмо непомѣрными податьми обременяютЪ, всѣмЪ нещастливымЪ военнымЪ приключеніямЪ ихЪ жертвуютЪ и вообще милліоны людей вЪ наижалостнѣйшую бѣдность приводятЪ, то и тогда не можетЪ быть благополучіе подданныхЪ главнымЪ предпріятія намѣреніемЪ; ибо ежели бы они хотя половину военнаго убытка на поселеніе и на возстановленіе пропитанія вЪ своихЪ часто пустыхЪ областяхЪ употребили, то бы чрезЪ то государству своему вдесятеро больше придать могли внутренней крѣпости, нежели овладѣніемЪ не большаго земли лоскутка; а притомЪ не произошло бы несказанныхЪ военныхЪ нещастій, великаго вреда ихЪ подданнымЪ, и умерщвленія толь многихЪ тысячей

чей

чей народа, которыхъ жизнь непосредственно включена была въ намѣреніе о благополучіи государства. Когда правители, для пріобрѣтенія себѣ знатности между Европейскими державами замѣшиваются во всѣ дѣла и безпокойствія обитаемаго нами земнаго круга къ крайнему вреду своихъ подданныхъ, которымъ великость податей едва необходимо нужное пропитаніе оставляетъ; когда правители ради казеннаго своего прибытка наистрожайшіе, и вольность подданныхъ весьма обременяющіе издаютъ учрежденій, когда они для усугубленія великолѣпія своего и расточенія мнимыхъ, но бѣднѣйшихъ знаковъ своего высочества, у подданныхъ своихъ жестокими налогами кровь высасываютъ, то, какъ мнѣ кажется, весьма легко распознать, по какимъ побудительнымъ основаніямъ мѣры сіи предпріемлются.

§. 38.

Народное благополучіе, яко главнѣйшее обществъ намѣреніе, есть первой и верьховной его законъ.

Изъ всего сего по мнѣнію моему явно оказывается, что люди, живучи въ обществахъ, никогда такого намѣренія не имѣли, чтобъ подвергнуться своенравію другаго, и не могли почитать благосостояніе, особливой прибытокъ и великость своихъ правителей первымъ, собственное же свое благополучіе вторымъ слѣдующимъ по немъ предметомъ, и что совокупное благоденствіе всѣхъ и каждаго рода общество составляющихъ, или вообще всего государства, единственное намѣреніе есть, ради котораго люди въ обществахъ живутъ. Когда жъ сіе намѣреніе здѣлается однажды несомнительнымъ; то легко усматривается, что все существо и естество государствъ на томъ основано, для того, что оное единственная есть причина его бытія. И посему изъ сего слѣдуетъ также, что сіе намѣреніе есть первой и верьховной законъ каждаго народа, ибо

законы суть необходимые и изЪ естества вещей происходящіе содержаній; (§. 33.) и потому законЪ сей долженЪ быть основаніемЪ во всѣхЪ и каждомЪ учрежденіи и предпріятіяхЪ всякаго государства, такЪ что никогда никакого приключенія, времяни, обстоятельства, и такого нужнаго случая быть не возможно, которые бы дозволили оной преступить. Да и поистиннѣ, чему бы такому быть, что бы могло по справедливости дать право кЪ неуваженію естества и намѣренія вещи.

§. 39.

Однако сей высочайшей законЪ никогда не можетЪ на то употребляемЪ быть, чтобЪ само по себѣ несправедливое дѣло стало справедливостію.

Хотя сэй первой и верьховной законЪ учрежденныхЪ обществЪ кромѣ всякаго спора единственною и наиглавнѣйшею нитью всѣхЪ предпріятій и государственныхЪ учрежденій быть долженствуетЪ, однако не надлежитЪ себѣ воображать, что такой случай оказаться можетЪ, кЪ которомЪ бы правительство право имѣть могло, по силѣ сего высочайшаго закона предпріять несправедливое самособою дѣло. Справедливость есть вѣчной и непремѣнной людямЪ законЪ, котораго времянное и своннравное правительства учрежденіе безЪ сумозбродства силы его лишить не можетЪ. НѣтЪ нималѣйшаго основанія ни во внутреннихЪ государства установленіяхЪ, ни вЪ содержаніи его вЪ разсужденіи другихЪ областей, которой бы причинить могЪ, чтобЪ несправедливость престала быть несправедливостію. И такЪ, хотя иногда и кажется, будтобы первой сей и высочайшей законЪ государству право подаетЪ вЪ дѣйство произвесть естественной справедливости противное дѣло, однако должно подлинно увѣрену быть, что не надлежащее слѣдствіе и употребленіе высочайшаго сего закона притомЪ учинено. Государства рѣдко вЪ опасность приходятЪ отЪ того, когда во внутрен-

треннихъ своихъ учрежденіяхъ здѣлаютъ сему закону злоупотребленіе, ежели токмо прямое понятіе о совокупномъ благополучіи общества предпоставляютъ, ежели подъ тѣмъ не разумѣютъ особливаго благосостоянія, своекорыстія и великости правителей своихъ, то никогда не будутъ стараться извлекать изъ высочайшаго сего закона несправедливыхъ слѣдствій, могущихъ привесть ихъ къ самой несправедливости. Ибо, когда на примѣръ общество имѣетъ право по силѣ сего своего перваго закона имѣніе одного изъ гражданъ своихъ къ избавленію и споспѣшествованію своего благополучія употребить, ежели сохраненіе сіе другимъ образомъ послѣдовать не можетъ, то показываетъ обществу напротивъ того въ самое тожъ время истинное понятіе народнаго благополучія, что всѣ члены онаго какъ въ щастіи, такъ и въ нещастіи равныя доли имѣть должны, и что потому всѣ прочіе граждане вредъ сей до послѣдней той части, которую владѣлецъ самъ въ общемъ утѣсненіи понесть долженъ, наградить непремѣнно долженствуютъ. Однако тѣмъ болѣе бываетъ случаевъ, когда государство въ разсужденіи соотвѣтствія съ другими областями, думаетъ имѣть право, здѣлать несправедливость. Такимъ образомъ до сего времяни старались защищать ничтожное и несправедливое ученіе о равновѣсіи въ Европѣ; и сіи случаи оказываются часто въ разсужденіи зависти о возвышеніи купечества какого нибудь народа, и происходящихъ изъ того несогласій. И такъ вещь сія есть столь важна, что всячески требуетъ совершеннаго изысканія.

§. 40.

Всѣ ученые люди, писавшіе до сего о естественномъ и народномъ правѣ, о мудрости правленія, о существѣ законовъ, или впро- Сей высочайшей законъ общества не мо-

жешЪ употребляемЪ быть никогда вЪ дѣлахЪ, касающихся до другихЪ народовЪ.

чемЪ о соотвѣтствіяхЪ вольныхЪ народовЪ были между собою одного мнѣнія, а именно: что государство вЪ дѣлахЪ своихЪ и дѣйствіяхЪ также спорахЪ сЪ другими вольными державами можетЪ ссылаться на намѣреніе своего благополучія, какЪ на первѣйшей и высочайшей свой законЪ, представя оной основаніемЪ своея справедливости. Однако по мнѣнію моему ничто такЪ ясно доказано быть не можетЪ, какЪ то, что ученые люди вЪ семЪ случаѣ весьма заблуждали. Благополучіе общества есть первой и высочайшей законЪ каждаго государства, и всѣ его дѣла должны по оному судимы быть. Но вЪ разсужденіи соотвѣтствія вольныхЪ народовЪ, и междуусобныхЪ ихЪ правЪ и справедливостей не можетЪ оной употребляемЪ быть. Когда одно государство скажетЪ другому: я на то справедливость имѣю, для того что требуетЪ того мое благополучіе, которое есть высочайшей мой законЪ, и ты должествуешь сему повиниться, то оное основательнымЪ притомЪ образомЪ не инако поступитЪ, какЪ будто другое государство почтетЪ своимЪ подданнымЪ, покореннымЪ первому своему и высочайшему закону; ибо не требуетЪ ли оно явно, чтобЪ другое общество оказало себя сочленомЪ послушнымЪ его узаконеніямЪ? Сіе требованіе между вольными народами есть наинеосновательнѣйшее и несправедливѣйшее. Другое государство будетЪ ему вЪ тотЪ часЪ отвѣтствовать: что нужды мнѣ вЪ первомЪ твоемЪ и высочайшемЪ законѣ. Благополучіе мое, которое для меня есть также высочайшей уставЪ, требуетЪ совсѣмЪ инаго вещи вида, и я слѣдовательно могу сЪ такимЪ же основаніемЪ настоять, чтобЪ ты вЪ семЪ случаѣ дѣлало то, что мнѣ надобно. И не будетЪ ли кЪ тому имѣть права другое

госу-

государство? Приведемъ къ сему дѣйствительной примѣръ. Государство войну имѣющее, требуетъ, чтобъ всѣ другіе народы непріятелю его никакихъ къ вооруженію его и оборонѣ служащихъ вещей и товаровъ не привозили, для того что сіе согласно съ его благополучіемъ какъ съ первымъ его закономъ, чтобъ непріятель его ничемъ подкрѣпленъ не былъ, чемъ бы онъ могъ вредъ причинить. Въ слѣдствіе тому требуетъ оно, чтобъ ему дозволено было суда другихъ народовъ военными его кораблями и каперами осматривать, а въ сомнительныхъ случаяхъ предавать оные своему адмиралитейскому суду. Другіе народы будутъ на то отвѣчать, что благополучіе ихъ есть такожде высочайшей ихъ законъ, и требуетъ, чтобъ мореплаваніе ихъ было безпрепятственно, и что они по сему не могутъ дозволить, чтобъ ихъ купеческія суда въ открытомъ морѣ задерживаны, въ чужія пристани приводимы, и съ великимъ потеряніемъ времени, со вредомъ и убыткомъ, и еще чужому суду подвержены были. Не будутъ ли имѣть права обѣ стороны, для того что спорятъ въ такихъ правилахъ, кои при семъ употребляемы быть не могутъ? Да и какъ возможно между вольными областями ссылаться на основаніе, къ дѣлу нимало непринадлежащее и обоимъ сторонамъ равное право дающее, слѣдовательно же никогда ни малѣйшаго посредства недѣлающее къ дружелюбному прекращенію замѣшательствъ между народами, какъ бы они къ тому ни были склонны; понеже каждой думаетъ имѣть право на своей сторонѣ, и для того не находитъ причины другому уступить? И поистиннѣ не надлежитъ намъ дивиться, что война въ Европѣ такъ часто бываетъ. Основательные наши положенія, руководствую-

щіе намъ въ судахъ народныхъ дѣлъ, не суть таковы, чтобъ могли миръ поспѣшествовать. Причина же, для чего высочайшей законъ каждаго государства о поспѣшеніи своего благополучія въ дѣлахъ вольныхъ державъ въ разсужденіи другихъ употребляемъ быть не можетъ, зависитъ по большой части отъ сего: первой сей законъ есть просто гражданской, и источникъ всѣхъ гражданскихъ учрежденій и узаконеній, и слѣдовательно по естеству своему инаковъ быть не можетъ, какъ гражданской. Дѣла же государствъ не могутъ рѣшимы быть по гражданскимъ законамъ, но по праву естественному и народному. Смѣшеніе разныхъ правъ было до сего великою ошибкою, какъ между политиками такъ и учеными людьми. За великую услугу господина *Монтескю* (4) почесть можно, что онъ насъ въ томъ научаетъ, и несообразимость противнаго сему показываетъ разными изрядными примѣрами. Можетъ быть, ученые люди весьма далеко протяженіемъ понятія закона о самосохраненіи прельщены были, и законъ о поспѣшеніи своего благополучія въ дѣлахъ съ другими державами употребляли. Государство можетъ противъ другаго сослаться на собственное свое охраненіе, больше всѣхъ оному нужное, и есть законъ естественной, утвержденной въ рожденнымъ намъ побужденіемъ, и котораго по сему и другіе народы отрицать не могутъ. Но законъ о поспѣшеніи благополучія есть гражданской. И такъ оба закона не суть равны. Государство вредъ претерпѣвающее, или немогущее пріобрѣсть намѣреннаго благополучія, не состоитъ для того въ конечной къ паденію опасности.

§. 41.

(4) Въ разумѣ законовъ часть VII. книг. XXVI.

§. 41.

Всѣ внутренніе разпоряженій, состоящіе изъ трехъ родовъ законовъ, должны извлечены быть изъ сего верьховнаго закона.

И какъ по сему первой сей и высочайшей законъ государственной можетъ употребляемъ быть во внутреннихъ онаго учрежденіяхъ, то по сему жъ есть оной и единственной источникъ, изъ котораго истекаютъ всѣ онаго установленій и узаконеній. Всѣ государственные распоряженій непрямымъ образомъ изъ онаго выведенные, суть погрѣшительны; идущія же явнымъ образомъ противъ сего первато и высочайшаго закона вовсе непотребны, и не имѣютъ ни-малѣйшей обязательности для гражданъ кромѣ принужденія. И тогда терпятъ они принужденіе сіе не отъ справедливой верьховной власти, но отъ мучительства, и для того намѣренію и естеству обществъ совсѣмъ противное не можетъ быть обязательнымъ. Народу надобны три рода законовъ, для учрежденія внутреннихъ распоряженій: 1) основательные и государственные законы, политическими называемые; 2) полицейскіе и 3) собенныя узаконеній, или свойственно такъ названные гражданскіе законы; ибо въ противоположеніи состоянія естественныя вольности или народнаго права, суть всѣ три рода не инако какъ гражданскіе законы и учрежденій. Политическіе законы, содержащіе въ себѣ учрежденіе верьховныя власти, соотвѣтствіе ея въ разсужденіи подданныхъ и разные народа раздѣленій должны сочинены быть вопервыхъ и непосредственно по мѣрѣ высочайшаго народнаго закона. Они происходятъ всегда отъ всего общества, а не отъ верьховныя власти, или по крайней мѣрѣ договорнымъ образомъ между обоими. Понеже верьховная власть начально происходитъ отъ сихъ законовъ, и такъ они отъ оной взяться не могутъ. И для того верьховная сія власть, когда оная въ рукахъ не у все-

го народа, никогда не имѣетъ права дѣлать перемѣну въ основательныхъ узаконеніяхъ, но весь народъ вообще. Чѣмъ непосредственнѣе сіи законы изъ перваго источника почерпаются, тѣмъ совершеннѣе должны они съ своимъ началомъ согласоватися. На семъ утверждается и благополучіе всего народа и вольность каждаго гражданина.

§. 42.

Благополучіе, нить всѣхъ гражданскихъ законовъ состоитъ въ вольности, безопасности и внутренней силѣ.

И какъ по сему общее гражданства благополучіе, какъ высочайшій онаго законъ, есть непремѣнная черта и средоточіе, по которымъ всѣ онаго внутренніе распоряженій и узаконеній учреждаются, то надлежитъ вѣдать, въ чемъ свойственно состоитъ сіе благополучіе, отъ котораго всё зависитъ. По моему мнѣнію состоитъ оное въ трехъ понятіяхъ, а именно: въ вольности, безопасности и внутренней силѣ. Вольность есть двоякая: государственная и гражданская. Первая разумѣется по содержанію государства съ другими державами, утверждается на независимости онаго, и называется политическою вольностію. Вольность гражданина или гражданская вольность толь много соотствующая намѣренію народному при происхожденіи обществъ (§. 18.) касается до учрежденія основательныхъ узаконеній, и до состоянія гражданскихъ, а особливо наказательныхъ законовъ. Безопасность раздѣляется на двѣ части: на наружную и внутреннюю; и государство не можетъ быть благополучно, когда оно небезопасно отъ чужаго нападенія и отъ внутреннихъ насилій и раздоровъ. Для содержанія обоихъ, должно наиважнѣйше наблюдать всѣ мѣры учрежденій и законовъ. Внутренная сила государства состоитъ въ населеніи земли, и цвѣтущемъ состояніи; и свойственно почесться можетъ преносительнымъ понятіемъ, касающимся до соотвѣтствія съ другими державами,

жавами. Малыми обществами окруженная область можетъ имѣть всѣ внутренные силы, нужные къ его благополучію. Напротивъ того государство, съ большими государствами смежное недовольно силы имѣть можетъ къ своему благоденствію.

§. 43.

Область можетъ имѣть еще особливое намѣреніе, состоящее свойственнымъ образомъ въ ближайшемъ опредѣленіи главнаго намѣренія.

Не взирая на то, что общее благополучіе главнѣйшее намѣреніе есть всѣхъ народовъ и каждаго, можетъ имѣть еще общество по состоянію особливаго своего мѣстоположенія и обстоятельствъ побочное намѣреніе, могущее быть иногда и главнымъ; понеже оно въ самомъ основаніи ничто иное есть, какъ опредѣленіе, или ближайшее заключеніе, какимъ образомъ сей народъ о снисканіи благополучія своего помышляетъ. По сему можетъ какая нибудь держава купечество и мореплаваніе здѣлать главнымъ намѣреніемъ, чрезъ которое чаетъ пріобрѣсть свое благоденствіе. Такое особливое намѣреніе было города Марселя, и нынѣ есть Англіи и Голландіи. Противоположеннымъ образомъ можетъ государство внутреннее пропитанія состояніе избрать къ особливому своему намѣренію, и отказать всѣмъ чужестраннымъ купечествамъ, какъ мы сіе въ Японіи находимъ. Да и война сама можетъ быть особливымъ намѣреніемъ областей, такъ какъ въ разбойническихъ обществахъ на берегахъ Африканскихъ живущихъ, также и Малта имѣетъ войну противъ невѣрныхъ особливымъ своимъ намѣреніемъ. И по сему легко усматривается, что въ сихъ областяхъ всѣ внутренные распоряженій и законы такимъ образомъ установлены быть должны, чтобъ они въ состояніи были поспѣшествовать особливое сіе намѣреніе, которое ничто иное есть, какъ ближайшее опредѣленіе свойственнаго главнаго намѣренія, и для

того при установленіи законовъ истиннаго намѣренія изъ виду терять нимало не надлежитъ. Подобное сему здѣлано въ Англіи, гдѣ законы о должникахъ, весьма выгодны для купечества, но чрезмѣрно отяготительны для прочаго гражданства.

§. 44.

Каждому правительству должно здѣлать начертаніе, какимъ образомъ оно къ достиженію главнаго намѣренія притти помышляетъ.

Когда противно обстоятельствамъ всѣхъ и каждой державы, избрать особливое намѣреніе къ ближайшему опредѣленію главнаго намѣренія, то должно ему по крайней мѣрѣ здѣлать начертаніе, какимъ образомъ въ дѣйство произвесть главное намѣреніе общаго благополучія. Сіе сообразно есть мудрости и цѣломудрію, коими народы управляемы быть долженствуютъ. Каждой разумной человѣкъ дѣлаетъ для себя извѣстное жизни предображеніе, по которому мыслитъ пріобрѣсть себѣ щастіе въ свѣтѣ. Да и каждое важное предпріятіе, когда мудростію правимо быть должно, требуетъ напередъ означенія средствъ и мѣръ, которыми въ дѣйство производимо быть имѣетъ. Какже правительствамъ народовъ пренебречь такое сочиненіе, въ чемъ государственному благополучію по особливымъ онаго обстоятельствамъ состоять должно, и какія средства и способы при томъ употреблять надлежитъ? ибо оные имѣютъ въ своихъ рукахъ благоденствіе многихъ милліоновъ людей и ихъ охраненіе, яко важнѣйшіе въ свѣтѣ дѣла. И такъ изображеніе сіе есть нравственнымъ образомъ не обходимо; ближайшее объ ономъ разсмотреніе принадлежитъ къ мудрости правленія, гдѣ читатели мои обстоятельнѣе о семъ познать могутъ.

ЧАСТЬ

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ
О
ЕСТЕСТВѢ ВЕРЬХОВНЫЯ ВЛАСТИ ВО ВСѢХЪ ОБЛАСТЯХЪ.

§. 45.

Когда многіе роды силы свои вообще въ одну соединяютъ; то происходитъ изъ сего политическая область, и употребленіе сея совокупны силы, есть то, что верьховною властію государства называется. (§. 25.) Сія верьховная власть есть самое то, что величествомъ, правами онаго, господственною властію, высочествомъ и другими сему подобными понятіями изображается; и каждой вольной и ни отъ кого независящей народъ, употребляющей соединенные свои силы безъ приговору другаго, имѣетъ величество свое и свои права. Сіе понятіе не касается ни мало до государственнаго могущества, и до достоинства правителей, но просто до независимости и свободнаго употребленія соединенныхъ силъ народа. И такъ когда бы словоправитель народа Санкта-Маринскаго какъ прежде, въ нижнемъ Аглинскомъ парламентѣ бывало, сказалъ: *Сіе угодно величеству народа Санкта-Маринскаго*

Верьховная власть значитъ тоже, что величество и высочество; не идетъ на могущество, но касается до независимости государства.

скаго и проч. то не выговорилъ бы онъ чрезъ то ничего неосновательнаго, такъ и вздорнаго, какбы сіе общество мало ни были.

§. 46.

Величество произходитъ отъ народа, коего основательная власть должна отличена быть отъ дѣятельной верьховной власти.

Отъ сего соединенія многихъ одинакихъ силъ въ одну силу происходитъ та верьховная власть, то величество, которое всегда бываетъ у вольнаго народа, и никогда не престаетъ, бывъ основаніемъ всякія власти въ государствѣ. Но какъ весьма трудно, чтобъ весь народъ довольно искусства имѣлъ, соединенную сію власть употреблять; то необходимо надлежитъ ему предъуставить, какъ, какимъ образомъ и кому соединенную сію силу государства поручить для произведенія ея въ дѣйство; и отъ сего происходитъ, что свойственно такъ называемая верьховная власть въ государствѣ основывается и утверждается. Сіи установленій народа о произведеніи въ дѣйство верьховныя власти, называются *основательными учрежденіями* и *законами*, и отъ сего произрастаетъ особливо дѣятельная верьховная власть. И такъ нѣтъ ни малаго сомнѣнія въ томъ, чтобъ величество и вся сила государства не отъ народа зависила; почему *Мазій* въ Даніи оказалъ не малое незнаніе, когда онъ со всею запальчивостію малаго духа сіе славнаго *Томазія* положеніе охуждалъ, и Дворъ принудилъ за шестьдесятъ лѣтъ передъ симъ, писать къ Курфирсту Саксонскому, и въ письмѣ томъ положеніе сіе изображено весьма опаснымъ, и всѣмъ правителямъ вредительнымъ; какъ напротивъ того нынѣ никто, имѣя хотя малѣйшее о существѣ народа понятіе, въ томъ не сумнѣвается. Никоторой въ свѣтѣ Самодержецъ, какъ бы онъ безпредѣленъ ни былъ, не можетъ имѣть власти надъ основательными

госу-

государства установленіями: чего ради премѣна образа правленія, наслѣдство и другіе сему подобные учрежденій, всѣ вообще суть внѣ могущества его; да и какъ возможно имѣть ему власть надъ тѣмъ, что основаніемъ и началомъ есть собственныя его власти? И для того надлежитъ власть государственную раздѣлить на двѣ части, а именно: на дѣятельную верьховную власть, введенную основательными государственными установленіями, и на основательную народную власть, изъ которой раждается первая пребывающая толь долго недвижима, пока дѣло не дойдетъ до вышепомянутыхъ основательныхъ учрежденій, или когда вся область крайнѣй погибели подвержена будетъ. По силѣ основательныя власти сей, избираетъ народъ снова, когда родъ правителей вымретъ, или предпринимаетъ совсѣмъ другую въ правленіи перемѣну, какъ-то учинили Шведы по смерти Карла XII. и имѣетъ право изключить тотъ родъ, которому бы наслѣдовать должно было, когда для общества опасеніе есть, чтобъ не притти чрезъ то зависящею областію другаго государства, или не претерпѣть бы угнѣтенія вѣры, каковыхъ ради причинъ Штуартной родъ въ Англіи Исключенъ. По сей же власти предпріемлются перемѣны и въ вѣрѣ, принадлежащей всегда къ основательнымъ учрежденіямъ, и надъ которою правитель никогда власти имѣть не можетъ. Когда же наконецъ народъ находится въ крайнемъ страхѣ порабощенія отъ наружныхъ непріятелей, коимъ противиться не возможно, или отъ худыхъ поступокъ правительства, то въ такомъ случаѣ естественнымъ образомъ основательная власть народа возобновляется. Ибо когда народъ увидитъ, что средство и образъ для употребленія соединенныхъ онаго

силъ

силъ предъуставленные, намѣренію нимало не способствуютъ и государство уже къ паденію наклоняется, то въ такомъ случаѣ будетъ несогласно съ пользою общества, ежели оно въ медленности и малодушіи станетъ ожидать своея погибели, но вмѣсто того долженствуетъ народъ самъ разсмотрѣть тогда собственные свои надобности, и дѣлать полезные заключеніи. Всякая власть отъ другаго учрежденная по естеству вещи тогда престаетъ, и возвращается къ своему началу, какъ скоро явно окажется, что сія установленная власть намѣренію своему ни мало поспѣшествовать не можетъ, или не поспѣшествуетъ.

§. 47.

Основательная власть народа не можетъ себѣ присвоить судительнаго познанія надъ дѣятельною верьховною властію.

Между тѣмъ можно весьма погрѣшить, когда кто изъ сего заключить похочетъ, что основательная власть народа вознесена надъ дѣятельною верьховною властію, и потому право имѣетъ, присвоять себѣ въ довольно важныхъ случаяхъ судительное познаніе и верьхъ надъ послѣднею. Такое погрѣшительное учинили Агличане заключеніе изъ основательныя сея власти и величества народа, какъ они въ прежнемъ вѣкѣ Короля своего Карла I. предъ судъ позвали, осудили, и дѣйствительно казнили; однако тѣмъ незагладимое пятно въ Исторіи зделали. Погрѣшность наиглавнѣйше состоитъ въ томъ, когда себѣ вообразимъ, что народъ по силѣ основательныя своея власти дѣятельную власть законнымъ или повелительнымъ образомъ кому нибудь поручаетъ такъ, какъ господинъ своему подданному что нибудь исполнить приказываетъ. Однако сіе есть весьма ложное вещи воображеніе. Народъ утверждаетъ по основательной своей власти основательные установленіи и законы, и поступаетъ

паетъ притомъ какъ законодавецъ. Но когда ужѐ сіе исполнено, то договорнымъ образомъ съ кѣмъ ни есть соглашается, дабы таковой правленіе и произведеніе въ дѣйство верьховныя власти по мѣрѣ сихъ основательныхъ законовъ на себя принялъ. Въ разсужденіи того или тѣхъ, которые верьховною властію дѣйствуютъ, народъ не есть ужѐ законодавецъ, но страдательная часть, никогда надъ другою судимости имѣть немогущая. Сіе будетъ совсѣмъ противно вещи естеству; ибо сія судъ себѣ присвояющая часть челобитчикъ и судья вмѣстѣ будетъ. Всіо, что народъ по основательной своей власти дѣлать можетъ, когда дѣятельная верьховная власть основательнымъ узаконеніямъ и намѣренію народа противопоступаетъ, состоитъ въ томъ, что онъ порученіе верьховныя власти назадъ взять можетъ, такъ какъ властедавецъ безспорно полномочіе свое возвращаетъ, когда уполномоченной порученное ему дѣло противъ намѣренія его производитъ. Средство сіе, порученіе чего нибудь уничтожить, когда порученное дѣло не по извѣстному намѣренію исправляется, должно происходить изъ состоянія естественныя вольности, по правамъ которыя и узаконеніямъ дѣлу разсмотрѣну быть надлежитъ за неимѣніемъ другаго пути и средства. И когда вещь симъ образомъ представится, то не будетъ въ себѣ имѣть ничего соблазнительнаго. Монархомахи, или ненавистники единовластнаго правленія, ссылаются наиглавнѣйше на основательную власть народа, верьховную учреждающую; и первые ихъ положеній суть такія истинны, которымъ противорѣчить никакъ не возможно. Погрѣшность же состоитъ въ томъ, что они изъ непрекословныхъ сихъ истинъ ложные дѣлаютъ заключеній. Но понеже не многіе суть

на

на познаніе сего способны, то прочіе при разсмотреніи первыхъ сихъ истинъ ослѣпляются; и отъ сего происходитъ, что вредительное сіе ученіе и у знатнѣйшихъ втайнѣ пріемлется. Какъ я въ Вѣнѣ книжнымъ цензоромъ былъ, то продавали тогда съ аукціону библіотеку одного умершаго Цесарскаго Министра, которой повидимому, всѣ книги Монархоборниковъ нарочно собралъ. Я нашелъ, что въ тѣхъ книгахъ по мѣстамъ можетъ быть, рукою умершаго по Латинѣ написано было: *Неотрицательное положеніе, явная истинна, ничто такъ неподлинно, какъ сіе*, и многія подобныя сему выраженій. Но тамъ, гдѣ изъ истинныхъ положеній ложные дѣланы были заключеній, ничего не было назначено. Такъ-то трудно отличить истинну отъ лжи.

§. 48.

Что разумѣется чрезъ соединенныя силы государства, состоящіе въ употребленіи верьховныя власти.

Дѣятельная верьховная власть, которая такимъ образомъ отъ основательной власти народа происходитъ, и по силѣ основательныхъ государственныхъ законовъ состоитъ въ употребленіи соединенныхъ всего общества силъ, и для того вопрошается: что разумѣется здѣсь чрезъ силы? *Сила есть мощь дѣятельности*; и потому чрезъ силы разумѣемъ все то, что къ пользѣ народа дѣятельнымъ оказаться можетъ. И по сему къ соединеннымъ силамъ общества принадлежатъ не токмо непосредственно предопредѣленные ворьховной власти имѣній, на коихъ общество въ разсужденіи издержекъ свойственно основано (§. 29.); но всѣ роды имѣніи подданныхъ, также способности ихъ и искусства. Ибо во всѣхъ сихъ состоятъ силы одинакихъ родовъ; а сіи силы соединяются для того, чтобъ представить одну силу общества (§. 25.). И для того верьховная

ховная власть имѣетъ право, подданныхъ и противъ ихъ воли въ военную и статскую службу употреблять. Господинъ *Монтескю* (1) почитаетъ сіе нужнымъ въ свойственно такъ названныхъ общенародіяхъ, а не въ единовластныхъ государствахъ, гдѣ одна токмо честь долженствуетъ быть побужденіемъ безъ всякаго принужденія; и для того не хвалитъ отца нынѣшняго Сардинскаго Короля, что онъ подданныхъ своихъ наказаніями принуждалъ вступать въ статскую службу. Однако мы ниже увидимъ, какова мнѣнія быть надлежитъ о предписанныхъ имъ господ. *Монтескю* основательныхъ правилахъ для различныхъ правленія образовъ, и найдемъ потомъ, что сіе положеніе весьма справедливо. Заблужденіе же и погрѣшность всего сочиненія его состоитъ въ томъ, что онъ общества въ тотъ часъ въ разныхъ ихъ побужденіяхъ разсматриваетъ, не поставляя напередъ начала, существа и намѣренія оныхъ. Когда бъ онъ то учинилъ, то бы довольно видима была должность каждаго сочлена общества, вступить въ службу онаго. Другова же совсѣмъ обстоятельства есть вопросъ: прибыточно ли людей принуждать къ статской службѣ? Сіе долженъ я во всѣхъ случаяхъ отрицать. Когда добрые люди не хотятъ служить верьховной власти, то оная весьма худо управляема будетъ; злому же правительству мало надобности въ добрыхъ людяхъ. Отрицающіеся отъ службы при добромъ правленіи суть подлинно толь ленивы и скучливы, что правительство мало пользы отъ нихъ имѣть будетъ, ежели они и въ службу вступятъ.

(1) Въ разумѣ законовъ въ 1. час. 5. книги гл. 19.

§. 49.

Подъ симъ употребленіемъ соединенныхъ силъ не надлежитъ разумѣть того, что верьховная власть имѣетъ вышнее присвоеніе надъ всѣми имѣніями честныхъ людей.

Употребленіе сіе соединенныхъ силъ общества, безспорно верьховной власти принадлежащее, побудило безсумнѣнія учителей правъ, приписать верьховной власти вышнѣе присвоеніе (Dominium Eminens) надъ всеми имѣніями подданныхъ; однако въ семъ случаѣ весьма они заблуждаютъ. Повидимому начальникъ сего мнѣнія народъ и верьховную онаго власть почиталъ равнозначащими понятіями, которыя однако между собою весьма различны. Все общество вкупѣ имѣетъ вышнее присвоеніе надъ всѣмъ имѣніемъ частныхъ людей, чему и быть должно понеже оно есть одинакое нравственное тѣло, произшедшее изъ соединенныхъ воль и силъ многихъ одинакихъ родовъ; къ силамъ же необходимо принадлежатъ кромѣ всякаго сумнѣнія и имѣнія. Но совсѣмъ противное есть въ разсужденіи верьховныя власти. Она не есть самъ народъ, но принадлежащее ко оному, и отъ него получившее правленіе соединенныхъ силъ; а чрезъ то пріобрѣтаетъ она себѣ толь мало присвоенія надъ имѣніемъ частныхъ людей, какъ уполномоченной надъ имѣніемъ давшаго ему полномочіе. По мнѣнію моему весьма надлежитъ различать понятіе сіе о вышнемъ имѣніи, ибо оное можетъ весьма во зло употреблено быть. Правительства пріобыкнуть чрезъ сіе почитать подданныхъ своими откупщиками, а пошлины и подати откупомъ; къ тому жъ будутъ находить новыя основанія для пріумноженія поборовъ. Сіи правила въ деспотическихъ государствахъ весьма во зло употребляются. Не имѣемъ ли мы довольно такихъ областей, въ которыхъ подданные имѣютъ стяжанія изъ одной токмо милости, суть же и такія владѣнія, гдѣ Государь, такъ

какъ

какъ въ Бантамѣ, наслѣдникъ есть всѣхъ своихъ подданныхъ. Можетъ быть, надлежитъ приписать сїе и понятїю совсѣмъ безпредѣльныя власти, которая похожа на деспотство; сїе жъ понятїе и въ Данїи, гдѣ правительство скромно и тихо, не весьма отлагается, понеже тамъ право есть по силѣ народнаго наддания, что каждой человѣкъ въ государствѣ семъ желающїй здѣлать духовную, долженъ взять у Короля особливое на то позволенїе. Однако истинное и неограниченное присвоенїе есть по мнѣнїю моему знатнѣйшее основательное положенїе и знаки добраго правительства.

§. 50.

Понятїе слова употребленїе показываетъ, чтобъ соединенныя силы верьховною властїю во зло употреблены не были.

Вообще вышнее правительства присвоенїе надъ имѣнїями частныхъ людей есть такая вещь, которая въ благоуправляемыхъ областяхъ непримѣтнымъ образомъ быть должна, являясь токмо въ крайнѣ нужнѣйшихъ случаяхъ. Верьховная же власть можетъ тѣмъ меньше и безъ дальней нужды здѣлать присвоенїе себѣ надъ имѣнїемъ частныхъ людей, когда токмо передъ глазами будетъ имѣть намѣренїе и естество онаго, состоящее по существу своему въ употребленїи соединенныхъ государственныхъ силъ; когда же мы понятїи сїи больше раздробимъ, то покажетъ намъ слово *употребленїе*, какимъ образомъ верьховной власти поступать притомъ надлежитъ. Понятїе употребленїя предпоставляетъ, чтобъ существо въ употребленїе идущей вещи повреждено не было; въ противномъ же случаѣ вещь ужѐ во зло употребится. Еще жъ понятїе употребленїя есть то, чтобъ вещїю безъ поврежденїя ея существа пользоваться. И такъ когда верьховная власть подъ видомъ соединенныхъ государственныхъ силъ также и имѣнїе подданныхъ употреблять мо-

 жетъ,

жетъ, то разумѣется сіе такъ, чтобъ оная отъ того имѣнія невредную оному для себя пользу имѣла; но какъ и подданные сами пользою имѣній своихъ живутъ, то должно быть пользѣ верьховною властію отъ того получаемой, неотяготительною въ пропитаніи подданныхъ; въ противномъ же случаѣ коснутся они и самого существа своего имѣнія, что противно понятію о прямомъ употребленіи. Такимъ образомъ должна верьховная власть поступать въ употребленіи всѣхъ прочихъ соединенныхъ общества силъ, которыя бы въ крѣпости своей сохранены, и ни мало неослаблены были. И для того пропитанія дороговизна въ военное время важнаго есть примѣчанія, ибо оною силы народа весьма истощаваются. Употребленіе сіе соединенныхъ силъ, верьховной власти принадлежащее, разумѣется по мѣрѣ перваго и высочайшаго общества закона, то есть общаго благополучія. Сіе, яко главнѣйшее намѣреніе, долженствуетъ по силѣ опредѣленія и учрежденія такимъ безъизъятнымъ правиломъ для верьховной власти быть, чтобъ оная всѣ дѣла свои и предпріятія потому въ дѣйство производила; въ противномъ же случаѣ нарочно оное пренебрегши, поступитъ противъ собственнаго своего и народнаго намѣренія. И такъ престаетъ быть то, къ чему оная предъизбрана была, принявъ на себя другое естество; а измѣненное сіе естество можетъ ли что иное быть а не мучительство?

§. 51.

Верьховная власть раздѣляется по мѣрѣ своихъ дѣлъ

Соединенные силы общества, которыхъ употребленіе верьховную власть составляетъ, содержатъ въ себѣ великое число предметовъ; къ исполненію же верьховныя власти требуются многіе роды дѣлъ, по мѣрѣ которыхъ также

и предметовъ, та верьховная власть на многія части раздѣлится. Во первыхъ слѣдуетъ раздѣленіе всѣхъ къ исполненію въ дѣйство верьховной власти принадлежащихъ дѣлъ въ два главные рода. Общее благополучіе есть намѣреніе гражданскаго общества. Сіе есть онаго существо, естество, и слѣдовательно также первой и высочайшей его законъ; для достиженія къ сему концу должны всѣ народныя обстоятельства такъ устроены быть, чтобъ они его поспѣшествовали. И такъ необходимо надобно быть великому числу распоряженій и содержаній, произходящихъ изъ естества и намѣренія каждаго общества. Всѣ сіи утвержденныя распоряженія суть законы. И потому *законодание* есть первой родъ дѣлъ, принадлежащихъ къ исполненію верьховныя власти. По семъ должны всѣ сіи распоряженія и содержанія установленныя по мѣрѣ естества и намѣренія области самымъ дѣломъ въ дѣйство производимы быть; къ охраненію оныхъ вездѣ попечительныя средства предпріемлются. Всѣ до сего слѣдующія дѣла общимъ именемъ *исполненія* называются, и сочиняютъ два главные рода дѣлъ верьховныя власти. Однимъ словомъ, произведеніе въ дѣйство верьховныя власти состоитъ въ двухъ понятіяхъ, а именно: *законы давать* и *оные исполнять*. И такъ верьховная власть во всѣхъ областяхъ раздѣляется на-двѣ главныя отрасли: въ *законодательное* и *исполнительное* могущество.

въ двѣ главныя отрасли, а именно: въ законодательное и исполнительное могущество.

§. 52.

Каждая изъ сихъ главныхъ отраслей раздѣляется паки на разныя части. Законодательное могущество на столько частей раздѣлено быть можетъ, сколько законовъ въ государствѣ находится. Какъ верьховная власть никакой не имѣетъ силы надъ основательными законами,

Законодательное могущество раздѣляется въ три предѣла, а именно въ

разсужденіи, 1. полицейскихъ 2 гражданскихъ и 3. до камеральныхъ законовъ.

или политическими, (§. 41.) то остаются особливо два рода законовъ, а именно: полицейскіе и гражданскіе законы въ ея управленіи. Какъ мы здѣсь въ пространномъ разумѣ о законахъ говоримъ; то должны пріобщить къ тому еще третій родъ, а именно: учрежденія и распорядки до государственныхъ доходовъ касающіяся. И такъ законодательное могущество раздѣляется на-три части; при чемъ мы однако примѣчать должны, что слово полицейскіе законы берется здѣсь въ обширномъ смыслѣ, ибо ко онымъ принадлежатъ не токмо купечество, но и всѣ средства служащія къ цвѣтущему состоянію.

§. 53.

Исполнительное могущество по наружной и внутренной безопасности раздѣляется на двѣ части, изъ которыхъ послѣдняя также на части дѣлится.

Благополучіе народа зависитъ отъ трехъ свойствъ, то есть: вольности, безопасности и внутренныя силы (§. 42.). Закодательное могущество и основательныя общества узаконенія, смотрятъ наиглавнѣйше на вольность и внутренныя силы. Напротивъ же того безопасность, хотя и равномѣрно есть предметъ законодательнаго могущества, касается главнѣйше до исполнительныя силы. Здѣсь имѣютъ мало дѣйствія законы, когда само исполненіе не весьма дѣйствующимъ себя окажетъ. И какъ такимъ образомъ безопасность въ наружную и внутреннюю раздѣляется, то получаетъ по тому два раздѣленія и исполнительное могущество, которое въ вещахъ касающихся до наружныя безопасности, названной исполнительною властію государственныхъ дѣлъ, есть безспорно наиважнѣйшее. Войско, которое здѣсь главнѣйшимъ средствомъ есть исполненія, зависитъ отъ онаго во всѣхъ своихъ учрежденіяхъ, а законодѣтельное могущество участіе имѣетъ только въ опредѣленіи его числа и содержанія.

Могу-

Могущество сіе въ государственныхъ дѣлахъ по естеству своему нераздѣлимо. Напротивъ же того исполнительное могущество въ вещахъ принадлежащихъ до внутренныя безопасности раздѣляется на столько частей, сколько въ прежнемъ (§.) закона родовъ установлено; ибо каждой законовъ родъ требуетъ исполненія. Между сими исполненіе гражданскихъ законовъ, или могущество въ приговорахъ есть первѣйшее, потому что, какъ безопасность государства, такъ вольность и благополучіе жителей весьма много отъ того зависятъ, какимъ образомъ правосудіе преподается. Ничто такъ злоупотребляемо быть и въ великое для жителей страшилище превратиться не можетъ, какъ могущество въ судейскихъ приговорахъ.

§. 54.

Изъ сего происходитъ новое общее раздѣленіе верьховныя власти въ неопредѣленную и опредѣленную власть разность самовластія съ первою.

Изъ разныхъ сихъ отраслей и раздѣленій верьховныя власти происходитъ теперь общее новое раздѣленіе въ *неопредѣленную* и *опредѣленную* верьховную власть. Когда всѣ сіи разныя отрасли и раздѣленія верьховныя власти вкупѣ и нераздѣлимо въ однихъ рукахъ находятся; то называютъ сіе *безпредѣльною* властію. Напротивъ же того когда первыя главныя двѣ отрасли отдѣлясь, въ разныхъ рукахъ находятся, или у верьховнаго могущества не все къ первымъ принадлежащее въ полной власти состоитъ, такъ что верьховная власть по той или другой части въ содѣйствіи и согласіи прочихъ нужду имѣетъ, то называется сіе опредѣленною верьховною властію. Но какъ скоро верьховная власть не токмо нераздѣльно въ однихъ рукахъ находится; но еще притомъ возвысится, основательную власть народа уничтожитъ, всю область собою представитъ и овладѣетъ всѣми ея правами, то есть, какъ скоро кто присво-

итъ себѣ власть надъ основательными учреждеиіями и законами государственными, и принадлежащее всему обществу вышнее присвоеніе надъ частныхъ людей имѣніемъ силою къ себѣ привлечетъ, то тогда перемѣняется оная изъ безпредѣльныя верьховныя власти въ деспотическую или лучше сказать, въ мучительство. И такъ въ семъ состоитъ существительное различіе между неограниченною верьховною властію и деспотствомъ.

§. 55.

Неограниченная власть нигдѣ, кромѣ Даніи добровольно отъ народа непоручена, но введена по большей части завоеваніями и утѣсненіемъ народныхъ правъ.

Когда разсмотрѣть повѣсти всѣхъ государствъ и областей отъ перваго начала подлинности ихъ до нынѣшняго времени; то найдемъ одинъ токмо примѣръ, что народъ добровольно и съ намѣреніемъ правителю своему поручилъ неограниченную власть. Первѣйшія правительства, такъ какъ мы выше уже (§. 17.) упомянули, были весьма умѣренны, и народъ исполнялъ вездѣ законодательную власть. Всѣ новыя государства, о началѣ которыхъ мы въ исторіи извѣстіе имѣемъ, а особливо основанныя отъ Нѣмецкихъ и другихъ сѣверныхъ народовъ въ Британіи, Галліи, Гишпаніи и Африкѣ дозволили правителямъ своимъ весьма умѣренную власть; неограниченная же хотя и нерѣдко въ исторіи оказывается, однако начально происходитъ, либо посредствомъ права завоеванія, когда побѣдоносное войско столь неосмотрительно было, что невольничество побѣжденнаго народа и собственнаго ихъ причиною было; или правители утѣснили права своего народа, и ввели мало по малу противъ основательныхъ учрежденій неограниченную власть. И поистиннѣ! народы много находятъ причинъ, отсовѣтующихъ имъ, учреждать надъ собою добровольно безпредѣльную власть,

могу-

могущую толь скоро злоупотребляемою быть и толь скоро изъ добрыхъ рукъ въ худыя преходящую, чрезъ что вольность ихъ и благополучіе игрою бываетъ не токмо воли одного, но еще тысячи неизвѣстныхъ случаевъ, а именно каковы еще будутъ наслѣдники. Единственной примѣръ доброволно порученныя неограниченныя власти есть въ Даніи; и можно легко себѣ вообразить, коль плачевно было тогда состояніе государства, и коль оскорбительно было преимущество дворянства для прочихъ чиновъ, когда къ отчаянному сему средству приступить должно было. Между тѣмъ наивеличайшее жертвованіе было наивеличайшею удачею для сего народа. Неограниченное сіе правленіе, которое имѣетъ право таковымъ быть, есть и по сіе время благодѣтельное. Подлинно Короли Данемаркскіе имѣютъ право не токмо къ неограниченной власти, но и къ деспотству. Ибо сіе доброволное порученіе, вышедшее изъ всѣхъ предѣловъ, подало право *Фридриху III.* основательныя государственныя узаконенія по волѣ своей учредить, что имъ и учинено, въ такъ называемомъ королевскомъ законѣ. Однако можетъ быть, дѣйствіе сіе такимъ образомъ изъяснено быть могло, что Король токмо на сей разъ долженъ былъ здѣлать вмѣсто народа основательной уставъ; такъ какъ и подлинно въ томъ перемѣна онаго наслѣдникамъ запрещается.

§. 56.

Неограниченная власть будетъ всегда для гражданства страшною,

И такъ когда въ самомъ дѣлѣ всѣ сіи различныя главныя отрасли и раздѣленія верьховныя власти соединенно въ одныхъ рукахъ находятся, то бываетъ сіе всегда для людей весьма ужасною властію. Какъ будетъ страшенъ тотъ судья, которой никакой другой прегра-

а государству вредительною, когда не будетъ управляема вышнею человѣческою мудростїю, рѣдко на престолѣ сѣдящею,

ды кромѣ доброты сердца своего не находитъ, чтобъ жителей судомъ своимъ не обременять, и которой сверьхъ сего, когда старые законы не довольно виду и предлоговъ подаютъ къ утѣсненію, ежеминутно по своему изволенію новые издать можетъ. Сколь ужасно будетъ исполнительное могущество въ полицейскихъ дѣлахъ, когда оное яко законодавецъ и для ничего незначущихъ человѣческихъ дѣлахъ, новые намѣреніямъ своимъ согласные законы издать можетъ; и могутъ ли люди въ семъ состояніи удержать свою вольность? Какъ вредительно можетъ быть исполнительное могущество въ государственныхъ дѣлахъ для подданныхъ, когда оное никакихъ предѣловъ для себя не находитъ кромѣ обузданія страстей, и когда яко законодатель же подъ видомъ государственныя надобности для утоленія развращенныхъ своихъ военныхъ желаній по своенравію своему новыя тягости на подданныхъ наложить можетъ. Порученіе такія власти въ одни руки одного или нѣсколькихъ есть поистиннѣ неблагоразумно. А дабы таковая соединенная власть зла и нещастія государству не дѣлала, то надобно ей управляемой быть наивеличайшею человѣческою мудростію. Посредственнаго разума, ежели онъ и лучщимъ еще сердцемъ одаренъ, для сего недовольно. Таковой власти своея во зло хотя употреблять и не будетъ, однако столько способности имѣть не можетъ, дабы возпрепятствовать, чтобъ другіе имянемъ ево и вмѣсто его самаго худа не дѣлали. По обыкновенному естества теченію должно всегда ожидать прежде десяти худыхъ и посредственныхъ правителей, нежели одного истинномудраго и совершеннаго правителя. Я пишу здѣсь то, въ чемъ и наивеличайшіе поборники неограниченныя власти спорить не могутъ.

Кардиналъ *Ришеліе* (2.) сей великой поспѣшникъ безпредѣльныя власти хотя и предпочитаетъ образъ сей правленія всѣмъ прочимъ; однако требуетъ отъ Королей и ихъ Министровъ столько добродѣтели, правосудія, проницанія и мудрости, что все то едва и Ангелъ имѣть можетъ; и поистиннѣ, что принадлежитъ до добродѣтели и справедливости, то и самъ онъ не доказалъ примѣромъ своимъ того, что Министру все сіи свойства имѣть возможно.

§. 57.

Каждая безпредѣльная власть ради собственнаго своего благополучія должна себя ограничивать, по крайней мѣрѣ основательными своими правилами.

И такъ когда какое нибудь правительство наисовершеннѣйшее имѣетъ право къ неограниченной власти, то требуетъ того естество вещи, правосудіе и государственное благополучіе, съ собственнымъ его толь точно сопряженное, дабы оно само себя умѣряло по собственному своему побужденію. Народъ въ семъ случаѣ предшествуетъ ему подражанія достойнымъ своимъ примѣромъ. Никто не можетъ имѣть совершеннѣйшаго права къ безпредѣльной власти кромѣ соединеннаго народа. Всякая власть бываетъ начально въ немъ, и отъ него происходитъ, какъ единственнаго источника (§. 46.); и такъ можетъ оной всякую власть у себя удерживать, и въ извѣстныхъ случаяхъ господствовать, въ другихъ же подданствовать. Однако изъ любви къ своему благополучію умѣряетъ онъ свое могущество, избирая для себя власти и судей. Сему поручаетъ исполнительное могущество государственныхъ дѣлъ, другому полицейскихъ, третьему судныхъ, и кромѣ законодательнаго могущества, рѣдко еще что для себя оставляетъ; также и здѣсь, когда разуму слѣдовать,

(2) Завѣщаніе политическое стран. 143. въ подлинникѣ.

довать, и благополучіе свое истинно поспѣшествовать хочетъ, долженъ онъ прозирать въ основательныя свои узаконенія, и дѣлать такія учрежденія, чтобъ самому законодательному могуществу своему остановку учинить можно было и тогда, когда оно порываемо будетъ неразумною строгостію, пристрастнымъ духомъ, или сильными страстями на учиненіе чего либо вреднаго и несправедливаго, или на превознесеніе своея законодательныя власти надъ основательными учрежденіями. Такимъ образомъ должно каждое разумное и правосудное правленіе само себя ограничивать, хотя бы и имѣло безспорное право къ безпредѣльной власти отъ самоизвольнаго порученія народа или по силѣ великаго многихъ сотъ лѣтъ продолженія, и умѣрять свое могущество для собственнаго своего благоденствія, неотдѣлимаго отъ благоденствія всего общества и подданныхъ, какъ о томъ *ниже* въ особливой части покажемъ; понеже сія власть легко во зло употребляется, и обыкновенно всегда скоряе въ худыя нежели въ добрыя руки достается, а тогда какъ для общества такъ и для правленія весьма вредительныя слѣдствія по себѣ влечетъ; ежели правительство не разсудитъ за благо такія здѣлать распоряженія, которыя право неограниченныя власти самой уменьшаютъ, и въ послѣдованіи отъ чиновъ общества равномѣрно во зло употребляемы бываютъ, то должно ему собственными своими основательными пра́вилами въ томъ случаѣ себя оградить, и сіи основательныя пра́вила да будутъ для всего министерства наиточнѣйше наблюдаемою степенію и святопочитаемою вещію. Сіи основательныя пра́вила, по которымъ предпріемлется, вольности и имѣнія подданныхъ никогда не касаться, правителю и его министрамъ

страмъ въ правленіе и порядочное теченіе справедливости никогда не вступаться, собираемыхъ съ подданныхъ податей не увеличивать, хотя бы къ тому и право было, также и безъ крайней нужды войны не начинать; такія основательныя правила, говорю я, умѣрятъ всегда неограниченную власть благоразумнымъ весьма и преимущественнымъ образомъ, и произведутъ къ благополучію государства наилучшія дѣйствія. Когда такія мѣры однажды безъ поврежденія приняты и установлены будутъ, то подъ слабымъ правителемъ въ милости находящіеся министры по крайней мѣрѣ хотя прекословіями прочихъ удержатся отъ учрежденія главныхъ правительства намѣреній по собственнымъ своимъ прихотямъ, не бывъ больше въ состояніи, по изреченію господина *Монтескю* (3), надобности подлыхъ своихъ душъ признавать нуждами всего общества. Съ удовольствіемъ вижу я, что сіи основательныя правила по мѣстамъ находятся. Вольность и собенность подданныхъ, и что министерство никогда рукъ своихъ въ теченіе правосудія простирать не будутъ, суть наизнатнѣйшія основанія Ганноверскаго правленія. Подати же подданныхъ никогда не возвышать, было преимущественное правило прежняго Прусскаго Короля, которымъ великой и мудрой его наслѣдникъ совершенно послѣдовалъ, съ присовокупленіемъ къ тому по моему мнѣнію основательныхъ положеній вольности и собенности.

§. 58.

Умѣреніе сіе неограниченныя власти установленными и непреступаемыми основательными правилами тѣмъ больше необходимо, по тому что въ свѣтѣ ничто въ такое протяженіе

Умѣреніе сіе и для того весьма нужно, что люди

---

(3) въ Разумѣ законовъ 2. части кнн. 8. гл. 1.

склонны всегда къ распространенїю своея власти.

ніе притти не можетъ, какъ власть. Каждой человѣкъ, не изключая премудрыхъ и добродѣтельныхъ, всегда склонны къ распространенію оныя. Всякой идетъ такъ далеко, пока не найдетъ для себя преграды; надлежитъ же при семъ въ честь человѣчества сказать, что сіе весьма рѣдко въ худомъ намѣреніи бываетъ. Чѣмъ болѣе власти человѣкъ имѣетъ въ своихъ рукахъ, тѣмъ больше добра и полезнаго произвесть думаетъ. Но не рѣдко жъ, имѣя добрыя намѣренія къ распространенію власти, прельщается человѣкъ, ни вочто вмѣнивъ произшедшее власти злоупотребленіе, и причиненныя чрезъ то вредительныя произшествія. И такъ наипремудрѣйшей недовольно можетъ остеречься въ такомъ случаѣ. Что жъ касается до худыхъ того слѣдствій, то преемники въ выведенной однажды изъ предѣловъ власти рѣдко подражаютъ умѣренности и справедливости распространившаго оную въ добромъ намѣреніи, такъ что послѣдованія будутъ отъ часу ужаснѣе. Правдѣ собразно кажется, что всякая неограниченная власть такимъ образомъ началась. Какъ народъ въ первѣйшихъ обществахъ законодательную имѣлъ власть (§. 17.), то подлинно произходило тогда много худыхъ слѣдствій, такъ что и многому полезному помѣшательства чинились. Сіе безъ сомнѣнія побудило первыхъ Царей, изъ добраго намѣренія народную власть мало по малу ослабить, свою же собственную во зло ими тогда еще неупотребляемую разширить. Но наслѣдники ихъ, неимѣвшіе такихъ похвальныхъ качествъ, премѣнились въ мучителей; изъ сего послѣдовало, что народы противъ ихъ возстали, и ихъ съ престола низвергли, или, когда уже наложенные на народъ оковы толь были тяжки, что преломлены быть не могли,

то

то правители сіи злоупотребленіемъ власти, съ нещастіемъ общества и собственное свое злополучіе произвели, такъ что отъ чужестраннаго непріятеля въ конецъ побѣждены и покорены были. Такимъ образомъ всѣ неограниченныя власти кончились; и такой конецъ будутъ всегда имѣть до скончанія вѣка, ибо злоупотребленіе оныхъ по естеству своему другаго слѣдствія имѣть не можетъ.

§. 59.

Ограниченіе верьховной власти и есть всегда надежнѣе и должно имѣть троякія обстоятельства.

И какъ по сему всѣ люди склонны, власть свою до возможныхъ предѣловъ распространять; понеже злоупотребленіе неограниченныя власти толь легко и безпримѣтно начинается; къ тому жъ и злоупотребленіе сіе какъ для государства, такъ и для верьховныя власти такія вредительныя имѣетъ слѣдствія; то по мнѣнію моему всегда надежнѣе и безопаснѣе для народа, когда оной неограниченныя верьховныя власти никому не поручитъ, то есть, когда не всѣ отрасли и части верьховныя власти въ одни руки отдастъ. Сіе ограниченіе, или раздѣленіе верьховныя власти для пользы народной должно имѣть троякія обстоятельства; вопервыхъ: не надлежитъ ему препятствовать дѣятельности верьховныя власти, то есть, чтобъ оная, не взирая на сіе ограниченіе въ состояніи была, предпринимать всѣ мѣры къ безопасности и благополучію государства, и оныя въ дѣйство производить въ надлежащей поспѣшности. Посему заслуживаетъ сіе въ основательныхъ государства установленіяхъ весьма важнаго примѣчанія; основательные же законы Польскаго королевства такъ худы, что ничего полезнаго здѣлать тамъ не возможно, когда не будетъ въ близости войска для соединенія голосовъ. Второе обстоятельство есть, чтобъ

чтобъ вольность гражданства, и благополучіе государства чрезъ то истинно поспѣшествуемы были, со охраненіемъ отъ разхищенія усилившейся противной какой стороны. Сія есть великая погрѣшность въ новомъ основательномъ учрежденіи королевства Шведскаго, по которому каждая сторона овладѣвшая на государственномъ сеймѣ большинствомъ голосовъ, можетъ не токмо мучительски безъ наказанія поступать надъ своими согражданами, но и истинной прибытокъ и благополучіе королевства чужестранной державѣ продать, и общество замѣшать въ наивредительнѣйшія войны. Наконецъ третіе обстоятельство есть такое, чтобъ сіе ограниченіе прочно, и противъ склонности людей къ распространенію власти довольно крѣпко и твердо было. Основательнымъ узаконеніямъ, долженствующимъ таковыми быть, надлежитъ всѣ части верьховныя власти привесть въ предѣлы ея естеству соотвѣтствующіе, и которые бы ни одной части нималаго предлога не оставляли дѣлать другой насиліе. Всѣ сіи троякія обстоятельства наиглавнѣйше въ томъ состоятъ, чтобъ двѣ главныя отрасли верьховныя власти, то есть законодательное и исполнительное могущество въ прямое между собою равновѣсіе приведены были, дабы каждая могла другой препятствовать, ежели послѣдняя благополучіе и основательныя узаконенія пренебречь вознамѣрится. И какъ такимъ образомъ одна безъ другой ничего важнаго здѣлать не можетъ; то обѣ сіи отрасли принуждены будутъ стараться и рачить вообще о лучшемъ для общества. Основательное учрежденіе въ Англіи имѣетъ въ себѣ всѣ сіи обстоятельства; и есть подлинно наиизящнѣйшей образецъ премудро ограниченныя верьховныя власти въ свѣтѣ. И такъ нѣтъ нужды дѣлать пред-

ложенія къ доброму раздѣленію всѣхъ отраслей верьховныя власти, и сославшись на вышеобъявленное, сказать съ господиномъ *Монтескю*: (4) когда вольность въ государственныхъ учрежденіяхъ видѣть можно, гдѣ она есть, то для чего намъ ея болѣе искать.

§. 60.

Не взирая на премудрое ограниченіе, остается всегда верьховная власть въ величествѣ своемъ между вольными державами.

Когда въ основаніе положенныя государственныя учрежденія такимъ премудрымъ образомъ расположены будутъ, что ни одна часть верьховныя власти инако не ограничится, какъ естественнымъ своимъ закономъ; то никоторая часть причины имѣть не можетъ, другую утѣснять. Она имѣетъ всю силу, какую токмо по обширности своихъ дѣлъ желать ей можно, и слѣдовательно отняты у оной какъ причина такъ и видъ, вступаться въ принадлежащее до другой части. Когда Государь имѣетъ все исполнительное могущество, и всѣ средства въ рукахъ, дѣлать добро, защищать свой народъ, поспѣшествовать благоденствію своего государства и устрашать непріятелей своихъ, то чего ему больше желать? развѣ ему хочется, чтобъ страшенъ былъ и подданнымъ своимъ, и могъ бы дѣлать зло? И поистиннѣ! когда онъ любитъ своихъ подданныхъ, когда онъ, такъ какъ Шевалье *Темплъ* (5) о Аглинскомъ Королѣ говоритъ, *человѣкъ есть для своего народа*, то не можетъ онъ ничего больше желать. Величество Государя состоитъ въ благополучіи его народа и въ могуществѣ защищенія своея области, а не въ безпредѣльной власти. Всѣ Аглинскіе Короли, неискавшіе утѣсненія народныя вольности и бывшіе по предшедшему изреченію, *людьми для народа*

(4) Въ Разумѣ законовъ часть 2. книг. XI. гла. 5.
(5) Примѣчанія *Шевалье Темплъ* стр. 33. и 34.

рода своего, были всегда между Европейскими державами знатны и велики; напротивъ того старавшіеся собственную свою власть въ противность положеннымъ во основаніе учрежденіямъ распространить, потому что къ поспѣшенію намѣрений своихъ преданы были противъ собственныя своея истинныя пользы другимъ державамъ, не имѣли особливыя въ Европѣ знатности.

§. 61.

Честь и чинъ Государя не происходятъ отъ неограниченныя власти.

Но какъ знатность верьховныя власти при премудромъ ограниченіи ничего не терпитъ, то и достоинство ея и чинъ чрезъ то не умаляются. Высочество Государя не зависитъ отъ безпредѣльныя власти, которая знатности его нимало не возвышаетъ; когда же мѣстничество между Государями быть можетъ, то въ такомъ случаѣ обыкновенно ссылаются на древность государствъ и на преимущество, изъ давныхъ лѣтъ даваемое, [понеже обыкновенія между вольными народами право здѣлать могутъ], а не на безпредѣльную власть. Франція имѣла всегда первое мѣсто между Европейскими Королями, когда и не было еще тамъ неограниченныя власти, чаятельно жъ для того, что оно первымъ Христіанскимъ государствомъ въ Европѣ почиталось. И посему хотя посолъ Дацкой при мирныхъ трактатахъ въ Нимвегенѣ (6) въ разсужденіи чина на могущество и неограниченную власть своего государя ссылался; однако со всѣмъ тѣмъ утверждался на такомъ основаніи, которое нимало къ тому не слѣдовало, и прочими послами принято не было.

ЧАСТЬ

(6) Примѣчанія *Шевалье Темплъ* стр. 202.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ
О
РАЗНЫХЪ ОБРАЗАХЪ ПРАВЛЕНІЯ.

§. 62.

Въ предшедшей части разсуждали мы вообще о естествѣ верьховныя власти; а въ сей теперь будемъ разсматривать разные образы правленія. Чрезъ слово образъ правленія разумѣемъ мы средства и способы, коими верьховная власть въ дѣйство производится и управляема бываетъ; положенные же въ основаніе законы государства, или отъ давныхъ временъ введенное обыкновеніе, толикую же силу имѣющее какъ и первые, назначиваютъ оныя средства и способы. И такъ, какъ многообразно верьховная власть въ дѣйство производится и управляется, то столько и правленія образовъ быть можетъ. Понятіе образа правленія.

§. 63.

Наиглавнѣйшие оныхъ суть три рода: верьховная власть находится въ рукахъ либо одного человѣка, или управляется особливою частію народа, или отъ всего народа вообще въ дѣйство производится. Первой образъ называется *едино-* Суть четыре рода правленія образовъ, а именно: единона-

нõначалїемЪ (*Monarchia*), второй *многоначалїемЪ* (*Aristocratia*) (*), третей же *народоначалїемЪ* (*Democratia*). Но какЪ верьховная власть вЪ двѣ главныя отрасли, а потомЪ и множае раздѣляться можетЪ (§. 51. 53.), и раздѣленія оныя находятся то вЪ рукахЪ одного, то у нѣкоторой части народа, когда прочимЪ всѣмЪ весь народЪ управляетЪ; то по сему сїе учрежденїе различныхЪ частей верьховныя власти и бываетЪ многообразно; изЪ того происходитЪ четвертой образЪ правленія, *смѣшенной* называемой; и по мѣрѣ сихЪ четырехЪ правленія родовЪ раздѣлимЪ мы такожде и сїю часть вЪ четыре предѣла.

[Margin: ...начальной, многоначальной, народоначальной и смѣшенной.]

§. 64.

[Margin: Разсматривается мнѣнїе г. Монтескю раздѣляющаго правленїе вЪ общенародїе, единоначалїе и насильственное правленїе.]

Хотя раздѣленіе сїе и весьма древнее, такожде и на естествѣ вещи основано; однако господинЪ *Монтескю* (1) за благо разсудилЪ здѣлать другое раздѣленіе. ОнЪ раздѣляетЪ правленіе вЪ *общенародїе*, *единоначалїе*, и *насильственное* правительство (Despotisme) (**) а потомЪ и *общенародїе* паки вЪ *многоначалїе* и *народоначалїе*, однако по мнѣнїю моему раздѣленіе сїе не весьма удачно, ибо существа вещи вЪ себѣ

(*) Аристократія и (**) деспотизмЪ слова Греческія; по точному переводу первое, есть правленїе знатныхЪ, а второе, владычество; Но какЪ изЪ первыхЪ двухЪ словЪ, то есть изЪ правленія знатныхЪ не можно на нашемЪ языкѣ составить одного слова, послѣднѣе же, то есть: владычество, того точно не значитЪ, вЪ какомЪ оно смыслѣ здѣсь прїемлется, то я осмѣлился первое назвать многоначалїемЪ, послѣднѣе же насильственнымЪ правленїемЪ.

(1) ВЪ *разумѣ законовЪ* часть I. книг. II. глав. I.

себѣ не содержитъ. Общенародіе есть слово всѣмъ и каждымъ областямъ вообще принадлежащее, съ умолчаніемъ токмо образа правленія; понеже всякое гражданское общество ничто иное есть, какъ существо общее въ соединеніи общихъ силъ; и хотя называются иногда области Государей не имѣющія, особливо общенародіями, не взирая на то, многоначальны ли они, или народоначальны; но ежели бы господинъ *Монтескю* на простомъ семъ названіи въ ученомъ своемъ о томъ разсужденіи утвердиться хотѣлъ; то бы и тогда не могъ здѣлать кромѣ двухъ главныхъ раздѣленій единовластія и общенародія, и еще бы долженъ былъ каждой изъ сихъ родовъ раздѣлить на-двое, а именно: первое на единоначальное и насильственное правленіе, общенародіе же на многоначаліе и на народоначаліе. Раздѣленіе сіе въ общенародіяхъ изрядно, но единовластнымъ правительствамъ неприлично. Единоначаліе и деспотство суть оба правленія одного; и по сему въ разсужденіи наружнаго вида, до коего сіе раздѣленіе единственно касается, нѣтъ между ими ни малой разности; а и самое существенное различіе, полагаемое господиномъ *Монтескю* между единоначальнымъ и насильственнымъ правленіемъ есть не основательно. Онъ говоритъ: единоначалія суть такія государства, гдѣ одинъ правительствуетъ, но по извѣстнымъ установленнымъ законамъ; напротивъ же того въ насильственномъ хотя и владычествуетъ также одинъ, однако безъ правилъ и законовъ по волѣ своей и своенравію. По мнѣнію моему недостатокъ законовъ не составляетъ того, что дѣлаетъ существенную разность между единоначальнымъ и насильственнымъ правленіемъ. Можетъ быть и во всемъ свѣтѣ нѣтъ такого насильственнаго владѣнія,

дѣнія, въ которомъ бы не было законовъ для народа. Турція, Персія, Японія, Моголія, имѣютъ свои законы. Хина или Китайское царство почитаемое господиномъ *Монтескю* насильственнымъ, имѣетъ весьма изрядныя и премудрыя узаконенія. Когда въ насильственномъ государствѣ нѣтъ никакихъ законовъ, то подлинно не насиліе причиною сего недостатка, но то великое невѣжество, въ которомъ государство находится. Мы уже выше (§. 54.) показали, въ чемъ состоитъ существенное различіе между деспотствомъ и единоначаліемъ; и скоро будемъ больше о томъ еще говорить. Но какъ между тѣмъ нибыло неосновательно раздѣленіе господина *Монтескю*, однако имѣетъ уже многихъ въ свѣтѣ защитниковъ. Онъ производитъ изъ того слѣдствіемъ, что ежечасная воля Государя есть единственной уставъ въ насильственномъ начальствѣ. Сего положенія держались протестанты во Франціи. Они употребили его въ своемъ прошеніи, поданномъ Королю и обнародованномъ за нѣсколько лѣтъ передъ симъ во всѣхъ вѣдомостяхъ, главнѣйшимъ основаніемъ на изъясненіе того, что нынѣ ни малѣйшей силы имѣть не могутъ изданныя прежде противъ ихъ учрежденія. Ежели вообще прошеніе сіе не было вымышлено для охужденія Франціи, то Французскіе протестанты не великое учтивство оказали многолюбезному своему Людовику, сказавъ ему въ глаза, что онъ Деспотъ. Что же впрочемъ думать надлежитъ о Французскомъ министерствѣ, когда оно сіе, вѣдая о томъ совершенно, безъ наказанія оставило.

§. 65.

Деспотство есть

Вообще насильственное начальство не возможно признавать особливымъ правленія образомъ, оно

оно ничто иное есть, какЪ злоупотребленіе власти единоначалія, или такое единоначаліе, которое не имѣетЪ предметомЪ намѣренія государства, и слѣдовательно мучительски правительствуетЪ. ВЪ семЪ не возможно сумнѣваться, ибо и насильственныя правительства, какЪ скоро токмо крайнюю грубость оставятЪ, и справедливыя о существѣ своемЪ понятія получатЪ, никогда не признаются, что они насильствуютЪ, но будутЪ всегда о себѣ объявлять, что они токмо единоначальствуютЪ. Когда бы Турецкому СултанУ объяснить достаточнымЪ образомЪ понятіе о существѣ и намѣреніи государствЪ, о дѣйствительномЪ различіи между единоначаліемЪ и деспотствомЪ, и тогда бы его спросить; МонархЪ ли онЪ, или ДеспотЪ? то онЪ подлинно столько устыдѣнія и человѣчества вЪ себѣ ощутитЪ, что скажетЪ быть себя единоначальникомЪ. ОднимЪ словомЪ никто, получа о деспотствѣ понятіе, вЪ ономЪ не признается, и такЪ не можетЪ оно болѣе быть, какЪ злоупотребленіе единоначалія; злоупотребленіе же не есть и быть не можетЪ особливымЪ родомЪ правленія. Когда благородные вЪ многоначаліи поступаютЪ прямо противЪ намѣренія общества, присвоятЪ себѣ власть надположенными во основаніе узаконеніями, и согражданЪ своихЪ станутЪ держать вЪ неволѣ, то здѣлаются они многональными Деспотами. Однако изЪ сего никто себѣ не вообразитЪ, что злоупотребленіе сіе сочинитЪ особливой правленія образЪ. ВЪ разсужденіи всѣхЪ сихЪ основаній не могЪ я насильственное начальство признать особливымЪ правленія образомЪ, и для того буду о немЪ говорить вЪ раздѣленіи о единоначаліи.

злоупотребленіе единоначалія, и потому быть не можетЪ особливымЪ правленія образомЪ.

ПЕРВОЕ ОТДѢЛЕНІЕ
О
ЕДИНОНАЧАЛІЯХЪ.

§. 66.

Понятіе единоначалія.

Подъ верьховною властію одного человѣка состоящая область, въ которой положенныя во основаніе учрежденія не колеблемо наблюдаются, гдѣ всѣ чины правами своими пользуются, и гдѣ народъ подъ установленными законами безопасно живетъ, есть по мнѣнію моему умоначертаніе единоначалія. Верьховная одного власть есть единственно то, чемъ сіе единоначаліе различается отъ многоначалія и народоначалія. Непоколебимое въ основаніе положенныхъ учрежденій наблюденіе свойственно есть естеству каждаго общества, въ которомъ верьховная власть поступаетъ по намѣренію, и не выходя изъ своихъ предѣловъ. Симъ же наиболѣе и разнится единоначаліе отъ деспотства. Управленіе разныхъ государственныхъ чиновъ, и всего народа при ихъ правахъ и вольностяхъ, есть существенное свойство единоначалія, которое предъ всѣми другими правленіями неравенство между гражданами попущаетъ; напротивъ же того многоначаліе и народоначаліе часто для спасенія своего принуждены бываютъ безспорныя гражданъ преимущества равенству на жертву приносить; безпристрастное же законовъ сохраненіе, отъ чего происходитъ гражданская вольность единственно касающаяся до того, чтобъ никто не

былъ

былъ принуждаемъ къ тому, что законами не предписано, есть вторичное различіе между единоначаліемъ и насильственнымъ правленіемъ; ибо хотя послѣднія сіи начальства и имѣютъ законы, однако ни мало тогда не взираютъ на положенныя во основаніе узаконенія, попирая ногами святопочитаемыя человѣческія права, и всѣ должности свои къ подданнымъ, какъ скоро токмо сами въ какое нибудь дѣло замѣшаются. Законы тамъ обязываютъ и нижнихъ властей токмо такъ долго, пока деспотъ въ какомъ нибудь распорядкѣ не будетъ имѣть участія.

§. 67.

Въ чемъ состоятъ основательныя узаконенія безпредѣльнаго единовластія.

Не будетъ, думаю, безполезно, когда мы не ходя далѣе, яснѣе разсмотримъ основаніемъ служащіе уставы безпредѣльнаго одновластія. По мнѣнію моему принадлежитъ вопервыхъ сюда утвержденное наслѣдство, и что народъ, естьли наслѣдственной родъ Государя кончится, можетъ избирать себѣ новаго правителя, при чемъ могутъ быть еще другія узаконенія, на примѣръ: чтобъ чужестранцу наслѣдія, хотя бъ и по порядку оное до него дошло, никогда не имѣть, такъ какъ въ Португаліи, гдѣ и королевской сынъ, ежели внѣ государства жить будетъ, право наслѣдія теряетъ, и прочія тому подобныя. Надъ всѣми сими во основаніе положенными узаконеніями не имѣетъ единоначальствующей никакія власти, и не можетъ въ семъ случаѣ ничего учинить роду своему полезнаго; но учрежденія и перемѣны въ томъ зависятъ единственно отъ всего народа; ибо по узаконенному порядку избираемой на престолъ, возводится на оной не для пользы рода его, но для совокупнаго всея области

благополучія и для избѣжанія многообразныхъ въ выборахъ нестроеній. Присемъ должно напомянуть и то, чтобъ единоначаліе было наслѣдственно, какъ между тѣмъ избраніе полагаетъ быть опредѣленному и смѣшенному съ многоначаліемъ одновластію, понеже выборъ не инако какъ многомощнымъ благородствомъ подкрѣпляемъ быть можетъ. По семъ непремѣнность введенныя уже въ государство Вѣры есть второе начальное узаконеніе, надъ которымъ Государь также власти не имѣетъ, для того что народы не могутъ никогда правителю своему поручить неограниченныя власти надъ своими совѣстьми, и потому перемѣна въ вѣрѣ послѣдовать можетъ отъ всего народа. Безпристрастное правосудіе принадлежитъ такожде въ число сихъ законовъ, предпоставляемыхъ народомъ при введеніи неограниченныя власти. Къ сему слѣдуютъ утвержденныя узаконенія; и хотя отъ единоначальствующаго Государя законоданіе зависитъ; однако новоиздаваемыя учрежденія не должны распространяться, на такіе случаи и вещи, о которыхъ въ прежнихъ законахъ уже упомянуто, исключая то, когда оные прежніе законы темны или для народа тягостны суть. Охраненіе древнихъ вольностей и преимуществъ подданныхъ слѣдуютъ также въ число сихъ уставовъ и прочее тому подобное.

§. 68.

Изъясненіе единоначалія

Господинъ *Монтескю* (2) здѣлалъ о единоначаліи изъясненіе, по мнѣнію моему ни

(2) Въ *Разумѣ законовъ* часть I. книг. 11. глав. 4.

ни мало естества сего правленія образа не касающееся. Онъ говоритъ: среднія подъ вышними состоящія и отъ оныхъ зависящія власти сочиняютъ естество единоначальнаго правленія, то есть такого, гдѣ одна особа по положеннымъ во основаніе узаконеніямъ правительствуетъ. Господинъ *Монтескю* говоритъ здѣсь о одинакомъ правленія образѣ, а осмѣшенныхъ еще не упоминаетъ; слѣдовательно же безъ всякаго сумнѣнія долженъ онъ чрезъ то разумѣть неограниченное единоначаліе, которому изъясненіе сіе по нижеслѣдующему нимало не принадлежитъ. Сіи среднія власти, долженствующія составлять единоначальное правленіе, имѣютъ силу свою или посредствомъ собственнаго ихъ права, или по порученію отъ единоначальствующаго Государя. Когда жъ они могущество свое отъ него получаютъ, то суть оныя ничто иное, какъ государственные слуги, которыхъ и Деспотъ имѣть можетъ; и такъ господинъ *Монтескю* безприличности назвалъ ихъ властями; а ежели они имѣютъ силу отъ собственнаго ихъ права, то изъясненіе сіе не будетъ ужè слѣдовать на неограниченное единоначаліе. Естество безпредѣленыя верьховныя власти зависитъ отъ ея нераздѣлимости (§ 554.); и такъ когда бъ онъ господинъ *Монтескю* изъясненіе свое дѣлалъ о смѣшенномъ правленіи, состоящемъ изъ многоначалія и единоначалія; то бы и изъясненіе его весьма было изрядно. О семъ то можно сказать, что среднія подъ вышними состоящія и отъ оныхъ зависящія власти суть; ибо начальственное благородство имѣющее надъ собою Короля, или инаго Государя, имѣетъ власть свою отъ собственнаго своего права, и для того можетъ почесться среднею властію. Повидимому понятіе сіе побудило господина *Мон-*

лія господиномъ Монтескю учиненное по разсмотреніи оказывается несправедливымъ.

Монтескю употребить оное и при неограниченномъ единоначалiи. По разсужденiю моему изъ сочиненiя его видится, что онъ всегда въ глазахъ имѣлъ Французское государство и его состоянiе, и сiе умоначертанiе вездѣ и во всѣхъ отъ него утверждаемыхъ общихъ понятiяхъ примѣшивалось. Францiя въ среднемъ вѣкѣ имѣла правленiе смѣшенное, состоявшее изъ многоначалiя и единоначалiя, такъ какъ всѣ королевства въ Европѣ по разрушенiи Римскаго единовластiя отъ Нѣмецкихъ народовъ учрежденныя такiе же образы правленiя имѣли. Какъ потóмъ Французскiе Короли мало по малу неограниченную власть вводили, то они ни о чемъ болѣе не мыслили, какъ о угнѣтенiи великiя власти и силы благородства, оставляя оному такiя наслѣдственныя его правà и преимущества, коими оно пользовалось при первыхъ сихъ смѣшенныхъ правленiяхъ, и которыя имъ Королямъ въ неограниченной власти никакого помѣшательства зделать не могли. Сiе состоянiе Францiи, занимающее мысль господина *Монтескю* было причиною заблужденiя его, что онъ общее естество всѣхъ единоначальныхъ правленiй потому образовалъ. Я не утверждаю, чтобъ наслѣдственныя правà благородства были противны естеству единоначалiя. Они принадлежатъ больше къ вольностямъ, при которыхъ разныя раздѣленiя и чины народа по предшедшему §. содержаны быть должны. Однако на сихъ наслѣдственныхъ правахъ не должно утверждать всего единоначальнаго естества, въ противномъ же случаѣ выдетъ изъ сего великая погрѣшность.

§. 69.

Принадлежитъ ли

И такъ легко будетъ рѣшить вопросъ; принадлежитъ ли наслѣдственное благородство

непремѣнно къ существу единоначалія? По принятому однажды единоначальнаго правленія изъясненію почитаетъ оное господинъ *Монтескю* необходимымъ, и восклицаетъ: *Нѣтъ единоначалія, нѣтъ и благородства! Нѣтъ благородства, нѣтъ и единоначалія!* а вдругомъ мѣстѣ утверждаетъ также, что благородство наиглавнѣйшая подпора престола есть. Сказанное мною въ предшедшемъ §. довольно будетъ къ изложенію и сего. Восклицаніе его приличествуетъ смѣшенному съ многоначаліемъ единоначальному правительству. Тамъ безъ благородства быть невозможно; тамъ оно неподвижнымъ основаніемъ; когда жъ благородство угнѣтается, то выдетъ наконецъ или безпримѣсное единоначаліе, или народоначаліе. И такъ благородство въ неограниченномъ единоначаліи есть ненужно, и существо онаго отъ него ни мало не зависитъ. А хотя онъ господинъ *Монтескю* въ сочиненіи своемъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и даетъ знать, что благородство одно сохраняетъ единоначаліе отъ превращенія въ деспотство, однако при всемъ томъ утвержденіи его весьма недостаточны. Многие примѣры, думаю, въ состояніи, показать ему мнѣніе его опровергающіе. Изключая одну Турцію, всѣ деспотическія государства имѣютъ наслѣдственное и знатное благородство, какъ то: Японія, Индія, Сіамъ, Цейлонъ и прочія. Но нигдѣ благородство деспотству препятствовать не могло. Что ему дѣлать, когда оно утѣснено, и когда правитель всю возможную власть себѣ присвоилъ? Сыскивается всегда довольно такихъ людей, которые для корысти своей бываютъ, орудіями къ порабощенію другихъ. На примѣръ: во Франціи могло ль благородство прекратить тѣ большія

Наслѣдственное благородство къ естеству единоначалія!

шаги, которыми *Ришелье* и *Мазаринъ* деспотство вводили, и отъ котораго сїе государство почти на́-волосъ и нынѣ отстоитъ. А что единоначалїе безъ наслѣдственнаго благородства быть можетъ, то видимъ мы въ Китаѣ. Ибо хотя господинъ *Монтескью* почитаетъ тамошнее правленїе деспотическимъ, однако я по надежнымъ извѣстїямъ, признаю оное не токмо просто единоначалїемъ, но и еще премудро установленнымъ, гдѣ гражданскїя учрежденїя и нравы во основанїе положенными законами почитаются, и всѣ дѣла̀ съ крайнею осторожностїю рѣшатся. То или другое въ скорости учиненое насилїе не дѣлаетъ еще деспотства; въ противномъ же случаѣ были бы всѣ единоначалїи деспотствами, для того что и во всѣхъ случаются подъ видомъ правосудїя дѣла̀ неправовершенныя. Когда подлой народъ подъ палкою состоитъ у *Мандариновъ*, (*) то и есть подлинно подлой народъ; а всѣ ученые, хотябъ они и мѣста по учености своей еще не имѣли, по утвержденнымъ узаконенїямъ отъ сего изъемлются. Въ такомъ государствѣ, которое во всемъ свѣтѣ есть наимногонароднѣйшее, гдѣ большая часть людей отъ дневной работы и дневную пищу имѣютъ, и гдѣ сверьхъ сего чернь чрезвычайно обманьчива, требуетъ общей покой и безопасность такого наказанїя. Въ Китаѣ, гдѣ нѣтъ природнаго дворянства, прїобрѣтаемое благородство бываетъ наивеличайшимъ побужденїемъ, отличить себя отъ другихъ прилѣжностїю и искусствомъ; а государство имѣетъ обильной источникъ къ награжденїю заслугъ. Между тѣмъ благородство можетъ всегда быть въ единоначалїи. Образъ сей правленїя больше другихъ

(*) Знатные люди у Китайцовъ.

другихъ терпитъ неравенство гражданъ; и всѣ должны при ихъ вольностяхъ и правахъ судимы быть (§. 66.); но невзирая на неравенство, правленіе сіе содержитъ всѣхъ жителей въ вольности. Сіе есть преимущество истиннаго и благоучрежденнаго единоначалія. Однако при правленіи семъ природное благородство не должно почитать существенно необходимымъ. Когда бъ господинъ *Монтескю* просто о военномъ единоначаліи говорилъ, то можетъ быть бы тогда ближайшія имѣлъ и правдоподобнѣйшія къ тому основанія. Но не всѣ единоначалія военны, такъ что еще и вредительно быть имъ таковыми.

§. 70.

Въ единоначаліи надлежитъ быть закохранилищу, которое слововодцами народы составлено быть можетъ.

Какъ естество единоначалія требуетъ, чтобъ положенныя во основаніе государстенныя узаконенія надлежащимъ образомъ наблюдаемы были, и жители бы по онымъ поступали (§. 66.), то признаетъ господинъ *Монтескю* за необходимо въ единоначаліи быть мѣсту законохраненія. Въ семъ случаѣ я съ нимъ одного мнѣнія; ибо сіе слѣдствіе есть происходящее изъ естества вещи. Присемъ не спорю еще и въ томъ, что для такого законохраненія неспособны какъ благородство, такъ и ближніе Государя. Но ежели онъ думаетъ, что оное законохраненіе исполнять можетъ такое политическое тѣло, каковъ есть Парламентъ во Франціи, то въ томъ я съ нимъ не согласенъ. И подлинно сіе не было истиннымъ его мнѣніемъ, а утверждалъ онъ по причинѣ, что правды написать не смѣлъ. Да и какимъ образомъ возможно было ему признать способнымъ къ законохраненію такой Парламентъ, о которомъ онъ самъ зналъ, что *Лудвигъ XIV.* принудилъ

нудилЪ его подписать не токмо наивеличайшія угнѣтенія вЪ поборахЪ, но и явное государственныхЪ узаконеній испровержение, обЪявленіемЪ, что побочные его сыновья наслѣдовать могутЪ. МогЪ ли онЪ еще забыть, коль часто сочлены сего тѣла по одиначкѣ при малѣйшемЪ супротивлении намѣренію двора вЪ ссылку посылаемы, или вЪ темницу заключаемы были, да и все сіе собраніе неоднократно во изгнании находилось? И поистиннѣ ему не можно было такое тѣло признать способнымЪ кЪ законохраненію. Сіе законохраненіе по мнѣнію моему наилучшее будетЪ, когда безпредѣльную власть имѣющей Государь народу своему дозволитЪ, чтобЪ каждая область вЪ главномЪ его городѣ содержала двухЪ повѣренныхЪ, или слововодцовЪ, кои бы однако не имѣли власти чинить вЪ чемЪ нибудЪ помѣшательства. Они не должны никогда задержаны и наказаны быть, токмо предЪ собраніемЪ народа; также чтобЪ не были еще и вЪ службѣ у Государя; выбрать ихЪ надлежитЪ на весь вѣкЪ. Сіи слововодцы да имѣютЪ дерзновеніе о всемЪ томЪ государю самолично представлять, что они признаютЪ противнымЪ во основаніе положеннымЪ государственнымЪ узаконеніямЪ, а уѣзду ихЪ вредительнымЪ. ВЪ случаѣ крайнія нужды должны они право имѣть по большинству голосовЪ, созвать общенародное собраніе, состоящее изЪ избираемыхЪ отЪ народа повѣренныхЪ. Я легко понимаю, что сіе предложеніе невкусно будетЪ для деспотическихЪ дворовЪ и ихЪ служителей. Но когда они истинно любятЪ и ищутЪ добра ввѣренныхЪ имЪ народовЪ, то не предвижу я ни мало, чтобЪ сіе предложеніе какое нибудь худо для нихЪ вЪ себѣ содержало. Власть ихЪ чрезЪ то ни вЪ чемЪ не умалится, и можетЪ ли

жетъ ли справедливо какой нибудь Государь отказать подданнымъ своимъ, всеподданнѣйшія ему чинить представленія. Сіе есть самое малѣйшее для подданныхъ право, которое и господинъ, ежели только не мучитель, невольникамъ своимъ дозволяетъ. Мудрому Государю будетъ сіе тѣмъ любезнѣе, ибо онъ чрезъ то пріобрѣтаетъ надежнѣйшей путь къ прозрѣнію истинны, и свойственнаго земли состоянія, о чемъ слуги государственные ему иногда весьма часто инако представляютъ.

§. 71.

Недостатокъ законохранилища должно наградить благоустройству во основаніе положенныхъ узаконеній.

Я согласенъ въ томъ, что ко введенію сего законохраненія весьма мало надежды. Но какъ всѣ другіе роды законохраненія нималѣйшаго дѣйствія имѣть не могутъ противъ однажды принятой дворомъ воли, дабы съ пренебреженіемъ во основаніе положенныхъ узаконеній народъ утѣснять, то благоустройству единоначалія должно наградить недостатокъ законохранилища. И поистиннѣ будутъ всегда изящнымъ и дѣйствительнымъ законохраненіемъ вышеобъявленныя мною (§. 57.) правила, о вольности и собенности подданныхъ, о непрерывномъ теченіи правосудія, о невозвышеніи податей, и о избѣжаніи войны, къ чему еще и шестое сіе присоединить можно, то есть, все цѣлое государственныхъ узаконеній наблюденіе. И для чего правдолюбивымъ единоначаліямъ сего не утвердить? Я ни мало здѣсь не говорю о любви ихъ къ подданнымъ, и о благополучіи сихъ послѣднихъ. Собственное ихъ благоденствіе и польза къ тому ихъ обязуютъ. Ниже сего послѣдуемъ мое разсужденіе о гибели государственной; изъ онаго усмотрѣть возможно, что по большей

части

части небрежение вышесказаннаго было падениемъ единоначалия.

§. 72.

При наблюдении сихъ начальныхъ правилъ единоначалие есть наилучшей правления образъ.

Когда безпредѣльныя единоначалия сии правила содержатъ непреступаемымъ закономъ и непремѣнною стезею, то должно мнѣ признаться, что единоначалие между всѣми правления образами почитаю за лучшей. Единоначальная область есть одинакое орудие безъ всякаго ухищрения сложенное. Извѣстно же и то, что такия орудия большую могутъ оказать силу, и бываютъ наипрочнѣйшия; да и самымъ дѣломъ неограниченное единоначалие наивящшее могущество и дѣятельность предъ всякимъ другимъ равнымъ ему государственнымъ тѣломъ имѣетъ. Единоначальный Государь придаетъ всѣмъ членамъ области своея такой огонь и такое ободрение, коихъ другия правительства дать не могутъ. Всѣ прочия державы, которыхъ начальныя установления больше ухищренны и многосложны, содержатъ въ себѣ въ разсуждении неизбѣжныхъ разногласий причину къ пагубѣ, какъ напротивъ того въ единоначальныхъ государствахъ сего не бываетъ, развѣ подъ слабымъ правителемъ. И поистиннѣ единоначалие есть такое орудие, которое неисчислимое почти время стоять можетъ, когда токмо содержано будетъ по симъ правиламъ. Но при всемъ томъ признаюсь я, что сие КОГДА есть весьма великая важность въ преимуществахъ, единоначальному Государю приписуемыхъ, и что по сему сие преимущество хотя всегда и возможно, однако рѣдко дѣйствительно бываетъ.

§. 73.

§. 73.

Въ чемъ разнится единоначаліе отъ деспотства.

По учиненному нами теперь разсужденію о естествѣ единоначалія, можемъ мы наилучшимъ образомъ отличить деспотическое правленіе, которое ничто иное есть, какъ злоупотребленіе перваго. (§. 65.) Хотя таковымъ злоупотребленіемъ правимой народъ имѣетъ состоятельство гражданскаго существа, и есть порядочное государственное тѣло; но деспотъ, уничтожая всѣ права, присвояетъ оныя единственно своей особѣ; и для того въ правленіи его нѣтъ общественнаго намѣренія и составляющаго существо государства; собственное его благоденствіе замѣняетъ все сіе. Въ области его нѣтъ собственности частныхъ людей, для того что особа его представляетъ все тѣло государственное, имѣвшее до того верьховное присвоеніе надъ имѣніями частныхъ. Въ монархіи есть первоначальная власть народа, и отъ нея зависятъ полагаемые во основаніе узаконеніи. Напротивъ же того деспотъ присоединившей лицу своему сію власть, поставляетъ самопроизвольность свою, и свое своенравіе на мѣсто всѣхъ утвержденныхъ ужѐ законовъ. Онъ уничтожаетъ установленное наслѣдство, и избираетъ преемникомъ себѣ, кого хочетъ, а сверьхъ того издаетъ еще такой вздорной законъ, чтобъ и наслѣдники его всѣ такую же власть имѣли; сверьхъ того бываетъ еще и совѣстей подданныхъ своихъ мучителемъ, принуждая ихъ къ своей вѣрѣ разными томленіями, ссылкою и самою висѣлицею. Въ единоначаліи же живутъ люди, имѣя утвержденные законы пра́виломъ, и могутъ почитать себя вольными, для того что ничемъ кромѣ предписанія законныхъ непринуждаются. Но въ деспотствѣ бываетъ сіе инако.

ко. ТамЪ хотя и есть законы, однако на нихЪ какЪ вЪ разсужденіи прошедшаго, такЪ и будущаго положиться не можно, ибо они до тѣхЪ порЪ токмо силу нѣкоторую имѣютЪ, пока соотвѣтствуютЪ желанію и намѣреніямЪ деспота. ПодЪ его правленіемЪ никто, не утверждаясь на своихЪ правахЪ и вольностяхЪ, не можетЪ ничего подлинно собственнымЪ своимЪ назвать; какЪ между тѣмЪ вЪ единоначаліи все сіе сохраняется безЪ малѣйшаго поврежденія, изключая токмо наивеличайшую нужду вЪ случаяхЪ требующихЪ того государственною пользою. Единоначальный Государь употребляетЪ сокровища свои какЪ на собственное свое содержаніе, такЪ и на пользу своихЪ подданныхЪ, но деспотической властитель, называющей своимЪ все, чтобЪ ни было вЪ бѣднѣйшей его области, игомЪ рабства отЪ него обремененной, расточаетЪ доходы свои по своимЪ любимцамЪ, или по военнымЪ людямЪ, отЪ которыхЪ по произволу своему паки похищаетЪ. НѣтЪ подЪ его правленіемЪ ничего крѣпкаго, нѣтЪ ничего извѣстнаго. НаизнатнѣйшихЪ людей состояніе, таково жЪ надежно, какЪ и самыхЪ подлыхЪ ИванЪ сего дня ГрафЪ и ПолководецЪ, назавтра ничто. ФоканЪ богатой былЪ намнясь СенаторЪ, а теперь вдругЪ сталЪ и бѣденЪ и глупЪ. Прохора обвѣсили третьяго дня всѣми лентами, а вчера надѣли на него солдатскую суму. СидорЪ за нѣсколько дней передЪ симЪ торжественно былЪ возведенЪ вЪ Княжеское достоинство, а сего дня держится уже вЪ оковахЪ и поѣдетЪ на каторгу. Орудія мучительства, бывшія на верьху возможныя чести во время деспотическаго правителя, отЪ преемника его низвергаются вЪ глубочайшую пропасть.

ВсѣмЪ

всѣмъ изрекающимъ или мыслящимъ еще изрещи противъ него, не весьма почтительное слово, урѣзываетъ языкъ, и въ жестосердіи своемъ засылаетъ и невинныхъ людей въ наиотдаленнѣйшія пустыни. Какимъ же образомъ быть чему нибудь надежному и извѣстному подъ его правленіемъ, когда и собственное его состояніе есть наинеизвѣстнѣйшее? Тысяча острѣйшихъ мечей готовы втайнѣ пронзить его грудь. Наималѣйшее движеніе и не большее число военныхъ людей низводятъ его съ престола, для того что никто его не любитъ и вспоможенія ему не чинитъ. Обладателемъ неизчетнаго народнаго множества ложится спать, пробужается же невольникомъ, или ужѐ и въ челюстяхъ самыя смерти; и хотя бѣднѣйшую свою жизнь, проводя ея въ подлѣйшихъ сластолюбіяхъ и въ ежеминутныхъ опасностяхъ окончитъ ненасильственно, но возтрепещетъ наконецъ предъ безконечнымъ существомъ, державу ему давшимъ, на учиненіе благоденственнымъ того народа, которой наивеличайшимъ порабощеніемъ, бѣдствіями и злополучіями во время правительства его удручаемъ былъ. Тогда прокленетъ онъ себя самаго, свое состояніе и дѣла свои, и возчувствуетъ на вѣки болѣзненное эхо вопіющихъ на него бывшихъ его подданныхъ.

ВТОРОЕ ОТДѢЛЕНІЕ
О
МНОГОНАЧАЛІИ.

§. 74.

Изъясненіе многоначалія, и изображеніе его естества.

Многоначаліе есть то, когда въ вольной области одна часть народа, или природное благородство, имѣетъ верьховную власть, и оную въ дѣйство производитъ какъ въ законодательныхъ, такъ и исполнительныхъ случаяхъ. Сей правленія образъ имѣетъ совсѣмъ одинакое свойство съ неопредѣленнымъ единоначаліемъ, съ такою только разностію, что здѣсь находится вмѣсто одной особы, все благородство, котораго власть въ разсужденіи всего народнаго тѣла также неограничена какъ и единоначальника. И какъ благородство въ разсужденіи всего тѣла своего есть державно, то единственной онаго членъ въ извѣстномъ отношеніи есть соучастникъ неограниченныя власти, во многихъ же иныхъ случаяхъ, а особливо въ частныхъ своихъ дѣлахъ, подданной; напротивъ того единоначальствующій Государь отъ всего сего свободенъ есть. Въ такомъ же обстоятельствѣ состоитъ здѣсь начальная власть народа, какъ и въ единоначаліи. Она безспорно есть, хотя благородство беретъ въ ней участіе, ибо оно есть часть народа, и потому правительствующее благородство такъ все цѣло сохранять сію власть долженствуетъ, какъ и единоначальствующей. Оно не можетъ безъ согласія всего народа ни

образа

образа правленія перемѣнить, ни избрать новаго владѣтеля, ни уничтожить разныя собранія, дѣйствующія тою или другою частію сея верьховныя власти; понеже при сихъ случаяхъ въ многоначаліи инако поступать надлежитъ, нежели въ единоначаліи, гдѣ Государь воленъ перемѣнять какъ правительства, такъ и своихъ служителей, и сія перемѣна производитъ токмо въ однихъ государственныхъ служителяхъ; здѣсь же напротивъ того есть и будетъ сіе перемѣною въ верьховной власти самой; сверьхъ сего правительствующее благородство безъ согласія народа не можетъ и не должно по справедливости новыхъ родовъ къ себѣ присоединять, понеже не имѣетъ величественнаго права, владѣтелю принадлежащаго, посредствомъ котораго творитъ онъ Князей, Графовъ, и дворянъ; въ многоначаліи будетъ сіе прибавленіемъ или умноженіемъ числа правительствующихъ господъ; начальная власть народа одна токмо есть могущая по праву своему возпосадить себѣ Государя, или въ верьховной власти соучастника.

§. 75.

Многоначаліе есть несправедливѣйшей правленія образъ, которой правдоподобно никогда вольнымъ народомъ учиненъ не былъ.

Трудно весьма отрицать, чтобъ многоначаліе не было несправедливѣйшимъ правленія образомъ. Когда въ началѣ не устрояется единоначаліе, то вообще весь народъ имѣетъ къ правленію равныя преимущества и равныя права; да и съ какимъ основаніемъ можетъ одна часть народа присвоить себѣ верьховную власть со изъключеніемъ прочихъ, и почему сіи множествомъ превозходящіе должны благоденствіе свое и свое благополучіе безпредѣльно поручить малѣйшей части? И подлинно верьховная власть будетъ оскорбительнымъ преимуществомъ,

ежели сограждане надъ согражданами превознесутся. Въ единоначалiи можетъ народъ взирать на сiе преимущество и на неравенство чиновъ знатнаго и прочаго благородства всегда независтнымъ окомъ, ибо сiе благородство подвластно Государю, и чрезъ то самое съ прочимъ народомъ въ нѣкоторомъ равенствѣ содержится; почему и не уповаю, чтобъ когда нибудь многоначалiе въ свѣтѣ учинилось по собственному побужденiю народа и по самопроизвольному его намѣренiю, но произшедшiя мало по малу народа удрученiя, или завоеванiя были повсюду причиною сего правленiя; и что особливо завоеванiя основанiемъ многоначалiя суть, то видимъ мы изъ всѣхъ государствъ, великими народными переходами составленныхъ. Всѣ таковыя были единодержавiя съ многоначалiемъ соединенныя, а въ нѣкоторыхъ многоначалiе верьхъ имѣло и надъ единоначалiемъ, какъ мы теперь въ Польшѣ находимъ. При завоеванiяхъ сихъ всѣ старинныя земли жители зделались невольниками. Тогда было такое право войны и народовъ. Побѣдители дѣлили по себѣ землю; и какъ каждой изъ нихъ съ получаемою частiю земли получалъ крестьянъ или рабовъ, то произошло изъ побѣдителей свободныхъ то, что мы нынѣ благородствомъ называемъ. Какъ изъ вышесказаннаго *Тацитомъ* усмотрѣть можно, что Нѣмецкiе народы, бывшiе по большой части побѣдителями, жили въ великой вольности, и Королямъ своимъ также и вождямъ въ народныхъ собранiяхъ дозволяли больше власть увѣщанiя, нежели могущество повелѣванiя, то посему вольные между сими побѣдителями люди и имѣли участiе въ верьховной власти; и для того такимъ образомъ всѣ сiи новыя правительства зделались

лись многоначальными. Посредствомъ сего можно удобно изъяснить великую силу благородства и присвоеніе хлѣбопашцовъ въ южныхъ странахъ Европы, а особливо въ Польшѣ, Нѣмецкимъ народомъ порабощенной. Но трудно весьма показать причины, какимъ образомъ сія великая власть благородства и присвоеніе крестьянства произошли въ Швеціи и Даніи, толь много сотъ лѣтъ продолжавшіяся, и нынѣ еще довольно видимыя, потому что изъ Исторіи усмотрѣть не можно, чтобъ сѣверъ былъ когда нибудь порабощенъ чужимъ народомъ. По мнѣнію моему повѣсть о богахъ сѣверныхъ можетъ намъ при семъ случаѣ служить просвѣщеніемъ. Древніе сѣверные писатели утверждаютъ единогласно, что Богъ ихъ именемъ *Одинъ*, основатель сѣверныхъ царствъ, пришелъ отъ юга, что по смерти своей возвратился паки въ югъ, и храбрымъ своимъ товарищамъ устроялъ славное принятіе и великое благоденствіе (4). По всему правдоподобію былъ сей *Одинъ* вождь народа побѣдившаго въ сѣверѣ живущихъ тогда людей, учинившихся тогда и послѣ того невольниками.

§. 76.

Многоначаліе требуетъ къ своему сохраненію насильственныхъ способовъ.

Толь несправедливѣйшее правленіе, каково есть многоначаліе, необходимо требуетъ и насильныхъ средствъ къ своему содержанію. Оно имѣетъ въ себѣ всегда двухъ враговъ. Угнѣтаемой благородствомъ народъ ищетъ свергнуть съ себя сіе иго, и получить участіе въ правленіи. Съ другой стороны обстоятельство самого правительства возжигаетъ желаніе въ усилившемся благородствѣ, все тѣло собратій

(4) Барона *Голберга Дацкой* и *Норвежской Исторіи* 1. часть 4. отдѣленіе.

своихъ такимъ образомъ поработить, какъ отъ него народъ удручается; что и возможно, ибо народъ въ тотъ часъ пристанетъ къ имѣющему случай здѣлаться всего общества Государемъ, понеже впрочемъ неволею мучимые люди захотятъ лучше имѣть единоначальнаго Государя, нежели многоначальное благородство. Потому что первой меньше причинъ имѣть можетъ къ утѣсненію народа, нежели сіе послѣднее, отъ котораго всего страшнаго и ужаснаго ожидать надлежитъ. И такимъ образомъ многоначальное правленіе ежечасной опасности подвержено, чтобъ не быть превращеннымъ или въ народоначаліе или единоначаліе, и сію опасность не можетъ оно инако отъ себя удалить, какъ чрезъ насильственные способы. Сего ради устроенный страшной зѣвъ Венеціанскаго льва никогда незатворяющейся, дабы во ономъ каждой доноситель могъ насытить мщеніе свое, и государственная инквизиція, которая по тайнымъ доносамъ учреждаетъ потаенныя слѣдствія и изысканія, устрашающія всѣхъ безъ изъятія. Польша ввела такоеже насильственное средство, дабы чрезъ то многоначаліе свое укрѣпить противъ возрастимогущаго единоначальства. Средство сіе есть свободное *не позволяю*, чемъ одинъ токмо уѣздной повѣренной принятое намѣреніе прочаго собранія уничтожитъ, и Королю помѣшательство учинить можетъ, въ расширеніи власти его привлеченіемъ на свою сторону большаго числа голосовъ. Сея ради причины бывалъ въ Римѣ Диктаторъ, особа по нуждѣ неограниченную власть имѣвшая, дабы сохранить многоначаліе отъ народоначалія. Таковые насильственные способы хотя и могутъ подкрѣплять сіе правленіе,

вленіе, но область, и безъ того такимъ образомъ правимая, бывъ не весьма благополучною, будетъ еще бѣдняя. Мѣщанинъ въ Венеціи меньше всего вольностію наслаждается, и государственные Инквизиторы причиняютъ, что онъ еще наивящщее ощущаетъ рабство. Не позволяю же, сія бѣднѣйшая Польскаго многоначалія подпора опровергаетъ всѣ наиполезнѣйшія начинанія, и дѣлаетъ то, что Польша о благоденствіи своемъ ничего попечительнаго въ дѣйство произвесть не въ состояніи. Государство сіе приходитъ отъ часу въ большую слабость, и придетъ наконецъ до того, что сіе толь ревнующее о вольности своей благородство поработится, и Польша по всей очевидности будетъ со временемъ добычею сильнаго сосѣдственнаго государства.

§. 77.

Верьховная власть должна раздѣлена быть между разными собраніями благородныхъ.

Какъ въ многоначаліи и безъ того весьма мало вольности остается жителю, однако онъ несравненно большей передъ тѣмъ неволѣ поработится, когда неограниченная верьховная власть отъ одного собранія благороднаго въ дѣйство производима будетъ. Слѣдствія того, когда всѣ отрасли и раздѣленія верьховныя власти въ рукахъ находятся одного человѣка, или одинакаго тѣла, показаны отъ насъ прежде въ (56); и ежели одно собраніе въ многоначаліи производитъ въ дѣйство какъ законодательную, исполнительную, такъ и судительную верьховную власть, то прочіе люди никогда не могутъ свободными быть отъ налагаемыхъ несправедливостію и насиліемъ узъ. Римъ ко вреду своему имѣлъ отъ того опыты, когда онъ, желая лучшіе законы имѣть, отдалъ въ руки всѣ отрасли верьховныя власти деся-

тю-

томужїю, изЪ коихЪ каждой здѣлался потомЪ ужаснымЪ *мучителемЪ* (5); такое будетЪ послѣдованїе вЪ каждомЪ многоначалїи, ежели сїя верьховная власть будетЪ у одного собранїя. Сїе же самое подаетЪ намЪ причину опасатся, чтобЪ и вЪ Швецїи непроизошло со временемЪ какого кровопролитїя, понеже государственныя учрежденїя всегда перевѣшиваютЪ кЪ сторонѣ многоначалїя, кЪ томужЪ и государственной сеймЪ присвояетЪ себѣ всѣ отдѣленїя верьховныя власти, чрезЪ что усилившаяся сторона того сейма всегда вЪ состоянїи бываетЪ сограждавЪ своихЪ утѣснять. И такЪ когда хотя мало многоначалїю быть справедливѣе, то непремѣнно надлежитЪ, чтобЪ главныя отрасли верьховныя власти были между собою раздѣлены, и разными собранїями управляемы. Одному собранїю надобно имѣть законодательную власть, другому исполнительную, третьему управительную вЪ дѣлахЪ полицейскихЪ или благоустройственныхЪ, четвертому судительную. Когда сочлены сихЪ собранїй или сами собранїя одинакїя будутЪ имѣть во основанїе положенныя узаконенїя, склонности и намѣренїя, то раждается изЪ сего равновѣсїе между властвующими, чрезЪ что состоянїе гражданЪ нѣсколько сноснѣйшимЪ становится. Такое учрежденїе дѣйствительно есть вЪ Венецїи, и можно сказать, что Венецїанское общество, при семЪ правленїя образѣ, вообще малогодномЪ, наилучшее есть, которое токмо изЪ многоначалїя учинить возможно.

§. 78.

Благородство дол- Мы выше сего (§. 57.) показали, что каждая безпредѣльная власть должна себя умѣрять

(5) ТИТЪ ЛИВIЙ книг. VIII. ДIОНИСIЙ *Галикарнасскій* книг. XI.

рять и ограничивать, когда токмо хочетъ поспѣшествовать благоденствію и благосостоянію своихъ подданныхъ, а особливо собственному своему и своея области вообще. Всѣ начальныя правила, коими единоначальный Государь ограничить себя нужду имѣетъ, (§. 71.) долженствуетъ и правительствующее благородство, которое здѣсь вмѣсто единоначалія, наипочнѣйше наблюдать; сверьхъ же того оному предлежитъ еще особое правило, состоящее въ томъ, чтобъ оно собственные свои преимущества, елико возможно отвлекая отъ глазъ народа, ограничивало, а чрезъ то бы самое уменьшало къ себѣ народную ненависть; того ради надобно ему, такъ какъ и прочимъ подданнымъ, принимать на себя тягость податей по мѣрѣ своего иждивенія. Римское многоначаліе было въ семъ случаѣ весьма справедливо. Знатнѣйшіе тамъ носили не токмо наивеличайшую тягость податей, но и временемъ одни оную платили. Равномѣрнымъ образомъ необходимо, чтобъ благородство въ снисканіи богатства умѣренно поступало, или бы по крайней мѣрѣ наружныхъ онаго знаковъ, великолѣпія и разсточенія меньше оказывало. Однако всегда будетъ лучше, ежели благородство не имѣетъ чрезмѣрныхъ стяжаній. Понеже тогда не столь много сыщется помышляющихъ о угнѣтеніи общества. Непомѣрныя сокровища знатнѣйшихъ родовъ въ Римѣ, приведшія ихъ въ состояніе, цѣлыя войска въ полѣ содержать, были главнѣйшія причины паденія Римскаго народа. Венеціанскія начальныя правила въ разсужденіи сего весьма премудро установлены. Тамъ не дозволяется никакому благородному оказывать ни малѣйшаго великолѣпія и разсточенія. Черное платье и умѣренное житіе въ ихъ домахъ введены весьма

долженствуетъ себя умѣрять подобно единоначальному Государю, а особливо убѣгать отъ наружныхъ преимуществъ.

строгими законами. Между тѣмъ оказываютъ они наивеличайшее великолѣпіе въ украшеніи домовъ своихъ на матерой землѣ; и намѣреніе, дабы преимущество съ насиліемъ сопряженное, не столь было явственно, кажется, сему учрежденію соотвѣтствуетъ.

§. 79.

Къ охраненію многоначалія не надлежитъ никому изъ благородства поручать весьма великой и долговременной власти.

Естеству многоначалія принадлежитъ такожде, чтобъ оно никому чрезвычайно великого могущества не поручало; еще жъ и государственные чины, сопряженные съ нѣкоторою властію, не долженствуютъ даваны быть на долгое время. Ежечасно себя самаго страшащееся правленіе, дабы не быть отъ какого нибудь сочлена своего изпровержену, имѣетъ нужду въ такой осторожности. Противоположенныя сему погрѣшности были особливою причиною изнеможенія народа Римскаго. Чрезмѣрная и долгопродолжающаяся власть, данная Римомъ *Помпею*, *Юлію Цесарю* и прочимъ, была ближайшимъ попущеніемъ къ угнѣтенію вольности. Въ разсужденіи сего Италіанскія и Далматскія общества весьма осторожно поступаютъ, имѣя въ глазахъ примѣръ многихъ другихъ Италіанскихъ областей, которыя въ среднихъ вѣкахъ Полководцами и знатными согражданами своими порабощены были. Большая часть изъ оныхъ перемѣняютъ власть своихъ правителей весьма уже часто. Въ Рагузѣ ежедневно новой градодержатель; да и Венеція, кажется, поставляетъ себѣ за особливое правило, что благородство не легко ввѣряетъ сочлену своему чинъ верьховнаго Полководца. По крайнѣй мѣрѣ уже изъ давныхъ лѣтъ имѣли у нихъ сей чинъ чужестранные.

§. 80.

Того ради надлежитъ во всѣ чины избирать жеребьемъ, причемъ разсматривается мнѣніе господина Монтескю.

Согласно сему же намѣренію требуетъ естество многоначалія, чтобъ всѣ чины въ правительствахъ, кромѣ военныхъ жеребьемъ избираемы были, какъ напротивъ того въ народоначаліи выборъ сей долженъ быть по большинству голосовъ. Господинъ *Монтескю* утверждаетъ сему совсѣмъ противное. Онъ говоритъ: (б) „ Выборъ „ по жеребью принадлежитъ народоначалію, вы„ боръ же голосами многоначалію „. Въ слѣдующемъ потомъ отдѣленіи изъясняетъ онъ причины того. „ Здѣсь (говоритъ о многона„ чаліи) не надлежитъ быть избранію жеребьемъ, „ для избѣжанія многихъ затрудненій. И под„ линно хотя бы въ такомъ правленіи, въ ко„ торомъ ужѐ введены насильственныя преиму„ щества, происходилъ выборъ жеребьемъ, одна„ ко чрезъ то ненависти избѣжать невозможно. „ Не чины правленія, но правленіе само по себѣ, „ то есть благородство ненавидимо „. По мнѣнію моему основаніе сіе не имѣетъ ни малѣйшаго уваженія, для того что посредствомъ онаго не усматриваются нестроенія, происходящія отъ жеребьеваго выбора, и которыя отвратить надлежитъ; какъ напротивъ того упущеніемъ сего въ многоначаліи, упущено будетъ единственное сіе и наилучшее средство къ избѣжанію многихъ непорядковъ. Ежели въ многоначаліи выборъ будетъ происходить чрезъ голоса, то неданіе оныхъ не токмо возбудитъ въ благородствѣ всякую ненависть и раздоръ, но здѣлаются многія изъ онаго части, для полученія себѣ голосовъ. Многоначалію же ничто такъ не пагубно, какъ таковыя раздѣленія. Сіе народоначалію невредное для многонача-

(б) *Разумъ законовъ* часть I. книг. II. глав. 2.

началія, бываетъ первою стезею къ погибели. Ничто его не можетъ такъ сохранить отъ превращенія въ единоначаліе или народоначаліе, чемъ оное ежечасно устрашается, какъ согласіе единодушное всего тѣла благородства. Какъ скоро возникнутъ въ немъ раздоры, то угнѣтаемая часть присоединитъ къ себѣ прочей народъ, дабы тѣмъ усилиться. Выборъ же по жеребью возбраняетъ путь наичестолюбивѣйшимъ и беззаконнымъ людямъ, подкупленіемъ домогаться наиважнѣйшихъ чиновъ, и чрезъ то возвышать себя на пагубу всего общества. И такъ по всему жеребей есть неизбѣжнонужное средство къ сохраненію многоначалія, и въ дѣлахъ государственныхъ никакого помѣшательства здѣлать немогущее. Въ разсужденіи правительствующаго благородства, званіе свое благоразумно управляющаго, надлежитъ напередъ положить, чтобъ всѣ сочлены онаго такимъ образомъ воспитываемы были, дабы къ чинамъ и исправленіямъ въ обществѣ способность и искусство имѣли, напротивъ того въ народоначаліи бываетъ сіе инако. Великое число избираемыхъ, между коими находится множество людей худаго воспитанія неспособныхъ и неискусныхъ, требуетъ необходимо выбора по голосамъ. Правда и въ многоначаліи не всегда достойнѣйшіе жеребьемъ избираются; однако совсѣмъ неспособными быть не могутъ; къ тому жъ и сохраненіе сего правленія образа важное для благородства и всея области примѣчаніе есть, а особливо когда предпоставить, что оное утверждается на положенныхъ во основаніе общества учрежденіяхъ, и что напротивъ того малѣйшей вредъ, не всегда достойнѣйшихъ правителей имѣть, не можетъ

принятъ

принятъ быть въ уваженіе. Впрочемъ мнѣніе господина *Монтескю* не утверждается примѣрами бывшихъ и сущихъ въ свѣтѣ многоначалій, изъ которыхъ въ Италіанскихъ всѣхъ жеребей употребителенъ, а особливо въ Венеціи введена при семъ великая осторожность, такъ что жеребей раза четыре или пять бросаютъ, а потомъ уже назначиваютъ. Въ Кантонѣ Бернскомъ во всѣ правительства выбираютъ жеребьемъ. Господинъ *Галлеръ*, на неизвѣстность сію, каковъ есть жеребей, положась оставилъ Геттингенъ, однако не могъ тамъ получить Амманства, а былъ только Амманомъ, или привратникомъ за тѣмъ, что жеребей ему былъ всегда не удаченъ.

§. 81.

Разсудя о всемъ мною сказанномъ до сего о естествѣ многоначалія, признаться надлежитъ, что образъ сей правленія по существу своему подверженъ многимъ погрѣшностямъ и къ отмѣнному поспѣшенію всего народнаго блаженства недостаточенъ; понеже въ естествѣ своемъ неотлучную недовѣренность поставляетъ такимъ правиломъ, которое не всегда наилучшее есть. И когда по сему господинъ *Монтескю* говоритъ, что изряднѣйшее многоначаліе то есть, гдѣ прочей народъ въ правительствахъ участія не имѣющей, такъ малъ и бѣденъ, что благородство не имѣетъ причины его угнѣтать, то ничего симъ не утверждаетъ такъ, какъ великое сего правленія несовершенство; ибо крайняя нищета покаряющ яся народа части не можетъ составить никакого правленію преимущества. И такъ чѣмъ ближе многоначаліе подходитъ къ народоначалію, тѣмъ бываетъ всегда лучше; а

Многоначаліе по естеству своему не весьма изрядное, будетъ тѣмъ лучше чѣмъ ближе подойдетъ народоначалію.

сїе не инако послѣдовать можетъ, какъ токмо ежели правленїе не будетъ въ рукахъ наслѣдственнаго благородства, и извѣстная великость имѣнїя, опредѣляемая великостїю же податей, право подавать будетъ, въ правленїи брать участїе по крайней мѣрѣ посредствомъ голосоваго выбора. Когда законы такъ какъ въ Англїи при выборѣ представляющихъ народъ, или парламентскихъ Членовъ весьма умѣренное имѣнїе поставляютъ, дабы въ томъ участїе имѣть, то никто изключенъ не будетъ имѣющей разумъ и смыслъ въ дѣлахъ общенародїя; прочая же бѣдная и не большая часть народа должна признана быть ума и воли очужденною, чтобъ быть соучастницею въ надобностяхъ народныхъ: и подлинно не имѣетъ ни того, ни другаго. Ибо хотя у ней воля и есть; однако волею почесться не можетъ за тѣмъ, что касается токмо до собственнаго прибытка, а не пользы всего народа; таковые люди желаютъ для того токмо голосъ имѣть, чтобъ его продать, а не для совѣтованїя обществу, котораго прибытки, ежели еще у нихъ и никакого имѣнїя нѣтъ, съ ихъ пользою не весьма сопряжены. Однако сїе ужѐ не будетъ многоначалїе, но истинное и исправленное народоначалїе; ибо голоса̀ бѣднаго народа были причиною паденїя всѣхъ народоначалїй. Какъ долго Римской народъ голоса̀ свои давалъ по центурїямъ и курїямъ, то все было хорошо; но какъ скоро въ собранїяхъ Римскихъ чрезъ Трибусы или роды голоса̀ сбирать начали, при чемъ все зависило отъ простаго и бѣднаго народа, то гибель ихъ скорымъ шествїемъ къ нимъ приближилась.

§. 82.

§. 82.

Между тѣмъ возможно однако быть истинному многоначалію, которое не будетъ столько имѣть естественныхъ сему правленію погрѣшностей, сколько изъящности и способности къ произведенію въ дѣйство великихъ дѣлъ. Оному должно основану быть не на природномъ, но на личномъ благородствѣ. Сіе личное благородство не должно инако получаемо быть, какъ отмѣнною храбростію, великими добродѣтелями, чрезвычайными способностями, однимъ словомъ, знатными и повсюду извѣстными заслугами. Народъ долженъ, чрезъ представляющихъ его, каждые три года для того собирающихся, предъявлять достойныхъ къ полученію такого благородства; и учрежденное въ области нравосудительное собраніе по строжайшемъ испытаніи сіе благородство да утверждаетъ. Народу надлежитъ сихъ нравосудителей избирать изъ благородства и удостоивать къ тому наидобродѣтельнѣйшихъ и заслуженныхъ людей не моложе 55. лѣтъ. Когда народъ за выбытіемъ одного нравосудителя въ первомъ своемъ собраніи другаго избирать будетъ, то нравосудителей собранію надлежитъ имѣть свободу съ показаніемъ причинъ, уничтоживать сей выборъ, чего ради народъ долженъ избирать другаго. Сіе нравосудителей собраніе имѣетъ быть ни отъ кого независимо, и не вмѣшивается ни въ какія какъ внутренныя, такъ и внѣшнія государственныя дѣла, а рачитъ единственно о сохраненіи и поспѣшеніи добродѣтелей, добрыхъ нравовъ и наукъ, а особливо о не нарушеніи во основаніе положенныхъ общества узаконеній. Въ разсужденіи нравовъ должно имъ власть имѣть какъ надъ всѣми народъ представляющими, такъ и надъ всѣми членами правительствъ,

Предложеніе изряднаго многоначалія, состоящаго изъ личнаго благородства.

тельствѣ, и тѣхъ исключать, которыхъ найдутъ порочными, или подарки принимающими. Когда всѣ правосудители единогласно какого нибудь члена правительства или изъ представляющихъ народъ исключаютъ; то въ семъ случаѣ не должно быть переносу ко всему народу. Ежели же таковое исключенiе послѣдуетъ нѣсколькими голосами правосудителей, то хотя переносъ тогда и дозволяется, однако изключаемой до будущаго народнаго собранiя не можетъ никакого дѣла исправлять, также и голосъ его до тѣхъ поръ недѣйствителенъ. И такъ предложенные отъ народа, и правосудителями въ благородствѣ утвержденные, должны имѣть въ обществѣ наивысочайшую власть. Для сего надобно быть многимъ собранiямъ, а особливо двумъ высочайшимъ, изъ которыхъ первое законодѣтельное могущество, второе же исполнительное въ дѣйство производить будутъ. Представляющiе народъ должны избирать изъ благородства составляющихъ таковыя собранiя. Подъ сими двумя высочайшими собранiями должно быть многимъ другимъ приказамъ, а именно: расправному, военному, морскому, благочинному или полицейскому, домостроительному, торговому и о государственныхъ доходахъ попечительному. Послѣднему сему приказу надобно зависить единственно отъ законодательнаго собранiя; прочiе же всѣ приказы состоятъ подъ вѣденiемъ обоихъ высочайшихъ собранiй, а именно: отъ одного въ разсужденiи законоданiя, отъ другаго же въ разсужденiи исполненiя. Народъ выбираетъ на мѣста въ расправной приказъ, законодательное же собранiе въ благочинной, торговой и о доходахъ государственныхъ попечительной приказъ; какъ напротивъ того исполнительное собранiе въ военной и морской

приказъ,

приказъ, также въ полководцы и прочіе воинскіе чины. Когда оба высочайшія собранія будутъ разнаго въ случаѣ мнѣнія, то должно дѣлу рѣшиму быть всѣмъ благородствомъ. Прочему народу не надобно имѣть участія въ верьховной власти и во всѣхъ дѣлахъ государственныхъ, а остается ему только выборъ по голосамъ, къ чему онъ и весьма способенъ, такъ какъ мы ниже сего объявимъ. По мнѣнію моему такое многоначаліе будетъ очуждено всѣхъ свойственныхъ въ прочемъ сему правленію погрѣшностей.

ТРЕТІЕ ОТДѢЛЕНІЕ
О
НАРОДОНАЧАЛІИ.

§. 83.

Понятіе народоначалія, и какія нынѣ суть.

Вольная область, вЪ которой весь народЪ имѣетЪ верьховную власть и оную вЪ дѣйство производитЪ отчасти вЪ своихЪ собраніяхЪ, отчасти же чрезЪ своихЪ служителей, есть умоначертаніе народоначалія. Здѣсь каждой гражданинЪ беретЪ участіе вЪ верьховной власти поданіемЪ голоса своего вЪ народныхЪ собраніяхЪ; народЪ же вообще вЪ одномЪ содержаніи государь, а вЪ другомЪ подданной есть. Государь вЪ собраніяхЪ и вЪ голосахЪ, подданной вЪ частныхЪ своихЪ и собенныхЪ надобностяхЪ, большая часть ГреческихЪ общенародій были прежде народоначальны; премудрые же люди изЪ сихЪ народовЪ всеприлѣжно старались исправить сей образЪ правленія, и привесть его вЪ совершенство. ВЪ нынѣшнее время кромѣ Швейцаріи нѣтЪ нигдѣ дѣйствительныхЪ и безпримѣсныхЪ народоначалій. Самое наиточнѣйшее народоначаліе есть вЪ ГраубиндахЪ, гдѣ обыкновенно народЪ сбирается на чистомЪ полѣ для рѣшенія наиважнѣйшихЪ дѣлЪ своихЪ, и гдѣ каждой поселянинЪ, бывЪ домоправителемЪ, голосЪ даетЪ. ВЪ Голландіи весьма не много наслѣдственнаго благородства, и то участіе, которое оно имѣетЪ вЪ верьховной власти, почесться можетЪ за ничто; слѣдовательно общенародіе сіе могло бы быть народоначаліемЪ. Однако всѣ сіи соединенныя общества имѣютЪ мало подобнаго народо-

родоначальному правленію. Причина тому, что въ каждомъ уѣздѣ тѣже самыя учрежденія остались, которыя были у нихъ при Ишпанскомъ владѣніи. Каждой изъ оныхъ уѣздовъ, имѣлъ своихъ чиновъ, статами называемыхъ и Статгальтера; изъ соединенія же произошли генеральные Статы.

§. 84.

Какія части верьховныя власти долженъ народъ себѣ оставлять, и какія исполнять чрезъ своихъ служителей.

Народъ, будучи въ собраніяхъ своихъ Государемъ, и производя въ дѣйство верьховную власть посредствомъ своихъ голосовъ, долженъ самъ въ собраніяхъ своихъ дѣлать то, что можетъ исполнить безъ повреждения своего благоденствія, согласно естеству производимыхъ дѣлъ, съ оставленіемъ учинения всего прочаго служителямъ своимъ. Удобно ему имѣть въ собраніяхъ своихъ законодательную власть. Большая часть гражданъ въ состояніи бываетъ разсуждать о томъ, полезенъ ли или вредителенъ какой нибудь законъ общему благополучію. Напротивъ же того не благопристойно видится, чтобъ народъ въ собраніяхъ своихъ въ дѣйство производилъ исполнительную власть. Исполненіе требуетъ непрестанныя дѣятельности, народъ же не можетъ всегда собранъ быть. Исполненію надобно давать дѣламъ настоящее движеніе безъ торопливости и медленія; о семъ *господинъ Монтеские* говоритъ (1) весьма изрядно: „Иногда народъ „опровергаетъ все неизчислимымъ рукъ множествомъ, иногда же самъ наподобіе презрѣннѣйшаго червя множайшими тысящами ногъ „пресмыкается.„ Многія дѣлà по естеству своему не могутъ быть исполнены всѣмъ народомъ, а именно: какъ возможно ему совокупно повелѣвать воинствомъ, или съ чуже-

(1) Въ *Разумѣ законовъ* часть I. книг. II. гл. II.

странными народами имѣть разсужденія. И такъ не дозволяютъ ни благосостояніе ни естество вещей имѣть народу самому власть исполнительную; слѣдовательно и долженъ онъ оставить для себя законодательную, а исполнительную отдать своимъ слугамъ.

§. 85.

Ближайшее опредѣленіе исполненія разныхъ отраслей верьховныя власти въ народоначаліи.

Между тѣмъ не можетъ народъ поручить слугамъ своимъ исполнительнаго могущества со всѣмъ безпредѣльнымъ образомъ, ни не дать имъ ни малаго участія въ законодательной власти. Когда въ смѣшенныхъ правленіяхъ Король или многоначальное благородство исполнительное сіе могущество въ дѣйство производятъ, то дѣлаютъ они сіе по силѣ собственнаго права ихъ, въ основаніе положенными установленіями утвержденнаго, а притомъ по сему жъ и безпредѣльно. Въ народоначаліи же чиновные люди и имѣютъ хотя исполнительное могущество, однако по порученію отъ народа. И такъ народъ въ семъ случаѣ есть Государь единоначальный надъ всѣми чиновными. Изъ сего слѣдуетъ, чтобъ наиважнѣйшія приключеній исполненія, а особливо война, миръ и союзы зависили рѣшеніемъ отъ всего народа. Напротивъ того, какъ народъ не всегда собранъ быть можетъ, и не смотря на то иногда надобны бываютъ для общаго благополучія скорыя здѣлать учрежденія, или такіе законы, съ коими еще опытъ учинить должно прежде совершеннаго оныхъ постановленія, то по сему весьма трудно избѣжать, дабы чиновные люди не имѣли нѣкотораго участія въ законодательномъ могуществѣ. Въ Римѣ Магистратскія учрежденія продолжились цѣлой годъ, и ежели оныя въ сіе время отъ народа не подтверждались, то не имѣли больше силы зако-

законовъ. Также и въ Греческихъ общенародіяхъ имѣли гражданскія власти право издавать времянныя узаконенія. Но дабы они въ такихъ установленіяхъ и въ исполнительномъ могуществѣ далеко итти и обществу чрезъ то вреда нанесть не могли, то потребно народу средство, дѣлать имъ властямъ воспящение въ то самое время, когда народу собраться не возможно. Римской народъ по многимъ спорамъ съ Сенатомъ домогся наконецъ Трибуновъ, изъ которыхъ каждой могъ остановить все, что хотѣлъ. Сей весьма изрядной способъ, такъ какъ и всѣ хорошія вещи, безпокойными людьми былъ во зло употребляемъ.

§. 86.

Долженъ ли народъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ исполнять судительное могущество?

Вопрошается; согласно ли естеству народоначалія въ дѣйство производить самому народу исполнительную власть въ расправныхъ дѣлахъ, и судительное могущество въ важныхъ случаяхъ? Какъ въ Римѣ, такъ и въ нѣкоторыхъ Греческихъ обществахъ производилъ народъ въ разныхъ случаяхъ судительное могущество; однако, какъ не весьма полезно быть въ однихъ рукахъ (§. 56.) законодательной и судительной власти, такъ какъ и мудрой Государь въ семъ случаѣ себя ограничивать (§. 71.) долженъ; то равномѣрнымъ образомъ и въ народоначаліи не пристойно народу самому въ нѣкоторыхъ случаяхъ дѣлать приговоры. Ему надобно выбрать судей, и требовать отъ нихъ отчета, когда они въ чиненіи правосудія найдутся пристрастными. Въ противномъ случаѣ будетъ народъ челобитчикъ и судья; естественная же справедливость ничемъ такъ не оскорбляется, какъ симъ поступкомъ. Огонь пристрастія и преклонность къ заговорамъ могутъ тогда привесть народъ къ жесточайшимъ

несправедливостямЪ, чему многіе примѢры вЪ повѢстяхЪ находимЪ. И такЪ по мнѢнію моему вЪ Шведскихъ государственныхЪ установленіяхЪ великая есть погрѢшность, что сеймЪ или представляющіе народЪ присвояютЪ себѢ судительную власть. Во многихЪ уголовныхЪ дѢлахЪ бывалЪ онЪ не рѢдко и челобитчикЪ и судья, то есть, что вЪ собственномЪ своемЪ дѢлѢ дѢлалЪ изреченіе. Сіе пребудетЪ навсегда извѢстнѢйшимЪ путемЪ кЪ мучительству; ибо усилившіеся на сеймѢ могутЪ жизнь невинныхЪ согражданЪ, одного токмо супротивленія ради мнѢнію ихЪ, мучительски жертвовать своему мщенію до тѢхЪ порЪ, пока новое обращеніе не перемѢнитЪ вредоноснаго сего установленія.

§. 87.

НародЪ великую имѢетЪ способность кЪ выбору своихЪ властей.

И посему долженЪ народЪ ко всѢмЪ частямЪ исполнительнаго могущества, коими онЪ самЪ безЪ собственнаго своего вреда по справедливости управлять не можетЪ, выбрать судей и повѢренныхЪ; и такЪ какЪ великой сочинитель *Антимахіапель* (2) сЪ основаніемЪ утверждаетЪ, что и Государь посредственнаго ума, способность имѢетЪ избирать хорошихЪ служителей, то надлежитЪ и народу, не взирая на малое прозрѢніе большія его части оставить то, что можетЪ онЪ видѢть достоинство, и потому здѢлать выборЪ. ПослушаемЪ о семЪ *господина Монтескю* (3), которой способность сію народа вЪ выборахЪ весьма изрядно изобразилЪ: „НародЪ весьма искусенЪ вЪ выборѢ тѢхЪ, коимЪ нѢкоторую „часть своея власти поручаетЪ. Вещи немо„гущія

(2) *Антимахіапель* гл. 22. стр. 353. на фр. языкЪ.

(3) *Разума законовЪ* часть I. книг. II. глава 2.

„ гущія оному быть неизвѣстными, и дѣла „ чувствамъ его ясно представляющіяся, въ „ состояніи суть опредѣлить выборъ его. Ему „ извѣстно, во сколькихъ кто походахъ бы- „ валъ, и какъ притомъ поступалъ, и для то- „ го способность имѣетъ выбрать полководца. „ Онъ знаетъ, которой судья прилѣженъ, что „ имъ имѣвшіе до него дѣло довольны, и что „ онъ подарковъ не беретъ, больше же знать ему „ и не надобно, чтобъ выбрать въ судьи. Ве- „ ликолѣпіе и богатство одного гражданина ослѣ- „ пляетъ его глаза, и того довольно научить „ его выбрать строителя. Всѣ сіи суть вещи „ бываемыя, о которыхъ народъ лучше извѣ- „ ститься можетъ на торговой площади, неже- „ ли Государь въ своемъ дворцѣ; ежели бы кто „ захотѣлъ сумнѣваться въ природной способ- „ ности народа на познаніе достоинствъ, „ тотъ пускай посмотритъ на удивительные „ одни другимъ слѣдовавшіе выборы Аѳинянъ „ и Римлянъ*, которые простому случаю при- „ писать не возможно „.

§. 88.

Выборамъ въ народоначаліи надлежитъ быть по голосамъ, а не пожеребью, какъ господинъ Монтескю думаетъ.

Но не взирая на прекрасное сіе изображеніе народной способности въ выборѣ, утверждаетъ Господинъ *Монтескіо*, что по естеству народоначалія, надлежитъ въ ономъ выбору быть по жеребью. Я уже выше показалъ, (§. 80.) коль не полезное и не крѣпкое основаніе его, на которомъ онъ утверждается, и говоритъ: „ жеребей есть образъ выбора всѣмъ безобидной, „ при чемъ каждому гражданину остается наде- „ жда довольная служить своему отечеству „. Но въ народоначаліи, гдѣ право имѣющихъ быть избираемыми толь великое множество, и способности ихъ толь разнообразны, не можетъ никто почесть себя обиженнымъ, когда не будетъ

детъ выбранъ, и ежели жеребей вынется только между охотниками къ какому мѣсту, то и честолюбныхъ число можетъ быть чрезвычайно, а способности ихъ весьма малы. Наидостойнѣйшие обыкновенно отъ всякаго начальства убѣгаютъ; когда же народъ такое въ выборахъ искусство имѣетъ, то для чего ему сего въ дѣйство не производить, а особливо когда здѣсь нѣтъ такой причины опасаться вредительныхъ слѣдствій отъ голоснаго выбора, какъ въ многоначаліи? И посему нѣтъ ни малаго сумнѣнія въ томъ, что требуетъ естество народоначалія выбора всякихъ властей порядочнымъ голосовъ собраніемъ; образъ же и способъ, какъ такіе выборы чинить, принадлежатъ къ положеннымъ во основаніе учрежденіямъ. Сіи-то суть наизнатнѣйшіе господственные права̀, народомъ въ дѣйство производимыя. Господинъ *Монтескю* признаётъ за нужно, чтобъ голоса̀ были откровенно даваны, а притомъ увѣряетъ, что потаенные не малою причиною были паденія Римскаго общенародія. Въ семъ случаѣ отдается ему справедливость; но основаніе сіе заключаетъ въ себѣ такое разсужденія его опровержение, что дивиться надлежитъ, какимъ образомъ возможно было ему, утверждаяся на семъ основаніи, и толь изрядно изображая способность народную въ выборѣ, помыслить, что жеребей приличенъ естеству народоначалія.

§. 89.

Всегда надлежитъ опредѣлить въ народоначаліи число голо-

Къ положеннымъ во основаніе учрежденіямъ принадлежитъ также и то, чтобъ число голосовъ всегда вѣдомо и извѣстно было. Какъ здѣсь дѣло идетъ о исполненіи высочайшихъ правъ народа, то надлежитъ непремѣнно знать, дѣйстви-

ствительные ли граждане, и большая ли часть оныхъ поданіемъ голосовъ выборъ здѣлали. Въ Греческихъ общенародіяхъ было число голосовъ всегда извѣстно и опредѣлено; но Римъ, растотчавшей право гражданства и имѣвшей потому въ числѣ гражданъ своихъ до полсвѣта, и гдѣ такожде на волю отпущенные и союзники въ голосахъ имѣли участіе, не могъ имѣть въ семъ случаѣ извѣстнаго числа; и сіе было погрѣшностію начальнаго его учрежденія. Извѣстно намъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ близъ половины Италіи въ Римъ созывали, на даніе голосовъ нужду въ томъ имѣвшимъ. Не токмо надобно вообще вѣдать число голосовъ, которые даваны быть могутъ, но и оное опредѣлить, на примѣръ: двѣ трети оныхъ, долженствующія быть присутственными для заключенія чего либо нужнаго. Въ противномъ же случаѣ не будетъ извѣстна воля законодателя, то есть, большой части народа, къ тому жъ бываютъ часто такія приключенія, въ которыхъ хотѣніе меньшаго числа гражданъ въ семъ прочимъ закономъ наложиться можетъ. Во многихъ общенародіяхъ были таковыя установленія, въ Гамбургѣ же и понынѣ, безъ извѣстнаго числа гражданъ, ничего важнаго опредѣлить невозможно.

совъ, вообще или по крайней мѣрѣ, сколько присутственнымъ быть надобно.

§. 90.

Нѣкоторые законодатели къ поспѣшенію голосовъ нашли за нужно раздѣлить народъ въ извѣстные части. Ежели такое раздѣленіе бываетъ для означенія имѣющихъ право, избираемыми быть; то не можно сего признать противнымъ естеству народоначалія. Но когда частность сія установляется для опредѣленія право имѣющихъ избирать, или для приданія важности одному голосу передъ другимъ въ нѣко-

Нужно ли раздѣленіе народа въ извѣстныя части для поспѣшенія голосовъ.

нѣкоторыхъ народныхъ дѣлахъ; то сїе естеству народоначалїя совсѣмъ противно, и клонится больше къ сторонѣ многоначалїя. *Солонъ* раздѣлилъ Аѳинской народъ на четыре части не для уваженїя голосовъ, но для опредѣленїя долженствующихъ быть избираемыми. По сему жъ раздѣленїю можно было въ судьи выбирать изъ всѣхъ четырехъ частей, въ совѣтъ же гражданской токмо изъ трехъ первыхъ, которые составлены были изъ богатѣйшихъ людей. *Сервїусъ Туллїусъ*, хотѣвшей здѣлать Римъ больше многоначальнымъ, нежели народоначальнымъ, учредилъ степени гражданства такимъ образомъ, что вся власть и право избранїя были въ рукахъ наизнатнѣйшихъ; прочей же бѣдной народъ отъ ста девяноста трехъ голосовъ имѣлъ только одинъ голосъ. Господинъ *Монтескю* въ вышесказанномъ мѣстѣ мыслитъ, что отъ такого раздѣленїя народа зависитъ прочность всего общества. Я же напротивъ того думаю, что такое раздѣленїе не нужно, и обществу больше вредительно, нежели полезно есть. Равенство всѣхъ гражданъ есть наиглавнѣйшее естество народоначалїя; не равенство же можетъ поводъ подáть къ ненависти, злобѣ и внутреннимъ раздорамъ. Когда бъ было возможно сохранить равенство сїе и въ имѣнїи безъ истребленїя побужденїй къ трудамъ и прилѣжанїю, то произошло бы изъ сего наилучшее народоначалїе. *Ликургъ* имѣлъ равенство сїе главнѣйшимъ предметомъ, и жертвовалъ ему всѣхъ гражданъ богатствомъ и всѣми жизни спокойностями. Не льзя отрицать, что онъ учредилъ крѣпкое и долговременное общенародїе, хотя въ прочемъ другїя намѣренїя совсѣмъ вздорны были. Когда сказанное мною въ (§. 81.) убѣгается, а именно: чтобъ совсѣмъ

всемъ бѣдные граждане разума и воли очужденные, не имѣли никакого голоса; то будетъ всегда не нужно раздѣленіе гражданства какъ для опредѣленія важности голосовъ, такъ и для опредѣленія права въ выборѣ. Такъ долго, какъ граждане имѣютъ разумъ и волю къ поспѣшенію всеобщаго блага, не будетъ народъ никогда избирать во власти свои неспособныхъ и недостойныхъ людей; примѣръ очевидной тому находимъ мы въ Римѣ и Аѳинахъ; но когда сего не будетъ, то все погибнетъ. Нынѣшнія народоначалія не имѣютъ никакого раздѣленія; а ежели впредь какое большее народоначаліе великую земли обширность занимающее учредится, то и безъ того невозможно, чтобъ всѣ граждане собирались; но должно будетъ выбирать представляющихъ народъ, коихъ голоса естественнымъ образомъ равную важность заслуживаютъ.

§. 91.

Власти должны избираемы быть на короткое время, и въ правленіи своемъ давать отчетъ.

Всѣ градоначальники, судьи и повѣренные такимъ образомъ отъ народа избираемые, должны быть опредѣляемы на короткое время; и власти ихъ не можно больше года продолжаться. Сіе согласуетъ естеству народоначалія. Когда такихъ чиновныхъ посадить на цѣлой вѣкъ или надолгое время, то сіе придастъ имъ не токмо преимущественную знатность, равенство гражданства, яко существенное свойство народоначалія истребляющую; но нанесетъ еще опасность вольности народа; ибо сіи власти либо всѣ вообще такъ утвердятся, что возмогутъ народоначаліе превратить въ многоначаліе, или и одинъ изъ нихъ можетъ случай улучить, ввесть единовластіе. Сихъ же ради причинъ долженствуютъ градоначальники по требованію народа, по прошествіи времяни правленія

нія своего давать во всемъ отчетъ, и никакая отечеству услуга, и никакое важное оному пріобрѣтеніе изъятія въ семъ случаѣ не дѣлаютъ. Римляне же напротивъ того присемъ много заслугамъ дозволяли. Какъ Сципіону надобно было передъ народомъ отвѣтствовать, то вмѣсто того (4) сказалъ онъ имъ: „Сего „дня, любезные граждане! побѣдилъ я властолюбный Карѳагенъ и покорилъ онаго законамъ „вашимъ; и для того праведно есть для принесенія богамъ благодарности итти вамъ со „мною въ Капитоліумъ„. Въ тотъ часъ туда слѣдовалъ за нимъ совѣтъ, гражданство и челобитчики. Въ другой разъ, какъ ему должно было отчетъ дать о великихъ денежныхъ издержкахъ во время войны, противъ *Антіоха* употребленныхъ, то разодралъ онъ записки свои предъ собраніемъ всего совѣта, подъ видомъ, что не хотѣлъ себѣ безчестія учинить даніемъ отвѣта. Хотя *Ливіусъ* (5) такому поступку *Сципіонову* удивляется, и приписываетъ сіе великому души высочеству, однако я съ мнѣніемъ его не согласуюсь, и нахожу въ такомъ поведеніи дерзское, высокомѣрное и гражданину непристойное начинаніе, не взирая на то, виноватъ ли онъ или правъ. Естьли виноватъ, то былъ еще большаго наказанія достоинъ; а ежели правъ, то могъ надѣяться онъ согражданъ своихъ справедливости и благодарности, въ такомъ уваженіи, что они, и при толикой кичливости его въ разсужденіи заслугъ, отвѣта отъ него не потребовали. Но когда онъ такимъ гордымъ образомъ напомянулъ имъ ихъ благодарность, и упрекнулъ ихъ великими своими заслугами, то чрезъ

(4) Валерій Максим. книг. III. глава 7.
(5) Тить Ливій книг. XXXVIII. гл. 54. и 55.

чрезъ сіе самое и свободилъ ихъ отъ должной ему обязанности, немогущей никогда толь далеко разпространиться, чтобъ онъ отъ отчета уволенъ быть могъ. Примѣчанія на сіе его поведеніе Катономъ учиненныя были справедливы; и сіе послабленіе Римлянъ въ уваженіи отличныхъ достоинствъ утвердило путь къ порабощенію вольности ихъ.

§. 92.

Нужное средство на ограниченіе законодательныя народныя власти.

Хотя народъ и избираетъ градоначальниковъ и судей, и онымъ оставляетъ нѣкоторыя части верьховныя власти, однако не смотря на то, остается у народа, первоначально всякая власть въ неразделимости. Градоначальники имѣютъ могущество препорученное и короткое время продолжающееся, чрезъ что народная власть ни мало не уменьшается, такъ какъ и единоначальнаго Государя отъ поручаемаго имъ служителямъ своимъ полномочія; народъ пребудетъ навсегда неограниченнымъ Государемъ посредствомъ законодательныя своея власти. А какъ уже мы въ единоначаліи и въ многоначаліи показали, что каждой безпредѣльной власти ограничивать себя надлежитъ, то должны сіе по тому жъ утверждать и въ народоначаліи; понеже народъ страстямъ раболѣпствуетъ и легко въ запальчивость и движеніе приходитъ. Сего ограниченія неудобно здѣсь ввести основаніемъ служащими правилами, требующими мудрости, твердыхъ намѣреній и постояннаго въ оныхъ пребыванія; и какъ сего искать во множествѣ ежечасно измѣняющемся и не иещетными помыслами движимомъ? Чего ради должно помышлять о дѣйствительномъ средствѣ, на воспященіе законодательныя власти народа безъ повреждения естества народоначалія и безъ поданія поводовъ

И начальной

начальствующимъ къ удрученію народныя вольности. Сей есть по мнѣнію моему наиглавнѣйшей предметъ, производящей прочность народоначалія, а нераздѣленіе народа на извѣстныя части, какъ господинъ *Монтескю* думаетъ. Сей есть подводной камень древнимъ народоначаліямъ разбіеніе причинившій. Въ Римѣ хотя и имѣли нравосудители, образовавшие каждыя пять лѣтъ тѣло народное или законодателей нѣкоторую власть, но для сего не довольную; ибо Трибуны приводили иногда народъ къ учиненію предпріятій и законовъ, истинному общему благу вредительныхъ. Въ Аѳинахъ имѣли Ареопагиты такожде силу, однако весьма малую и немогущую воспрепятствовать, чтобъ народъ отъ слововодцовъ на подобіе трости колеблемъ не былъ. А дабы таковому средству не оскорбить естества народоначалія и вольности народной, то долженъ оной извлеченъ быть изъ нравосудительства, или вѣры. Ему надлежитъ подобну быть средству Солономъ въ одномъ (6) случаѣ установленному, а именно: когда народъ въ уголовномъ дѣлѣ не справедливое дѣлалъ изреченіе. Ареопагиты, по изслѣдованіи дѣла, могли остановить исполненіе такого приговора, и народъ принудить дѣло разсмотрѣть. Равномѣрнымъ образомъ надобно, чтобъ нравосудители или священники могли народъ привести къ разсмотренію вновъ безразсуднаго какого намѣренія или закона.

(6) *Демостенъ о Діадими* стр. 390.

ЧЕТВЕР-

ЧЕТВЕРТОЕ ОТДѢЛЕНІЕ
О
СМѢШЕННЫХЪ ОБРАЗАХЪ ПРАВЛЕНІЯ.

§. 93.

Смѣшенные образы правленія суть состоящіе изъ прежнихъ одинакихъ правленія образовъ, или учрежденные во основаніяхъ своихъ на естествѣ многихъ. Существо сихъ смѣшенныхъ правительствъ есть то, что верьховная власть никогда не бываетъ въ однихъ рукахъ, но надобно ей по силѣ положенныхъ во основаніе установленій раздѣленной быть на части и многимъ порученной (§ 54.); отчего и произходитъ ея ограниченіе. И такъ когда въ смѣшенныхъ правительствахъ включена во основаніе и власть единоначалія, то называются оныя ограниченными государствами; равномѣрнымъ образомъ можно имяновать и общенародія ограниченными, когда верьховная власть находится въ раздѣленіи между благородствомъ и народомъ. Однако многіе могутъ быть смѣшенные правленія образы; ибо составляются изъ единоначалія и многоначалія; изъ единоначалія и народоначалія, или и изъ трехъ сихъ правленія образовъ вкупѣ. Нужно о каждомъ порознь разсуждать.

Что такое суть смѣшенныя правленія, и колико образны?

§. 94.

§. 94.

О смѣшенномъ правленіи изъ единоначалія и многоначалія.

Когда правленіе состоитъ изъ единоначалія и многоначалія, то согласно естеству, чтобъ Государь имѣлъ исполнительное могущество, а чинъ благородства законодательное, или по крайнѣй мѣрѣ большую часть онаго. Чѣмъ больше власти сіи одна отъ другой отдѣлены, и чѣмъ точнѣе есть равновѣсіе оныхъ, тѣмъ прочнѣе бываетъ правительство. Равновѣсіе сіе состоитъ въ томъ, чтобъ съ одной стороны Государь имѣлъ право здѣлать воспященіе законодательной власти благородства своимъ несоглашеніемъ; напротивъ же того, чтобъ и съ другой стороны благородство могло удержать исполнительное могущество Государя, составленіемъ изъ себя войска, или постановя силу онаго, опредѣленіемъ ежегоднаго на оное содержанія. Такимъ образомъ начальное установленіе или само, лучше сказать, государство утвердится; но народъ будетъ жить въ великой неволѣ. Онъ не токмо не возпользуется никакою гражданскою вольностію, но сверьхъ того ежечасно угнѣтаемъ будетъ. Сіе есть не токмо естественное слѣдствіе сего образа правленія, но и еще частымъ искусствомъ доказанное. Всѣ многоначальныя единоначальства, основанныя Нѣмецкими народами по разрушеніи Римскаго единовластія, содержали хлѣбопашцовъ невольниками, а гражданъ мало по малу рабства отпущеніемъ свободившихся въ великомъ презрѣніи и отягощеніи, до тѣхъ поръ, пока города, усилившіеся купечествомъ, междоусобнымъ союзомъ отъ налоговъ благородства себя защитили, и чрезъ то въ лучшее состояніе пришли. Мы видимъ сіе и понынѣ въ Польшѣ и Венгріи, гдѣ крестьянство свойственно при-

принадлежитъ благородству, которое и съ гражданами поступаетъ такъ какъ хочетъ, на подобіе Торунскаго плачевнаго игралища и многихъ другихъ. По сему правленія сего не можно признать благоденственнымъ. Но оное будетъ еще несравненно злѣйшее, когда благородство не токмо имѣетъ законодательную власть, но и ограничиваетъ еще и исполнительное могущество Государя такъ, что оное ни за что почесться можетъ. Венгрія была прежде тому примѣромъ, а нынѣ Польша. Такія государства естественнымъ образомъ должны быть толь слабы и безсильны, что учрежденіе вообще, а съ онымъ и вольность благородства, ради которой само оно угнѣтаетъ истинное благополучіе свое, скорымъ шествіемъ къ паденію приближается.

§. 95.

О правленіяхъ составленныхъ изъ единоначалія и народоначалія.

Изъ единоначалія и народоначалія составленныя правительства весьма благоденственнѣе. Народъ по справедливости естественной имѣя въ своихъ рукахъ законодательную власть, а Государь исполнительную, будетъ жить въ лучшей гражданской свободѣ, и благо всеобщее надежнымъ образомъ споспѣшествуемо быть можетъ. Но когда быть прочну такого правленія установленію, то надобно учредить оное съ великою мудростію. Обоимъ могуществамъ надлежитъ быть раздѣленнымъ и состоять между собою въ равновѣсіи, то есть, имѣть право, другъ друга удерживать, а особливо законодательной власти предстоитъ великое опасеніе, чтобъ исполнительной никогда не оставлять всегдашняго положенія воинскаго числа, и средствъ къ содержанію онаго. Сверьхъ же сего и судительному могуществу должно

такЪ быть утверждену, чтобЪ оное никогда отЪ одной изЪ сихЪ двухЪ властей не зависило. Когда законодательная власть силу воинскую оставитЪ на произволеніе исполнительной, когда содержанія погоднаго на то давать не будетЪ, а назначитЪ на всегдашнее время, то чрезЪ то поручить ей наизнатнѣйшую часть власти законоданія, понеже равно есть отдать кому что навсегда, или уступить свойственное на оное право; чрезЪ сіе исполнительная власть пріобрѣтаетЪ не ложной способЪ кЪ утѣсненію законодательныя. Когда жЪ отЪ исполнительнаго могущества зависитЪ совсѣмЪ или большею частію и судительная власть, то гибель будетЪ также не избѣжна, и общество сіе превратится вЪ единоначаліе; или когда народЪ для возвращенія правЪ своихЪ щастливое дѣлаетЪ возмущеніе, то выдетЪ изЪ того народаначаліе. Первые Цари вЪ ГреческихЪ обществахЪ, такЪ какЪ мы прежде о томЪ упомянули, имѣли исполнительную и судительную власть, подавшую имЪ вЪ разсужденіи народа великое превышеніе, свойственное одному токмо законодательному могуществу. И такЪ начали они угнѣтать народЪ и еще мучительски. Но понеже они по изреченію господина *Монтескю* (1) весьма много, но еще не столько власти имѣли, чтобЪ могли ввести единовластіе, не имѣя толь нужнаго для сего средства, а именно: всегдашняго войска, то народЪ силою своея законодательныя власти низвергЪ ихЪ и выгналЪ. Нынѣ нѣтЪ ни однаго правительства, состоящаго изЪ единоначалія и народоначалія.

§. 96.

---

(1) *ВЪ разумѣ законовЪ* часть II. книга XI. глава II.

§. 96.

Когда правленіе составлено изъ многоначалія и народоначалія, то естественнымъ образомъ надлежитъ быть законодательной власти у народа, исполнительной же у благородства или у непремѣннаго собранія. Равновѣсію между обоими сими властями надобно также мудро устроену быть, какъ мы въ предшедшемъ §. показали. Тогда будетъ таковое общество въ состояніи поспѣшествовать истинному своему благосостоянію, и возможетъ произвесть въ дѣйство великія дѣла. Сіе явно есть намъ изъ примѣра Римлянъ, имѣвшихъ подобное сему правленіе. Какъ долго въ равновѣсіи пребывало могущество Сената съ могуществомъ всего народа, то не было поистиннѣ никакого общества толь твердаго, какъ Римское. Хотя потомъ народъ принудилъ Сенатъ уступить себѣ много отъ прежнихъ своихъ правъ, однако сей послѣдней, имѣя въ рукахъ своихъ судительную власть, былъ всегда съ народомъ въ равновѣсіи. Наконецъ отнялъ народъ у Сената сіе судительное могущество, и отдалъ его всадникамъ, чину совсѣмъ поврежденному, меньше всѣхъ добродѣтельному и къ преподанію правосудія не способному, однимъ словомъ: состоявшему изъ знатнѣйшихъ откупщиковъ; ибо всадики сіи откупами разбогатѣвшіе, конницею больше не служили. Однако важнѣйшую часть всадническо̆й власти удержалъ народъ для себя, и судилъ безъ совѣта засѣдателей, которые въ тотъ часъ во всякомъ дѣлѣ остановиться должны были, какъ скоро кто на народъ ссылался. Тогда превышало народоначаліе. Народъ, удерживающей Сенатъ однимъ Трибуна своего словомъ, не имѣлъ для себя ни малаго обузданія, а притомъ

О смѣшенномъ правленіи, состоящемъ изъ многоначалія и народоначалія.

 томъ

томЪ и столько мудрости, чтобЪ себя умѣрить могЪ. И такЪ слѣпо поспѣшалЪ кЪ своему паденію.

§. 97.

О смѣшенномЪ правленіи, состоящемЪ изЪ сихЪ трехЪ образовЪ правленія.

Между всѣми смѣшенными правленія образами, состоящей изЪ всѣхЪ трехЪ одинакихЪ образовЪ, есть наилучшей и наисправедливѣйшей. Исполнительное могущество удобно весьма находится вЪ рукахЪ Государя ради дѣятельности и поспѣшенія вЪ производствахЪ. Законодательному же могуществу брагопристойно быть у народа, или у представляющихЪ его о состояніи земли и о прочихЪ потребностяхЪ, достаточное свѣденіе имѣющихЪ. Но какЪ весьма будетЪ не справедливо благородство совсѣмЪ отлучить отверьховныя власти, то надобно ему имѣть участіе отчасти дѣйствительнымЪ содѣйствіемЪ, а отчасти воспященіемЪ вЪ законоданіи; наилучше же принадлежитЪ ему судительная власть, не могущая и безЪ того ввѣрена быть ни законодательной, ни исполнительной власти ради соблюденія между ими равновѣсія. Когда сіи троякія власти основаніемЪ служащими учрежденіями толь мудро установленныя, что одна безЪ другой ничего учинить не можетЪ, и что одна другую остановить вЪ состояніи, ежели сія послѣдняя вознамѣрится приступить ко вредному какомулибо начинанію; когда они вЪ справедливомЪ равновѣсіи между собою находятся; однимЪ словомЪ: когда положенное во основаніе установленіе троякое производитЪ дѣйствіе, нами выше упомянутое (§. 50.), то есть сіе, и пребудетЪ навсегда наипремудрѣйшимЪ и благополучнѣйшимЪ правленіемЪ, подЪ которымЪ токмо люди жить нѣкогда могутЪ. Правленіе Англіи есть дѣйстви-

ствительно таково; и всѣ, имѣющіе достизательное познаніе о существѣ обществъ признаться должны, что оное есть наизящнѣйшее, которое токмо смертные изъискать могли. Но когда сіи три власти въ обществѣ находятся не въ равновѣсіи, то будетъ сіе изъ вышеозначенныхъ трехъ властей смѣшенное правленіе наинегоднѣйшее. Шведское правительство состоитъ изъ единовластія, народовластія и многовластія; тамъ есть Король, благородныхъ государственной совѣтъ и благородныхъ чинъ на Государственномъ сеймѣ, и еще три чина, а именно: духовной, Мѣщанской и крестьянской. Однако совершенной недостатокъ равновѣсія между разными властьми причиняетъ, что Швеція, такъ какъ уже многократно мною сказано было, имѣетъ весьма дурное правленіе.

§. 98.

Суть еще правленія, о которыхъ не можно сказать точно, что они смѣшенны; понеже верьховная власть въ нѣкоторыхъ малыхъ частяхъ законодательнаго могущества ограничена, на примѣръ: новыхъ поборовъ и податей не налагать безъ согласія чиновъ. По мнѣнію моему ограниченіе сіе не имѣетъ нималѣйшія пользы. Чины сіи, страшащіеся верьховныя власти, и отъ нея всего чающіе, должны всегда соглашаться; хотя бы тягость податей подданныхъ весьма удручала, или бы явно было, что потъ и кровь подданныхъ непотребнѣйшимъ образомъ разтощеваются, употребленіемъ на ненужныя и неправедныя войны. Да когда бъ чины и могли имѣть нѣкогда столько смѣлости, чтобъ въ зборѣ податей и не согласились, однако верьховная власть не оставитъ

О правительствахъ ограниченныхъ въ малѣйшихъ частяхъ законодательныя власти.

принудить ихъ другими способами, чему во Франціи видимъ примѣръ съ чинами провинціи Лангедока. И посему ограниченіе таковое не содержитъ въ себѣ для Государства ни малѣйшія пользы; но вмѣсто того, когда созывъ чиновъ причиняетъ великіе убытки, а дворъ обыкновенно для привлеченія чиновъ на свою сторону раздаетъ подарки и знаки милости; то чрезъ сіе большее число денегъ напрасно издерживается, непомѣрная же тягость бѣдныхъ подданныхъ отчасу умножается.

§. 99.

Намъ надобно еще нѣчто упомянуть о многихъ вольныхъ областяхъ, состоящихъ между собою въ общемъ соединеніи и непрестанномъ союзѣ. Для оныхъ весьма полезнѣе, когда они всѣ одинакаго суть естества, то есть: когда они всѣ или не большія единоначалія, или народоначалія. Сіи послѣднія любятъ миръ, какъ напротивъ того мѣры единовластія рѣдко таковы бываютъ, чтобъ его могли долго сохранять. Намѣреніе такого соединенія есть междоусобное защищеніе. И такъ всѣ уставы союза касаются токмо до сего; чего ради какъ естеству онаго такъ и вольности каждаго общества противно, союзу сему издавать законы, касающіеся до внутреннихъ каждыя изъ оныхъ областей разпоряженія. Союзъ составляется изъ посланниковъ, собирающихся обыкновенно въ назначенномъ мѣстѣ, и можетъ имѣть главу, такъ какъ Нѣмецкая земля, или какъ у Грековъ въ послѣднія времена были Цари Македонскіе. Сія глава можетъ имѣть еще другіе преимущества, яко-то предсѣданіе въ собраніи союза. Ежели нѣтъ главы, то сидятъ

въ

въ первомъ мѣстѣ всѣ чины по очереди, такъ какъ въ Голландіи, гдѣ еженедѣльно перемѣна сія бываетъ. Когда разныя сіи области могуществомъ не суть равны, то и голоса́ ихъ не могутъ равнаго имѣть уваженія. Въ Ликійскомъ союзѣ большіе чины имѣли три, средніе два, а малые одинъ голоса́ (2). Когда бы общенародіе соединенныхъ Нидерландовъ подобное сему установленіе здѣлало, то бы всѣ вещи порядочнѣе произходили, какъ теперь вмѣсто того Голландія, свойственно такъ называемая, будучи столько же сильна, какъ и всѣ прочія шесть провинціи вмѣстѣ, и столько же на содержаніе противъ всѣхъ ихъ дающая, съ великимъ упущеніемъ въ дѣлахъ, и чрезъ многія околичности склоняетъ ихъ приступать къ своему мнѣнію. Такая же погрѣшность есть и въ Нѣмецкой землѣ, ибо голосъ какого нибудь новаго Князя, ни одного человѣка военнаго не имѣющаго и по землямъ своимъ отъ другихъ Государственныхъ чиновъ зависящаго, такую же силу имѣетъ, какъ и голосъ другаго Князя, отъ десяти до дватцати тысячъ войска въ полѣ выставить могущаго. Когда бы общества по великости своей и силѣ многіе голоса́ имѣли, такъ какъ бывало въ Ликійскомъ союзѣ, то бы тогда и надобно было имъ по числу голосовъ своихъ давать потребное иждивеніе на междоусобную оборочу. Но когда каждое имѣетъ токмо одинъ голосъ, то будетъ противно вещи естеству, чтобъ меньшія общества болвшинствомъ голосовъ мочнѣйшихъ принуждать могли къ произведенію въ дѣйство многостоящихъ предпріятій. Впрочемъ не согласно съ намѣреніемъ сего союза, чтобъ сіи со-

(2) Страбонъ книг. XIII.

соединенныя области могли между собою дѣлать завоеванія, хотя и находимЪ тому примѣры какЪ вЪ Нѣмецкой землѣ, такЪ и вЪ Швейцаріи. А что одна область другой обЪявитЪ войну, то сіе не противно естеству союза; понеже нѣтЪ совершенныя власти, могущей во всякихЪ дѣлахЪ принуждать кЪ справедливости. ВЪ такомЪ случаѣ должны прочіе союзники вступиться и дѣло дружелюбно прекратить. ЗаконЪ ГреческихЪ АмфиктіоновЪ, повелѣвавшей вЪ такомЪ случаѣ нападающей на другаго городЪ совсѣмЪ раззорить, былЪ противоестественЪ, насильствующЪ и сЪ намѣреніемЪ союза несогласенЪ, умножающей зло, и учиняющей войну общею; ибо ни одинЪ городЪ безЪ обороны раззорить себя не дастЪ. Благоразумный читатель умножить можетЪ самЪ сіе разсужденіе.

ЧАСТЬ

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ
О
ПОДКРѢПЛЕНІЯХЪ РАЗЛИЧНЫХЪ ПРАВЛЕНІЯ ОБРАЗОВЪ.

§. 100.

Разныя правленія объясненныя нами въ предшедшей части ни что иное суть, какъ разныя естества народовъ. Чрезъ оные каждое общенародіе предопредѣляется къ тому, что оно есть, и для чего оно таково а не инаково. Общенародіе есть одинакое нравственное тѣло (§ 28.). Отъ естества его произходитъ, для чего оно такимъ, а не другимъ образомъ двигаться можетъ. Но не естество сіе само есть началомъ его движенія. И такъ каждая область должна имѣть особливое дѣятельности основаніе; и ежели сей источникъ поврежденъ, то и тѣло будетъ не дѣятельно, мертво, или по крайней мѣрѣ слабосильно. Составляющіе народъ люди поступаютъ по своимъ страстямъ, и сіе есть основаніе всѣхъ ихъ дѣлъ. Нравственное же тѣло не можетъ имѣть инаго основанія дѣятельности своея, какъ нравствен-

Области имѣютъ нужду въ основаніи дѣятельности, которую искать надлежитъ въ страстяхъ человѣческихъ.

ственнаго жъ, принадлежащаго всѣмъ составляющимъ его одинакимъ частямъ. Слѣдовательно должны мы искать начала и происхожденія дѣятельности каждаго Государства въ человѣческихъ страстяхъ.

§. 101.

Сїе основанїе дѣятельности состоитъ въ люблении правительства или отечества.

Изъ прилѣжнаго людей разсмотренія видѣть можно, что любленіе существа и естества ихъ, первѣйшая есть и сильнѣйшая страсть, всѣ прочія производящая. Она есть нравственное начало всякія дѣятельности, раждающая побужденіе къ самохраненію, яко первѣйшему закону всѣхъ людей и тварей; изъ сего же побужденія произходятъ всѣ страсти, толь между собою противными являющіяся. Когда люди составляютъ общество, то главное ихъ намѣреніе бываетъ поспѣшествованіе общаго благополучія (§ 30.). Для достиженія сего намѣренія, учреждаютъ они надъ собою верьховную власть (§. 50.). Средство и подобіе, коими сія верьховная власть начальною властію народа учреждается, есть образъ правленія (§. 46. и 62.); а сей правленія образъ есть естество каждаго общества (§. 100.) И такъ люди, которыхъ первая и мощная страсть состоитъ въ любленіи собственнаго своего существа и естества, должны необходимо любить и общества естество, ими самими по собственному ихъ побужденію учиненное. Сіе ни что иное есть, какъ слѣдствіе первыя ихъ страсти. Подлинность сего слѣдствія находимъ мы во всѣхъ людяхъ. Каждой любитъ твореніе своихъ рукъ, свое рожденіе, такожде образъ житія и рукодѣлія, коими по собственному выбору питается. И какъ народъ, будучи нравственнымъ тѣломъ, не можетъ имѣть инаго основанія дѣятельности своея,

кромѣ

кромѣ той, которую имѣютъ всѣ одинакіе его составляющіе люди (§. 100.); то любовь къ образу правленія есть основаніемъ или началомъ всякія въ обществѣ дѣятельности; и по истинѣ начало сіе оживотворяетъ весь народъ, и чрезъ него какъ правительствующіе, такъ и повинующіеся оказываютъ свою дѣятельность. Хотя люди и не сами производятъ правленія образъ, однако сіе не можетъ учинить изъятія въ любленіи онаго. Никто не принужденъ въ той области жить, гдѣ родился. И такъ ежели онъ гдѣ живетъ, то кажется, что самъ оное изъбралъ. Когда правители наблюдаютъ должности свои, имѣя всегдашнимъ предметомъ намѣреніе общества, и не употребляя во зло власти своея, но вмѣсто того ограничивая оную правилами изъясненными нами въ предшедшей части при каждомъ правленія образѣ, то чрезъ сіе безъ всякаго затрудненія причинятъ, что каждой подданной правленіе будетъ любить, а притомъ и думать, что онъ бы и самъ не выбралъ инаго правительства, хотя бы и имѣлъ свободное къ таковому выбору побужденіе. Всякой человѣкъ отъ природы довольно склоненъ любить отечество свое. Умоначертанія и вещи, пріобыклыя видѣнію нашему съ самаго младенчества, печатлѣются въ насъ такъ выразительно, что мы ихъ во всю жизнь нашу любимъ. И такъ правленіе могущее утушить любовь къ отечеству, есть и будетъ самое злѣйшее.

§. 102.

Кромѣ основанія дѣятельности нужно еще под-

Любовь къ правительству или къ отечеству хотя и придастъ всегда государственному тѣлу жизнь и движеніе, чрезъ что оно получитъ потребную къ самоохраненію дѣятельность; но

къ

крѣпленіе, кои оба между собою существительно различаются.

къ достиженію намѣреннаго благоденствія каждымъ народомъ себѣ предпоставляемаго основанія сего дѣятельности не довольно. Любовь къ отечеству есть токмо страсть вторыя степени, ежели такъ сказать можно. Любленіе самаго себя, и непосредственно рождающіяся изъ того страсти весьма сильнѣе могутъ тронуть человѣка. И такъ когда самолюбіе сіе предъидетъ любви отечества, то могутъ произойти изъ того, ежели первое не будетъ правимо согласно благополучію общества, вредоносныя дѣйствія. Чего ради каждая область имѣетъ нужду, кромѣ сего основанія дѣятельности, еще въ особливомъ подкрѣпленіи, посредствомъ котораго всѣ силы и дѣятельность народнаго тѣла напрягаемы, и къ намѣренному концу приводимы бываютъ. Господинъ *Монтескю* (1) почитаетъ за одно и основаніе и подкрѣпленіе государствъ, и употребляетъ ихъ вездѣ равнозначущими понятіями. Но ежели сказанное мною здѣсь въ уваженіе принято будетъ, то надѣюсь получить отъ всѣхъ справедливость въ томъ, что оныя по существу своему весьма разнообразны. Основаніе есть причина, для чего народное тѣло себя оказываетъ дѣятельнымъ, подкрѣпленіе же есть напряженіе и провожденіе дѣятельности къ предпоставляемому каждымъ обществомъ концу.

§. 103.

Сіе подкрѣпленіе есть добродѣтель и всѣ правительства имѣ-

Нужное и общее сіе всѣмъ областямъ подкрѣпленіе, есть добродѣтель. Она одна токмо содержитъ въ справедливыхъ предѣлахъ самолюбіе людей и происходящія изъ онаго страсти, сохраняя ихъ отъ всѣхъ обществу вредительныхъ

---

(1) *О разумѣ законовъ* часть I. книг. III. глав. I.

ныхъ возбѣшеніи, напрягаетъ народнаго тѣла дѣятельность и приводитъ оную къ предуставленному намѣренію. Чего ради всѣ общества имѣютъ одинакое подкрѣпленіе, потому что и всѣ образы правленія имѣютъ одинакое дѣятельности основаніе, а именно; любовь къ отечеству; такъ же и одинакой конецъ или намѣреніе, то есть: общее благополучіе; подкрѣпленіе же ничто иное есть, какъ напряженіе и провожденіе дѣятельности къ намѣренному концу: слѣдовательно одинакое основаніе дѣятельности, и одинакое намѣреніе, должны имѣть и одинакое подкрѣпленіе. Противное сему подобно будетъ сумнѣнію, что водяныя мельницы не всѣ водою дѣйствуются. Господинъ *Монтескю* вторично дѣлаетъ въ семъ случаѣ великую погрѣшность, когда онъ въ вышеупомянутомъ мѣстѣ своего сочиненія, не положа напередъ общаго подкрѣпленія для всѣхъ областей, пріемлетъ въ тотъ часъ для каждаго правленія порознь особливое подкрѣпленіе.

ютъ одинакое подкрѣпленіе.

§. 104.

Достойно жалости и истинной вредъ для ученаго общества, что господинъ *Монтескю* при толь великомъ духѣ разсуждалъ недовольно порядочно. Сочиненіе его о законахъ, погрѣшительное въ первыхъ источникахъ, привело его необходимымъ образомъ при всѣхъ щастливыхъ и благородныхъ мысляхъ къ ложнымъ заключеніямъ. Кажется мнѣ, что я больше всѣхъ почтенія къ сей книгѣ имѣю, и буду всегда признавать ея не взирая на погрѣшности, весьма изряднымъ сочиненіемъ, и думаю, что одни токмо сухомозгія головы, немогущія ощутить изящности, или самолюбіемъ прельщенныя почтутъ сочиненіе сіе ху-

Господинъ Монтескю утверждаетъ, что добродѣтель не есть подкрѣпленіе обществъ.

дымъ или посредственнымъ. Но какой бы неоцѣненной подарокъ могъ онъ учинить сею книгою всему свѣту, ежели бы онъ при толь высокихъ мысляхъ своихъ истинные напередъ постановилъ источники, для почерпанія изъ оныхъ своихъ разсужденій. Но сего ему весьма не доставало. Подкрѣпленія правленія образовъ, изъ которыхъ онъ толь много да и почти все выводитъ, весьма имъ погрѣшительно изъяснены; по его мнѣнію добродѣтель, якобы не можетъ быть подкрѣпленіемъ въ единоначаліи; и хотя онъ въ народоначаліи, а въ извѣстномъ отношеніи и въ многоначаліи подкрѣпленіемъ добродѣтель признаётъ, однако въ другомъ мѣстѣ (2) весьма ясно изображаетъ, что чрезъ добродѣтель ничто иное разумѣетъ, какъ любовь къ равенству, которое я инако почесть не могу, какъ самою малою добродѣтелію, или совсѣмъ никакою. Но дабы отвлечь отъ областей подкрѣпленіе, въ добродѣтели состоящее, то принужденъ онъ былъ здѣлать оскорбительное о людяхъ изображеніе, а именно: (3) „ область состо„итъ безъ любви къ отечеству, безъ жела„нія истинныя чести, безъ великодушнаго „самаго себя отрицанія, безъ уничтоженія лю„безныхъ своихъ прибытковъ, и безъ всѣхъ „героическихъ добродѣтелей находимыхъ нами „у древнихъ и о которыхъ мы токмо сказа„ніе слышали... Прочтите только то, что пи„сатели всѣхъ временъ о дворахъ Государскихъ „говорятъ; напомните междоусобные людей во „всѣхъ земляхъ разговоры о бѣднѣйшемъ ка„чествѣ придворныхъ. Сіе не отъ вымышле„нія

(2) Книга V. глава 2. и 3.

(3) Книга 3. глава 6.

„ нія происходитъ, но плачевнымъ искус-
„ ствомъ доказывается. Честолюбіе въ праздно-
„ сти, подлость въ гордости, необузданное
„ желаніе обогатиться безъ труда, омерзѣніе
„ отъ истинны, ласкательство, вѣроломство,
„ предательство, пренебреженіе всякаго утвер-
„ жденнаго обязательства и всѣхъ гражданства
„ должностей, боязнь Государской добродѣте-
„ ли, надѣяніе на его слабости, и больше, неже-
„ ли все сіе; усиліе дѣлать добродѣтель всегда
„ посмѣятельною. Сіе, какъ я вѣрю, есть свой-
„ ство и написаніе большія части придворныхъ
„ людей, такъ какъ они вездѣ и во всякое время
„ бывали. И по сему весьма трудно, при толь
„ поносномъ поведеніи знатнѣйшихъ, мень-
„ шимъ быть людьми добродѣтельными, и
„ чтобъ первые, какъ истинные обманщики, по-
„ ступали, а сіи бы послѣдніе добровольно се-
„ бя дозволяли обманывать. (4) И такъ въ благо-
„ учрежденныхъ единоначаліяхъ можно вездѣ
„ найти добраго гражданина, но рѣдко весьма
„ добродѣтельнаго человѣка; ибо для сего ну-
„ жно есть намѣреніе быть таковому. „ Подлин-
но! Ежели бы изображеніе сіе господина *Монтескю* о всѣхъ правительствахъ, а особливо о единоначальныхъ подлинно было, то не вижу я для разумнаго и добродѣтельнаго человѣка инаго мѣста, гдѣ бъ ему жить, кромѣ не оселеннаго острова, или пустыни въ великихъ и непроходимыхъ лѣсахъ. Ежели же господинъ *Монтескю* хотѣлъ чрезъ то вообще описать Францію, которая во всемъ его сочиненіи кажется быть главнѣйшимъ предметомъ, то почто было ему такъ явственно говорить о всѣхъ государствахъ? Надобно признаться, что со-

(4) Книг. III. глав. 6.

ставленная имъ о придворныхъ картина, многимъ изъ нихъ весьма подобна; однако выходитъ ужѐ изъ предѣловъ, когда таковое качество приписать имъ всегда и вездѣ. Между тѣмъ въ описанiи семъ привелъ онъ себя самъ живымъ своимъ воображенiемъ къ ложнымъ мыслямъ. Сказываетъ, что онъ находитъ изрядныхъ гражданъ, а недобродѣтельныхъ людей. Сiя мысль остра, но несправедлива. По моему мнѣнiю не можно быть добрымъ гражданиномъ, не бывъ человѣкомъ добродѣтельнымъ. Доброй гражданинъ долженъ исполнять должности свои къ обществу и къ своимъ согражданамъ, и ежели онъ сiе самымъ дѣломъ въ дѣйство производитъ, то что жъ иное дѣлаетъ, какъ не добродѣтель? Проводимое имъ для сего основанiе, яко бы не возможно быть добродѣтельнымъ безъ намѣренiя, хотя и ослѣпительно, но силы никакой неимѣющее. Безъ намѣренiя не можно быть добрымъ гражданиномъ, такъ какъ и добродѣтельнымъ человѣкомъ.

§. 105.

Разсужденiе предшедшаго.

По разсужденiю моему господинъ *Монтескю* находился въ довольно одинакомъ случаѣ съ *Махiавелемъ*; онъ хотѣлъ, такъ какъ и сей, изобразить весьма поврежденное состоянiе своего времени и своего отечества, и ежели бы сiе учинилъ прямо сатирическимъ, или откровеннымъ образомъ, то надобно было бояться Бастилiи; такъ какъ и *Махiавелю* довольно страшна была чувствуемая имъ пытка дому *Медицейскаго*. И такъ избралъ онъ злое сiе состоянiе своего времени описать ученымъ сочиненiемъ, и притворился, будто бы поставляетъ напередъ, что люди инаковы быть не могутъ,

могутъ, каковы ужѐ суть; чего ради и долженъ былъ уважать то, что они суть, а не то, каковыми имъ быть надлежало, что и *Махіавелемъ* въ его мудрости правленія (5) многократно говорено, а именно: какъ всѣ люди не справедливы и злы, то и намъ надобно быть таковыми жъ; ибо впрочемъ добродѣтельной и праведной человѣкъ погибнетъ. На семъ предпостановленіи сооружаетъ *Махіавель* учительное зданіе несправедливости и мучительства для Государей; и господинъ *Монтескю* въ ученіи своемъ о законахъ не хочетъ признать добродѣтель основаніемъ и подкрѣпленіемъ государства, для того токмо, что не могъ найти добродѣтели во время свое въ своемъ отечествѣ, а о бывшихъ, въ древнія времена примѣрахъ извѣстенъ былъ однимъ повѣствованіемъ. Но сіи жъ самыя геройческія древнихъ добродѣтели прекрасно имъ господиномъ *Монтескю* въ сочиненіи его о законахъ и въ прочихъ письмахъ изображенныя достаточны были его увѣрить, что свойственное и истинное подкрѣпленіе государства есть добродѣтель. И какъ возможно было толикимъ проницаніемъ одаренному духу помыслить, чтобъ существо законовъ утверждалось на бѣднѣйшей тѣни, взятой нынѣшними временами по мнѣнію его вмѣсто погубленной добродѣтели? Могъ ли онъ себѣ вообразить, чтобы всему свѣту великую здѣлалъ услугу, когда бы научалъ, какимъ образомъ общества должны были по семъ поврежденномъ весьма состояніи законы свои сочинить, для чего по истиннѣ надобна великая премудрость. Могло ли быть неизвѣстно уче-

 ности

(5) НИКОЛ. МАХІАВЕЛЯ *мудрость правленія Государя* глав. 7. 15. и 18.

ности его та согласная съ намѣреніемъ его благопристойность, ежелибы онъ геройческія оныя древнихъ добродѣтели, сіи величайшія областей подкрѣпленія, нами поглубленныя, паки возвратилъ, на оныхъ бы основалъ естество народнаго тѣла, и извлекъ бы изъ оныхъ существо законовъ? Въ разсужденіи особливаго его проницанія не можно было ему повидимому сего не знать. И по сему не могъ онъ другаго имѣть намѣренія, какъ только написать скрытую сатиру на поврежденное состояніе своего времени и своего отечества, съ приложеніемъ притомъ множества изрядныхъ и остроумныхъ примѣчаній, что все отъ него подлинно и издано, вмѣсто порядочнаго расположенія существа законовъ; или когда онъ подлинно намѣренъ былъ писать ученіе, касающееся сего предмета, то чаятельно, что сатирическое намѣреніе въ осужденіи времени толь сильно воображеніемъ его овладѣло, что онъ истинное противостояніе пренебрегъ. Но я повѣрю лучше первому, нежели послѣднему сему. А ежели бы кто и на сіе сказалъ, что господинъ *Монтескю* добродѣтель подкрѣпленіемъ не почитаетъ въ однихъ только единоначаліяхъ, и что въ томъ извиняютъ его примѣры древности, въ которое время подкрѣпленіемъ бывала добродѣтель въ однихъ общенародіяхъ, то чрезъ сіе произойдетъ злорѣчіе на Государей. Сей образъ правленія будетъ не щастливѣйшимъ производя по естеству своему людямъ поврежденіе. Но и сіе предположеніе ложно. Можно при семъ сослаться на примѣръ Персовъ прежде *Кира* и во время единовластнаго царствованія его. Они были тогда въ вышней степени добродѣтельны, и учинились таковымъ подкрѣпленіемъ побѣдителями большой части Азіи. Сказуемое *Ксенофонтомъ*

(6) о справедливости ихъ, умѣренности, благоговѣніи и изящномъ дѣтей воспитаніи ничто иное есть, какъ составляющее добродѣтельнаго человѣка. Обвиняющіе *Ксенофонта*, якобы оставилъ онъ намъ больше басню, нежели повѣсть о *Кирѣ*; не признавали однако добродѣтели Персовъ вымышленіемъ, ибо не возможно было имъ въ томъ сумнѣваться, имѣя на то многихъ другихъ писателей подтвержденія (7).

§. 106.

Когда въ ученомъ сочиненіи о существѣ обществъ говорить о добродѣтели, то требуетъ естество вещи, брать понятіе о добродѣтели не инако, какъ въ политическомъ смыслѣ, и чтобъ оное съ естествомъ и учрежденіемъ народа соотвѣтствовало. И по сему нѣтъ намъ нужды здѣсь разсуждать о добродѣтели, вѣрою или строгимъ нравоученіемъ предписанной, или о такой, которая просто касается особливыхъ законовъ того или другаго народа, и тогда только добродѣтелію становится. Составляющая же подкрѣпленіе области добродѣтель есть ничто иное, какъ исполненіе должностей общества и гражданства. Къ сему хотя и принадлежатъ должности къ самому себѣ, однако въ такомъ содержаніи, чтобъ исполненіемъ оныхъ ни общественныя, ни гражданскія повреждены не были. Сію добродѣтель однимъ словомъ назвать, будетъ справедливость; но справедливость въ пространномъ разумѣ. Въ семъ случаѣ справедливость есть глава и начало всѣхъ добродѣтелей, обществомъ отъ насъ требуемыхъ;

Добродѣтель яко подкрѣпленіе государствъ состоитъ въ исполненіи должностей къ государству и къ своимъ согражданамъ.

(6) *Кironаставленіе* книг. I.

(7) *Геродотъ* книг. I. Платонъ въ Алкивіадѣ первомъ.

мыхъ; справедливой или исполняющей должности общества, гражданства, и свои собственныя, пребудутъ навсегда храбръ великодушенъ, правосуденъ, человѣколюбивъ милосердъ умѣренъ, вѣренъ; и будетъ имѣть всѣ гражданину потребныя свойства, ежели токмо общество намѣреніе своего благополучія достигнуть и къ великимъ вещамъ способно быть желаетъ. По содержанію сего почятія о добродѣтели принадлежатъ вопервыхъ всѣ вѣры добродѣтели; и господинъ *Монтескіе* (8) имѣетъ справедливость въ поставленіи, что преступленія вѣры никогда по гражданскимъ законамъ судимы быть не должны. И такъ правителю надобно почитать и такого подданнаго, на котораго онъ по положеннымъ во основаніе узаконеніямъ своего исповѣданія съ сожалѣніемъ взираетъ; да и имѣетъ къ тому долгъ; ибо премудрому Государю не надобно никогда вмѣшивать вѣру въ прáвила правленія. Тогда всѣ добродѣтели нравоученія не будутъ добродѣтелями Государственными. На примѣръ щедрость, въ разсужденіи политическаго понятія о добродѣтеляхъ, есть больше порокъ, нежели добродѣтель. Правителю не должно быть щедру; но токмо награждать; и сіе чинить надлежитъ по установленнымъ узаконеніямъ о великости заслугъ и по состоянію области. Подданному не надобно также быть щедру, понеже имѣніе его составляетъ часть силъ государственныхъ (§. 19. 25.), и онъ чрезъ сіе ослабляетъ своихъ согражданъ прилѣжаніемъ необходимо нужное къ благополучію всего общества. Наконецъ не принадлежатъ также

(8) Въ разумѣ законовъ часть V. книг. XXVI. глав. 2. и 9.

такожде къ добродѣтелямъ государственнымъ добродѣтели, произходящія отъ содѣйствія воздуха, отъ особливаго учрежденія тоя или другія земли, или отъ обыкновенія. Здѣсь находимъ мы безконечное между областьми различіе, и нигдѣ не суть толь страшны ложныя предувѣренія, какъ въ семъ случаѣ. Въ Китаѣ, гдѣ токмо смотрятъ на безопасность и избѣжаніе насилія между чрезмѣрнымъ множествомъ народа, обманъ не есть порокъ. Въ Спартѣ, гдѣ хотѣли имѣть проворныхъ и искусныхъ воиновъ, и гдѣ впрочемъ все имѣніе было общее, не почиталось хитрое воровство порокомъ, но добродѣтелію, когда токмо кто въ ономъ пойманъ не былъ. Цѣломудріе такимъ же образомъ въ не большомъ числѣ областей признано было добродѣтелію, по общему же понятію политической добродѣтели нарушеніе онаго въ такомъ случаѣ токмо порокъ, ежели онымъ общая безопасность, или граждане обижены будутъ. По симъ общимъ умоначертаніямъ, а именно: по должностямъ къ обществу и къ гражданству, судитъ правительство о добродѣтели гражданина, ежели же инако въ томъ поступитъ, то никогда не найдетъ добродѣтельнаго гражданина. *Сократъ* наидобродѣтельнѣйшій и премудрѣйшій Аѳинянинъ, а можетъ быть, и между всѣми людьми, презиралъ вѣру отечества своего; *Эпаминондъ* также добродѣтельной, справедливой и великодушной побѣдитель имѣющей, между героями тоже мѣсто, какъ и *Сократъ*, между гражданами и людьми, имѣлъ много *наложницъ* (9).

(9) Плутархъ *въ наставленіи народоправленія.*

§ 107.

Выключая добродѣтели общаго подкрѣпленія, имѣетъ каждо. правительство нужду въ особливомъ подкрѣпленіи.

Выключая добродѣтели общаго подкрѣпленія всѣхъ областей, имѣетъ каждое правительство нужду въ особливомъ еще подкрѣпленіи. Добродѣтель есть подкрѣпленіе, напрягающее и приводящее къ концу общаго благополучія всѣмъ областямъ безъ различія свойственнаго дѣятельность государственнаго тѣла. (103) Но понеже общества въ разсужденіи образа правленія, то есть по особливому своему естеству, между собою различны, то естественнымъ образомъ каждому правительству должно имѣть особливое подкрѣпленіе напрягающее и поощряющее дѣятельность онаго по особливому его естеству. Впрочемъ всѣ бы области употребляли дѣятельность свою одинакимъ образомъ, не взирая на особливости свои. Для различія можно назвать особливыя сіи подкрѣпленія, подкрѣпленіями правленія образа, какъ напротивъ того добродѣтель подкрѣпленіемъ всякія области вообще. Нужно разсуждать о сихъ подкрѣпленіяхъ каждаго правленія порознь, и теперь только можемъ мы упомянуть о тѣхъ особливыхъ подкрѣпленіяхъ, которыя господиномъ *Монтескю* для каждаго правленія поставляются, и признаны единственно подкрѣпленіями каждаго общества. Великая его погрѣшность состояла въ томъ, что онъ не отличилъ, или согласно намѣренію своему отличить не хотѣлъ подкрѣпленіе каждаго правительства отъ общаго подкрѣпленія всѣхъ областей; а можетъ быть еще общее сіе подкрѣпленіе, то есть добродѣтель для того токмо въ ученіи своемъ не помѣстилъ, чтобъ больше случаевъ имѣть на протяженіе своея сатиры. И какъ о господинѣ *Монтескю* разсуждать надлежитъ такъ, какъ онъ

онъ себя оказалъ: то думаю я, не взирая на отличное мое къ нему почтеніе, что онъ не заслужилъ названія творительнаго духа (*Genie Createur*), приписуемаго ему людьми посредственнаго прозрѣнія (10). Творительной духъ не въ томъ состоитъ, чтобъ найти прекрасную мысль, и здѣлать изрядное примѣчаніе, но образовать общія умоначертанія по истинному естеству и существу вещей. И такъ можетъ ли творительной духъ такое издать неосновательное и въ сопряженіи частей своихъ не соотвѣтствующее ученіе?

§. 108.

Подкрѣпленіе единоначальнаго правленія есть честь, или желаніе преимущества.

Естество единоначальнаго правленія особливо состоитъ въ томъ, что верьховная власть находится въ рукахъ одного (§. 63.), а сія въ употребленіи соединенныхъ государственныхъ силъ (§. 48.). Сей одинъ человѣкъ есть средоточие, къ которому всѣ оныя силы склоняются; употребленіе же силъ дѣлаетъ его источникомъ, изъ котораго проистекать долженствуютъ всѣ преимущества, и заслугѣ награжденія. Подкрѣпленіе всѣхъ обществъ есть добродѣтель (§. 103.). И такъ особливое естество единоначальнаго правленія въ томъ состоитъ, чтобъ каждой старался учинить извѣстными свои добродѣтели и достоинства сему одному, дабы чрезъ то могъ пріобрѣсть знатность и почтеніе, которыя добродѣтелію и достоинствами по естеству ихъ производятся. Сіе есть особливое подкрѣпленіе единовластнаго правительства, Какъ же назвать сіе подкрѣпленіе? Не *честію* ли? Ей надлежитъ непремѣнно быть,

(10) I. письмо о Даніи.

быть, и всегда бы она была, ежели бы сей одинЪ былЪ всегда премудрѣйшей и справедливѣйшей, какого повидимому народЪ при учрежденіи сего правленія быть предпоставляетЪ. Милость его и судЪ о добродѣтеляхЪ и достоинствахЪ составили бы тогда истинную честь, которая зависитЪ больше отЪ похвалы одного мудраго, добродѣтельнаго и справедливаго человѣка, нежели отЪ мнѣнія неизчислимаго множества не разумныхЪ и порочныхЪ людей. Но таковой случай весьма рѣдко бываетЪ, чтобЪ сей одинЪ человѣкЪ имѣлЪ такія совершенства. Между тѣмЪ люди вЪ единоначаліи не упускаютЪ никогда, чтобЪ не устремлять всея дѣятельности своея кЪ сему средоточію, на сниканіе его похвалы, не взирая на то, что похвала сія истинныя чести еще не составляетЪ. Тогда надобно будетЪ назвать подкрѣпленіе сіе желаніемЪ преимущества; ибо по точному и опредѣленному умоначертанію не есть сіе честолюбіе. Все стремится кЪ средней сей точкѣ; и находящіяся вЪ кратчайшемЪ отЪ оныя разстояніи предпочитаютЪ себя другимЪ. Прилѣпившіяся же кЪ ней посредственно, держатся за ближайшихЪ кЪ сему средоточію. СогласнымЪ естеству образомЪ можно единоначаліе уподобить магниту, лежащему вЪ желѣзныхЪ опилкахЪ. Всѣ сіи опилки хотятЪ кЪ нему прилѣпиться, немогущія же ему прикоснуться, держатся за ближайшихЪ; по чему и произходятЪ по величности магнита, и множества желѣзныхЪ опилковЪ во кругЪ онаго долгіе тѣхЪ опилковЪ ряды. Между тѣмЪ держится за оной магнитЪ изЪ оныхЪ самая крайнѣйшая столько жЪ крѣпко, какЪ и непосредственно его касающаяся; таковому же обстоятельству надлежитЪ быть и вЪ единоначаліи.

Великія

Великія произойдутъ въ ономъ погрѣшность и ослабленіе, когда притяганіе сіе зависить будетъ больше отъ вельможъ, нежели отъ самого Государя. По мѣрѣ какъ люди подъ единоначальнымъ правленіемъ въ движеніи своемъ и стремленіи къ средоточію безконечно различныя мѣста занимаютъ, то потому столько жъ велика бываетъ и разнообразность чиновъ, понеже всегда одинъ передъ другимъ возвышается. Сіе неравенство безвредное, и непосредственное подкрѣпленія области слѣдствіе, можетъ понесть одно токмо естество единоначалія. Каждой трудится превзойти другаго, и ближе подойти къ средоточію. Каждой старается личными своими свойствами, своимъ достоинствомъ, чиномъ своимъ и богатствомъ или по крайней мѣрѣ тѣнію оныхъ, а именно: роскошью отмѣнность получить предъ другимъ и произойти въ знатное состояніе. Хлѣбопашецъ желаетъ быть откупщикомъ, мѣщанинъ ищетъ чиновъ, купецъ хочетъ быть благороднымъ, или, по крайней мѣрѣ таковымъ называться, а благородной силится превзойти свое состояніе. Отъ сего происходитъ дѣятельность, толь полезное всему государству прилѣжаніе. Каждой мыслитъ трудиться ради собственнаго своего прибытка и преимущества, но въ то жъ самое время прилѣжитъ и о добрѣ общества. И по истиннѣ сіе есть великое и твердое подкрѣпленіе, чрезъ что единоначаліе получаетъ такую силу и дѣятельность, которыхъ другія правленія имѣть не могутъ. Здѣсь зависитъ все отъ Государя, и отъ дозволенныхъ имъ средствъ, дабы къ нему приближиться и снискать преимущество. Ежели добродѣтель, заслуги, способность и истинное прилѣжаніе есть основаніе даемыхъ отъ него преимуществъ, то никакое прави-

тель-

тельство не можетЪ быть толь благодѣйственно, какЪ единоначаліе и подкрѣпленіе его есть истинная честь. Когда же напротивЪ того ласкательство, пороки, утѣсненія, гоненія, неправедное обогащеніе, способы суть и путеводители кЪ возвышенію, то никакое правленіе не можетЪ причинить столь о злополучія, какЪ единоначаліе, котораго подкрѣпленіе будетЪ тщетное преимущество, бѣднѣйшая чести тѣнь, наружно разумными и добродѣтельными людьми почитаемая, внутренно же весьма презираемая. Преимущество сіе подобно не полновѣснымЪ деньгамЪ. Хотя и должно признать наружную оныхЪ цѣну, но никто не будетЪ однако вЪ томЪ увѣренЪ, что они подлинно такую цѣну вЪ себѣ содержатЪ по кружку. И такЪ поврежденное сіе подкрѣпленіе не можетЪ содѣйствовать благосостоянію государства, но будетЪ оному еще вредительнѣе. ИзЪ сего обЪясненія возможно теперь лучше усмотрѣть истинное подкрѣпленіе единоначальнаго правленія, нежели изЪ описанія господина *Монтескю*. ОнЪ хотя (11) и пріемлетЪ вЪ единоначаліи честь подкрѣпленіемЪ, но такую честь, которую и самЪ честію не почитаетЪ, но паче ложнымЪ мнѣніемЪ о каждой особѣ и о всякомЪ чинѣ. По сему представляетЪ онЪ весьма уже поврежденное единоначаліе; котораго и лишаетЪ подкрѣпленія, приписуемаго имЪ потомЪ всѣмЪ государствамЪ, и по сему образуетЪ существо своихЪ законовЪ. Ежели бы онЪ не имѣлЪ намѣренія написать сатиру, но ученіе на существѣ законовЪ основанное, то каждой легко самЪ усмотрѣть

(11) ВЪ *разумѣ законовЪ* часть I. книг. III. глав. 5 и 7.

трѣть можетъ, какъ мало похвалы заслуживаетъ его поведеніе.

§. 109.

Подкрѣпленіе многоначальнаго правительства есть умѣренность.

Въ многоначаліи занимаетъ мѣсто Государя чинъ благородства, или правительствующее собраціе. Но понеже толь многія особы въ верьховной власти имѣютъ участіе, то оная нигдѣ не бываетъ блистательна. По сему нѣтъ средоточія здѣсь, все къ себѣ привлекающаго. Многоначаліе подобно звѣрю, имѣющему главу многовыйную, а тѣло многоножное. И такъ какъ оно въ движеніи главы своея неизчетныя затрудненія, такъ и въ ступаніи ногъ своихъ неизчислимыя препятствія находитъ, то и двиганіе его ничто иное есть, какъ косное ползаніе. Въ предшедшей части въ отдѣленіи о многоначаліи показали мы естественные сего правленія надостатки, которые не инако исправлены быть могутъ, какъ великимъ ограниченіемъ власти самаго многоначалія. Оскорбительныя преимущества начальнаго благородства въ разсужденіи всего народа прикрыты быть могутъ великою во власти самой, такъ и въ наружномъ блистаніи умѣренностію, чрезъ что предлежащей отъ всего народа благородству страхъ упразнится. Опасность наносимая благородству отъ иного или другаго возникшаго сочлена, не можетъ быть отвращена такожде ничемъ инымъ, какъ ограниченіемъ всего чина благородства. Никто передъ другимъ возвышаться не долженъ, и всѣмъ надлежитъ чуствовать бремя законовъ. Сему быть невозможно, когда благородство не будетъ весьма добродѣтельно, и сія добродѣтель будетъ имѣть вліяніе во весь народъ, которой здѣсь, больше всѣхъ прочихъ пра-

правленій, законами отягощается. И такъ повидимому добродѣтель есть подкрѣпленіе всякія области. Но особливое естество сего образа правленія требуетъ, чтобъ добродѣтель наиглавнѣйше склонялась къ умѣренности, такъ что и самой великой добродѣтели надлежитъ здѣсь себя умѣрять. Великое мужество и великая храбрость, толь явственныя добродѣтели и свойства будутъ здѣсь опасны. Слѣдственно особливое подкрѣпленіе многоначалія есть умѣренность, въ чемъ я съ господиномъ *Монтескю* согласенъ.

§. 110.

Любовь къ равенству есть подкрѣпленіе народоначалія.

Не взирая на то, что всѣ народы безъ различія должны имѣть добродѣтель подкрѣпленіемъ, когда токмо истинно желаютъ поспѣшествовать своему благополучію; однако въ народоначаліи общее сіе подкрѣпленіе есть наинужнѣйшее. Другія державы могутъ долгое время быть въ поврежденномъ состояніи, когда токмо силою другія державы не разрушатся. Но народоначаліе безъ добродѣтели быть никакъ не можетъ; и народъ безъ нея стоитъ на краю погибели своея. И при не большомъ случаѣ, каждой знатной гражданинъ мужество и мудрость имѣющей, можетъ опровергнуть сіе правленіе. Особливое естество сего образа правленія состоитъ въ томъ, что всѣ граждане, мнящіеся имѣть разумъ и волю въ дѣлахъ общества, имѣютъ участіе въ верьховной власти. И по сему надлежитъ, чтобъ общее подкрѣпленіе всѣхъ областей, то есть, добродѣтель преклонно было и правимо любовію къ равенству; понеже граждане всѣ между собою равны, и малѣйшее преимущество противно здѣсь естеству правленія. И такъ любовь къ равенству есть

особли-

особливое подкрѣпленіе сего правительства, и согласно оному неможетъ понесть никогда народоначаліе великія добродѣтели. Остракизмъ нѣкоторыхъ греческихъ обществъ, ничто иное былъ, какъ объявленіе народа, что тотъ, или другой человѣкъ здѣлался великимъ въ разсужденіи естества народаначалія. И хотя таковой посредствомъ сего объявленія великою честію почтенъ, однако притомъ долженъ былъ, искать другаго для себя мѣста пребыванія. А что Остракизмъ нетокмо касался до мужественныя славы, но и до всѣхъ добродѣтелей вообще, то видимъ изъ примѣра *Аристидова.* Какъ одного Аѳинскаго жителя въ то самое время спросили, когда онъ голосъ свой подавалъ на изгнаніе *Аристида*, знаетъ ли онъ его? То сей съ холодностію отвѣчалъ: незнаю; только слышу безпрестанные разговоры о его справедливости (12). Подкрѣпленіе сіе равенства видимо и въ нынѣшнихъ нашихъ народоначаліяхъ, но совсѣмъ инымъ образомъ. Хотя кто изъ купечества въ таковъ обществѣ по полученіи великаго богатства и захочетъ пользоваться преимуществомъ состоянія, однако не можетъ въ отечествѣ своемъ удовольствовать своего честолюбія. Ежели отъ собственнаго Государя получитъ великой чинъ, то отъ согражданъ своихъ посмѣянъ будетъ, и невзирая на то, такъ какъ и прежде, станутъ его звать *Иваномъ Никудиновымъ.* И такъ ежели онъ непремѣнно желаетъ насытить свое тщеславіе, то надобно ему съ своимъ сокровищемъ итти въ государство единоначальное. Тамъ можетъ онъ чрезъ богатство свое здѣлаться благороднымъ

К и

---

(12) КОРНИЛІЙ НЕПОТЪ въ житіи Аристидовомъ.

и Графомъ:за и такимъ дѣйствително быть. Господинъ *Монтескю* (13) почитаетъ добродѣтель подкрѣпленіемъ народоначалія, а потомъ говоритъ, что чрезъ сію добродѣтель разумѣетъ любовь къ равенству. По мнѣнію моему сіе заключаетъ въ себѣ противорѣчіе. А что онъ предъ тѣмъ разумѣлъ истинную добродѣтель, то явствуетъ о семъ все его выведеніе; а особливо мнѣніе его, что *Аглichане* въ прежнемъ вѣкѣ за недостаткомъ добродѣтели не могли составить народоначалія; что *Римляне* по потеряніи добродѣтели не были въ состояніи сохранить полученную отъ *Суллы* волность свою, и возстать противъ мучительства первыхъ цесарей; и что Греческіе мудрецы въ правленіи почитали добродѣтель нужною къ сохраненію народаначалія; и что напротивъ того нынѣшніе ни о чемъ такъ неутвердятъ, какъ о рукодѣліяхъ, купечествѣ и богатствахъ. Посему сіе его разсужденіе нимало не соотвѣтствуетъ съ тѣмъ, что онъ послѣ излагаетъ сію добродѣтель любовію къ равенству. Любовь же сія не есть добродѣтель. Она можетъ быть и въ поврежденномъ обществѣ, потерявшемъ добродѣтель, ибо и здѣсь можно наблюдать равенство и недозволять преимущества никакому гражданину. Сіе противорѣчіе и сіе смѣшеніе умоначертанія могъ бы избѣжать господинъ *Монтескю*, ежели бы согласно естеству вещей, и намѣренію обществъ принялъ во первыхъ добродѣтель общимъ областей подкрѣпленіемъ, любовь же къ равенству особливымъ въ народоначаліи.

§. III.

---

(13) Въ *разумѣ законовъ* част. I. книг. III. глав. 3. книг. V. глав. 2.

§. 111.

Дѣйствія производимыя основаніемъ дѣятельности и подкрѣпленіемъ въ единоначаліи.

Посмотримъ теперь, какія дѣйствія произойти могутъ, когда народы дѣятельность свою по утвержденному нами теперь основанію и принятымъ подкрѣпленіямъ учредятъ. Во первыхъ станемъ говорить о единоначаліи; когда воономъ есть основаніе дѣятельности, то есть любовь къ правленію, или правителю, то будетъ оное способно къ великимъ дѣламъ. *Македоняне* (14) тѣмъ только и прославились, что были любовію къ Государю своему преисполнены; ежели же и Французы въ прошедшемъ вѣкѣ великія побѣды одержали, то ошибки не будетъ, когда причины тому станемъ искать въ особливой любви, которою сей народъ къ Государю своему разпаленъ былъ. И что общее подкрѣпленіе государствъ, то есть добродѣтель, такожде и въ единоначаліи къ мужественнымъ дѣламъ и къ поспѣшенію истиннаго народнаго блага великое содѣйствіе произвело, о томъ чаятельно никто не будетъ сумнѣваться. Мы выше сего примѣръ показали *Персовъ*, побѣдившихъ почти всю *Азію* добродѣтелію своею; сей же примѣръ не одинъ; вся Исторія научаетъ насъ, что во всѣхъ единоначаліяхъ безъ изключенія и поврежденныхъ, какъ скоро взойдетъ на престолъ добродѣтельной Государь, и примѣромъ своимъ и своими законами добродѣтель паки возстановитъ, то такое государство учинится въ тотъ часъ благополучнымъ и побѣдоноснымъ; напомянуть ли о *Троянѣ*, *Антонинѣ* и *Өеодосіи* Римскихъ Цесаряхъ? Можетъ быть нѣтъ и ниодного такого государства, которое

К 2 бы

(14) Квинтъ Курцій книг. III. глав. 6.

бы въ повѣсти своей немогло показать добродѣтельныхъ правителей, наклоненныя къ паденію области воставлявшихъ, ежели только къ общему сему правленія подкрѣпленію присоединить особливое подкрѣпленіе единоначалія, то есть честь, то какое получитъ благополучіе и силу такое государство? Ежели истинная честь на добродѣтели и заслугахъ основана; то должна добродѣтель, будучи толь сильнымъ подкрѣпленіемъ, чрезъ слѣдуемыя ей справедливыя преимущества и награжденія возженна быть къ предприятію всего для общаго блага; и какъ такому единоначалію не быть благополучну? Изреченіе Философа *Анархазиса* (15) весьма праведно, что то государство наиблагоденственнѣйшее есть, въ которомъ преимущество, или честь, добродѣтелію, презрѣніе же порокомъ измѣряются. А хотя и будетъ честь имѣющая одну славу предметомъ своимъ, и посему въ строгомъ смыслѣ ложная, однакожъ и она можетъ побуждать къ великимъ дѣламъ. И для того не надлежитъ удивляться, что *Александръ* великія учинилъ дѣла; можетъ быть никакой Государь не старался о чести и славѣ такъ, какъ онъ; ибо и простымъ всадникамъ, убіеннымъ на первомъ сраженіи съ Персами, велѣлъ вылить въ Македоніи истуканы и ихъ поставить. (16)

§. 112.

Такія же дѣйствія

При разсужденіи о дѣйствіяхъ основанія дѣятельности, и побужденія въ многоначаліи, надлежитъ

---

(15) Плутархъ въ *пиршенствѣ седьми мудрецовъ*.

(16) Кеинтъ Курцій книг. II. глава 5. прибавленіе *Фрейсгейма*.

длежитъ намъ сослаться на примѣры. Никакой народъ не имѣлъ толикія къ отечеству любви, какъ Римляне, въ то самое время, когда правленіе ихъ по большой части было многоначально. Примѣры тому суть толь удивительны, что превозходятъ всякую вѣроимность, однако подтверждаются историческою подлинностію. Сія любовь ихъ толь далеко шла, что угнѣтала и естественныя ощущенія. *Брутъ* и многіе другіе отцы казнили родныхъ своихъ дѣтей изъ любви къ отечеству съ такимъ постоянствомъ, которое токмо Римскимъ назвать можно. Желаемъ ли видѣть примѣръ дѣйствія добродѣтели въ многоначаліи; то возримъ на *Спарту*, которая одною своею добродѣтелію учинилась твердѣйшимъ общенародіемъ въ Греціи, и безъ стѣнъ столько же непобѣдима была, какъ и наиукрѣпленнѣйшіе города. Дѣйствія умѣренности также видимы въ ней, какъ и въ *Венеціи*. Надзиратели Спартанскіе умѣли сохранить сіе побужденіе умѣренности какъ въ знатныхъ людяхъ, такъ и во всемъ народѣ, и когда Венеція при такихъ великихъ нестроеніяхъ въ Италіи, при перемѣняющейся Французской и Гишпанской власти, толико сотъ лѣтъ укрѣпиться могла, когда Венеція и есть наиблагополучнѣйшее общенародіе, такъ какъ ей быть было возможно при естественныхъ недостаткахъ сего правленія образа, то все сіе приписать надлежитъ духу умѣренности, въ которомъ пребывало Венеціанское благородство. — бывающъ и въ многоначаліи.

§. 113.

Такіеже ясные примѣры дѣйствій основанія дѣятельности и подкрѣпленій обществъ находимъ — Тѣже самыя дѣй-

ствїя и въ народоначалїи.

димъ и въ народоначалїи. *Критяне* славны были во всей древности ради чрезвычайной любви къ отечеству (17); они долѣе всѣхъ Греческихъ областей сохраняли себя отъ поглощающаго Римскаго могущества. *Аргилеане* сосѣдственной со *Скитами* народъ жили одною добродѣтелiю безъ оружiя, такъ что и палки для обороны своея неимѣли, въ совершенной безопасности и благополучiи (18). Сосѣди нимало недумывали наступать на добродѣтельной сей народъ войною, но вмѣсто того прибѣгали къ нимъ для прекращенiя своихъ ссоръ; добродѣтелiю же своею прiобрѣли такую знатность, которую бы славою побѣдъ получить не могли. Какъ долго Аѳиняне были добродѣтельны, то невозможно было великой *Перской* силѣ побѣдить ихъ; но какъ добродѣтель свою погубили, то немогли противостоять какъ Спартѣ, такъ и Македонскому царю *Филиппу*; и такое обстоятельство было со всѣми Греческими общенародiями. Одною добродѣтелiю они охранялись. Что жъ касается до любви къ равенству, то можно надежнымъ образомъ утверждать, что Римляне, учинясь по большой части народоначальными, не потеряли бы никогда своея вольности, ежелибы сохранили сiе подкрѣпленiе. Ничто небыло толь блистательно какъ Римское общенародiе въ народоначальномъ своемъ правленiи до раззоренiя Карѳаги, понеже они тогда не ввѣряли еще отличившимся великими дѣлами согражданамъ своимъ особливыхъ преимуществъ и власти, въ пагубу ихъ потомъ низринувшихъ. *Сципiонъ*, сей Карѳаги побѣдитель, недавъ въ разсу-

(17) Платонъ въ *общенародiи* книг. VIII.

(18) Геродотъ книг. IV.

разсужденіи знатности своея отчета, такЪ какЪ прежде о томЪ упомянуто было, положилЪ первой основаніе сея гибели.

§. 114.

Законы каждыя области должны согласовать сЪ основаніемЪ ихЪ дѣятельности и подкрѣпленіями.

Когда сіи дѣйствія подлинно воспослѣдуютЪ, и народы учредятЪ по сему основанію и подкрѣпленію свою дѣятельность, то легко видѣть можно, что и законы каждыя области со онымЪ согласоваться будутЪ. Законы суть необходимыя, и изЪ естества вещей происходящія содержанія. Чтоже можетЪ согласно быть естеству каждаго общества, какЪ постановлять законы свои по основанію дѣятельности своея, и по своимЪ подкрѣпленіямЪ? Я не могу здѣсь вступить вЪ показаніе сопряженія и соотвѣтствія законовЪ вЪ каждомЪ образѣ правленія сЪ симЪ основаніемЪ, и подкрѣпленіями. Сіе принадлежитЪ кЪ особливому сочиненію о законахЪ, или вЪ особливыя части каждыя правленія мудрости. ГосподинЪ *Монтескю* вЪ сочиненіи своемЪ о законахЪ изобразилЪ вездѣ и весьма изрядно сопряженіе сіе законовЪ сЪ подкрѣпленіемЪ умѣренности вЪ многоначаліи, и сЪ любовію кЪ равенству вЪ народоначаліи. Извлеченія его о соотвѣтствіяхЪ законовЪ вЪ единоначаліи сЪ подкрѣпленіемЪ чести не надлежитЪ такожде вездѣ отметать, хотя онЪ подЪ симЪ подкрѣпленіемЪ истинныя чести и не разумѣетЪ. Но нѣтЪ сумнѣнія вЪ томЪ, что примѣчанія его вЪ уваженіи великихЪ его способностей были бы гораздо лучше, когда бы онЪ положилЪ напередЪ прямое зданію своему основаніе, и ежели бы особливо постарался оказать соотвѣтствіе законовЪ сЪ общимЪ народовЪ подкрѣпленіемЪ, то есть добродѣтелію.

§. 115.

Основанїе сїе и подкрѣпленїе должны особливо насаждены быть и содержаны воспитанїемъ дѣтей.

Между тѣмъ законы пребудутъ всегда весьма слабымъ средствомъ, дабы сохранить основанiе сiе и сiи подкрѣпленiя для общества, ежели не будутъ спомоществуемы воспитанiемъ дѣтей. И такъ оно единственно есть то, чрезъ что сiи подкрѣпленiя въ людяхъ незагладимо печатлѣться могутъ; любовь же къ отечеству и Государю, добродѣтель, честь, умѣренность и люблениe равенства, о существительности которыхъ законамъ толикой трудъ предлежитъ, будутъ всегда у большой части народа тщетными умоначертанiями, ежели мы съ самаго младенчества къ тому не прiобыкнемъ. Ничто такъ неподлинно, какъ то, что упадокъ добродѣтели, и подкрѣпленiя въ каждомъ цвѣтущемъ государствѣ начинался упадкомъ дѣтей воспитанiя. Исторiя наполнена о семъ свидѣтельствами. Какъ *Филолеменъ* по побѣжденiи Спартанцовъ увидѣлъ, что сей народъ и послѣ можетъ еще быть великодушнымъ, слѣдовательно и страшнымъ, такъ долго какъ у онаго воспитанiе дѣтей по закону Ликургову пребудетъ, то для того приказалъ имъ прежней воспитанiя образъ оставить, и поступать притомъ совсѣмъ инако. (19) Ежели мы нынѣ не исполняемъ любви въ отечеству и гражданскихъ добродѣтелей, то приписать сiе надлежитъ весьма дурному воспитанiю нашему. Мы воспитываемъ дѣтей нашихъ нетакъ, какъ бы имъ жить въ обществахъ, но будто бы быть въ состоянiи естественныя вольности; да еще такъ, что видимся притомъ отвле-

(19) Титъ Ливий книг. XXXVIII. Плутархъ въ *житiи Филолеменопомъ*.

отвлекать отъ нихъ всю добродѣтель и любовь къ отечеству. Какъ *Агезилая* спросили, что бы онъ за надобное почелъ, чему бы дѣтямъ учиться? то отвѣчалъ онъ: тому, что имъ *дѣлать надлежитъ по пришествіи въ возрастъ* (20); и въ прочемъ неразумно бы было, ежели бы онъ инако и отвѣтствовалъ. Однако, ежели посмотрѣть на наше воспитаніе, не въ домахъ, о чемъ и не говорю, но только въ народныхъ училищахъ, состоящихъ подъ смотрѣніемъ всего общества, согласуетъ ли оно съ вышесказаннымъ? При началѣ ученія не слышатъ дѣти ни слова, что есть за вещь государство, или отечество, и какія имѣютъ должности гражданинъ или отецъ; все ихъ наученіе состоитъ въ читаніи, письмѣ и въ такомъ вѣры исповѣданіи, которое содержитъ въ себѣ наиважнѣйшія заключенія и таинства, что дѣти столькоже понять могутъ, какъ и Алгебру, или исчисленіе безконечныхъ величинъ. Священное писаніе наполнено весьма изрядными изреченіями, касающимися до должностей житія и гражданства, но чтобъ оныя выписать, и нужное еще къ тому прибавить, то никто о томъ никогда и не мыслилъ. Въ вышнихъ училищахъ упражняются дѣти въ мертвыхъ языкахъ, а иногда и въ начальныхъ основаніяхъ наукъ. Но какое могутъ имѣть намѣреніе всѣ науки, когда мы ихъ наилучшимъ и совершеннѣйшимъ образомъ познаемъ? Поистиннѣ неиное какое, какъ то, чтобъ мы были добродѣтельны, просвѣщенны, и къ исполненію должностей нашихъ способны. Ежелиже они имѣютъ другой предметъ, ежели только насыщаютъ желаніе наше, наши знанія и суеты, то недостойны

---

(20) Плутархъ въ *Апофтегм. Лаконическомъ.*

они, чтобъ мы и пальцомъ до нихъ прикоснулись. Но съ какою ужасною околичностію хотимъ мы здѣлать мудрыми, добродѣтельными и способными дѣтей нашихъ. Надлежитъ весьма совершенно изъучить всѣ знанія и науки, чтобъ они насъ могли привести къ сему концу; и остается еще всегда вопросомъ, имѣетъ ли хотя одинъ изо ста сію отъ наукъ пользу? И такъ будетъ сіе великая околица подобная тому, какъ славной господинъ *Лейзерз* въ молодыхъ своихъ лѣтахъ увѣрилъ своего добраго, и честнаго опекуна, что изъ Вены въ Саксонію иной дороги нѣтъ какъ чрезъ Италію. Для чего намъ дѣтей нашихъ не учить прямо разуму, добродѣтели и должностямъ ихъ? Для чего не сочинить первыхъ оснований тому краткимъ и понятнымъ образомъ, и юношество въ томъ обучать? Для чего непредлагать имъ двоесмысленныхъ случаевъ, чтобъ они о нихъ дѣлали свое разсужденіе, которое намъ надобно исправлять, и чрезъ то изощрять разумъ ихъ? такимъ образомъ воспитывались дѣти въ Спартѣ (21.), и такое воспитаніе было у Персовъ во время Кирово (22); да имѣлъ ли еще другой какой разумной народъ сему противное? Я каждаго прошу показать мнѣ лучшее, разумнѣйшее, и способнѣйшее для дѣтей воспитаніе. И подлинно кажется непонятно, какъ правительства до сихъ поръ немогутъ ввести въ областяхъ своихъ такого воспитанія, вѣдая, что благоденствіе всего общества и собственныя ихъ великость и польза толь много отъ онаго зависятъ? Когда дѣти исполнены будутъ истинною

(21.) ПЛУТАРХЪ въ *житіи Ликургопомъ*.

(22.) КСЕНОФОНТЪ въ *Киронаставленіи* книг. 1. глав. 2.

истинною любовію къ своему отечеству и къ своему Государю; когда въ сердца ихъ незагладимо впечатлѣются, добродѣтель, справедливость, неложное мужество, и обязанности ихъ къ обществу и къ согражданамъ, то чего бы правители немогли предпріять съ таковыми подданными, и коль благополучно было бы ихъ государствованіе, коль благословенна была бы область, и коль велики были бы они сами?

§. 116.

Можно ли приписать насильственному правленію подкрѣпленіе.

Во окончаніи сея части остается намъ нѣчто сказать о подкрѣпленіи насильственнаго владычества. Въ предшедшей части показали мы, для чего таковое начальство немогли признать особливымъ правленія образомъ, и такъ свойственно неимѣетъ оное никакого подкрѣпленія. То государственное тѣло, въ которомъ насильствующей испроверженіемъ народныя власти и всѣхъ начальныхъ установленій существо общества вовсе истребляетъ, привлеченіемъ всего къ лицу своему, неможетъ быть больше тѣломъ государственнымъ; покрайнѣй мѣрѣ не есть оно живо и дѣятельно. И посему неможетъ имѣть основанія дѣятельности, и никакихъ подкрѣпленій. Какъ возможно быть любви къ отечеству въ такой злощастной землѣ, которая ничего непроизводитъ кромѣ мучительства и бѣдности человѣческой? Какъ возможно исполнять гражданскія добродѣтели въ такой области, гдѣ ни народа ни гражданъ нѣтъ, а одни токмо сожалѣнія достойнѣйшіе невольники? Какъ возможно, чтобъ честь была побудительнымъ основаніемъ дѣлъ въ такомъ господствѣ, которое не дѣлаетъ награжденія добродѣтелямъ

и заслугамЪ, но учреждаетЪ все по своему мечтанію. Такое злощастное, мертвое и для самаго себя недѣятельное государство не имѣетЪ никакихЪ подкрѣпленій, но управляется или оковами, или остріемЪ меча; страхЪ и принужденіе тамо царствуютЪ. ГосподинЪ *Монтескю* (23) признаётЪ страхЪ подкрѣпленіемЪ насильственнаго правленія.

---

(23) *ВЪ разумѣ законовЪ* часть I. кн. III. гл. 9.

ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ
О
ОБОЮДНОМЪ СОДЕРЖАНІИ ВЕРЬХОВНЫЯ ВЛАСТИ И ПОДДАННЫХЪ.

§. 117.

По учиненному нами до-сего разсужденію о началѣ, основаній, и намѣреніи народныхъ обществъ, такъ какъ и о естествѣ верьховныя власти съ разными ея образами и подкрѣпленіями, пришли мы теперь до содержанія, находящагося по естеству и существу областей, между верховныя власти, или правителями и подданными. Народъ или государство, вообще образуемое учрежденіемъ верьховныя власти, такъ какъ мы въ предшедшихъ частяхъ многократно показали, заключаетъ въ себѣ особливо два главныя понятія, а именно: сіюже верьховную власть и народъ, или правительствующіе и повинующіеся сочлены общества, или въ единоначаліи Государя и подданныхъ. И какъ народное общество есть одинакое нравственное тѣло; то явствуется, что обѣ сіи главныя части должны имѣть между Предметъ сея части

собою

собою весьма точное содержаніе и сопряженіе; о которомъ будемъ разсуждать въ сей части.

§. 118.

И ея раздѣленіе.

Разсмотрѣніе существенности сего точнаго содержанія между правителями и подданными, приведетъ насъ наиглавнѣйше къ троякому разсужденію, а именно: вопервыхъ, самаго точнаго содержанія, или тѣснаго союза между правителями и подданными находящагося. Потомъ надобно будетъ намъ разсматривать произтекающія изъ точнаго сего содержанія должности подданныхъ къ своимъ правителямъ; наконецъ же и правителей должности къ подданнымъ по существу области и по естеству точнаго сего содержанія; въ слѣдствіе чего и раздѣлимъ мы сію часть на три предѣла.

ПЕРВОЕ

ПЕРВОЕ ОТДѢЛЕНІЕ
О
ТѢСНОМЪ СОЮЗѢ МЕЖДУ ПРАВИТЕЛЕМЪ И ПОДДАННЫМИ.

§. 119.

Тѣсной союзъ между правителемъ и подданными.

Народъ или область вкупѣ, есть весьма одинакое нравственное тѣло, имѣющее во всѣхъ своихъ частяхъ наиточнѣйшее соотвѣтствіе, содержаніе и сопряженіе, подобно частямъ, естественнаго. Верьховная власть или правитель и подданные суть наиглавнѣйшія части народнаго тѣла (§ 117.); слѣдовательно должно быть между обоими наиточнѣйшему содержанію и весьма тѣсному союзу. Равнымъ образомъ, какъ и въ тѣлахъ, ощущеніе имѣющихъ, больше же еще въ одушевленныхъ разумными существами, никакая часть неможетъ безъ того ощущать, чтобъ прочія того возчувствовать немогли, то по сему и въ народномъ тѣлѣ есть такое жъ обстоятельство въ разсужденіи правителя и подданныхъ; и истинна сія касается до всѣхъ и каждыя части народнаго тѣла, такъ что никакой чинъ и никакое раздѣленіе подданныхъ немогутъ ничего претерпѣть, чтобъ вредныя сего ощущенія не распространились на всѣхъ и каждаго. И хотя здѣсь слѣдствія не всегда бываютъ видимы, такъ что для узрѣнія оныхъ надобно быть острому глазу, однако напротивъ того въ разсужденіи правителя и подданныхъ равномѣрныя и обоюдныя вредительныя отношенія пре-

претерпѣваемаго одною частію къ другой весьма явственны суть, по той причинѣ, что союзъ между правителемъ и подданными есть наитѣснѣйшій, которой въ нравственномъ тѣлѣ быть можетъ. Нужно, о семъ разсмотрѣть подробно.

§. 120.

Сіе произходитъ въ обществѣ отъ содержанія силъ.

Всѣ одинакіе люди, народъ составляющіе имѣютъ каждой особливую силу (§ 25.). Соединеніе всѣхъ сихъ одинакихъ силъ въ одну силу есть то, что составляетъ народное общество и существо верьховныя власти (§ 28.). И по сему какъ подданные оставляютъ употребленіе соединенныхъ своихъ силъ верьховной власти или правителю, то сей бываетъ отъ того необходимо важнѣйшею ихъ самихъ частію, чего ради также согласно естеству, чтобъ все сею властію, имѣющею въ своихъ рукахъ употребленіе соединенныхъ силъ, терпимое весьма ощущаемо было непосредственнымъ образомъ всѣми и каждою одинакою силою. Ничто не можетъ сравниться въ разсужденіи тѣсноты, содержанію и союзу отъ сего происходящимъ. Какъ мало могутъ подданные противъ себя самихъ безъ величайшаго вреда своего востать, то также мало могутъ что предріять противъ верьховныя власти или правителя, понеже онъ есть ихъ соединенная сила, и важнѣйшая ихъ самихъ часть. Съ другой же стороны не можетъ никогда и правитель употреблять во зло силъ подданныхъ своихъ, непричиняя себѣ наичувствительнѣйшаго вреда. Сила его состоитъ въ силахъ подданныхъ его, и есть заимообразна; ибо свойственно онъ никакія собенныя силы не имѣетъ. Ежели же и присвоитъ себѣ силу, то будетъ она силою частнаго человѣка, а

но

ие Государя, котораго сила совершается въ силахъ подданныхъ.

§. 121.

Естественныя слѣдствія въ разсужденіи употребленія сихъ силъ.

Естественное вышесказаннаго слѣдствіе есть безъ сумнѣнія то, чтобъ правители въ употребленіи своихъ силъ, или въ употребленіи силъ своихъ подданныхъ весьма премудро и осторожно поступали. Каждой разумной человѣкъ не долженъ понапрасну расточать силы своея; и сіе есть изъ главнѣйшихъ законовъ естества, излишнія и ненадобныя силы никогда не употребляющаго, и первая должность человѣческая требуетъ сего же; понеже злоупотребленіе силъ нашихъ противно самохраненію, яко первѣйшему естественному закону. Хотя и суть люди, непорядочною жизнію естественныя силы свои ослабляющіе, или и случайныя, то есть пріобрѣтенныя, въ имѣніяхъ состоящія, разтощевающіе, но сіе произходитъ отъ неразумія. Когда же сыщутся нещадящіе живота своего и имѣнія въ непотребныхъ случаяхъ или такъ, какъ въ древнія времена бывало, оными за деньги жертвующіе, то первые почитаются всегда безумными, послѣдніе же подлѣйшими душами; ежели же видано много и такихъ людей, которые мерзостнѣйшею скупостію естественныя силы свои разрушали непомѣрнымъ употребленіемъ, или невкушеніемъ къ пропитанію потребнаго, дабы чрезъ то умножить сокровища свои, но оные были всегда немысленными самихъ себя врагами; однако правители и особы участіе имѣющіе въ исполненіи верьховныя власти, должны имѣть несравненно большее прозрѣніе, основанное на премудрѣйшихъ и благороднѣйшихъ положеніяхъ, дабы впрочемъ зло-

 упо-

употребленіемъ силъ подданныхъ не ослабить напрасно и своихъ собственныхъ.

§. 122.

Тѣсной союзъ происходитъ еще изъ намѣренія общества, то есть изъ общаго благоденствія.

Когда многіе-одинакіе люди воли свои, и силы сопрягаютъ на составленіе народнаго общества; то творятъ они сіе въ намѣреніи общаго благоденствія; средство же ихъ присемъ употребительное, есть устроеніе верьховныя власти, о чемъ мы въ предшедшихъ частяхъ пространно показали. И такъ верьховная власть, или правитель есть главнѣйшей способъ къ ихъ благополучію; и въ семъ случаѣ такожде состоитъ наитѣснѣйшей союзъ между правителемъ и подданными. Безъ верьховныя власти никоимъ образомъ невозможно, чтобъ общее благополучіе многихъ соединенныхъ людей поспѣшествуемо быть могло. Состояніе безвластія (Anarchia) есть, въ нѣкоторомъ разсужденіи, весьма хуже и мучительства, бѣсящагося противъ той или другой тѣла своего части, и могущаго въ прочихъ частяхъ, или въ другихъ какихъ особливыхъ намѣреніяхъ и обстоятельствахъ спомоществовать благоденствію своея области; въ безвластіи же, гдѣ всякая верьховная власть испровержена, не можетъ ничто къ благоденствію посредствовать. Наибезумнѣйшей и сластолюбіемъ упоенной Государь, о правленіи ни мало непомышляющей, и повидимому и себя самаго править немогущей, нуженъ есть не взирая на то государству. По извѣстному остроумному выраженію въ *Антимахіапелѣ* (1), есть онъ не обходимая тѣнь, область представляющая, или можно также сказать, цѣпь, народъ связующая. Безъ имени его, подъ которымъ всѣ дѣла произходятъ, престанетъ

(1) *Антимахіапель* въ 22. части.

станетъ государство, или въ другое правленіе измѣнится.

§. 123.

Какъ подданные безъ верьховныя власти не могутъ достигнуть намѣреннаго общаго благоденствія; то напротивъ того союзъ и содержаніе между обоими толь точны суть, что и правитель не можетъ пользоваться особливымъ для себя благополучіемъ, которое бы не было основано на благополучіи его подданныхъ; и по сему легко доказать, что никакой правитель не можетъ назваться великимъ и щастливымъ, ежели не имѣетъ благополучныхъ подданныхъ. Величество и благоденствіе Государя не состоятъ ни мало въ блистаніи и великолѣпіи его украшающихъ. Суетное мерцаніе сіе, когда подданные его притомъ воздыхаютъ въ бѣдности, есть такожъ ничтожно и презрѣнно, какъ и пышность дворянина или купца, для того токмо деньги занимающаго, чтобъ послѣ за неплатежъ въ тюрьмѣ сидѣть. Величество правителя не состоитъ такожде въ знатности, пріобрѣтенной какимъ либо Государемъ между Европейскими державами. Сія знатность есть и будетъ всегда воображенною, когда снискивается безпрестаннымъ взятіемъ участія въ дѣлахъ прочихъ областей и жертвованіемъ своихъ подданныхъ. Знатность сія, повторяю еще, и стаетъ наподобіе снѣжнаго большаго шара, какъ скоро имѣющей оную соравняемъ, будетъ истинно великому и благополучному правителю. Великость и благоденствіе Государя не составляется также изъ обширности земель его, могущихъ быть пустынями и пребываніемъ нужды и нищеты, ни изъ неиз-

Въ разсужденіи союза сего не можетъ быть правитель благополучнымъ, когда подданные его не имѣютъ благоденствія.

 четныхъ

четныхЪ сокровищЪ, коими хотя и можетЪ быть онЪ богатымЪ частнымЪ человѣкомЪ, но никогда богатымЪ ГосударемЪ, ежели его подданные ничего не имѣютЪ. Меньше же всего благополучіе правителя состоитЪ вЪ роскошной жизни и удовлетвореніи страстей его; сіи умоначертанія не могутЪ имѣть мѣста вЪ мысли Государя всякія подлости очужденной. Истинное величество и благоденствіе его состоитЪ единственно вЪ милосердомЪ и мудромЪ правленіи, во внутренной крѣпости его области, и во благоденствіи его подданныхЪ; сіи суть обстоятельства, которыхЪ плодЪ будетЪ всегда не ложная знатность и независимость между Европейскими державами, и довѣренность сЪ любовію подданныхЪ. Собственное же его высочайшее блаженство будетЪ всегда произходить изЪ спокойствія, сЪ которымЪ онЪ можетЪ самому себѣ сказать, не по расказамЪ МинистровЪ своихЪ, но по собственному своему увѣренію, что онЪ исполнилЪ должность свою, учиня подданныхЪ своихЪ благополучными. Всякое благоденствіе какЪ для него, такЪ и для его рода, основанное не на благоденствіи подданныхЪ, увѣритЪ его и его потомковЪ впредь вредительными своими слѣдствіями, что тѣсной союзЪ между имЪ и его подданными не дозволялЪ ему инаго благоденствія, кромѣ основаннаго на благоденствіи его подданныхЪ. Теперь приступимЪ кЪ разсмотренію естественныхЪ дѣйствій и слѣдствій сего тѣснаго союза.

§. 124.

По сему долженЪ правитель кровь свою

Предшедшее разсужденіе показало намЪ довольно, что союзЪ сей между правителемЪ и подданными уничтоженЪ быть не можетЪ безЪ опроверженія всего государства. Слѣдовательно

тельно и должны объ части, одна для другой всѣмъ жертвовать на сохраненіе того союза. Изъ сего произходитъ долгъ для правителя, для безопасности и благоденствія подданныхъ, не щадить крови своея и своего живота. Должность сія есть толь несумнительна, что и Государь самъ съ немалою трудностію ея не исполняетъ, когда войско свое поручитъ въ управленіе другому. Представляющіе правителю, чтобъ онъ по слову *Монтаньепу* (2) такъ зберегалъ свою голову, какъ Мощи святыя для общенароднаго блага, сказываютъ ему ученія, Государю ни мало не приличныя; извиненія же свои берутъ изъ высочества самаго Государя. Управленіе воинства есть наидостойнѣйшее упражненіе величества. Наивеличайшіе Государи въ древности, имѣвшіе неизмѣримую обширность благоденствовавшихъ областей, были всегда предводители своихъ войскъ. Наилучшіе и сильнѣйшіе изъ Римскихъ Императоровъ управляли Легіоны свои самолично; какъ напротивъ того лѣнивые, разслабленные и несмысленные въ древности Цари заключали себя въ своихъ чертогахъ. Хотя положеніе сіе, что Государю въ разсужденіи высочества неприлично самому воискомъ своимъ предводительствовать, въ новѣишихъ временахъ паки возникло; однако уважено только при такихъ дворахъ, которые, ежели прочесть Исторію ихъ, возвышеніе свое получили больше отъ случая, нежели отъ премудрости и заслугъ предковъ своихъ. Объявляютъ еще наинеосновательнѣйшую причину, для чего великіе Государи не управляютъ самолично войскъ своихъ, понеже де сіе требуетъ великаго иждивенія, которое

и свою жизнь отважить за народъ, и войскомъ самъ предводительствовать.

(2) Опытопъ 2. книг. 21. часть.

торое полезнѣе употреблено быть можетъ на защищенiе государства, какъ будто бы крайняя нужда въ томъ состояла, чтобъ Государь всегда при себѣ имѣлъ великое число служителей и чрезмѣрное множество всякаго припаса. Бѣдное будетъ высочество, когда такiя ненадобныя излишности для него необходимы. Мнѣ кажется, что двадцать человѣкъ также могутъ хорошо Государю услужить, какъ и многiе тысячи. Ежели же отъ исполненiя славныя сея должности поистиннѣ и праведно Государь изъемлется, то вмѣсто того не будетъ страшиться никакого безпокойства, тягости и труда на защищенiе покоя, безопасности и благополучiя своихъ подданныхъ, противъ всякаго внѣшняго покушенiя; къ томужъ пребудетъ и сiе наиблагороднѣйшимъ и изящнѣйшимъ правиломъ для достойнаго правителя, лучше погребену быть въ разрушенiи престола своего, нежели заключить поносной зависимость государства по себѣ влекущей и истинному благополучiю подданныхъ вредительной миръ.

§. 125.

Такожде и подданные должны животомъ и имѣнiемъ жертвовать за сохраненiе правителя и государства.

Ежели правители обязаны для безопасности и защищенiя подданныхъ своихъ нещадить ни крови своея ни своего живота, то равнымъ образомъ и подданные должны жертвовать по силѣ находящагося между ими и правителемъ тѣснаго союза, имѣнiемъ своимъ, своею кровiю и жизнiю своею, на сохраненiе своего правителя и своего государства. Мы прежде (§ 122.) показали, что правитель или верьховная власть есть связь всея области, почему и охраненiе правителя или Государя есть охраненiе самаго народнаго тѣла, на которомъ такъ какъ накрѣпко

на крѣпко водруженномъ столпѣ благополучіе каждаго гражданина утверждается. Когда подданные малую окажутъ склонность къ такому жертвованію, то можно всегда надежно заключить, что государство весьма повреждено. Правительство всякаго имущества подданныхъ обнажающее, дабы оное расточить непотребнѣйшимъ образомъ, оставляющее область на разхищеніе любимцамъ, слугамъ государсвеннымъ и откупщикамъ, и присвояющее себѣ имѣніе частныхъ людей, однимъ словомъ: такое правительство, которое учинится отягощеніемъ и мучительствомъ народа, не можетъ увѣрено быть въ ревностномъ усердіи подданныхъ къ своему охраненію. Таковые подданные имѣютъ столькоже охоты и преданности защищать во основаніе положенныя учрежденія области ихъ, какъ и невольники въ деспотическомъ государствѣ. Они ожидаютъ больше спасенія отъ перемѣны въ правительствѣ, такъ какъ Римскія провинціи въ послѣднія времена сего владычества съ распростертыми руками приняли къ себѣ варваровъ, которыхъ почитали своими избавителями отъ несказанныя тягости податей и неизчетныхъ притѣсненій. Я не уповаю присемъ о множествѣ другихъ примѣровъ, достаточнымъ образомъ доказывающихъ то, что правителю невозможно утвердить благополучія своего, ежели оно не будетъ основано на благоденствіи подданныхъ.

§. 126.

Однако рѣдко бываетъ нужно жителей или хлѣбопаш-

Хотя подданные безпорной имѣютъ долгъ жертвовать за сохраненіе правителя и государства, не токмо имѣніемъ своимъ, но и животомъ, однако несогласно будетъ съ мудростію правителя, заставить гражданъ или жителей при-

нять

цовъ вооружать.

нять оружіе къ защищенію области противъ идущаго непріятеля. Хотя бы какъ ни безразсудно война была начата, и имѣла бы такое нещасливое слѣдствіе; что непріятель нѣсколькими ужѐ уѣздами овладѣлъ, или бы хотя впрочемъ не было возможности противустоять силѣ, въ область входящей, то и въ тогдашнее время вооружать поселянъ невесьма полезно, выключая только нѣкоторыя гористыя зѐмли, гдѣ обороняться удобно, и гдѣ жители къ оружію пріобыкли. Въ настоящее время, когда военная наука въ толикое приведена совершенство, чего можно надѣяться отъ неизученныхъ поселянъ, кромѣ совершеннаго всѣхъ ихъ избіенія, или безоборонняго ихъ побѣга; непріятель же напротивъ того, нашедъ ихъ вооруженныхъ, будетъ нѣкоторымъ образомъ право имѣть поступать съ ними съ большею суровостію. Мудрое правленіе, не имѣя ужѐ по видимому никакихъ средствъ къ прогнанію непріятеля изъ предѣловъ своихъ областей, приметъ не взирая на то другія мѣры къ избавленію своея землй. Сіи мѣры предписываются особливо мудростію правленія, и будетъ излишно о нихъ здѣсь разсуждать.

§. 127.

Ложныя заключенія изъ тѣснаго сего союза въ разсужденіи равновѣсія государствъ.

Не рѣдко случается, что правители весьма склонны бываютъ изъ тѣснаго сего союза между ими и подданными находящагося, дѣлать весьма натянутыя слѣдствія и ложныя заключенія; сіе бываетъ особливо тогда, когда они начинаютъ войну для сохраненія мнимаго равновѣсія между державами, и для ослабленія возрастающей сосѣда своего силы. Химера всея сея системы равновѣсія съ неоснованіемъ ея, несправедливостію и вредомъ описаны мною занѣ-

нѣсколько лѣтъ предъ симъ въ особливомъ сочиненіи. Здѣсь о томъ только одномъ упомяну, что сія система отъ того произходитъ наиглавнѣйше, что правители, дѣлая несправедливыя заключенія изъ вышепомянутаго союза, начинаютъ войну для избѣжанія возможнаго, но неподлиннаго страха, жертвуютъ имѣніемъ своихъ подданныхъ и всей своей области причиняютъ неизбѣжное злополучіе. Возможной страхъ сей бываетъ часто прикрытіемъ другихъ причинъ. Страсти правителей и ихъ Министровъ со своекорыстными сихъ послѣднихъ намѣреніями; зависть цвѣтущаго и благоуправляемаго государства; неудовольствіе о не удачѣ замысловъ принятыхъ противъ сильнаго сосѣда; опасность, чтобъ не потерять прежнія знатности между державами; сіи суть истинныя причины, а небоязнь, дабы не быть утѣснену возрастающею сосѣдственною силою. Хотя подданные непрекословную должность имѣютъ жертвовать на сохраненіе Государя и государства животомъ и имѣніемъ, однако не суть обязаны истреблять безвременной правителя своего страхъ, поспѣшествовать страстямъ его, и укрѣплять такую его воображенную знатность, изъ которой обществу произрасти можетъ больше вреда, нежели пользы; ибо онъ зрезъ то вмѣшивается во всѣ Европейскія безпокойствія. Сверьхъ сего не согласно ни съ должностію ни съ мудростію правителя, жертвовать имѣніемъ подданныхъ, ослаблять одинакія силы государственныя, и положась на неизвѣстныя слѣдствія войны, всея области благоденствіе класть на отвагу, для одного токмо намѣренія, чтобъ привесть въ безсиліе какое нибудь сосѣдственное государство. Для отвращенія опасности отъ возрастающей силы, есть

надежное, и совсѣмъ безвредное средство, а именно; непрестанное внутреннихъ общества своего силъ умноженіе и приведеніе всѣхъ обстоятельствъ въ лучшее состояніе. Однимъ словомъ: тѣсной союзъ между правителемъ и подданными имѣетъ всякое дѣйствіе, когда дѣло настоитъ о охраненіи верьховныя власти и слѣдственно государства; и сіе есть единственной случай, производящей справедливую войны причину. Но въ семъ случаѣ сильныя державы никогда не бываютъ; выключая то, когда многіе сильные жъ государства согласятся противъ какого нибудь одного мощнаго народа и его паденіемъ угрозятъ. Въ такомъ обстоятельствѣ находился Людвигъ XIV. какъ почти вся Европа заключила противъ него великой Аугсбургской союзъ, и учиненное съ его стороны нападеніе было весьма справедливо. Но какъ такіе случаи весьма рѣдко бываютъ, то малыя области вмѣсто того могутъ чаще имѣть причинъ къ начатію справедливыя войны, какъ сіе и Господинъ *Монтескю* (3) съ основаніемъ утверждаетъ, понеже охраненіе ихъ весьма чаще бываетъ подвержено опасности. Однако между тѣмъ не сіи послѣдніе но сильнѣйшіе бываютъ начинщики военнаго нещастія въ Европѣ, и причиняютъ, что обитаемая нами часть свѣта не возможетъ никогда достигнуть того блаженства, которое бы она по состоянію разумныхъ и благонравныхъ народовъ своихъ имѣть могла.

§. 128.

Великое съ обѣихъ сто- Но какъ бы между тѣмъ правитель и подданные изъ точнаго ихъ обоюднаго содержанія про-

(3) Въ *разумѣ законовъ* част. II. книг. X. глав. 2.

произходящія должности свои хорошо или худо исполняли, однако тѣсной сей союзъ производитъ то, что отношеніе одной части имѣетъ неложное и непосредственное вліяніе въ другую часть. Когда правитель злоупотребленіемъ ослабляетъ силы общества; когда онъ предпримет безразсудныя и погрѣшительныя мѣры, дѣйствующія совсѣмъ противно тому, чегодля верьховная власть въ гражданскомъ обществѣ учинена, то подданные суть ощущающіе вредъ сей. Напротивъ того ежели подданные лѣностны, нерадивы, не способны, не знающи, роскоши и сластолюбію толь многопреданы, что собственныя силы свои и имущество безпрестанно разсточаютъ, то чрезъ сіе приводится въ безсиліе правитель и государство, съ такою притомъ разностію, что первой по силѣ верьховныя своея власти тысячу средствъ въ рукахъ имѣетъ къ образованію духа и жизни подданныхъ своихъ, какъ равномѣрно и къ возбужденію прилѣжанія ихъ и способности, такъ что исправленіе погрѣшностей подданныхъ зависитъ всегда отъ правительства; какъ напротивъ того подданные всѣхъ почти государствъ всячески лишены способовъ, дабы исправить злоупотребленія и не достатки начальствующихъ.

ронъ вліяніе погрѣшностей, произходящихъ изъ тѣснаго сего союза.

§. 129.

Вредъ подданнымъ бываетъ вообще всегда больше при обоюдномъ отношеніи погрѣшностей и недостатковъ. Правители весьма рѣдко соболѣзнуютъ о убыткѣ и нещастіи, причиненномъ подданнымъ страстей своихъ ослѣпленіемъ, безразсудными мѣрами, и порочнымъ своимъ властвованіемъ. Большая часть оныхъ взираютъ на бѣдность подданныхъ своихъ въ такомъ

При обоюдномъ семъ вліяніи вредъ бываетъ всегда чувствительнѣе для подданныхъ.

такомъ отдаленіи, что страшнаго ея и поражательнаго въ точность познать не могутъ, и обыкновенно смотрятъ они сквозь завѣсу, которою Министры глаза имъ закрываютъ. Многіе изъ нихъ будучи дѣтьми въ дѣлахъ государственныхъ, невольниками же въ собственныхъ своихъ чертогахъ, ибо отъ служителей своихъ и любимцовъ хотя невидимыми но сильными узами связаны, видѣть того не могутъ, развѣ послѣдуетъ какое нибудь особливое приключеніе. Какимъ же образомъ можетъ нещастіе подданныхъ тронуть сердце ихъ? Они предали въ руки наперстниковъ своихъ нетокмо себя самихъ, области свои, но и тѣсной союзъ находящейся между ими и ихъ подданными; сіи повѣренные слѣдуютъ нетокмо собственному своему прибытку, но и неизчислимому множеству другихъ побочныхъ намѣреній, и яко наемники нимало неощущаютъ вреда, причиняемаго нещастіемъ подданныхъ самому Государю. Немногіе весьма и изъ тѣхъ Государей, которые области свои сами управляютъ, познаютъ бѣдственность подданныхъ своихъ въ истинномъ ея видѣ, а изъ сихъ уже весьма малѣйшее число бываетъ такихъ, которые усматриваютъ вредъ, имъ самимъ отъ того происходящей; а хотя они то и другое увидятъ, однако рѣдко воздерживаются отъ неправедныхъ своихъ начинаній, лаская себя тщетною надеждою лучшаго слѣдствія, и желаніемъ вредъ наградить. Но въ обоихъ случаяхъ часто весьма заблуждаютъ. Между тѣмъ должны подданные нетокмо сносить нещастіе происходящее отъ погрѣшности правленія, но и награждать оной непомѣрными податьми, какъ напротивъ того начальники сему нестроенію живутъ во всякомъ спокойствіи, и нимало

нимало о томЪ непомышляютЪ, что предприняли худыя и безразсудныя мѣры. ТакимЪ образомЪ учрежденіе обществЪ, и тѣсной союзЪ, сопрягающей людей по собственному ихЪ избранію кЪ концу возможнаго блаженства, будетЪ по большой части вЪ государствахЪ и областяхЪ тяжкимЪ весьма состояніемЪ.

§. 130.

Союзъ между правителемЪ и подданными престаетЪ когда непрїятель областїю овладѣетЪ.

Осталось еще токмо вкратцѣ сказать, какимЪ образомЪ тѣсной сей союзЪ между подданными и правителемЪ рушиться можетЪ. Выключая естественныя смерти престаетЪ сей союзЪ во всѣхЪ случаяхЪ, ежели правитель неможетЪ исполнить существа и намѣренія общественныхЪ, или явнымЪ образомЪ идетЪ вопреки существу сему и намѣренію. Первая часть сего положенія заключаетЪ вЪ себѣ всѣ случаи, ежели область придетЪ на нѣкоторое время вЪ непріятельскую власть, или навсегда во оной останется, по чему и утверждать непремѣнно надлежитЪ, что во все вышеозначенное время союзу между правителемЪ и подданными быть не возможно. ПредЪ симЪ (§. 122.) упомянули мы, что союзЪ сей ни что иное есть, какЪ связующее всю область; ежели же государство уничтожится, то и союзЪ его кончится. Государство же перестаетЪ быть, какЪ скоро поработится непріятельской власти; ибо хотя сіе побѣжденіе и не истребляетЪ людей государство составляющихЪ, однако уничтожаетЪ свойство гражданЪ; ибо всѣ произвольныя обязательства, каковы суть гражданскія учрежденія не могутЪ выходить изЪ предѣловЪ намѣренія, для коего установляются. И такЪ уничтоженіе намѣренія, уничтожаетЪ и самое обязательство. Намѣреніе гражданскаго общества есть

общая

общая безопасность и благоденствие. Погублено будетъ намѣреніе сіе, когда непріятель обществомъ овладѣетъ, и какъ долго пребудетъ власть его, то во все то время основанное на намѣреніи семъ обязательство не можетъ имѣть дѣйствія своего. Безразсудно будетъ весьма, признавать власть сію и сіе принужденіе не справедливымъ, не дѣйствительнымъ, и въ разсужденіи другихъ правъ и обязанности не дѣятельнымъ. Сіе не иное что, какъ утверждать, что каждой человѣкъ не обязанъ слѣдовать состоянію своему, или безумно вообразить себѣ, что хотя власть сія и сила и здѣлались, одна о нихъ дѣйствительно еще нѣтъ. Прежде бытія ихъ и учиненія, можно здѣлать вопросъ о ихъ справедливости; но когда ужѐ они произошли, то довольно сего на показаніе, что они существуютъ. Всякой разумной человѣкъ, долженствующей поступать по своему состоянію, и по касающимся до него нещастіямъ, не можетъ повредить своего состоянія по побужденіямъ и законамъ самоохраненія; сіе же послѣдуетъ тогда, ежели онъ возпротивится предержащей власти. По силѣ сихъ несумнѣнныхъ положеній, должны подданные находящіеся въ непріятельской власти, всякое запасеніе, вредоносные предпріятія и переписку противъ непріятеля оставить. Въ противномъ же случаѣ всѣ ихъ воздыханія и жалобы на наказанія и нещастія налагаемыя на нихъ отъ непріятеля будутъ неосновательны. По симъ основаніямъ должно измѣримо быть, какимъ образомъ правитель возвратившей себѣ бывшія подъ властію непріятельскою земли, можетъ наказывать подданныхъ своихъ, что они отдались непріятелю, и поступали по его намѣреніямъ. Естьли они же измѣною достались непріятелю, и намѣренія его

его вѣроломствомъ не поспѣшествовали, то наказанія бываютъ всегда несправедливы, понеже по побѣждении между подданными и бывшимъ правителемъ союза больше нѣтъ, и людей за то наказывать невозможно, для чего они будущихъ слѣдствій и перемѣнъ военнаго щастія непредузнали. Все, что разумной и осторожной человѣкъ въ семъ случаѣ здѣлать можетъ, есть то, что онъ хотя и во всѣхъ вещахъ повиноваться будетъ непріятельскимъ приказаніямъ, однако ничего непредприметъ добровольно и изъ собственнаго побужденія къ пользѣ непріятельской.

§. 131.

Союзъ сей разрушается, какъ скоро правитель поступитъ явно противъ намѣренія государственнаго.

Равномѣрнымъ образомъ престаетъ союзъ между подданными и правителемъ, когда сей послѣдней поступаетъ явно въ противность существу и намѣренію общества, которыя такъ какъ мы въ предшедшихъ трехъ частяхъ довольно показали, состоятъ въ томъ, что вольные и отъ природы равные люди воли свои и силы сопрягаютъ на поспѣшествованіе общія безопасности и благоденствія. И такъ когда правитель поступитъ противъ своего подданнаго какъ невольника, или явно окажетъ себя насильствующимъ или мучителемъ и вмѣсто желаемыхъ безопасности и благоденствія умножитъ безпокойство ихъ и бѣдственность, то нѣтъ сумнѣнія, что такою поступкою союзъ сей между имъ и подданными самъ раззоряетъ. Правитель пріемлетъ отъ народа верьховную власть, не инако какъ договорнымъ образомъ (§. 46.). И по сему будетъ наисумозброднѣйшая и всѣмъ разумнымъ понятіямъ и естественнымъ правамъ противоборствующая вещь, ежели подданные станутъ наблюдать обязанность свою и въ то время, когда правитель съ своей стороны не токмо не

сохра-

сохраняетъ своего обязательства, но и въ противность оному поступаетъ; нужды же здѣсь въ томъ нѣтъ, выборомъ ли онъ, или правомъ наслѣдства господствуетъ. Наслѣдство, ничего инаго въ себѣ не заключающее, какъ то, что одинъ родъ по извѣстному порядку призванъ владычествовать, не дѣлаетъ ни какой перемѣны въ естествѣ и существѣ государства; наслѣдственной Государь имѣетъ точно такія же должности для себя, какъ и избранной. Въ смѣшенныхъ правленіяхъ союзъ между правителемъ и подданными, въ томъ часъ уничтожается, какъ скоро первой поступитъ противъ положенныхъ во основаніе законовъ общества, и начнетъ стараться силою опровергнуть оныхъ твердыню; они же суть здѣсь наиважнѣйшее состоятельство договора; и такъ когда правитель ненаблюденіемъ оныхъ съ своея стороны отъ сего договора отойдетъ, то чрезъ то самое освободитъ и подданныхъ отъ обязательствъ тогожъ договора съ ихъ стороны. Когда основаніемъ служащія установленія никуда годны, и непоспѣшествуютъ народному благоденствію, то хотя и можетъ Государь принудить и склонить народъ къ исправленію оныхъ, однако недолженъ поступать притомъ самовластно и силою, безрасторженія сего союза. Я нимало не держусь ученія поборниковъ единовластія; и для того противъ нихъ выше сего писалъ; однако сіе можно утверждать, не бывъ таковымъ. Противное сему разсужденіе будетъ очуждено всякаго разумнаго понятія. Говорить, что подданные должны всегда сохранять обязательство свое, невзирая на то, какъ правитель ни поступаетъ, есть также вздорно какъ и положеніе, что полномочія отнять невозможно, ежели снабдѣнной онымъ, и противъ намѣренія дѣйствуетъ.

ВТОРОЕ

ВТОРОЕ ОТДѢЛЕНІЕ
О
ДОЛЖНОСТЯХЪ ПОДДАНЫХЪ КЪ ПРАВИТЕЛЮ.

§. 132.

Должности подданныхъ противъ верьховныя власти неинако извлечены быть могутъ, какъ изъ намѣренія и существа государства, или общества. Намѣреніе гражданскаго общества есть общее благоденствіе, или то, что каждой членъ общества собственное свое благоденствіе соединяетъ съ общимъ благомъ. Изъ сего слѣдуетъ, что никто не долженъ искать благоденствія своего вредительнымъ общему благу образомъ. Сіе есть великое основаніе, на которое законы, ежели имъ истинно добрымъ и мудрымъ быть, не престанно взирать долженствуетъ. Изъ сего слѣдуетъ еще, что первая должность подданныхъ къ правителю и государству есть *вѣрность*, то есть, чтобъ они никогда не старались поспѣшествовать благополучія своего съ явнымъ вредомъ Государя и области, или предпринимать то, о чемъ они увѣрены, что оно общему благу вредительно. И такъ вѣрность есть не престанное стараніе сочлена гражданскаго общества, въ поспѣшествованіи своего благополучія никогда не забывать общаго блага правителя и государства; и потому легко видѣть можно, коль нужно есть свойство сіе подданному; ибо въ про-

Изъ намѣренія государственнаго происходитъ вѣрность, какъ первая подданыхъ къ правителю должность.

прочемъ намѣреніе гражданскаго учрежденія никакъ достигнуто быть не можетъ.

§. 133.

Что есть же вѣрность?

Изъ сего безъ всякаго затрудненія выводится понятіе невѣрности. Всѣ предпріятій сочлена гражданскаго общества, чтобъ поспѣшествовать благоденствію своему со вредомъ Государю и государству, суть истинное вѣроломство, понятіе котораго есть по сему великаго пространства. Всѣ роды прибытковъ и обогащеній, вредоносные общему благу, должны безпорно признаны быть невѣрностію; понеже первая и существенная должность гражданина въ томъ состоитъ, чтобъ не желать инаго прибытка и благоденствія, какъ токмо соотвѣтствующаго съ общимъ благомъ. Между тѣмъ должны законы такъ установлены быть, чтобъ польза частныхъ людей такъ наблюдаема и благопоспѣшествуема была, дабы въ тожъ самое время и общее благо утверждалось. Ежели законы не имѣютъ сего свойства и не могутъ удержать, или здѣлать воспященія такой пользѣ частнаго человѣка, которая общему благоденствію вредительна, то хотя вредоносной прибытокъ сей частнаго человѣка не есть преступленіе наказанію подлежащее, однако гражданинъ, когда онъ самъ въ себѣ довольно увѣренъ, что обогащеніе ево правителю и обществу вредительно, долженъ непремѣнно то оставить, ежели хочетъ сохранить качество добродѣтельнаго и честнаго человѣка, такожъ и добраго гражданина. Поставляющіе вѣроломство въ измѣнѣ и перепискѣ съ непріятелемъ государства, или съ чужестранными державами ко вреду своего государства, или въ предпріятіяхъ

и

и намѣреніяхъ, оскорбляющихъ особу Государскую, и терзающихъ покой и безопасность общества, повидимому неимѣютъ о невѣрности достизательнаго умоначертанія. Ежели полководецъ, или иной какой военной начальникъ для пользы своея и своего обогащенія причинитъ, что намѣренное предпріятіе жалаемаго окончанія неполучитъ, дѣлаетъ въ разсужденіи государства такуюже невѣрность, какъ бы онъ и подкупленъ былъ отъ непріятеля. Между тѣмъ надлежитъ разсуждать о великости сего преступленія, и о слѣдуемомъ за то наказаніи по великости вреда, государству чрезъ то причиненнаго, или еще по намѣренію преступника.

§. 134.

Послушаніе происходящее изъ соединенія воль, есть вторая существенная подданныхъ должность.

Когда область, или общенародіе образуется, то должны многіе люди соединить воли свои, такъ какъ мы въ предшедшей второй части показали. Изъ сего происходитъ вторая главнѣйшая и существительнѣйшая должность подданныхъ, то есть *послушаніе.* Соединеніе сіе воль въ одну волю требуетъ, чтобъ каждой въ гражданствѣ поступалъ согласно соединенной сей волѣ. И какъ соединенная сія воля въ гражданскомъ обществѣ инако явна быть не можетъ какъ законами, то долженъ каждой общества гражданскаго сочленъ оказывать законамъ непрекословное послушаніе. Сія должность происходитъ непосредственно изъ существа общества, и подлинно есть толь существительна и нужна, что безъ нея никакому государству, или области состоять невозможно. Общество пришедшее въ такое бѣдственное состояніе, что подданные не дѣлаютъ никакого послушанія, не можетъ больше признаваемо быть гражданскимъ

учрежденіемъ. Оно будетъ неодушевленнымъ безвластіемъ, которое несравненно вредительнѣе и того состоянія, когда люди живутъ въ естественной вольности безъ малѣйшаго вида гражданскаго установленія. Хотя и суть такія области, коихъ сочлены толь мочны, что тогда токмо повинуются, когда къ тому договоромъ, или согласіемъ обязаны будутъ, однако учрежденіе сіе не можетъ почесться общенародіемъ, не взирая на то, что имѣетъ изъ древле наружной видъ и имя области нераздѣлимой. И какъ всегда надлежитъ смотрѣть больше на дѣйствительное состояніе, и существо вещей, нежели на пустое названіе, то по сему учрежденіе сіе есть больше непрестанное соединеніе и сопряженіе многихъ вольныхъ областей, нежели одно общенародіе, и для того изъ древней тѣни нераздѣльнаго тѣла, когда одно токмо имя останется, произойдутъ наивящшія непорядки и нестроенія. Всѣ сочлены будутъ лучше поспѣшествовать благополучію своему, когда учрежденіе свое установятъ по образцу вольныхъ между собою соединенныхъ обществъ.

§. 135.

О естествѣ и предѣлахъ послушанія.

Какъ соединенная людей воля, отъ чего происходитъ общество, не можетъ инако явною быть какъ законами, то посему должны подданные повиноваться однимъ токмо законамъ. Взирая всегда на сіе положеніе и на естество законовъ, которые мы въ слѣдующей части разсмотримъ, легко будетъ разсуждать и излагать всѣ вопросы о естествѣ послушанія, и о его предѣлахъ. И какъ люди просто однимъ токмо законамъ повиноваться должны, то легко изъ сего проразсуждается, что въ своиствен-

ныхъ

ныхЪ общенародіяхЪ и вЪ смѣшенныхЪ правительствахЪ обязаны граждане приказаніямЪ особЪ исполнительное могущество а не право законоданія имѣющихЪ, повиноваться вЪ томЪ токмо, что сЪ законами согласно. Да и вЪ не ограниченныхЪ единоначаліяхЪ, гдѣ Государь имѣетЪ и право законоданія, повинуются подданные такимЪ повелѣніямЪ его, которыя согласны сЪ естествомЪ законовЪ, о чемЪ мы вЪ слѣдующей части покажемЪ. И такЪ личная его и человѣческая воля, неимѣющая сЪ одной стороны ни малѣйшаго вліянія вЪ дѣлахЪ государственныхЪ, сЪ другой же стороны волѣ общества явно противоборствующая, не можетЪ подданныхЪ обязать кЪ послушанію. Посему надлежитЪ такожде разсуждать, когда и самовластной Государь издастЪ повелѣніе, божественнымЪ и естественнымЪ правамЪ, честности и благонравію противное, равномѣрно же и о извиненіи государственныхЪ служителей, когда оные, потребованы будучи отЪ наслѣдниковЪ кЪ отвѣту, станутЪ ссылаться на указы прежняго Государя.

§. 136.

Ко образованію области или общенародія потребно по предписанію вторыя части, чтобЪ люди, хотящіе вступить вЪ гражданское общество, соединили и силы свои; изЪ сего произходитЪ третія существенная должность подданныхЪ, то есть: *дѣйствительное всѣми силами общаго благополучія поспѣшествованіе.* Между силами разумѣется не одно токмо подданныхЪ имѣніе, но и способности ихЪ и искусства; главная же сія должность раздѣляется еще на двѣ должности. Каждой подданной

ИзЪ соединенія одинакихЪ силЪ вЪ государствѣ произходитЪ третія должность подданныхЪ, всѣми силами поспѣш.

ствовать общее благополучїе.

долженъ во первыхъ стараться увеличивать свое имѣнїе и свои способности; ибо дѣлая сїе, умножаетъ въ то же время и государственныя силы, непосредственно отъ соединенія одинакихъ силъ зависящія, и потому всячески трудится таковой о общемъ благѣ. Сверьхъ сего долженъ онъ спомоществовать дѣйствительными своими силами къ благоденствїю, приращенїю и избавленїю общества всѣмъ тѣмъ, что ко оному нужно; ибо сего требуетъ соединенїе одинакихъ силъ, составляющее существенное области основанїе. И такъ обязанъ онъ въ надобномъ случаѣ служить государству не токмо личными своими способностями и силами, но и давать на иждивенїе и сохраненїе общества изъ своего имѣнія, по справедливому уравненїю надлежащую часть. На такой конецъ обязанъ онъ безъизятно не токмо обыкновенную подать давать, но въ случаѣ нужды и нещастія жертвовать какъ частїю всего имѣнія, такъ иногда и всѣмъ имуществомъ своимъ на избавленїе отечества своего.

§. 137.

Однако мудрое правительство не скоро коснется самаго кореннаго имѣнія подданныхъ.

Какъ не сумнѣнно все сїе произходитъ изъ естества и существа общества, однако рѣдко оказаться можетъ такой случай, которымъ бы согласно мудрости и милосердїю правительства дозволялось требовать отъ подданныхъ къ сохраненїю и избавленїю государства часть отъ самаго имѣнія ихъ, а не доходовъ; ежели сїе послѣдуетъ, то познаѐтся чрезъ то общества весьма худое и нещастное состоянїе, какое токмо быть можетъ. Несумнѣнно есть такожде, что жертвованїю сему не должно быть тогда, когда дѣло идетъ до приведенія

въ

вЪ знатность державы и ея увеличенія, споспѣшествованіемЪ избытка, и купечества, или завладѣніемЪ способной и прибыточной для государства земли. Никакая польза не можетЪ быть столь велика, чтобЪ могла превзойти несказанной вредЪ, причиняемой всѣмЪ подданнымЪ, ежели они принуждены будутЪ лишиться вовсе части самаго имѣнія своего. Такое жертвованіе производитЪ во всѣхЪ народныхЪ чинахЪ во всякомЪ прокормленіи, и во всякихЪ ремеслахЪ такой извѣстной убытокЪ, и такую неизбѣжную пагубу, что смѣху достойное будетЪ дѣло, когда правительству возмнится вредЪ сей наградить какимЪ либо инымЪ пріобрѣтеніемЪ. И такЪ ежели правительство не захочетЪ ногами попирать всѣ умоначертанія мудрости и милосердія, ежели не пожелаетЪ быть свирѣпымЪ подданныхЪ своихЪ мучителемЪ, то надлежитЪ ему, всѣ сіи воображаемые прибытки оставить; ибо и вЪ нужныхЪ самыхЪ случаяхЪ и злоключеніяхЪ рѣдко бываетЪ надобность, которая бы согласно мудрости и милосердію правительства потребовала, лишить подданныхЪ части самаго имѣнія ихЪ. Такая подать больше всякаго нещастія, какое токмо побѣдоносной непріятель вЪ наши времена причинить можетЪ. ПоложимЪ, что ему противо стоять невозможно; положимЪ, что онЪ однимЪ, или многими уѣздами уже овладѣлЪ, и ихЪ великими поборами, или самымЪ раззореніемЪ, чего нынѣ между благонравными народами и не бываетЪ, совсѣмЪ отяготилЪ; однако чемЪ все сіе можетЪ быть вЪ разсужденіи того вреда, когда на примѣрЪ всѣ подданные десятую долю самаго своего имѣнія отдать принуждены будутЪ? Непріятель у нихЪ никогда столько

не отнимет, и ежели бы возможно было, чтоб он вывез из земли всѣ наличныя деньги, скот и плоды, то и тогда все сіе не сочинит и двапцатой доли, не токмо десятой от того, чего стоят всѣ дворы, деревни, и прочее недвижимое имѣніе. Цѣна домов и в умѣренном городѣ простирается до нѣскольких миліонов, так как по извѣстной оцѣнкѣ вѣдать можно; но не взирая на то, домы суть весьма малая часть того, чего всѣ прочія недвижимыя имѣнія, стоять могут. И так будет ли благоразумно, когда правительство употребить средство, и самаго нещастія пагубнѣйшее? Сверьх же того всѣм бывшим землям, или областям под игом непріятельским в мирное время весьма возможно пособить благоразумными учрежденіями и прочими подкрѣпленіями. Но к каким способам прибѣгнуть тогда надлежит, когда подданные всѣ без разбору до основанія будут раззорены? Неоспоримо ужѐ есть, что двадесятая токмо часть имѣнія может подданных лишить всѣх наличных денег, слѣдственно и всѣ рукодѣлія придут в упадок выключая тѣх, кои в военных надобностях упражненіе имѣют. Отнятіе одного, или многих уѣздов далече не причинит того нещастія государству, как всеобщее лишеніе подданных одной части самаго имѣнія. Правительство, оставляющее для заключенія мира всѣ возможныя договоры, и приступающее к сему средству, окажет омерзительное упрямство, и то, что оно к подданным ни малѣйшія любви не имѣет.

ТРЕТІЕ

ТРЕТІЕ ОТДѢЛЕНІЕ
О
ДОЛЖНОСТЯХЪ ПРАВИТЕЛЯ КЪ ПОДДАННЫМЪ.

§. 138.

Правитель долженъ всегда взирать на соединенную волю народа.

Такъ какъ въ предшедшемъ отдѣленіи непосредственно нами извлечены были изъ естества и существа общества должности подданныхъ, то равномѣрнымъ образомъ могутъ выведены быть безъ всякаго затрудненія и должности верьховныя власти или правителей изъ того же существа. Мы должны и здѣсь возвратиться къ существенному общества основанію, потребному къ его образованію, то есть, чтобъ многіе люди соединили воли свои въ одну (§. 23.). Первое дѣйствіе соединенныя сея воли есть постановленіе служащихъ основаніемъ законовъ, утверждающихъ образъ и подобіе изложенія и дѣйствія сея воли, а именно: учреждается верьховная власть; ей ввѣряется изъясненіе и дѣйствіе соединенныя сея народныя воли. Изъ сего слѣдуютъ двоякія должности верьховныя власти, во первыхъ: доброй правитель не долженъ никогда присвоять себѣ власть надъ положенными во основаніе государственными узаконеніями, ибо и неограниченной Государь могущество свое отъ оныхъ получаетъ, слѣдовательно по существу оѣласти не можетъ имѣть надъ ними никакія власти, такъ какъ мы о семъ въ четвертой части достаточнымъ образомъ

 показали.

показали. Вторая же изъ сего слѣдуемая главная должность правителя состоитъ въ томъ, дабы соединенная сія народная воля, порученная ему для изъясненія и исполненія, была единственнымъ и непремѣннымъ правиломъ всѣхъ его дѣлъ. Сіе есть такое примѣчаніе, на которое доброй правитель при всѣхъ предпріятіяхъ взирать долженъ, не производя ничего такого въ дѣйство, о чемъ онъ совершенно увѣрелъ не будетъ, что взятое его намѣреніе съ соединенною сею волею народа согласно.

§. 139.

По тому не долженъ онъ собственнаго хотѣнія своего примѣшивать къ волѣ народной.

Надобно непремѣнно больше изъяснить сію важность, яко содержаніе всѣхъ правителя должностей, ибо какъ онъ соединенную волю народа долженъ въ дѣйство производить, то не надлежитъ ему собственнаго своего хотѣнія примѣшивать къ волѣ народа, а тѣмъ еще наипаче издавать личную волю свою волею народною. Противное сему учиня, правительствовать будетъ уже онъ не по намѣренію, принятому людьми въ гражданскихъ обществахъ, но самовольно, находясь на пути мучительства, котораго начало и продолженіе въ томъ состоитъ, что правители стараются больше удовлетворять особливыя свои хотѣнія, склонности и страсти, нежели ввѣренную имъ волю гражданскаго общества. Сіе жъ самое требуетъ такія точности, чтобъ и благое соизволеніе правителя никогда не входило въ волю соединенную народа. Правитель, принуждающій подданныхъ къ своему вѣры исповѣданію, и къ своимъ мнѣніямъ, не далеко отстоитъ отъ мучительства, хотя бы исповѣданіе его, имъ

сильно

сильно налагаемое, истинное было и благое; добрыя же сами по себѣ намѣренія, касающіяся токмо правителя и его дому, будутъ всегда весьма зловредны, какъ скоро учинятся государственными надобностями. Однимъ словомъ: главное и существительное написаніе добраго правителя состоитъ въ томъ, чтобъ онъ личную свою волю точно всегда отдѣлялъ отъ воли правительства, и первой бы волѣ въ дѣлахъ государственныхъ никогда не слѣдовалъ. Наилучшей Государь имѣетъ всегда особливое свое хотѣніе и особливыя свои страсти и склонности; но когда истинно добрымъ быть желаетъ, то долженъ имъ столь мало слѣдовать въ правленіи, сколько ему возможно по человѣческому естеству.

§. 140.

Соединенная государственная воля есть намѣреніе общественнаго благоденствія, а сіе есть и будетъ посему первѣйшею правителя должностію.

Воля каждаго человѣка есть хотѣніе благополучія; воля же гражданскаго общества, или всего народа вообще не можетъ по сему иное что быть, какъ намѣреніе общаго благополучія. Мы довольно о семъ показали во второй и третьей части. И какъ такимъ образомъ верьховной власти препоручено, излагать и въ дѣйство производить соединенную волю народа, то правителю не должно инаго желать, кромѣ благоденствія народа, или всея области. Сіе есть первѣйшая и главнѣйшая между всѣми его должностями, руководствующая всѣми его дѣлами и намѣреніями. Доброй правитель долженъ не токмо волю имѣть, на учиненіе благополучнымъ своего народа, но оную и въ дѣйство производить, такъ, что тотъ токмо называется добрымъ правителемъ, которой дѣлаетъ

лаетЪ благополучнымЪ государство свое, по возможности силЪ человѣческихЪ, и по состоянію тоя области.

§. 141.

Изъясненіе соединенныя воли бываетЪ чрезЪ законы, должность притомЪ правителя.

Соединенная народная воля инако явиться не можетЪ, какЪ чрезЪ законы (§. 51.); и по сему законы суть, средство, которымЪ верьховная власть или правитель трудится должны о благоденствіи области, и слѣдовательно чѣмЪ лучше и премудрѣе законы издать можетЪ правитель, тѣмЪ больше будетЪ поспѣшествовать благополучію государства. Законы суть необходимыя изЪ естества вещей произходящія содержанія и слѣдствія (§. 33.); и правитель имѣющей всегда вЪ глазахЪ своихЪ сіе законовЪ существо, не такЪ скоро удалиться можетЪ отЪ намѣренія и исполненія государственнаго благоденствія, кЪ тому жЪ будетЪ избѣгать во первыхЪ непринадлежащее кЪ законамЪ, и не здѣлаетЪ особливыя воли своея государственнымЪ узаконеніемЪ (§. 139.); а потомЪ взирая всегда на существо и намѣреніе общества, то есть на поспѣшествованіе общаго благополучія, издавать будетЪ законы, необходимо токмо произходящіе изЪ сего намѣренія; онЪ будетЪ всегда притомЪ смотрѣть на особливость области своея, на ея мѣстоположеніе, на способности жителей, на ихЪ состояніе и имущество, на главнѣйшія ремесла, и рукодѣлія, и на происходящій изЪ того государству прибытокЪ, разсматривая вЪ точность при изданіи законовЪ существо каждыя вещи, однако безЪ потерянія изЪ виду намѣренія государственнаго, и сопряженія всего народнаго тѣла. ТаковымЪ надлежитЪ быть законамЪ, ежели они

не-

необходимые изъ естества вещей произходящія содержанія суть; и требуемыя нами здѣсь къ законамъ обстоятельства, суть такія начальныя положенія, на которыя намъ въ слѣдующей части о законахъ всегда взирать надлежитъ.

§. 142.

Государь, долженъ свой народъ любить.

Законы не будутъ никогда имѣть требуемыхъ сихъ обстоятельствъ, и правитель не возможетъ поспѣшествовать государственному благоденствію, когда не любитъ своего народа. Никто не преклоненъ дѣлать того благополучнымъ, кого не любитъ; своенравіе и страсти будутъ тѣмъ наиболѣе участія имѣть въ правленіи, когда Государь не имѣетъ истинныя любви къ своему народу. И по сему долгъ есть правителя, народъ свой любить; и какъ любовь отечества и правленія есть главнѣйшее основаніе дѣятельности и напряженія всея области (§. 101. 102.); то равнымъ тому образомъ надлежитъ быть особливо любви къ подданнымъ и ко всему государству величайшимъ напряженіемъ всѣхъ правителя дѣлъ; сего требуетъ тѣсной союзъ между правителемъ и подданными, описанной нами въ первомъ сея части отдѣленіи, и никогда состояться, и надлежащей твердости имѣть немогущей, когда главнѣйшее сопряженіе небудетъ подкрѣплено междоусобными довѣренностію и любовію. Сія междуусобная любовь и сопряженіе основаны суть на естествѣ самыя вещи, понеже обѣ части благоденствія своего одна отъ другой ожидать должны, такъ какъ выше отъ насъ сказано. Подданные ввѣряютъ попеченію правителя своего все свое благополучіе; какъ напро-

напротивЪ того и онЪ не можетЪ быть великЪ и благополученЪ, когда не дѣлаетЪ благополучными подданныхЪ своихЪ (§. 134.); слѣдовательно долженЪ правитель рачительно все то убѣгать, что можетЪ причинить хотя малѣйшей ущербЪ сей взаимной любви, которой ничто такЪ вредительно быть неможетЪ, какЪ раздорЪ вЪ вѣрѣ правителя и подданныхЪ. Подданные неимѣющіе кЪ себѣ любви Государя своего, суть всегда нещастливы; какЪ напротивЪ того и Государь, потерявшей любовь своихЪ подданныхЪ, много теряетЪ.

§. 143.

И посему надобно ему быть кЪ нимЪ милосерду.

Милосердіе есть слѣдствіе любви, потому что не можемЪ милосердыми быть кЪ тому, кого не любимЪ; и такЪ когда правитель подданныхЪ своихЪ любитЪ, то и милосердуетЪ о нихЪ; и подлинно сему должно быть второму побужденію всѣхЪ намѣреній и дѣлЪ правителя, истекающему изЪ перваго. Милосердіе кЪ подданнымЪ есть безспорной долгЪ правителя. ОнЪ долженЪ поспѣшествовать благополучію ихЪ и благоденствію, а сіе есть содержаніе всѣхЪ его должностей. Но строгое и всякаго милосердія очужденное правленіе творитЪ нещастными, ему покорившихся. Мыслящее существо и немогущее потому забыть ощущеній и понятій естественныя вольности своея и своего равенства при послушаніи, гражданскаго общества учрежденіемЪ налагаемомЪ, претерпѣваетЪ тягостное иго неволи сЪ крайнею болѣзнію, и досадою, сердце его исполняющими; и такЪ можетЪ ли оно при всемЪ томЪ быть благополучнымЪ? Сего милосердія должны также подданные справедливымЪ образомЪ ожидать отЪ

прави-

правителя по произхожденію обществъ и намѣренію, бывшему у людей при учиненіи оныхъ. Мы выше сего (§. 4.) показали, что люди при вступленіи въ гражданскія общества столько естественныя вольности лишиться хотѣли, сколько потребно было къ поспѣшествованію общаго благоденствія; намѣреніе же всякаго гражданства увѣрило насъ (§. 31.), что люди никогда хотѣнія не имѣли покориться самопроизвольной власти и быть невольниками.

§. 144.

Милосердію Государя, или правительства должно наиглавнѣйше законами являться. Вездѣ надобно ему себя показывать щедролюбивымъ отцомъ, пекущимся объ одномъ токмо благоденствіи дѣтей своихъ, и принимающимъ на себя строгой видъ единственно для надежнѣйшаго благополучія ихъ утвержденія. Строгіе законы, наподобіе *Драконовыхъ*, кровію а не чернилами, какъ сказываютъ, писанныхъ, несоотвѣтствуютъ ни существу ни намѣренію государства, и не имѣютъ большаго дѣйствія въ общемъ благоденствіи. Страшныя и ужасныя наказанія теряютъ скоро учиненную ими въ началѣ печатлѣнность, какъ скоро подданные къ онымъ пріобыкнутъ, о чемъ въ первомъ отдѣленіи послѣдующія части яснѣе показано будетъ; плодъ же отъ нихъ будетъ тотъ, что народной нравъ здѣлается дикимъ и свирѣпымъ; такое дѣйствіе видимъ мы въ Японцахъ, произходящее единственно отъ звѣрскихъ законовъ ихъ. Мудрому правительству недолжно особливо никогда въ малостяхъ употреблять великую строгость, но токмо тогда, ежели

Милосердію Государя являться надлежитъ законами.

ежели благополучіе области, и предпоставляемое потому конечное намѣреніе инако пріобрѣтены быть не могутъ. Одна токмо необходимость, а неприбытокъ, а тѣмъ еще меньше самопроизвольность и страсти, должны побуждать правителя, такъ какъ чадолюбиваго отца къ строгости, которой по сему несумнѣнному положенію въ подданныхъ совсѣмъ быть не надлежитъ; понеже правителю надобно во первыхъ разсуждать, неможноль оныя собрать другимъ образомъ, строгости нетребующимъ. Кажется, что строгость законовъ отчасу больше умаляется, чемъ просвѣщеннѣе и разумнѣе люди становятся; за непочтительное слово къ правителю, урѣзать подданному языкъ, а за кражу сущія бездѣлицы человѣка повѣсить, суть законы, свидѣтельствующіе варварство народа, или временъ; мы же въ честь нашихъ обѣщать можемъ, что таковыхъ законовъ не будетъ впредь у народовъ, хотящихъ быть благонравными.

§. 145.

Правителю надобно быть справедливу къ своимъ подданнымъ.

Философы разумѣютъ чрезъ правосудіе, мудростію умѣренную благость; изъ сего и слѣдовала бы должность правителя, быть благу къ своимъ подданнымъ, и заключать въ себѣ самомъ преклонность къ правосудію. Но когда мы почитаемъ за долгъ правителя, правосуднымъ быть, то разумѣемъ мы подъ тѣмъ не одно токмо правосудіе, въ области чрезъ него преподаваемое, и свойственно симъ изъясненіемъ знаменанное, но и еще справедливость, долженствующую быть во всѣхъ его дѣлахъ и начинаніяхъ во всякомъ къ подданнымъ отношеніи; сія же величайшая и общая добродѣтель,

всѣ прочіе въ себѣ заключающая, состоитъ въ томъ, чтобъ съ каждымъ поступать благоразумно и справедливо, никого не оскорблять, и никому насилія не дѣлать какъ въ собственности его, такъ и въ вольностяхъ и преимуществахъ. И подлинно, когда всѣ люди взаимно обязаны къ сей справедливости, то тѣмъ еще наиболѣе правитель или правительство, которымъ подданные съ совершенною надежностію, такъ сказать, во обѣятія себя повергаютъ, во ожиданіи отъ ихъ попеченія, любви и справедливости, всего своего благополучія и благоденствія. Имѣющей же долгъ, дѣлать другихъ благополучными, не долженъ нималѣйшія оказывать къ нимъ несправедливости. И какъ гражданскія учрежденія, о чемъ въ первой части обѣявлено, произошли по причинѣ возникшихъ въ состояніи естественныя вольности своевольствъ и оскорбленій естественныя справедливости, то Правитель или Государь обязанъ нетокмо между своими подданными преподавать правосудіе, но и еще долженъ быть во всѣхъ дѣлахъ своихъ совершеннѣйшимъ образцомъ истиннѣйшія и точнѣйшія справедливости. Правители дѣлающіе подданнымъ всякую несправедливость и налоги, или сборщикамъ своимъ попускающіе никакихъ иныхъ правилъ не наблюдать, какъ токмо казенной одинъ прибытокъ усугубляющихъ, не токмо весьма преступаютъ должность свою, но и даютъ еще собою худой примѣръ, а именно: своекорыстіе всему предпочитать, какъ скоро кто въ состояніи будетъ, учинить то безъ наказанія; и сіе есть великое въ государствѣ поврежденіе на подобіе студенаго огня, все государственное тѣло, и законы онаго въ неизлѣчимую гнилость приводящаго.

§. 146.

Должность есть также правителя не употреблять во зло силъ государственныхъ.

Равномѣрнымъ образомъ, какъ мы выше сего (§. 136.) изъ соединенія одинакихъ силъ въ одну силу, къ образованію области существеннымъ основаніемъ служащаго, извлекли наиглавнѣйшую должность подданныхъ, выводимъ теперь изъ тогоже наиглавнѣйшую обязанность и правителя. Верьховная власть состоитъ въ употребленіи сея соединенныя силы (§. 25.), дѣятельная же верьховная власть или правитель есть тотъ, которому вѣряется употребленіе сея соединенныя силы. Изъ сего легко познае́тся, что естество и намѣреніе вещи налагаетъ правителю должность, употреблять сію соединенную силу, но не во зло, ея неослаблять и не уменьшать. Должность сія есть весьма обширна, и заключаетъ въ себѣ множество начальныхъ основаній и правилъ. Но на семъ мы медлить не будемъ; понеже довольно разсуждали о томъ въ четвертой части, такожде упоминали и въ первомъ отдѣленіи сея настоящія, что Государь, никакія собственныя силы никогда имѣть не могущій, себя самого ослабляетъ, и на погибель свою ратоборствуетъ, какъ скоро уменшитъ силы своихъ подданныхъ.

§. 147.

Тогоради и умѣренность весьма надобна мудрому правленію.

Хотя мы здѣсь и не входимъ въ раздробленіе всѣхъ особливыхъ должностей, произходящихъ изъ вышепомянутой должности правителя, то есть, чтобъ силъ государственныхъ въ зло неупотреблять, однако не можемъ умолчать о главнѣйшемъ средствѣ, которымъ сіе злоупотребленіе предъохраняется. Оно ничто иное есть какъ умѣренность; всѣ силы, когда оныя не чрезъестественно, но въ надлежащей мѣрѣ,

какъ

какЪ оныя безЪвредно дѣйствовать могутЪ, употребляемы будутЪ, то есть, безЪ употребленія во зло, должны сЪ умѣренностію вЪ дѣйство производимы быть. И такЪ умѣренность долженствуетЪ быть наиглавнѣйшимЪ начальнымЪ основаніемЪ для добраго правленія. Она есть не токмо непрекословное слѣдствіе главнѣйшія должности правителя, силЪ государственныхЪ никогда во зло не употреблять, но еще сверьхЪ того величайшее свойство мудрости, которыя первѣйшее качество состоитЪ повсюду вЪ справедливой умѣренности. Мудрое правительство, мыслящее о истинномЪ поспѣшествованіи народнаго благополучія, должно по сему умѣрять себя во всѣхЪ вещахЪ. ИзЪ собственнаго побужденія надобно ему умѣрять и власть свою, хотя бы оная положенными во основаніе государственными законами и не была ограничена; ибо всякая безпредѣльная и неумѣренная власть производитЪ насильныя и вредительныя дѣйствія, кЪ томужЪ и людямЪ наводитЪ страхЪ, и себя саму удручаетЪ собственною своею тяготою, и усиліемЪ. КакЪ напротивЪ того умѣренное власти сея употребленіе, прочно есть и долговременно, Богу же и людямЪ пріятно. Подобно сему долженствуетЪ правительство наблюдать умѣренность вЪ издержкахЪ своихЪ, и во всемЪ своемЪ домостроительствѣ; понеже государство для поспѣшествованія своего благоденствія вЪ неисчислимыхЪ случаяхЪ, великія дѣлаетЪ траты, которыя ко вреду правителя и государства оставлены быть долженствуютЪ, когда вЪ мѣсто того казна на ненужное и излишнее истощена будетЪ. Правительству надлежитЪ умѣрять всѣ свои начинанія и предпріятія; понеже возвѣшеніе, отЪ страстей произходящее, во всѣхЪ тѣхЪ

намѣреніяхЪ, вЪ которыхЪ замѣшается, оставляетЪ язвенное пятно содѣйствія своего, кЪ тому жЪ и верьховная власть, которой поручается благоденствіе толикаго народнаго множества, не долженствуетЪ приступать кЪ такимЪ замысламЪ, вЪ коихЪ по неизвѣстности окончанія много выиграть и много потерять можно. Частнаго человѣка почтутЪ всегда дуракомЪ, ежели онЪ все свое щастіе на отвагу предастЪ. Что же думать надлежитЪ вЪ такомЪ случаѣ о правительствѣ, имѣющемЪ всесовершенной долгЪ, подданныхЪ благоденствіемЪ не играть, но оное елико можно усугублять?

ЧАСТЬ

ЧАСТЬ ОСЬМАЯ
О
СУЩЕСТВѢ ЗАКОНОВЪ.

§. 148.

Соединенiе многихъ воль въ одну есть существенное основанiе государственнаго тѣла (§. 23.). Соединенная сiя людей воля въ гражданскихъ обществахъ есть хотѣнiе общаго ихъ благополучiя (§. 30.); и не можетъ инако явленна быть какъ чрезъ законы (§. 134.): и по сему законы суть воля всего народа. Воля же есть управляющее дѣлами свободнаго и мыслящаго существа; и ежели оно хочетъ поспѣшествовать своему благополучiю, то надобно ему имѣть добрую и разумную волю. Подобно сему и государство или народъ едва ль можетъ достигнуть къ намѣренiю своего благополучiя, когда воля его не будетъ благоразумна, то есть когда въ области небудетъ добрыхъ и мудрыхъ законовъ. И такъ законы свойственно суть путеводители и средства, коими государственное благоденствiе, сiе толь великое обществъ намѣренiе, прiобрѣтается. И какъ въ разсужденiяхъ о существѣ государствъ

Средство на снискаянiе народнаго благополучiя суть мудрые законы.

 служа-

служащія къ пріобрѣтенію существеннаго намѣренія всѣхъ гражданскихъ обществъ средства заслуживаютъ великое примѣчаніе, то изъ сегожъ разумѣется, что и существо законовъ важное для насъ здѣсь противостояніе есть; и о семъ предмѣтѣ послѣдуетъ наше разсужденіе въ сей части, которая всѣхъ прочихъ будетъ пространнѣе.

§. 149.

Исправность изъясненія законовъ.

Законы суть необходимыя изъ существа и естества вещей произходящія содержанія, и опредѣленія. Сіе часто нами упоминаемое изъясненіе Господина *Монтескю*, есть наисправнѣйшее, которое токмо о законахъ здѣлать можно, чинимыяже изясненія учителями естественныхъ и гражданскихъ правъ не касаются существа самаго дѣла, бывъ недостаточны отличить законы отъ повелѣній и случайныхъ учрежденій. Каждое существо, каждая вещь, каждое установленіе имѣютъ свои законы, основанные на естествѣ своемъ и намѣреніи, и суть потому произходящія изъ оныхъ необходимыя содержанія и опредѣленія. Какъ существо вещей есть вѣчно; то и произтекающіе изъ оныхъ законы суть вѣчны же. И подлинно существуютъ, хотя люди ихъ и не видятъ, или прямыхъ законовъ сыскать не могутъ. И по сему каждая область имѣетъ законы существенно ей свойственные, которые, естьли кто похочетъ, и возможными законами назвать можно, то есть, такими, кои изъ существа и естества яко необходимыя содержанія и опредѣленія произходятъ, а именно: изъ общаго и особливаго государствъ намѣренія, изъ ихъ правленія, изъ естественнаго земли качества и положенія, изъ состоянія жителей, изъ ихъ способности и свой-

свойства, такъ, что народъ инако благополученъ быть не можетъ, какъ по мѣрѣ соотвѣтствія дѣйствительныхъ своихъ законовъ, съ сими необходимыми законами, существенно оному свойственными.

§. 150.

Что закономъ быть можетъ и не можетъ.

Разсуждая въ сей части о законахъ, беремъ мы сіе умоначертаніе въ великой обширности. Здѣсь они все то суть, чрезъ что является соединенная народная воля; слѣдовательно же нетокмо то, что въ тѣсномъ смыслѣ законами называютъ, но и пріуготовленія, мѣры, намѣренія и учрежденія, постановляемыя въ разсужденіи благоденствія области, не взирая на то, суть ли дѣйствительно необходимыя содержанія и опредѣленія существа и естества народнаго общества, или ложно таковыми почитаемыя. Напротивъ того не можетъ никогда признано быть закономъ, явно противоборствующее сей соединенной волѣ, и не имѣющее ни малѣйшаго вліянія въ благоденствіе государства, и намѣренію онаго ни въ чемъ не прибыточествующее, хотя бы правитель торжественно такое издалъ повелѣніе. И такъ во всѣхъ случаяхъ гдѣ токмо онъ захочетъ такъ какъ человѣкъ, несмотря нато, что повелѣваетъ, или гдѣ власть ево во зло употребляется, на удовлетвореніе страстей и прихотей, коимъ онъ якоже человѣкъ раболѣпствуетъ, тамъ не суть законы, но онъ издаетъ поволенія, коимъ повиноваться ни кто обязанности не имѣетъ. Покаряющіеся ему въ семъ случаѣ, дѣлаютъ добровольно, слѣдовательно берутъ на свой страхъ и отвѣтъ, какъ скоро мучительская власть правителя низложится, или состояніе государства перемѣнится. Хотя *Августъ* прекраснѣйшихъ

женъ изо всего Рима приказывалъ къ себѣ на носилкахъ носить, не взирая на то, что мужья противиться тому не смѣли; хотя *Алфонзъ* Король Португальской, умершій въ тюрьмѣ на островѣ Терцера, по ночамъ съ шайкою непотребныхъ людей въ Лиссабонѣ по улицамъ шатывался, и дѣлывалъ разныя своевольства и продерзости, однако въ такихъ случаяхъ не можно ихъ признать законодателями. Никто небылъ долженъ имъ повиноваться, и бывшіе такихъ злодѣйствъ помощники ихъ, небыли изъяты отъ наказанія, которое имъ отъ наслѣдниковъ въ правленіи, или при послѣдовавшей перемѣнѣ съ совершенною справедливостію учинено быть могло. Въ сихъ и неизчислимыхъ тому подобныхъ случаяхъ видима есть такожде недостизаемость нынѣшнихъ общихъ законовъ изъясненій. Ибо, ежели законы изъяснить волею или приказаніемъ правителя, коими подданные къ послушанію обязываются, то самымъ дѣломъ ничего не сказывается, да и разумѣть изъ того не возможно, въ какихъ случаяхъ подданные покоряться обязаны или нѣтъ.

§. 151.

Содержаніе сея части.

Важное сіе законовъ вещество, когда мы о немъ по намѣренію сея книги достаточнымъ образомъ разсматривать будемъ, потребуетъ множество особливыхъ разсужденій. Напередъ должно будетъ намъ разсмотрѣть силу законовъ, или какими побужденіями законы дѣятельными и дѣйствующими быть могутъ. Потомъ будемъ разсуждать о существенномъ раздѣленіи законовъ, и какъ разные роды законовъ въ точность отличены и никогда между собою смѣшены быть не долженствуютъ. По семъ въ самомъ началѣ коснутся размышленія нашего

шего законы, въ состоянiи естественныя вольности быть могущiе, или не состоящiе ни въ какомъ необходимомъ содержанiи съ существомъ области; и изъ сего обстоятельства выведемъ мы наиглавнѣйше многiе роды законовъ а именно: а.) естественные законы, б.) законы вѣры, в.) народное право, г.) нравственные, къ которымъ и домовные по большой части принадлежатъ. Потомъ дойдемъ мы до другаго главнаго рода законовъ, то есть къ такимъ, которые не обходимое соотвѣтствiе имѣютъ съ существомъ государства, и наиглавнѣше на четыре рода раздѣляются; а именно: 1.) въ Политическiе законы, содержащiе въ себѣ особливо положенные во основанiе государственныя узаконенiя, 2.) въ законы о доходахъ государственныхъ, которые хотя свойственно и суть политическiя, однако совсѣмъ другаго естества и имѣютъ особливыя основанiя своего положенiя, чего ради и надлежитъ о нихъ особо рассуждать; 3.) гражданскiе законы государства; къ нимъ принадлежатъ и наказательные; и 4.) полицейскiе или благоустроинственные, которые хотя и суть равномѣрно жъ законы гражданскiе, но по особливому свойству своему заслуживаютъ особенное разсужденiе. Во окончанiи будемъ разсматривать о поврежденiи законовъ.

§. 152.

Раздѣленiе сея части на одинатцать отдѣленiй.

По сему нужно будетъ великую сiю часть раздѣлить въ одинатцать отдѣленiй. Первое отдѣленiе оглавлено будетъ: въ чемъ состоитъ сила законовъ: второе будетъ въ себѣ содержать существенное раздѣленiе и нужное различие законовъ. Третiе, естественные законы четвертое законы вѣры, пятое, народное пра-

во, шестое, нравственные и домовые законы, седьмое, политическiе, осьмое, законы доходовъ государственныхъ или Камеральные, девятое гражданскiе, и десятое полицейскiе законы. Во окончанiи послѣдуетъ первое надесять отдѣленiе содержащее въ себѣ разсужденiе о повреждении законовъ. И чрезъ сiе уповаю упомянуть о всемъ нужномъ къ размышленiямъ симъ принадлежащемъ.

ПЕРВОЕ

ПЕРВОЕ ОТДѢЛЕНІЕ
ВЪ
ЧЕМЪ СОСТОИТЪ СИЛА ЗАКОНОВЪ.

§. 153.

Какимъ образомъ, и какими побужденіями законы дѣйствуютъ, или кратчая сказать, отъ чего произходитъ сила законовъ? Есть вопросъ, не могущей умолчанъ быть въ разсужденіяхъ о естествѣ и существѣ областей а особливо о законахъ. Всѣ почти писавшіе о семъ, думали, что страхомъ законы дѣятельными бываютъ и дѣйствуются; то есть, что люди изъ страха наказанія наблюдаютъ и исполняютъ законы. Да и самъ Господинъ *Монтескю*, толь остроумно писавшей о существѣ законовъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сочиненія своего даетъ знать, что онъ признаетъ страхъ силою, побуждающею людей къ наблюденію законовъ. Однако мысли вопервыхъ съ нами повстрѣчавшіяся не суть всегда основательнѣйшія и справедливѣйшія. Когда, мы о силѣ законовъ глубокомысленно подумаемъ, то увидимъ основанія, вовсе опровергающіе сіе положеніе, что сила законовъ зависитъ отъ страха. О семъ предложимъ въ нижеслѣдующемъ.

Не состоитъ ли сила законовъ въ страхѣ?

§. 154.

Страхъ полагаетъ напередъ вещь, нами любимую, и коея потеряніемъ мы угрожаемся, или поставляетъ напередъ извѣстныя болѣзненныя ощущенія, намъ предлежащія. Господинъ Графъ

Что страхъ напередъ полагаетъ?

Графъ *Катанео*, въ истинномъ своемъ разумѣ законовъ въ положеніи господина *Монтескю*, что сила законовъ произходитъ отъ страха, хотя и нашелъ важныя сумнѣнія, однако весьма погрѣшаетъ, поставляя страхъ единственно въ потеряніи любимыхъ нами вещей. Ежели боязнь смерти, изъяснить страхомъ лишенія такого добра или блага, какова есть жизнь; то найдутся еще многіе другіе опасенія, которыя никакого лишенія вещей не содержатъ, а касаются единственно болѣзненныхъ ощущеній. Хотя невольникъ въ Туреціи, долженствующей наказанъ быть палками, и увѣренъ, что побои сіи не лишатъ его живота, и знающей еще заподлинно, что то непричинитъ ему вреда и въ здоровьѣ; страшится однако, будущей ему отъ того боли. Здѣсь явно нѣтъ никакого потерянія. Слѣдовательно нѣтъ и сумнѣнія въ томъ, что предлежащее болѣзненное ощущеніе и безъ потерянія имѣнія, страхъ возбудить можетъ.

§. 155.

Въ пяти случаяхъ страхъ не имѣетъ никакого дѣйствія.

И когда посему существо страха разсмотрѣть въ точность; то легко увидимъ, что много весьма случаевъ бываетъ, гдѣ нѣтъ нималѣйшаго страха, слѣдовательно оной не можетъ имѣть нималѣйшія силы и дѣйствія. Особливо суть пять родовъ случаевъ, гдѣ страха не бываетъ, а именно: когда не имѣемъ никакого стяжанія; когда имѣніе любимъ чрезъмѣрно съ презрѣніемъ всего прочаго; когда имѣнія, хотя его и имѣемъ, не любимъ, но презираемъ; когда болѣзненныя ощущенія нивочто вмѣняемъ, или великодушнымъ побужденіемъ, или отъ злости произходящею нечувствительностію; и когда мы надѣяться можемъ, избѣжать потерянія имѣнія и болѣзненныхъ ощущеній

щеній какимъ нибудь путемъ и средствами. Нужно о всѣхъ сихъ случаяхъ пространнѣе разсудить.

§. 156.

1.) Когда нѣтъ у насъ никакого имѣнія.

Когда нѣтъ у насъ ничего, то и потерять ничего не страшимся; и ежели бы сила законовъ происходила отъ страха потерянія имѣнія; то не будутъ они имѣть дѣйствія въ большой половинѣ людей во всѣхъ государствахъ; ибо во всякой области множество и еще большее, такихъ людей, которые весьма мало имѣнія имѣютъ, или вовсе ничего, и отъ дневныя работы дневную и пищу получаютъ. Люди, сущіе въ такомъ состояніи сами по себѣ не весьма уважаютъ болѣзненныя ощущенія, развѣ будутъ исполнены просвѣщеніемъ, и инако содержаны. Ежели они имѣніе свое расточили, и не имѣютъ больше надежды, пріобрѣсть какое нибудь стяжаніе, для спокойностей жизни, потребное; то предаются отчаянію; и сіе состояніе всегда заключаетъ въ себѣ презрѣніе болѣзненныхъ ощущеній. И по сему два обстоятельства бываютъ крайнею для государства гибелію. Первое есть то, когда прежде бывшее области богатство безпечностію законовъ, погубленіе же нравовъ и расточеніе, роскошь и пороки на такую вышную степень возвели, что большая часть людей обѣднявъ отчаянію предаются. Ежели въ Англіи роскошь хотя мало еще возвысится, то государство сіе будетъ въ вышесказанномъ случаѣ, ибо тамъ множество людей изъ хорошихъ и знатныхъ родовъ, за разбой вѣшивали и вѣшаютъ, которые расточивъ имѣніе свое, въ нищету пришли, а потомъ и отчаяніе; другое обстоятельство бываетъ тогда, когда угнѣтеніе и мучительство прави-

тель-

тельства толь велики суть, что подданные никакія надежды не имѣютъ, собрать какое нибудь для себя имѣніе, или и собраннымъ какъ надежною собственностію наслаждаться. Отчаяніе, свирѣпѣйшею яростію или совершенною унылостію наконецъ являющееся, есть слѣдствіе сего состоянія; и государство либо внутреннимъ безпокойствіемъ, или наружнымъ нападеніемъ во все раззорится.

§. 157.

2.) Ежели имѣніе чрезмѣрно любимъ.

Основываютъ еще страхъ, якобы творящей законы дѣйствительными, особливо на любви къ имѣнію, котораго потеряніемъ за неисполненіе законовъ устрашаемся. Но самая сія къ имѣнію любовь, когда прочими разсужденіями не будетъ подкрѣплена, или когда люди неисполнены благородными побужденіями, содѣйствуетъ больше къ презрѣнію законовъ. Люди употребятъ все на снисканіе любезнаго стяжанія, толь посредствующаго къ роскоши и сластолюбію; и законы будутъ слабою противъ того преградою. Когда въ положенныхъ во основаніе узаконеніяхъ будетъ повреждение толь повсемѣстно, что люди одною токмо любовію къ имѣніямъ правимы будутъ, то и законы лишатся также всея силы. Наивящшей долгъ имѣющіе рачить о наблюденіи законовъ будутъ сами наиповрежденнѣйшіе; ибо и чиновъ для того токмо домогаться станутъ, дабы удовлетворить ненасытную свою алчбу и страсти; почему не токмо сами презрятъ законы, но и другимъ преступникамъ законовъ продавать будутъ свое защищеніе. Такое бывало состояніе во время многихъ Римскихъ Цесарей, когда скопцы, наперстники, любимцы и прочіе государственные слуги всякія несправедливости дѣлали,

дѣлали, и народъ какъ злѣйшія піявицы сосали. *Зосимъ* (1) дѣлаетъ точно такое описаніе царства *Аркадіяна*, говоря: „Государь сей „былъ чрезвычайно простъ, супруга же его „непомѣрно предпріимчива и для того вся„чески подкрѣпляла ненасытное любостяжаніе „царскихъ повѣренныхъ и слугъ такъ, что „добрымъ людямъ ничего кромѣ смерти же„лать не оставалось„. Да и во время самаго *Юстиніана*, сего великаго законодателя, собрателя и исправителя правъ было нелучше; ибо по мнѣнію моему потаенная повѣсть *Прокопія* заслуживаетъ всякую вѣроимность, ежели оную сравнять съ неоспоримыми случаями, и разными извѣстіями, сохраненными по сіе время прочими надежными писателями. Однимъ словомъ, въ такой области, гдѣ большая часть людей зла, любовь къ имѣнію здѣлаетъ то, что законы не будутъ имѣть нималѣйшія силы; не многіе же добрые люди, лишенные всякія безопасности, будутъ жить въ бѣднѣйшемъ состояніи; но въ такой землѣ, гдѣ люди всѣ до одного чрезвычайно злы, жители принуждены будутъ ради собственнаго своего охраненія прибѣгнуть къ наблюденію законовъ. *Филиппъ* Царь Македонскій построивъ городъ, населилъ его одними злодѣями, которые для собственныя безопасности своея увидѣли необходимость, здѣлать законы и ихъ наблюдать, со введеніемъ извѣстныхъ честности правилъ.

§. 158.

3.) Когда люди во все имѣнія не

Противоположенной вышесказанному случай есть тотъ, когда люди сущее свое имѣніе не любятъ, но презираютъ. Оной можетъ оказаться

(1) *Зосимъ въ исторіи книг. V.*

любятЪ и его презяраютЪ.

заться какЪ вЪ разсужденіи имѣнія, такЪ и благостей естества. Когда, мучительство вЪ области толь велико, что никто не здѣлавЪ никакого преступленія не надеженЪ вЪ имѣніи своемЪ, то страхЪ о потеряніи онаго подлинно не будетЪ побужденіемЪ, обязующимЪ людей кЪ наблюденію законовЪ. Невозможно имѣнія любить, когда имущество его и наслажденіе и безЪ того толь неизвѣстны; кЪ тому жЪ и отчаяніе такую великую силу имѣетЪ, что превышаетЪ иногда и человѣческое естество. При чрезмѣрномЪ мучительствѣ могутЪ люди отчаяніе свое такЪ далеко разпространить, что презрятЪ и самые тѣ естественные дары, на коихЪ человѣчество создано, то есть: здоровье, наслажденіе любви, любовь кЪ дѣтямЪ своимЪ, да и самую жизнь. Лютостію ИспанцовЪ приведенные вЪ отчаяніе Американцы, имѣли омерзѣніе отЪ продолженія рода своего, такЪ что первые принуждены были здѣлать еще чрезЪестественную лютость, то есть, приневоливать послѣднихЪ ко вступленію вЪ бракЪ. Однако отчаяніе искоренило всякую любовь родителей кЪ рожденію ихЪ, и Американцы отгоняли отЪ себя дѣтей своихЪ, дабы они не были невольниками такихЪ и толикихЪ мучителей. Такого состоянія люди не находятЪ подлинно вЪ страхѣ никакого побужденія кЪ наблюденію законовЪ. Жизнь презирающей, превыше всякаго закона, и господствуетЪ животомЪ мучительнаго законодателя. ЯпонецЪ, за бездѣлицу брюхо себѣ взрѣзывающей; АглечанинЪ, будучи вЪ полномЪ удовольствіи, наскуча жизнію, пулею вЪ лобЪ себя поражающей, нечувствуютЪ никакого дѣйствія силы законовЪ, отЪ страха произходящей.

§. 159.

§. 159.

Легко видѣть можно, что презирающіе имѣніе и жизнь, не могутъ побуждены быть страхомъ болѣзненныхъ ощущеній къ наблюденію законовъ. Такіе люди подлинно способны къ неуваженію и наивеличайшихъ томленій. Совершенное сіе всѣхъ болѣзней презрѣніе можетъ происходить, какъ изъ великодушныхъ и благородныхъ побужденій, такъ равномѣрно и изъ жестоковыйной злости. *Муцій Сцепола*, зжегъ свою руку на показаніе Царю *Порсеннѣ*, съ какимъ постоянствомъ *Римляне* умѣютъ презирать болѣзни, когда дѣло идетъ о защищеніи отечества; въ послѣдующія потомъ времена Стоическое любомудріе произвело великое множество удивительныхъ примѣровъ болѣзней презрѣнія. Таковые примѣры не суть толь рѣдки, чтобъ происходили отъ высокой и благородной любомудренной мысли, которую весьма малѣйшее число людей имѣть можетъ. Ни какъ; упорная злость, безпокойною надмѣнностію исполненное воображеніе, и кичливость человѣческая, не дать себя принудить къ оставленію своего мнѣнія, произвели несравненно больше примѣровъ презрѣнія болѣзни, нежели любомудренныя положенія. Какое множество бывало злодѣевъ посмѣявшихъ наижесточайшія пытки, и никакого признанія неучинившихъ! И сколько еще видано такихъ людей, которые претерпѣвъ съ великимъ постоянствомъ наивеличайшія озлобленія, не возхотѣли оставить безумнѣйшихъ и презрѣннѣйшихъ мнѣній своихъ. Твердость сію находимъ мы не въ однихъ древнихъ временахъ. Японія за сто лѣтъ предъ симъ неописанное множество оныхъ показала, да и нынѣ могли бы видѣть великое оныхъ число, ежели бы благоразум-

4) Когда болѣзненныя ощущенія ни во что вмѣняемъ.

ные Европейскіе народы не приняли правилъ, тунеядцовъ, развратниковъ и зловѣрныхъ случая и возможности къ оказанію терпѣнія лишающихъ. А что и нынѣ человѣческое своенравіе въ касающемся до сего не учинилось преклоннѣе, о томъ Испанскія и Португальскія инквизиціи ясно доказать могутъ.

§. 160.

5) Когда надѣемся избѣжать потеряніе имѣнія, и болѣзненныя ощущенія.

Наконецъ будетъ страхъ также совсѣмъ недѣйствителенъ, какъ долго надѣяться можемъ избѣжать лишеніе имѣнія и болѣзненныя ощущенія, то есть, наказаніе законами налагаемое. Нѣкоторымъ образомъ противно естеству мыслящаго, и естественную вольность свою, не взирая на ея утѣсненіе, ощущающаго существа, страхомъ разполагать дѣла свои. Такое существо страху хотя и работствуетъ, однако для того токмо, дабы отвратить опасность, и страха ради къ дѣйствію не побуждается, ибо въ самомъ себѣ никакія къ тому преклонности не находитъ. Прежде, нежели страхъ возъимѣетъ наималѣйшее въ дѣлахъ его содѣйствіе, помыслитъ оно, не возможно ль еще страхъ сей отщатить какимъ нибудь другимъ средствомъ; пути же тайности, ухищренія, противоборства и силы суть для него одинаковы, когда токмо видитъ предъ собою правдоподобіе добраго послѣдованія. Ежели человѣкъ не можетъ имѣть никакой надежды, избѣжать какимъ нибудь образомъ наказаніе законовъ; то оставляетъ съ великою досадою, или съ совершенною унылостію, которая есть тихой родъ отчаянія, дѣйствіе свое закономъ заповѣданное, не бывъ увѣренъ о вредѣ начинанія своего; и такъ рѣдко бываетъ, или и никогда, чтобъ страхъ побуждалъ исполнять дѣла закономъ предписанныя.

ныя. Люди непреклонную жестоковыйность имѣющіе, или, ежели можно сказать, о вольности существа своего лучшими и благороднѣйшими ощущеніями исполненные, скорѣе презрятъ всѣ благодѣянія щастія и естества, да и самую жизнь, нежели дадутъ себя принудить къ какому нибудь дѣйствію; слабѣйшіе же повелѣнное хотя и исполнятъ, однако съ такою къ сердцѣ своемъ противностію, что дѣло будетъ такъ какъ будто неисполнено. И по сему заблужденіе есть, утверждать, чтобъ люди страхомъ къ извѣстнымъ дѣламъ побуждаемы были. Различія сего между оставляемыми и исполняемыми дѣлами не долженъ законодавецъ никогда забывать, но почитать главнѣйшимъ правиломъ при учиненіи всякаго узаконенія. Въ дѣлахъ оставляемыхъ можетъ страхъ имѣть нѣкоторое дѣйствіе, ежели надежды нѣтъ на его избѣжаніе; слѣдовательно въ законахъ извѣстныя дѣйствія запрещающихъ, надлежитъ положить наказаніе. Но въ дѣлахъ, долженствующихъ быть въ дѣйство произведенными, или къ произведенію въ дѣйство предлежащихъ, не имѣетъ страхъ ни малѣйшія силы; и законодатель тщетно себя ласкаетъ, ежели помыслитъ, что оныя искуснымъ и полезнымъ образомъ исполнены будутъ. И такъ въ законахъ, въ дѣйство производить какія нибудь дѣла повелѣвающихъ въ разсужденіи государственныя надобности, дабы тѣ дѣла изрядно и дѣйствительно исполнены были, не должно поставлять наказанія, но еще вмѣсто того обѣщать ими награжденіе.

§. 161.

Вообще по мнѣнію моему есть множество несумнѣннаго доказательства о томъ, что сила законовъ не произходитъ отъ страха. Ни- *Сіе искуствомъ подтверждается.*

 что

что такъ не обычайно, какъ то, что законодатели изощряютъ наказанія, когда какое нибудь зло въ государствѣ весьма размножится. Увеличенныя сіи наказанія имѣютъ всегда дѣствіе свое на малое время, когда не употребятся средства, къ истребленію зла въ самомъ его источникѣ. Коль часто полагались лютыя казни за воровство, разбой, и прочія злодѣйства. Новость вещи и первая боязнь имѣли только дѣйствіе на весьма короткое время. Но вскорости пріобыкали, къ зрѣнію такихъ истязаній, и послѣ того также много крали и разбойничали, какъ и до введенія лютыхъ казней. Такое слѣдствіе будетъ всегда, когда болѣзненныя ощущенія и наказанія усугубятся, дабы здѣлать законы дѣйствительными. Какъ скоро люди къ умоначертанію новоизобрѣтеннаго или увеличеннаго наказанія, или болѣзненныя чувствительности пріобыкнутъ, то изчезнетъ тогда и ужасное выраженіе, прежде оными производимое. Можно сказать, что мучители были весьма злохитры въ изобрѣтеніи и положеніи наказаній за преступленія и предпріятія противъ безопасности особы ихъ и ихъ правленія; но не взирая на то сыскиваются всегда люди, среди жестокости толикихъ казней, дѣлать противъ нихъ возмущенія. Противъ *Августа* въ началѣ доволно свирѣпо царствовавшаго были всегда заговоры; такъ долго, какъ онъ заговорщиковъ жестоко наказывалъ. Но едва токмо здѣлалъ благородное и великодушное *Циннѣ* прощеніе, то всѣ умыслы противъ его изчезли. Примѣръ сей, увѣрившей *Римлянъ*, что *Августъ* великодушенъ, и слѣдовательно любви ихъ достоинъ, имѣлъ вдругъ такое дѣйствіе, котораго онъ прежде тщетно наказаніями снискать силился.

§. 162.

§. 162.

И такъ когда изъ всего сего довольно видимо есть, что сила законовъ нимало не происходитъ отъ страха, то вопрошается теперь, отъ чего законы дѣйствіе и дѣятельность получаютъ? По моему резсужденію происходитъ сіе отъ двухъ главныхъ родовъ подкрѣпленій. Первой оныхъ родъ состоитъ въ нравственномъ людей обстоятельствѣ, или въ начальныхъ основаніяхъ, въ которыхъ благоразумно назидаются. Второй родъ утверждается на самихъ законахъ; присемъ надлежитъ здѣлать различіе между добрыми и полезными, такожде между злыми и мучительскими законами; ибо сіи послѣдніе дѣйствуются совсѣмъ другою силою, нежели первые; читатели мои по справедливости надѣяться должны пространнаго о семъ изложенія.

Сила законовъ зависитъ отъ разныхъ подкрѣпленій.

§. 163.

Первое главнѣйшее подкрѣпленіе законовъ касается нравственнаго людей обстоятельства. Когда законамъ въ государствѣ надобно имѣть силу, то должны большая часть людей, воономъ живущихъ, быть добрыми и добродѣтельными. Ежели они не истинно добродѣтельны, то надобно имъ снабдѣнными быть покрайней мѣрѣ правилами, могущими заступить мѣсто добродѣтели. Сіи въ людяхъ, отмѣнно передъ подлостію мыслящихъ, суть положенія чести; въ разсужденіи же черни, правила вѣры. Всегда больше пользы будетъ государству, и законы будутъ имѣть вящшую силу, ежели люди добродѣтелію испинствуютъ. Добродѣтель есть первое и всеобщее государствѣ подкрѣпленіе (§. 103.); истинная же дѣятельность и сила области наиглавнѣйше въ семъ состоитъ, какъ мы о томъ въ шестой части показали. Но какъ добродѣтель между гражданами не всегда

1) Отъ нравственнаго людей обстоятельства.

вЪ тотчасЪ довольно разпространена быть можетЪ; то должно довольствоваться тѣмЪ, что нѣкоторымЪ образомЪ мѣсто ея занимаетЪ, а именно: честію. ВЪ людяхЪ честію исполненныхЪ и легчайшія наказанія дѣлаютЪ больше выраженія, нежели жестокія устрашенія законами предписанныя. СрамЪ, преступить законЪ и вЪ томЪ давать отвѣтЪ, чувствительнѣе есть для сихЪ людей, нежели лишеніе имѣнія и тѣлесное наказаніе для народа чести незнающаго. И для того мудрому правленію крайне остерегаться недлежитЪ, ничего такого не предпринимать, чрезЪ что ощущенія чести упразднены быть могутЪ. НародЪ, состоящей изЪ людей нивочто вмѣняющихЪ стыдЪ и осужденіе разумныхЪ сотварей своихЪ, лишенЪ есть главнѣйшаго подкрѣпленія на снисканіе силы законамЪ: слѣдовательно и главнѣйшаго средства, на поспѣшествованіе благоденствія своего и благополучія.

§. 164.

Что разумѣется здѣсь чрезЪ добродѣтель.

Добродѣтель, свойственную и лучшую силу законовЪ производящая, не есть нравственная, но политическая или гражданская, такЪ какЪ мы о семЪ вЪ шестой части упомянули. Она состоитЪ вЪ исполненіи должностей кЪ государству и кЪ согражданамЪ, однимЪ словомЪ: вЪ свойствѣ, быть добрымЪ гражданиномЪ, и государство по точности не можетЪ отЪ сочлена своего требовать другія добродѣтели. Вѣра, а часто и предсужденія требуютЪ отЪ людей еще другихЪ добродѣтелей. Но область или государство долженствуетЪ весьма отЪ сего сохранять жителей своихЪ, а попущать требованіе сіе чинить людямЪ того или другаго вѣры исповѣданія или разкола. Видимо весьма, что любовь кЪ отечеству сЪ сею политическою добродѣ-

бродѣтелію не раздѣлимо сопряжены; ибо первая есть, яко источникъ послѣднія, такъ что невозможно исполнить должности ни къ государству ни къ своему согражданину, когда не имѣемъ любви къ отечеству. Она есть основаніе дѣятельности для всякія области (§. 101.) И такъ какъ каждое государство безъ любви сея къ отечеству есть дебѣлое, слабое и недѣятельное тѣло; то потому невозможно никогда надѣяться дѣятельныя силы и дѣйствія законовъ, когда граждане не будутъ исполнены истинною къ отечеству любовію. Мы прежде (§. 160.) показали, что страхъ нѣкоторое содѣйствіе имѣетъ въ законахъ извѣстныя дѣла запрещающихъ. Во всѣхъ же законахъ исполненіе чего либо налагающихъ, должна любовь къ отечеству быть сильнымъ подкрѣпленіемъ. Когда мы нынѣ дивимся тому, чего законы древнихъ общенародій отъ своихъ требовали гражданъ, а наипаче тому, что дѣлали жители дѣйствительно для своея области; когда мы въ нынѣшнихъ нашихъ областяхъ больше уже не находимъ сихъ великихъ, благородныхъ и несвоекорыстныхъ примѣровъ, то все сіе произходитъ единственно отъ того, что намъ совсѣмъ не достаетъ той пламенной любви къ отечеству, которою граждане старинныхъ обществъ одушевлены были. Не надлежитъ думать, что чудесная сія къ отечеству древнихъ любовь произходила токмо отъ народоначальнаго правленія. Въ нынѣшнихъ нашихъ общенародіяхъ своекорыстіе беретъ верьхъ надъ любовію къ отечеству. Ежели бы въ насъ честь не замѣняла нѣсколько сея любви, то бъ здѣлались наши государства всѣ безъ изъятія такими неодушевленными тѣлами, въ которыхъ бы ни одинъ человѣкъ и ни одного волоса за отечество опасности вдать не захотѣлъ.

§. 165.

Въ подломъ народѣ сила законовъ происходитъ отъ вѣры.

Подлой народъ во всѣхъ земляхъ мало весьма имѣетъ добродѣтели, и столько жъ мало любви къ отечеству; а о истинной чести и ни малѣйшаго понятія. Правда; вѣра подлаго народа вездѣ не состоитъ въ истиннѣ и существѣ ея; и такъ еще не безсумнительно, заслуживаетъ ли вѣра его подлинно сіе названіе. Между тѣмъ должны хотя грубыя понятія его о вѣрѣ, замѣнять добродѣтель, любовь отечества, честь, и самую истинную вѣру. Ежели чернь лишить сихъ понятій, то въ разсужденіи ея не токмо законы всея силы обнажены будутъ, но и раздерется еще и союзъ, связующей подлой народъ въ гражданскомъ обществѣ. Когда бъ вкоренилось мнѣніе въ подломъ народѣ, что люди суть простыя орудія, коихъ существо смертію ихъ разрушается; ежели бы онъ увѣренъ былъ слѣдственно, что въ другой жизни ему надѣяться нѣчего, то бъ пришелъ необходимо о состояніи своемъ настоящія жизни своея въ отчаяніе, не имѣя надежды нажить имѣнія ни спокойности. И потому не имѣлъ бы онъ ни малѣйшаго подкрѣпленія, законы наблюдать; а чрезъ то безопасность бы всѣхъ богатыхъ людей вовсе рушилась. Страху, чтобъ не лишиться имѣнія, въ народѣ быть невозможно; множества же своего супротивленіемъ и силою защитилъ бы себя отъ всѣхъ тѣлесныхъ наказаній.

§. 166.

2) Второй главной родъ подкрѣпленія состоитъ въ добротѣ законовъ.

Второй главной родъ подкрѣпленій, силу законовъ составляющей, долженъ искомъ быть въ самихъ законахъ, должествующихъ быть добрыми и полезными, то есть, касающимися благополучія и благоденствія тѣхъ, для кого они сочинены и кому преподаны. Законы суть необхо-

необходимыя содержанія и опредѣленія, происходящія изъ естества вещей, изъ существа и намѣренія каждаго гражданскаго общества и каждаго особливаго учиненія (§. 33.). Существо и намѣреніе обществъ есть общее благоденствіе; почему и неможно признать законами некасающіяся сего намѣренія учрежденія. Всѣ узаконенія не имѣющія сего предмѣта, не заслуживаютъ названія законовъ. Они суть велѣнія мучительскія; ибо существенное написаніе мучительства состоитъ въ томъ, что приказанія его касаются до собственнаго его благополучія, а благоденствіе невольниковъ его не инако притомъ поспѣшествуются, какъ для собственной же его пользы. И такъ ежели законамъ хотя малѣйшую силу имѣть, то надобно имъ наиглавнѣйше огражденными быть собственною ихъ добротою. Наисильнѣйшее подкрѣпленіе для разумнаго существа, дабы покориться установленіямъ другаго, есть увѣреніе, что сіе установленіе будетъ ему на пользу и благоденствіе. Тогда исполнитъ его со всею охотою: и мы предъ симъ упомянули, сколь много зависятъ отъ сего къ произхожденію въ дѣйство дѣла предлежащіе. Подлинно; какъ люди суть весьма ограниченныя разумныя существа, могущія легко заблуждать, то по сему и невсегда прозираютъ собственное свое благо. Но умолчавъ, что не болше прозрѣніе надобно, такъ что и однихъ ощущеній довольно, дабы видѣть, хорошо или худо они управляются; то обязанность есть для правительства, увѣрить подданныхъ о добротѣ законовъ, такъ какъ въ слѣдующемъ §. покажемъ. Сверьхъ сего подкрѣпленіе сіе не составляетъ единственно силы законовъ; не видящіе совершенно доброты законовъ, найдутъ побужденія въ добродѣтели, въ любви къ отечеству, въ пра-

вилахъ чести и вѣры, дабы законамъ повиноваться; и въ семъ вообще состоитъ сила законовъ.

§ 167.

Однако подданные должны увѣрены быть о добротѣ законовъ.

Когда разумнымъ существамъ законамъ другаго повиноваться; то надобно онымъ поспѣшествовать благополучіе первыхъ; но и сіи разумныя существа должны о томъ увѣрены быть. Слѣдовательно одна внутренная законовъ доброта безъ увѣренія къ сему достаточна быть не можетъ. Для того мудрому правительству весьма того наблюдать надлежитъ, чтобъ подданные о добротѣ законовъ были увѣрены. Сіе увѣреніе такъ тяжело быть не можетъ, когда законы соотвѣтствуютъ дѣйствительно повсюду намѣренію и во основаніе положеннымъ установленіямъ государства и съ правилами по состоянію народа, и по естеству каждаго дѣйствія. Сіи суть свойства, долженствующія быть во всѣхъ добрыхъ законахъ, тогда надобно будетъ правленію одна токмо воля, чтобъ увѣрить, и увѣреніе сіе послѣдуетъ. Государственныя тайности не могутъ увѣренію сему здѣлать помѣшательства, когда они не заключаютъ въ себѣ несправедливости, и касаются больше всегда исполненія дѣлъ государственныхъ, нежели самихъ законовъ; и хотя бы новыя узаконенія съ таковыми таинствами сопряжены были, то долженъ законъ, выключая скрытой сей стороны, другія добрыя стороны являть на увѣреніе подданныхъ; а безъ сего вся тайна будетъ никуда годна, и общему благоденствію не соотвѣтствующая.

§. 168.

Сила злыхъ законовъ состоитъ въ прилънутіи

Сіи то суть подкрѣпленія, отъ которыхъ зависитъ сила добрыхъ и полезныхъ законовъ; но злые и мучительскіе законы дѣйствуютъ со всѣмъ другою силою, которая также зла какъ и

и сами законы. Однимъ словомъ она есть польза, пріобрѣтаемая многими людьми отъ мучительства. Государь, правительствуя мучительски, лишаетъ добродѣтель, любовь отечества, честь и вѣру большія части силы ихъ, которую имѣютъ они при добромъ правленіи. Многіе совнѣ токмо украшаютъ себя сими правилами, дабы изъбѣжать чрезъ то упреканій добрыхъ людей, и произходящей изъ ненаблюденія стыдъ. Но правленіе не успѣетъ оставить правила доброты и правосудія, какъ уже сіи люди явятся въ естественномъ своемъ видѣ, и будутъ ускорять сисканіемъ пользы отъ мучитества, чрезъ что добрые люди игомъ неволи отяготятся. Никто сего толь изрядно не изобразилъ, какъ *дела-Бети* (2) „ сказавъ слѣ„дующимъ образомъ: лекари обыкновенно го„ворятъ, что все худое въ тѣлѣ нашемъ на„ходящееся собирается къ тому мѣсту, гдѣ „болячка появится; такимъ же образомъ бы„ваетъ, какъ скоро какой нибудь Государь оказ етъ „себя мучителемъ. Всѣ безбожные люди, изверги „государства, не простая шайка не большихъ „воровъ и мошнорѣзовъ, которые обществу „какъ мало пользуютъ, такъ мало и вре„дятъ; но упоенные непомѣрнымъ честолю„біемъ, и чрезвычайнымъ любостяжаніемъ, „собираются окрестъ мучителя, подкрѣпляютъ „его, чтобъ быть соучастниками добычи, такъ „и не большими мучителями, въ правленіи „большаго сего мучителя „

злыхъ людей къ мучительству.

§. 169.

Сила злыхъ законовъ, или мучительства кажется нерѣшимостію. Въ первомъ видѣ является непонятно, какимъ образомъ такое неизчислимое множество людей однимъ человѣкомъ мучимы бываютъ; ибо власть сего одно-

Покореніе мучительству кажется быть не понятно.

го

го въ тотъ часъ кончится, коль скоро подданные единодушно скажутъ: *мы нехотимъ. делаБети* весьма явственно сіе описалъ (3): „Они „претерпѣваютъ разбои, грабленія, свирѣпости, „не отъ воинства, и не отъ ва́рварскаго нашествія, „за которыя кровь и жизнь полагать должны, „но *одного*. Сей *одинъ* не есть *Геркулесъ*, „и не *Самсонъ*, но человѣченцо, часто и презрѣннѣйшее и подлѣйшее между всѣмъ народомъ; онъ не обыкъ къ пороховому въ бояхъ дыму, и едва только понесть можетъ востающую „пыль на конскихъ ристаніяхъ. Мужественно не „можетъ ничего людямъ приказать; довольно „для него повиноваться подлѣйшимъ образомъ „непотребной женщинѣ. Боязливость ли это?... „Трусость ли? Каждой порокъ имѣетъ по естеству извѣстные предѣлы, коихъ прейти не „можетъ. Двое а можетъ быть и десять убоятся одного. Но тысяча, милліонъ людей „и множество городовъ, когда сіи не противятся одному, то и не есть сіе трусость, „немогущая такъ далеко простираться, какъ „и храбрость одного человѣка, чтобъ онъ „одинъ крѣпость взялъ, воинство разбилъ, и „царствомъ овладѣлъ. Какое же чудовище изъ „пороковъ есть незаслуживающее сіе и имени „трусости, для котораго довольно ненавистнаго названія нѣтъ, и котораго естество своимъ твореніемъ не признае́тъ, „также и языкъ выговорить не хочетъ?„ вскорѣ пото́мъ продолжаетъ онъ еще выразительнѣе слѣдующимъ образомъ: (4): „бѣдные „и нещастные люди! Несмысленные народы, „окаменѣлые въ нещастіи вашемъ, и щастія „вашего видѣть нехотящіе! Сами дозволяете „лишать себя лучшихъ и извѣстнѣйшихъ доходовъ вашихъ предъ глазами вашими, гра-

„бить

„ бить поля ваши, и опустошать домы ваши „ и разхищать древніе и родовые пожит„ ки ваши. Вамъ о себѣ сказать можно, что „ вы живете ничего не имѣя. Великое для васъ „ благополучіе будетъ по видимому, когда „ возпользуетесь половиною имѣнія вашего „ половиною роду вашего, и половиною жизни „ вашея. Весь сей вредъ, все сіе нещастіе, вся „ гибель сія причиняется вамъ не отъ явнаго „ врага, но отъ злодѣя, вами самими уве„ личеннаго; за него вы толь храбро на бой „ шествуете, и за величество его безразсу„ жденія тѣло и жизнь вашу на отвагу отдае„ те. Сей содержащей васъ въ такомъ порабо„ щеніи, имѣетъ токмо два глаза, токмо двѣ „ руки, одно токмо тѣло. Словомъ сказать: все „ то, что у каждаго изъ васъ есть. Все же „ то, что онъ передъ вами имѣетъ, есть пре„ имущество даемое ему вами на вашу пагубу. „ Откуда у него столько глазъ, которыми „ васъ высматриваетъ? Не вы ли ему дали? „ Откуда взялъ онъ столько рукъ, коими васъ „ убиваетъ? Не отъ васъ ли ихъ беретъ? Отъ „ чего у него столько ногъ, коими жилища ваши „ попираетъ? Не ваши ли? Отъ кого получилъ „ онъ и малѣйшую власть надъ вами, не отъ „ васъ ли самихъ? Какъ бы ему можно было „ сидѣть на хребтѣ вашемъ, ежели бы не было „ у васъ съ нимъ согласія? Чтобъ онъ вамъ „ здѣлать могъ, ежели бы вы сему окрадываю„ щему васъ вору не потворствовали? Убійцѣ „ васъ умерщвляющему, пріобщаетесь и самихъ „ себя предаете. Сѣете плоды ваши на то, „ чтобъ онъ погублялъ. Украшаете домы ваши „ богатсвомъ, дабы было что ему похитить. „ Воспитываете дочерей вашихъ, чтобъ онъ уто„ лялъ свои сладострастія. Возращаете сыновъ ва-

„ шихъ,

„ шихъ, дабы ему, когда еще къ нимъ милостивъ „ будетъ, служили на войнахъ, и за него бы убиты были, или бы рабол ѣпствовали ему въ его „ роскошахъ, и исполняли бы мщеніе его. Вы „ отъ трудовъ для того только истосчеваете, „ чтобъ онъ утопалъ въ сластолюбіяхъ, нечистотахъ и поносныхъ увеселеніяхъ. Сами себя ослабляете, дабы его укрѣпить и утвердить къ вящшему васъ обузданію. И отъ „ такихъ несностей, которыхъ и звѣри не терпятъ, или бы и терпѣть не похотѣли, можете освободиться, когда токмо покуситесь, не токмо чтобъ освободиться, но только, чтобъ пожелать освободиться. Намѣртесь „ ему не служить, и будете свободны. Нѣтъ „ нужды вамъ опровергнуть его, или поколебать; не подкрѣпляйте только его. Тогда „ увидите, что сей огромной истуканъ, не „ имѣя больше основанія, собственною своею „ тяготою надетъ и разрушится. „

§. 170.

Но злые люди сохраняютъ мучителя.

Въ са́момъ дѣлѣ кажется непонятно, коль часто неисчетные милліоны людей одного мучителя попускаютъ съ такимъ терпѣніемъ себя изнурять, и какъ мучительскіе законы и велѣнія могутъ имѣть наималѣйшую силу, и дѣйствіе; ибо все сіе въ тотъ часъ рушится, какъ скоро мучительствомъ въ крайнюю нищету и бѣдность приведенные подданные объявятъ, что они себя мучить больше не дадутъ. Сему имѣемъ примѣръ достопамятной, и для всѣхъ злыхъ правителей страшной въ образѣ КАРЛА ТОЛСТАГО, Короля Французскаго, которой отъ голоду и наготы, какъ всѣ подданные его оставили, по́-миру ходить принужденъ былъ, пока наконецъ *Арнульфъ* Нѣмецкой зжалясь надъ нимъ, далъ ему нѣсколько деревень на пропитаніе.

таніе. Но здѣсь неоспоримо есть, что сила и дѣйствіе явно злыхъ и мучительскихъ законовъ единственно зависятъ отъ злыхъ же людей въ области находящихся. Ежели бы всѣ люди были добродѣтельны и справедливы; ежели бы отечество больше любили, нежели собственной свой прибытокъ, то бы не возможно было въ свѣтѣ быть и мучительствамъ; какъ бы скоро правитель худой и государству безъ сумнѣнія вредительной законъ издать похотѣлъ; какъ бы скоро предпринялъ явно для подданныхъ пагубное намѣреніе; какъ бы скоро захотѣлъ исполнить какое мучительство; то бы всѣ справедливые и добродѣтельные подданные въ государствѣ сказали: *Нѣтъ, мы того нехотимъ*; и одно бы сіе слово всякое мучительство упразднило. Чего ради сила и дѣйствіе злыхъ законовъ и мучительства утверждается тѣмъ, что въ области или въ государствѣ много есть людей злорадныхъ, честолюбивыхъ, сребролюбцовъ, жестокосердыхъ и подлѣйшихъ. Возникнетъ мучитель, возникнутъ и они; прилѣпляются къ нему, стараются отъ него найти прибытокъ и удовлетвореніе своихъ страстей, также возвыситься, и обогатиться имѣніемъ удрученныхъ своихъ согражданъ. И потому не токмо единодушность народа изчезаетъ, дабы противиться мучителю, но злѣйшая часть не дреманнымъ окомъ назираетъ на справедливую и великодушную часть народа, дабы ничего такого произойти не могло, что мучительство опровергнуть въ состояніи. Злые сіи люди и дѣлаютъ потому цепь, отъ которой вся сила мучительства зависитъ. Часто помянутой *дела-Бети*, цепь сію толь изрядно описалъ, что мы мыслями его кончимъ сіе отдѣленіе. „ Мучителя, го„ворит онъ, ни всадники его, ни толпы пѣ-

„ шихъ

,, шихъ воиновъ, ни само оружіе не защища-
,, ютъ. Вѣрить сему хотя трудно, однако
,, правда. Четверо или пятеро подкрѣпляютъ
,, мучителя; четверо или пятеро держатъ
,, всѣхъ подданныхъ подъ игомъ неволи. Всегда
,, такъ бывало, что пятеро или шестеро чаще
,, съ мучителемъ говаривали, къ нему свобо-
,, дной доступъ имѣли, и отъ него позываемы
,, были, на учиненіе поспѣшниками его сви-
,, рѣпства, сотоварищами его забавъ, по-
,, мощниками его сластолюбій, и таителями по-
,, грабленнаго стяжанія. Сіи шесть человѣкъ
,, устрояютъ главу свою такъ, что онъ будетъ
,, золъ изъ сообщества ихъ, и отъ ихъ худыхъ
,, качествъ, а не по собственной своей ко злу пре-
,, клонности. Сихъ шестеро имѣютъ при
,, себѣ другихъ шесть сотъ, чающихъ отъ
,, нихъ себѣ пользы; изъ сихъ же шести сотъ
,, дѣлаютъ они то, чемъ они сами у мучите-
,, ля бываютъ. Сіи шесть сотъ имѣютъ подъ
,, собою шесть тысячь, которыхъ въ высокія
,, степе́ни возводятъ, которымъ пору́чаютъ
,, въ правленіе или уѣзды или казну, дабы спо-
,, мошествовали имъ въ насыщеніи своекоры-
,, стія и сребролюбія, а потóмъ во свое время
,, выводятъ ихъ на дѣланіе всякаго зла
,, подъ кровомъ милосердія своего и ходатайства
,, безъ боязни законовъ, и полагаемаго ими на-
,, казанія. За сими слѣдуетъ цѣлое воинство.
,, Желающей, распутать нить сію, увидитъ,
,, что ею не шесть тысячь, но сто ты-
,, сячь и милліоны людей привязаны къ му-
,, чителю, употребляющему ихъ, такъ какъ въ
,, *Гомерѣ Юпитеръ* хвалится, что потрясені-
,, емъ цепи своея привлекаетъ къ себѣ всѣхъ
,, боговъ. ,,

ВТОРОЕ

ВТОРОЕ ОТДѢЛЕНІЕ

О

СУЩЕСТВЕННОМЪ РАЗДѢЛЕНІИ И НУЖНОМЪ РАЗЛИЧІИ ЗАКОНОВЪ.

§. 171.

Невозможно намъ опредѣлить какъ раздѣленія, такъ и различія законовъ; ежели мы не представимъ себѣ достаточнымъ образомъ существа и основанія оныхъ. Законы суть необходимые изъ естества вещей произходящіе содержанія и опредѣленія. Посему каждая вещь, каждое существо, имѣютъ свои законы, бывъ въ извѣстныхъ содержаніяхъ и опредѣленіяхъ, необходимо произходящихъ изъ ихъ естества. И такъ, когда мы желаемъ основательно разсуждать о законахъ человѣческихъ; то надлежитъ намъ вообразить себѣ естество и существо человѣческое; а ежели мы хотимъ предложить законы государствъ, или народовъ въ начальныхъ ихъ положеніяхъ и источникахъ, то будетъ намъ надобно, возвратиться тогда къ естеству и существу гражданскихъ учрежденій. Люди суть сочиняющіе соединеніемъ своихъ воль (§. 23.) и своихъ силъ (§. 25.) общенародія или государства. Слѣдовательно предлежитъ намъ вопервыхъ къ разсужденію само по себѣ естество и существо людей, безъ воззрѣнія на гражданскія установленія; ибо оныя въ естествѣ человѣческомъ никакія перемѣны не дѣлаютъ, къ тому жъ и люди входятъ въ гражданское общество совсѣмъ своимъ существомъ; а потомъ уже будемъ разсма-

Раздѣленіе сіе и различіе законовъ производится изъ естества, какъ самихъ людей, такъ и народовъ или областей.

сматривать естество и существо народовъ, о чемъ въ предшедшихъ частяхъ разсуждаемо было, для опредѣленія существеннаго раздѣленія и нужнаго различія законовъ.

§. 172.

Естество человѣческое можетъ разсуждаемо быть трояким образомъ 1) какъ простаго тѣла, имѣющаго собственные свои законы.

О естествѣ человѣческомъ разсуждать можно троякимъ образомъ, а именно: 1.) человѣкъ представляется простымъ тѣломъ на подобіе неизчетнаго множества въ свѣтѣ находящихся вещей. 2.) существомъ изъ духа и тѣла составленнымъ, и 3.) просто-духовнымъ и разумнымъ существомъ. Въ разсужденіи одного тѣла имѣетъ человѣкъ особливые законы, ибо части его имѣютъ между собою извѣстныя содержанія и опредѣленія, необходимо произходящіе изъ его естества, и въ чемъ духовное, или разумное существо нималаго участія неимѣетъ. Къ сему принадлежатъ всѣ внутреннія тѣлодвиженія, коловратное крови теченіе, питательныхъ соковъ отдѣленіе, и многія другія действственныя дѣла, безъ содѣйствія и размышленія нашего бываемыя. Какъ сіи внутреннія движенія и содержанія раждаются и въ тѣлѣ нашемъ произходятъ необходимо изъ естества самаго тѣла нашего и безъ воли нашея, и нашего содѣйствія, да и побольшой части безъ предзнанія о томъ нашего, то и законы тѣлесные суть внѣ могущества нашего; и потому не можемъ мы въ разсужденіи оныхъ покореннымъ быть другимъ узаконеніямъ. Мнимые случаи и произшествія, противныя нравамъ и благочинію, потолику притомъ въ уваженіе пріемлются, поколику мы во оныхъ соучастниками будемъ свободными нашими проразсужденными дѣйствіями. Напримѣръ, изданъ будетъ указъ безумной, естеству и законамъ тѣлеснымъ противной,

чтобъ

чтобъ никто въ присутствіи Государя не кашлялъ и не харкалъ; сіе же есть такое дѣйствіе тѣла, въ которомъ разумъ нималѣйшаго участія не имѣетъ. Но какъ въ волѣ нашей состоитъ откашленную и отхаркнутую мокроту бросить на полъ, или искусно въ платокъ принять, то Государь подлинно приказать можетъ, чтобъ покои его въ чистотѣ содержаны были.

§. 173.

Посемъ можемъ разсуждать о человѣкѣ, какъ о существѣ изъ тѣла и духа составленномъ; и симъ примѣчаніемъ находимъ мы въ естествѣ человѣческомъ извѣстныя движенія, умомъ человѣческимъ хотя ощущаемыя, однакожъ его преодолѣвающія, и произходящія по всему правдоподобію не отъ его размышленія и заключенія, но изъ естества его тѣла и изъ обстоятельства союза между тѣломъ и духомъ находящагося. А какъ намъ образъ и подобіе соединенія тѣла и души недовольно извѣстны, ибо всѣ три того ради до сего учиненные системы ученія не суть въ состояніи, въ томъ насъ удовольствовать и разрѣшить о томъ сумнѣніи наши, то также незнакомы намъ какъ свойственное основаніе, такъ и произхожденіе сихъ движеній. Довольно, что присоединены естеству нашему, и мы ихъ чувствуемъ какъ тѣломъ такъ и духомъ. Движеніи сіи называемъ естественными побужденіями; и побужденіе къ самохраненію, самолюбіе, умноженіе рода своего, дѣтолюбіе, желаніе пріятныхъ наслажденій, отвращеніе противныхъ и болѣзненныхъ ощущеній, любовь къ производящимъ намъ усладительные чувствованіи, видимые нами въ дѣтяхъ къ воспитательницамъ, суть между ими знатнѣйшіе. Естественные сіи побужде-

1) какъ существа изъ духа и тѣла состоящаго, и имѣющаго естественные побужденіи, естественное право производящіе.

бужденія суть первые естества законы, и единственные источники всего естественнаго права; ибо весьма надлежитъ оное отличать отъ права разумомъ производимаго. Какъ до сего всѣ ученые люди двоякое сіе право всегда смѣшивали; то произошла изъ сего чудная нескладица, здѣлавшая въ разсужденіяхъ о дѣлахъ человѣческихъ больше замѣшательства, нежели вспоможенія. Никто не можетъ отрицать, что праву естественному надлежитъ познаваему быть отъ всѣхъ людей безъ разбору, учены ли они или неучены, благонравны или добронравія неимѣющіе. Ежели бы право разумомъ предписываемое равно было съ правомъ естественнымъ, то и неученые, непросвѣщенные и грубонравные народы не имѣли бы естественнаго права, небывъ въ состояніи здѣлать положенія и заключенія, до сего утвержденные въ мнимомъ правѣ естества, ученостію просвѣщеннаго разума. По сему лишатся естественные законы главнѣйшаго законовъ свойства, то есть раздѣленія и извѣстности, постановленныхъ естествомъ не въ ученіи и въ благонравномъ существѣ людей; ибо все сіе принадлежитъ къ случайнымъ обстоятельствамъ, но когда мы право естества на естественныхъ побужденіяхъ основывать будемъ, то чрезъ сіе избѣжимъ сея великія погрѣшности, опровергающія всѣ разумныя понятія о законахъ. Законы естества познаны будутъ тогда отъ всѣхъ и каждаго, ибо естество побужденіями своими ко всѣмъ людямъ явственно говоритъ. Умоначертаніе сіе естественнаго права есть въ свѣтѣ весьма древно. Оно было уже въ просвѣщеннѣйшія Римлянъ времена и въ самое цвѣтущее Наукъ состояніе. Римские правоучители, имѣвшие великое знаніе какъ въ любомудріи, такъ и въ другихъ

тихъ частяхъ ученія основывали естественное право на естественныхъ побужденіяхъ, и объясняли его правомъ во всѣхъ тваряхъ естествомъ насажденнымъ.

§. 174.

3.) какъ духовнаго и разумнаго существа, имѣющаго законы, самимъ себѣ даемые.

Третій образъ разсмотренія естества нашего касается того, какъ человѣкъ есть духовное и разумное существо; и въ семъ случаѣ не имѣетъ онъ для себя иныхъ законовъ, кромѣ имъ самимъ себѣ даемыхъ. Естество и свойственное написаніе разумнаго существа, чемъ оно отъ прочихъ существъ отличается, состоитъ въ томъ, что само собою руководствуется; и сіе есть намѣреніе разума, безъ сего бы впрочемъ мало полезнаго. Слѣдовательно человѣкъ въ состояніи естественныя вольности не имѣетъ другихъ законовъ, кромѣ имъ самимъ сочиняемыхъ; и ежели бы онъ былъ совершенно разумнымъ существомъ; то бы и пребылъ навсегда въ состояніи естественныя вольности, не покаряясь уставамъ гражданскихъ учрежденій. Но какъ человѣкъ не съ самымъ умомъ раждается, а только со способностію къ оному, и можетъ доходить отъ нача́ла ума къ совершенному уму по степенямъ, а между тѣмъ размноженными желаніями поревается къ неизчетнымъ погрѣшностямъ и преступленіямъ (§. 10.), бывъ же вообще весьма ограниченнымъ существомъ, многимъ заблужденіямъ послушествующимъ, и сверьхъ того въ разсужденіи тѣлеснаго своего союза множеству различныхъ страстей раболѣпствующимъ, то посему и невозможно было ему остаться въ состояніи естественныя вольности, но долженъ былъ покориться законамъ гражданскаго учрежденія. И какъ онъ между

тѣмъ принадлежитъ къ разумнымъ существамъ; то наипаче изъ сея точки и надлежитъ взирать на его естество; и естьли мы въ точность разсудимъ, то и гражданскіе учреждении суть ничто иное, какъ законы имъ самимъ себѣ налагаемые. Соединеніе многихъ воль въ одну волю есть существенное основаніе общенародій (§. 23.); слѣдовательно и есть то такожде собственная его воля, и собственной его законъ, когда онъ вступаетъ въ гражданское учрежденіе. Отъ соединенія силъ и воль происходитъ начальная власть народа, сущая основаніемъ не токмо установленія верьховныя власти и положенныхъ во основаніе законовъ (§. 46.), но и верьховною властію даемыхъ узаконеній. И такъ по разнообразному разсужденію суть также и гражданскіе учреждении и законы повсюду собственные самаго человѣка уставы.

§. 175.

Сіи законы, самимъ человѣкомъ себѣ налагаемые, суть уставы разума, а имянно: 4.) вѣры.

Всѣ законы человѣкомъ, яко разумнымъ существомъ самимъ себѣ даемые въ состояніи естественныя вольности, суть законы разума, понеже оной есть въ семъ случаѣ единственной путеводитель, и свойственно сказать, законодатель; сіи законы суть разнообразны, и до вѣры касающіеся должны между ими первенствовать. Человѣческой умъ, по пришествіи въ довольное растѣніе, познаетъ, что онъ есть ограниченное созданное и зависимое существо. Разумъ же покажетъ, что ему надлежитъ въ разсужденіи Высочайшаго существа его произведшаго, быть всегда въ такой зависимости, въ которой онъ до своего произхожденія пребывалъ. Слѣдовательно и даетъ ему чрезъ то законъ, почитать Высочайшее сіе существо. И по сему богопочитаніе есть важнѣйшій и Высочайшій разума

зума законъ; и хотя оной по порядку человѣческихъ понятій и не первой, ибо безъ сумнѣнія надлежитъ предъитти великому числу другихъ понятій, пока умъ человѣческой познать можетъ зависимость свою и долгъ, почитать Всевысочайшее существо. И такъ какъ скоро умъ поставитъ себѣ великимъ закономъ богопочитаніе, то будетъ помышлять о другомъ родѣ служенія, которое бы сему Высочайшему существу угоднѣе было. По сему изобрѣтетъ, богослуженіе или вѣру; слѣдовательно законы или правила вѣры суть законы разума. Хотя не сумнѣнность сія касается и до ложныхъ вѣръ, однако и истинная и откровенная есть такое же твореніе разума. Богъ, являяся людямъ, употребляетъ къ тому извѣстные средства, свидѣтельствующіе знаками, являющими подлинность откровенія. Разумъ же долженствуетъ разсуждать, по свойству знаковъ сихъ, можетъ ли произойти отъ нихъ несумнѣнность божественнаго откровенія. Однимъ словомъ: для принятія истинныя вѣры надобно предшествовать увѣренію, происходящему единственно отъ разума, поступающаго въ семъ случаѣ съ совершенною свободою, и отметающаго иногда и истинную вѣру, ежели ему знаки откровенія, или основаніи правды вѣры предложены будутъ не ясно и не увѣрительно; почему истинныя вѣры увѣреніе и принятіе зависятъ отъ разума. И такъ во основаніи самомъ разумъ есть здѣсь законодатель. Онъ поступаетъ, такъ какъ вольной народъ, или область, пріемлющая законы другаго государства, и повелѣвающая своимъ сочленамъ оныя наблюдать по найденіи ихъ добрыми и полезными. Область сія для того не лишается свободы своея и власти законоданія; она можетъ чужіе сіи законы паки

отставить, когда оные чаемой пользы не приносятъ, или когда она сама въ доброте оныхъ усумнится. Такимъ же образомъ и разумъ оставитъ истинную вѣру, ежели злощастными какими убѣдится сумнѣніями, прежде бывшее увѣреніе преодолѣвающими. И такъ законы или правила вѣры суть всегда законы разума, сущаго въ семъ случаѣ законодателя. Сіе поистиннѣ было бы совсѣмъ инако, ежелибы всемогущему Богу соизволилось, явиться людямъ непосредственнымъ образомъ, и съ ними обществовать. Тогда бы былъ всемогущій Богъ единственнымъ вѣры законодателемъ, но какъ никому не придетъ на мысль утверждать сего бываемость то и подлинность моего разсужденія чрезъ сіе самое утверждается; чего ради и надлежитъ принять во основаніе служащимъ положеніемъ, что законы или правила вѣры суть законы разума.

§. 176.

Второй главной родъ законовъ разума есть народное право.

Второй главной родъ законовъ разума есть народное право. Когда разные роды въ состояніи естественныя вольности одинъ подлѣ другаго живутъ, не входя межъ собою въ сообщество, или въ иное какое обязательство, то бываетъ между ими много дѣлъ и случаевъ. И посему имѣютъ они нужду въ извѣстныхъ основаніяхъ и правилахъ, какъ другъ противъ друга поступать. Разумъ будетъ имъ предписывать, и соотвѣтствіе разныхъ произшествій, что въ подобныхъ приключеніяхъ такъ, а неинакъ поступлено, подаетъ одной сторонѣ право требовать, дабы другая въ настоящемъ случаѣ равномѣрно также поступила, естьли токмо не захочетъ оказать себя намѣренною къ разрушенію всякаго справедливаго содержанія между

жду обоими родами находящагося, и общимъ врагомъ человѣческихъ поколѣній. Такое же обстоятельство бываетъ и между разными обществами, въ сосѣдствѣ другъ подлѣ друга въ состояніи естественныя вольности живущими, не взирая на то пользуются ли они естественною свободою, или уже и составили гражданское учрежденіе; ибо сіи послѣдніе живутъ не смотря на то въ содержаніи другихъ народовъ въ естественной же вольности. Всѣ сіи народы, или общества имѣютъ необходимость въ извѣстныхъ основаніемъ служащихъ положеніяхъ и правилахъ въ разсужденіи отношенія ихъ съ другими; разумъ предписываетъ сіи правила, и разные соотвѣтствующіе случаи составляютъ право, народнымъ называемое. Въ разсужденіи права сего зависитъ все отъ принятыхъ народами правилъ, утвержденныхъ обыкновеніемъ, или послѣдовавшимъ при разныхъ случаяхъ въ молчаніи согласіемъ, такъ что есть и пребудетъ народнаго права правило, хотя бы оное и заблуждающимъ разумомъ предписано было. Варварскіе народы и самые человѣкоядцы имѣютъ свое народное право, какъ бы оно истиннымъ разумомъ малообразовано ни было. Ежели бы народъ плѣнныхъ своихъ прежде поядающей, захотѣлъ впредь живыхъ въ землю закапывать, то тѣмъ здѣлаетъ преступленіе народнаго права; и сосѣдственнные народы принудятъ его впредъ того не дѣлать, ибо они съ плѣнными отъ его народа также какъ и прежде поступаютъ. И такъ страхъ подобнаго поведенія и равнаго поступка есть сила и дѣйствіе народнаго права; и теперь видѣть можно, въ чемъ оное состоитъ свойственно, а именно: въ предписанныхъ истиннымъ или заблуждающимъ разумомъ правилахъ, и обыкно-

веніемъ, или въ молчаніи послѣдовавшимъ согласіемъ между народами утвержденныхъ положеніяхъ о содержаніи и поведеніяхъ вольныхъ государствъ между собою.

§. 177.

Третій родъ законовъ разума составляютъ нравственные и домовные законы.

Третій главной родъ законовъ разума въ состояніи естественныя вольности составляютъ нравственные и домовные законы. Принадлежащіе къ роду или разные роды вступившіе межъ себя въ соединеніе или общество должны другъ противъ друга наблюдать извѣстные должности и правила въ поведеніяхъ, соотвѣтствующіе общественному благу родовъ, или обществъ, взаимному вспоможенію, такожде покою и благопристойностямъ жизни. Разумъ паки предписываетъ такіе должности и правила и чемъ онъ просвѣщеннѣе есть, тѣмъ совершеннѣе бываютъ нравственные и домовные законы. Нравственное существо, и совершенство домовнаго правленія имѣютъ точное содержаніе съ растѣніемъ разума. Однако между тѣмъ нравственные сіи и домовные законы бываютъ большаго протяженія въ состояніи естественныя вольности, нежели въ общенародіяхъ. Все въ послѣднихъ сихъ гражданскими законами учреждаемое, долженствуетъ награждено быть нравственными и домовыми законами разума въ состояніи естественныя вольности, въ которой тишина и порядокъ не инако пріобрѣтаются, какъ нравственными добродѣтелями и добрыми нравами, и въ обществахъ межъ собою не далеко отстоящими; и по сему надлежитъ гражданскимъ узаконеніямъ имѣть всегда извѣстное соотвѣтствіе со нравами, о чемъ мы ниже пространнѣе изъяснимъ.

§. 178.

§. 178.

Сіи то суть законы для человѣка въ состояніи естественныя вольности, и изъ сего видѣть можно, что оные суть или необходимые законы тѣлеснаго его естества, или данные ему Богомъ и естествомъ, естественными побужденіями, или посредствомъ разума его ему возложенные. Естество требуетъ охранности своея; сіе есть намѣреніе предъзятое людьми какъ въ данныхъ человѣческому тѣлу законахъ, такъ и во врожденныхъ ему естественныхъ побужденіяхъ; человѣкъ же напротивъ того желаетъ своего благополучія. Сей предмѣтъ есть помаваніе естества, насадившаго въ человѣкѣ побужденіе къ самохраненію, и любленіе самаго себя: чего ради благосостояніе существа его собственнаго больше его трогаетъ, нежели благонадежность другаго существа. И такъ самоохраненіе и благополучіе составляютъ великое намѣреніе и предметъ всѣхъ человѣческихъ законовъ; слѣдовательно и разумъ дѣлая справедливое употребленіе законовъ естественныхъ и естественныхъ побужденій, и производя то, какъ будто бы законъ себѣ даетъ, долженъ всѣ основаніи ихъ и прáвила на семъ намѣреніи утверждать, и способные изъискивать къ достиженію сего средства. Надобно будетъ и намъ взирать всегда на сіи намѣреніи при означеніи основаній и прáвилъ для каждаго рода законовъ. Самоохраненіе и благополучіе есть намѣреніе всѣхъ сихъ законовъ.

§. 179.

Но не могутъ ли еще въ состояніи естественныя вольности быть другіе законы? Люди живутъ воономъ, такъ какъ нынѣ вольныя области, то есть безпрестанно принуждаютъ или принуждаются (§. 1.). Слѣдовательно и могутъ Могутъ ли люди покоренными быть принужденіемъ чу-

жимъ законамъ.

гутъ покорены быть чужимъ уставамъ. Подлинно; побужденіе къ самоохраненію и познаніе разума въ томъ, что лучше избрать между двумя злами малѣйшее, понуждаютъ иногда людей и въ состояніи естественныя вольности покаряться принужденіямъ другаго; и какъ въ состояніи семъ нѣтъ никакія власти, то и нѣтъ инаго средства, кромѣ принужденія на склоненіе другаго къ наблюденію справедливости естества и разума, ежели онъ добровольно на сіе не согласится. Однако между тѣмъ принужденіе не есть такой законъ, коему покоряемся, но договоръ, къ которому принуждаемся, и принуждающей другаго имѣетъ право увеличивать принужденіе въ такомъ токмо уваженіи, когда другой отрекается отъ исполненія естественныя правды и справедливости. Впрочемъ принудитель сей средства свои въ противность всѣмъ разума правиламъ выведетъ изъ предѣловъ намѣренія, что онъ справедливымъ и благоразумнымъ образомъ сохранять долженъ. Но въ такихъ справедливыхъ предѣлахъ не всегда люди себя содержали. Они не токмо справедливое принужденіе толь много расширяютъ, что здѣлаютъ его не справедливымъ, но еще и безъ всякія праведныя причины принуждаютъ другихъ людей къ намѣреніямъ своимъ; и тогда вопрошается, какое право остается на сторонѣ принуждаемаго, и что ему дѣлать надлежитъ по мѣрѣ законовъ естества и разума? По мнѣнію моему надобно здѣсь здѣлать различіе, принужденъ ли кто токмо къ договору, или къ дѣйствительному рабству, то есть къ признанію надъ собою господства. Ежели кто къ договору принужденъ явно непротивному естественному праву, то всячески обязанъ, оной

оной сохранять; ибо и принужденная воля есть воля же, произходя отъ выбора по разуму въ предпочтеніи малаго зла большому, и приждение въ состояніи естественныя вольности тѣмъ меньше можетъ договоръ здѣлать утвержденнымъ, ибо люди во онoмъ принуждаютъ или принуждаются безпрестанно. Жалоба въ естественномъ состояніи на принужденіе, есть жалоба на собственное свое естественное состояніе, и будетъ всегда безразсудна. Ежели бы предлогъ принужденія могъ уничтожить договоръ, то бъ невозможно было въ состояніи естественныя вольности никакихъ учинить прочныхъ условій, понеже сіе состояніе наиглавнѣйше есть состояніе принужденія, и предлогъ сей будетъ при исполненіи всякаго договора употребителенъ. Слѣдовательно тишинѣ и спокойствію въ семъ состояніи быть бы было никакъ невозможно, что противно разуму и намѣренію благополучія людей (§. 178.). Токмо въ общенародіяхъ можетъ принужденіе здѣлать договоръ недѣйствительнымъ, ибо оное идетъ противъ естества гражданскаго учрежденія, въ которомъ никто, кромѣ верьховныя власти или законовъ, права не имѣетъ, другаго принуждать. Вольные общества, живущіе въ состояніи естественныя вольности, не могутъ никогда сослаться на принужденіе къ испровержению дѣйствительности договора. Сіе есть противоборство естеству вещей. По справедливости исключаются изъ того договоры, явно естественному праву противные. Естественное право есть высочайшей законъ въ состояніи естественныя вольности; его никто не можетъ преступить, чтобъ не былъ потомъ почитаемъ врагомъ всего человѣчества. И такъ въ противность сему послѣдовавшіе договоры, хотя бы и добровольно учинены

нены были, признаваются по принужденію здѣланными. Другое же совсѣмъ обстоятельство бываетъ, когда кто въ рабство или въ услуженіе покаряется, то есть къ признанію надъ собою господства. Сіе есть принужденіе явно противное естественному праву, предпоставляющему вольность и равенство всѣхъ людей, что естество въ семъ случаѣ намѣреніе свое явственно открыло, давъ всѣмъ людямъ способность къ разсудку, то есть; мощь правишь самимъ собою. И такое протяженное принужденіе не согласуется со всякимъ намѣреніемъ, для котораго разумъ человѣческой подтверждаетъ принужденіе въ состояніи естественныя вольности, въ такомъ только уваженіи, чтобъ себя защищать и быть въ безопасности, такожъ преклонить и другаго къ наблюденію оказанной имъ справедливости. Въ такомъ смыслѣ хотя разумъ и не можетъ охуждать осторожности непріятеля, пока мы отъ него никакого еще страха не видимъ, но несовершенное намъ отъ него бываемое порабощеніе. А когда также и разумъ избирающій изъ двухъ золъ малѣйшее, принужденнымъ подастъ совѣтъ, покориться господству другаго, однако покореніе неможетъ продолжиться долѣе самаго страха происходящаго отъ величайшаго зла и принужденія. Какъ скоро сей изчезнетъ, то и покорности быть ужѐ не можно. Сіе естество принужденія въ рабство приведетъ насъ въ отдѣленіи о домовыхъ законахъ на разные основаніи и правила.

§. 180.

Второй главной родъ законовъ, а именно: го-

Теперь приступаемъ мы ко второму главному роду законовъ, долженствующихъ быть въ гражданскихъ учрежденіяхъ, хотя сіи и противополагаются состоянію естественныя вольности,

ности, однако законы обоихъ сихъ различныхъ состояній людей неизмѣнны пребываютъ. Въ состояніи естественныя вольности бываемые уставы, суть законы человѣка; и сей самой человѣкъ будетъ потомъ такія нибудь области гражданиномъ, не лишась свойства человѣческаго (§. 171.). И посему великая будетъ погрѣшность утверждать, что законы государственные уничтожаютъ законы человѣчества; первымъ непремѣнно взирать надлежитъ на сіи послѣдніе, и утверждаться на оныхъ, какъ на истинныхъ своихъ источникахъ; ибо гражданскіе учрежденія и законы, неимѣющіе основанія своего въ естествѣ человѣческомъ будутъ вздорные законы. Содержаніе сіе и сопряженіе гражданскихъ законовъ съ законами человѣчества, суть тѣмъ несумнительнѣе, ибо первые суть же безъ всякаго различія законы разума, сущаго по большой части законовъ человѣку предписателя, долженствующаго управлять человѣка почеловѣчеству, и показующаго естественныхъ законовъ наиглавнѣйшее исполненіе. Разумомъ люди въ гражданствѣ содержатся и народы земнаго круга управляются. Въ состояніи естественныя вольности издаетъ онъ больше общихъ предписаній; въ гражданскихъ же установленіяхъ старается общіе сіи положенія и правила сообразить на особливые случаи по состоянію людей и народовъ.

сударственныхъ, основывается на прежнихъ, почему и они суть законы же разума.

§. 181.

Законы суть необходимые изъ естества вещей, происходящіе содержаніи и опредѣленіи. И такъ какъ законы человѣчества вообще изъ естества его взяты быть должны, то равномѣрнымъ образомъ и законы государствъ долженствуютъ извлечены быть изъ естества ихъ

Государственные законы раздѣляются въ два главные рода, въ политич.

ческіе и гражданскіе.

и существа; сіе существо государства основано на намѣреніи онаго, состоящаго (§. 30. 3 .) въ общественномъ благополучіи, или въ томъ, чтобъ всѣхъ одинакихъ родовъ, народъ составляющихъ, благоденствіе соединено было съ общимъ благомъ. И посему какъ изъ народнаго существа, такъ и изъ существа каждыя области должны всѣ законы такимъ образомъ произходить; понеже они суть необходимыя содержанія и ближайшія опредѣленія сего великаго намѣренія. Правленія образъ, есть особливое естество каждаго государства, которое чрезъ то становится тѣмъ, что оно есть. Того ради непремѣнно надобно всѣмъ законамъ общества быть въ точномъ соотвѣтствіи съ правленіемъ своимъ. И такъ свойственно суть два главные рода законовъ въ каждой области, а именно: 1.) политическіе законы, опредѣляющіе особливое естество, то есть, образъ правленія въ государствѣ, или предписывающіе междоусобное содержаніе правителей и подданныхъ, и 2.) гражданскіе законы, произтекающіе особливо изъ существа государства, и которые суть необходимыя содержанія къ великому государствъ намѣренію, и общественному благополучію, или опредѣляющіе соединеніе особливаго блага съ общественнымъ благомъ.

§. 182.

Политическіе законы заключаютъ въ себѣ два особливые роды, а именно: государственное

Политическіе законы опредѣляютъ государства особливое естество. Изъ соединенія многихъ одинакихъ воль и силъ произходитъ народъ, или общенародіе въ общемъ разумѣніи: но какъ они разнообразны, то чрезъ сіе и не означивается ихъ особливость; сіе бываетъ тогда, когда народъ по силѣ величества своего и своея начальныя власти опредѣлитъ, какимъ обра-

образомъ соединенную свою силу и могущество во области своей производить (§. 46.). Законы для сего намѣренія учиненные, называются во основаніе положенными или основаніемъ служащими узаконеніями, и суть первые между политическими, понеже чрезъ нихъ опредѣляется особливое естество государства. Всѣ прочіе законы, постановляющіе содержаніе правительствующихъ и повинующихся, или разные степени народа, такожде преимущества, полученныя одною областію надъ другою, или данныя однимъ народомъ другому, принадлежатъ такожде къ политическимъ законамъ, ибо они или составляютъ естество и сопряженіе цѣлаго государства, или имѣютъ во оныя великое вліяніе. Того ради зависимость одной области отъ другія называютъ политическимъ рабствомъ; для того что оно имѣетъ великое вліяніе въ естество государства, и есть наизлополучнѣйшее онаго состояніе, которое правленія мудрость всѣми удобовозможными благоразумными мѣрами отвращать должна. Всѣ сіи роды политическихъ законовъ и установленій называются обыкновенно государственнымъ правомъ. Посемъ принадлежатъ къ политическимъ же законамъ, образъ и подобіе збора наличнаго государственнаго имѣнія, его управленія, и опредѣленіе разныхъ народа степеней въ учиненіе потребнаго содѣйствія къ сему имѣнію; все сіе касается до содержанія всея области и ея сопряженія. Сіи законы называются законами государственнаго домостроительства. И такъ политическіе законы раздѣляются въ два особливыя права, а именно: въ государственное право, и въ законы государственнаго домостроительства.

право и законы государственнаго домостроительства.

§. 183.

Гражданскіе законы раздѣляются въ свойственно такъ названные гражданскіе, и благоустройственные (полицейскіе).

Второй главной родъ законовъ государственныхъ составляютъ законы гражданскіе. Сіи суть особливо опредѣляющіе содержаніе гражданъ между собою къ великому намѣренію общественнаго благоденствія (§. 181.). Ихъ раздѣлить надлежитъ также въ два особливые рода, въ свойственно такъ названные гражданскіе, и въ благоустройственные. Свойственные гражданскіе законы, заключающіе въ себѣ такожде въ семъ случаѣ и наказательные, хотя въ разсужденіи многаго отъ сихъ и отличаются, основываются на намѣреніи междуусобнаго гражданъ отношенія въ ихъ собственности, правахъ, свободѣ и безопасности; какъ напротивъ того благоустройственные устремляются на то, чтобъ благо всѣхъ одинакихъ родъ содержано было непрестанно въ точнѣйшемъ соотвѣтствіи и сопряженіи съ общественнымъ благомъ, и особливо со всеобщимъ земли питаніемъ. Сіи то суть роды и раздѣленія законовъ, проистекающихъ изъ существа и естества государствъ.

§. 184.

Всѣ сіи роды и раздѣленія законовъ должны межъ собою весьма различаемы быть.

Всѣ сіи до сего предложенные разные роды и раздѣленія законовъ и правъ долженствуютъ между собою весьма различены быть. Каждой родъ имѣетъ особливыя свои основаніемъ служащія положенія и правила, долженствующіе извлечены быть изъ естества и намѣренія вещи, такожде и окружность дѣлъ и произшествій, которымъ въ рѣшеніи служитъ основаніемъ. Какъ скоро различіе сіе упущено будетъ; какъ скоро въ какомъ нибудь случаѣ такой родъ законовъ упо-

тре-

требится, гдѣ оной по естеству вещи не долженъ употребляемъ быть, то отворяется чрезъ то не токмо путь къ замѣшательствамъ, но и законы и права не здѣлаютъ нимало тоя къ благоденствію людей пользы, которую они по намѣренію своему производить долженствуютъ. И поистиннѣ надобенъ великой разумъ, дабы всѣ приключенія въ точность разсмотрѣть и увидѣть, къ какой окружности законовъ оныя принадлежатъ; до сего произходили при семъ неизчислимыя погрѣшности. Однако можно себя подлинно обнадежить въ томъ, что чемъ просвѣщеннѣе становится человѣческой разумъ, тѣмъ съ большею точностію и справедливостію при семъ поступаемо будетъ. Совершенство гражданскаго учрежденія по большой части зависитъ отъ сего.

§. 185.

Хотя всѣ законы разума сами собою и непремѣнны, бывъ необходимыми изъ естества вещей произходящими содержаніями и опредѣленіями, однако непремѣнность сія разумѣется только въ первѣйшихъ основаніемъ служащихъ положеніяхъ, и въ тѣхъ возможныхъ законахъ, которые совершенной человѣческой разумъ изобрѣсть въ состояніи. Но какъ человѣческое проницаніе и острота всегда бываютъ слабы и не совершенны, къ тому жъ еще въ состояніи людей и государствъ неизчетные случаи всякихъ перемѣнъ произходятъ, которымъ соотвѣтствовать должны законы разума, то посему и существующіе въ свѣтѣ законы разума подвержены всячески перемѣнѣ. Въ настоящемъ намѣреніи нашемъ законы тѣлесные не заслуживаютъ особливаго уваженія. И посему между

Особливо нужно сіе въ естественномъ правѣ, на которое всѣ прочіе законы безъ малѣйшаго поврежденія взирать должны.

всѣми законами людей и государствъ, законы естественные суть одни токмо непремѣнные; понеже въ разумѣнии семъ естество есть неизмѣнно, и печатлѣетъ законы свои во всѣхъ людяхъ съ величайшею ясностію и увѣреніемъ. Сего ради не токмо законы сіи естества долженствуютъ отъ прочихъ законовъ точно весьма различаться, но и всѣ государственныя узаконенія должны напередъ поставлять естественные законы за первое свое основаніе, и невредимость ихъ всеприлѣжно наблюдать, такъ что и ничего опредѣлить не могутъ, что онымъ противно. Ибо когда законодатели государствъ не поставятъ напередъ естества человѣческаго, и когда о гражданахъ своихъ не учинятъ напередъ человѣчеству сообразнаго разсужденія, то не могутъ тогда издать иныхъ законовъ, кромѣ чрезъестественныхъ, лютыхъ и мучительскихъ. Невредимость сія естественнаго права должна наблюдаема быть какъ въ политическихъ, такъ и гражданскихъ законахъ. Законы повелѣвающіе, чтобъ отцы и дѣти смертію казнены были, когда они не донесутъ о заговорѣ противъ мучителя и его наслѣдства, хотя бъ такіе недоносители и участія въ томъ не имѣли, а только про то знали, оскорбляютъ всѣ естественныя побужденія, и суть весьма жестоки. Равномѣрнымъ образомъ гражданской судія преступаетъ естественное право, когда бѣднаго человѣка накажетъ за то, что онъ укралъ хлѣба, или другой какой пищи для того, чтобъ съ голоду не умереть, понеже напрасное прежде стараніе прилагалъ дозволеннымъ образомъ сыскать себѣ пропитаніе. Побужденіе къ самохраненію превосходитъ всѣ гражданскія узаконенія.

§. 186.

§. 186.

Вѣра должна разсматриваема быть по собственнымъ ея уставамъ, а не по другимъ правамъ.

Надобность сію, чтобъ разные законы и права между собою смѣшены не были, наиболѣе надлежитъ наблюдать при законахъ или правилахъ вѣры. Она совсѣмъ отмѣнную отъ другихъ узаконеній имѣетъ окружность, и всѣ дѣла ея должны уединственно судимы быть по собственнымъ ея, а не по другимъ какимъ правиламъ. Каждой человѣкъ по собственному разума своего увѣренію есть здѣсь себѣ законодатель (§. 175.): и сея законодательныя власти своея не лишается онъ и въ обществахъ, ибо намѣреніе гражданскаго учрежденія ни посредственно, ни непосредственно не касается особливаго въ вѣрѣ каждымъ человѣкомъ поставляемаго намѣренія. Намѣреніе государствъ или обществъ устремлено на времянное благополучіе, намѣреніе же вѣры на вѣчное блаженство. Оба сіи намѣренія ничего общаго между собою не имѣютъ, и какъ соединеніе воль, яко существенное обществъ основаніе (§. 23.), не можетъ ничего больше касаться, кромѣ поставленнаго притомъ намѣренія; то посему воля гражданина въ разсужденіи вѣры не можетъ быть подвластна волѣ государственной, но пребудетъ также свободна какъ и въ состояніи естественныя вольности. Вѣра имѣетъ такожде совсѣмъ другія наказанія и награжденія, нежели въ гражданскомъ учрежденіи. Оныя награжденія и наказанія ея суть вѣчны, и такого пространства, что гражданскія ниже въ малѣйшее сравненіе со оными поставлены быть могутъ. Ежели государства захотятъ, свои наказанія и награжденія предписывать въ случаяхъ вѣры, то употребятъ вещи, къ сему совсѣмъ недѣйствительныя. И такъ здѣлаютъ мучительство безъ пользы и дѣйствія: и сіе будетъ наивеличайшею лютостію. Посему законы побуждающіе

щіе человѣка къ исповѣданію иныя вѣры, и за отпаденіе отъ вѣры, или за оказанное какое въ вѣрѣ сумнѣніе наказывающіе, суть всегда злы и мучительны. Они преходятъ предѣлы гражданскаго учрежденія, и оскорбляютъ священныя права человѣчества, сохраняющаго въ одной токмо вѣрѣ начальную свободу и независимость, и неотступающаго никогда отъ сего Богомъ дарованнаго ему преимущества. Сказанное сіе поставляетъ основаніемъ служащимъ правиломъ, дабы области законовъ своихъ на вѣру не инако разширяли, какъ по мѣрѣ вліянія ея въ благосостояніе государства, о чемъ мы ниже сего съ умноженнымъ объясненіемъ показать потщимся.

§. 187.

Народнаго права не надлежитъ никогда съ другими правами смѣшивать, а особливо съ гражданскимъ правомъ.

Такого же точнаго различія отъ прочихъ законовъ и правъ требуетъ народное право; на разрѣшеніе случающихся и къ оному принадлежащихъ дѣлъ не надлежитъ нимало употреблять гражданскихъ узаконеній. Право народное съ правомъ гражданскимъ суть между собою такъ противоборствующи, какъ состояніе естественныя вольности съ гражданскимъ учрежденіемъ, котораго законы наиглавнѣйше взираютъ на преимущественное всѣхъ и каждаго благоденствіе, служащее имъ первѣйшимъ основанія положеніемъ, и высочайшимъ правиломъ; какъ напротивъ того точное всѣхъ вольныхъ народовъ равенство, есть главнѣйшее основаніе народнаго права; изъ сего легко познается обоихъ сихъ правъ разность. И такъ когда въ дѣлахъ съ вольными народами употреблять государственные законы, то произойдутъ изъ сего правамъ противныя требованія, несправедливыя начинанія и невозможность, случающіяся споры дружелюбно прекращать; чрезъ что учащаются воен-

ныя злополучія. Въ (§. 40.) показалъ я тому примѣръ, и для того коль скоро какая область употребитъ или сошлется на какой нибудь государственной свой законъ въ рѣшеніи дѣлъ съ другимъ народомъ, то оскорбитъ тѣмъ преимущественность вольныхъ обществъ, и повредитъ священной союзъ, ихъ связующей. Достопамятной примѣръ такого оскорбленія показала Королева *Елисавета*, (а ежели подлинно то учинено безъ ея вѣдома, то ея министерство,) какъ Королеву Шотландскую *Марію* судомъ и приговоромъ казнили. Королеву сію, какъ явную непріятельницу можно было въ темницѣ держать, да и казнить, ежели она въ враждебномъ дѣлѣ подлинно найдена и обличена, только не судомъ и не приговоромъ. Такое оскорбленіе народнаго права Королевѣ *Елисаветѣ* мало чести здѣлало; но не взирая на сіе смѣшенія сего гражданскаго права съ правомъ народнымъ бываетъ можетъ быть больше, нежели себѣ воображаемъ; требованіе наслѣдства въ государствѣ по законамъ тоя земли, слѣдуетъ въ сіе жъ смѣшеніе народнаго права съ гражданскимъ; а по незнанію древнихъ временъ коль часто сіе случалось! что можетъ быть вздорнѣе сего, какъ желать, чтобъ право обладанія народомъ такое же было какъ и наслѣдство нѣсколькихъ четвертей земли въ государствѣ, и чтобъ преимущества народныя судимы были по тѣмъ правамъ, по которымъ простой народъ собственность недвижимаго имѣнія получаетъ.

§. 188.

Также надлежитъ нравственные и домовные законы отъ другихъ отличать, и подлежащія суду ихъ дѣла по прочимъ узаконеніямъ не рѣ- Также нравственные и до-

мовные законы, не должны съ другими смѣшены быть.

не рѣшить. Положеніе сіе пріемлется и въ гражданскомъ учрежденіи. Роды въ гражданствѣ, состоя, неперестаютъ быть родами, и главамъ ихъ надобно имѣть нѣкоторую знатность и власть для правленія оными; когда гражданскіе законы ихъ того лишатъ, то отнимутъ у нихъ въ тожъ время и средства къ поспѣшенію семействъ благоденствія. Большія части государствъ установленія суть съ симъ несогласны, ибо господамъ челядинцовъ своихъ наказывать запрещаютъ, да еще и бранить. Такіе законы повидимому не дѣлаютъ разности между господиномъ и рабомъ, между главою рода и его домочадцомъ, но предохранность сія свободы есть вздорна и несообразительна. Не взирая на то, что нынѣшніе служители наши (сочинитель говоритъ о своихъ) вольные люди суть, однако такъ долго принадлежатъ къ роду или семейству, пока служба ихъ продолжается, будучи притомъ гражданами и сочленами гражданскаго общества, въ которое дѣйствительно не прежде таковыми входятъ, пока не будутъ имѣть своего домостройства; а до учиненія сего признать его гражданиномъ, и требовать, чтобъ домашніе ссоры гражданскимъ судомъ разбираемы были, здѣлаетъ помѣшательство въ порядкѣ и превратитъ естество вещей; и мы бы такихъ безпутныхъ установленій никогда не имѣли, ежели бы ненасытная алчба судей всего къ себѣ не привлекала. Истинно доброму и мудрому правленію должно всегда взирать на намѣреніе людей въ гражданскихъ обществахъ. Когда глава рода, оставляя естественную вольность, вступаетъ въ общество или общенародіе; то будетъ весьма малосмысленъ, ежели притомъ уступитъ всю власть свою и преимущества, которыя онъ имѣлъ до сего надъ родомъ.

родомъ. Безъ сумнѣнія надобно ему оставить столько, сколько потребно къ составленію общества и къ поспѣшенію общаго блага. И такъ мудрое правленіе, включа справедливость сію во основаніе, имѣетъ долгъ злоупотребленіе домашнія власти прекращать и наказывать, но безъ истребленія ея самой. Состояніе народа зависитъ отъ состоянія одинакихъ родовъ, его составляющихъ; къ тому жъ и домовныя правительства, такожде и всѣ семействъ состоятельства имѣютъ великое вліяніе въ благоденствіе государства. Сіе есть великимъ основаніемъ служащее положеніе во всѣхъ государственныхъ установленіяхъ (§. 19.). И когда по сему роды находятся въ худомъ состояніи, и всякое внутренное претерпѣваютъ зло, то вредъ отъ онаго долженъ ощущаемъ быть всѣмъ обществомъ. Но не однимъ токмо испроверженіемъ домовнаго правленія въ разсужденіи служащихъ гражданскія установленія оскорбляютъ законы нравственные и домовные. Тоже весьма часто бываетъ въ разсужденіи женъ и дѣтей. Къ сему принадлежалъ оставленной нынѣ въ Англіи законъ, что дочь семи лѣтъ могла выбрать себѣ мужа безъ согласія на то родителей своихъ. Сей законъ оскорблялъ не токмо домовное право, но и естеству человѣческому противенъ былъ, ибо во ономъ не были уважаемы какъ зрѣлость ума такъ и тѣла.

§. 189.

Не должны такожде политическія и гражданскія права межъ себою смѣшены быть, хотя и суть оба одного и тогоже гражданскаго общества законы, но надобно каждое изъ оныхъ употреблять въ принадлежащихъ до него случаяхъ. Гражданскіе законы утверждаютъ куплю и

Политическіе и гражданскіе законы должны межъ собою весьма различены быть.

и продажу учиненные между людьми, имѣющими надлежащую способность и лѣта, къ произведенію справедливаго и никому необиднаго дѣйствія. Но ежели бы кто гражданскіе сіи законы захотѣлъ наклонить въ продажѣ какого нибудь государственнаго имѣнія, тотъ здѣлалъ бы великое злоупотребленіе, ибо сіе принадлежитъ къ политическимъ узаконеніямъ, полагающимъ неизмѣнность государственнаго стяжаніе основаніемъ, посредствующимъ къ общественному благоденствію. Такое же обстоятельство бываетъ и въ наслѣдіи владѣтелей или правителей. На сей случай надобенъ безъ сумнѣнія политической законъ. Но когда въ государствѣ на такія произшествія никакихъ установленій нѣтъ, то весьма будетъ неблагоразумно, недостатокъ сей наградить гражданскими узаконеніями, и наслѣдіе въ правленіи учредить по законамъ наслѣдства въ имѣніи частныхъ людей. Народъ въ семъ случаѣ долженъ здѣлать для сего надлежащей законъ. Но не въ одномъ семъ случаѣ смѣшиваются гражданское право съ политическимъ. Вообще примѣчать надлежитъ, чтобъ каждое право, или каждой родъ законовъ рачительно отличаемъ, и нигдѣ индѣ употребляемъ небылъ, какъ токмо въ дѣлахъ до него принадлежащихъ. Показаніе различенія каждаго права отъ всѣхъ прочихъ, и прямаго его употребленія есть дѣло весьма многотрудное. Господинъ *Монтескю* всю 26. книгу сочиненія своего наполнилъ изрядными о семъ примѣчаніями. Но не взирая на то назначилъ токмо путь къ труду, по достаточномъ и основательномъ испытаніи весьма полезнымъ быть могущему.

ТРЕТІЕ

ТРЕТІЕ ОТДѢЛЕНІЕ
О
ЕСТЕСТВЕННЫХЪ ЗАКОНАХЪ.

§. 190.

Естественныя побужденія всѣми людьми съ довольнымъ выраженіемъ ощущаемыя, и бываемыя въ нихъ безъ воли ихъ и разсужденія, такъ что имъ и о произхожденіи ихъ неизвѣстно, свидѣтельствуютъ о себѣ, что они суть законы естества (§. 173.). Всемогущій Богъ, сей великой и безконечной естества создатель есть безъ сумнѣнія естественныхъ законовъ постановитель; и такъ естественное право предпочтительно заслуживаетъ названіе божественнаго права; ибо никакой народъ въ семъ случаѣ всевысочайшаго Божества не можетъ не признавать началомъ, какъ скоро токмо будетъ въ состояніи, здѣлать нѣкоторое разумное примѣчаніе о сихъ естественныхъ побужденіяхъ; какъ напротивъ того предсужденіе воспитанія и крѣпость суевѣрія, якобы откровенныя вѣры просвѣщеннымъ и благонравнымъ народамъ неизчислимыя полагаютъ затрудненія, что естественныя побужденія, не вседобще Божественнымъ закономъ почитаются. Намѣреніе премудраго Творца при изданіи сихъ законовъ состоитъ въ сохраненіи человѣка и человѣческаго рода. Наияснѣйшимъ и наиувѣрительнѣйшимъ образомъ склоняются къ сему всѣ естественныя побужденія. Сіе намѣреніе согласно свойству его яко Создателя, по которому Онъ о сохраненіи своего творенія помышляетъ.

Богъ есть законодатель естественнаго права и намѣреніе Его состоитъ въ сохраненіи человѣка и человѣческаго рода.

шляетъ. Неодушевленнымъ тѣламъ даровалъ Онъ для сего непремѣнные законы и подкрѣпленія. Но одушевленнымъ тварямъ надобно было Ему даровать еще больше сего, на избѣжаніе истребленія своего при неизчислимомъ множествѣ случаевъ и опасностей. И такъ насадилъ Онъ въ нихъ побужденіе къ самоохраненію: и сего было довольно къ намѣренію Творца при созданіи всѣхъ безсловесныхъ одушевленныхъ тварей. Человѣкъ же сверьхъ сего получилъ способность ума; однако всемогущій Богъ оставилъ его притомъ собственному вожденію его, возхощетъ ли онъ средство сіе, благополучнымъ быть, дѣйствительно употребить къ своему благодѣнствію, или нѣтъ.

§. 191.

Самоохраненіе есть общее положеніе основанія естественнаго права.

И какъ намѣреніе сіе всемогущаго Бога и всѣми естественными побужденіями, и свойствомъ его яко Создателя не ложно свидѣтельствуется, то посему и самоохраненіе есть же великое и всеобщее основанія положеніе всего естественнаго права, къ тому жъ и первой и высочайшей законъ, всѣ прочіе естественнаго права уставы въ себѣ заключающей, и непосредственно производящей. Многіе естественнаго права учители приняли сіе самоохраненіе всеобщимъ основаніемъ естественнаго права, не бывъ притомъ въ состояніи доказать его повсемѣстности съ точнымъ обьявленіемъ слѣдствій произходящихъ изъ онаго всѣхъ другихъ законовъ. Но причину сего приписать надлежитъ не неисправности всеобщаго сего положенія, но несправедливому понятію, бывшихъ тогда естественнаго права учителей. Они не дѣлали различія между правомъ естественнымъ и правомъ разума (§. 173.); сверьхъ же того

дума-

думали они, что естественому праву надобно было дать такое пространство, дабы всѣ произшествія и ссоры между людьми въ гражданскихъ установленіяхъ по оному рѣшены быть могли. Напротивъ же того, учинившіе порядочное разсужденіе о основаніяхъ моихъ какъ въ предшедшемъ отдѣленіи (§. 173.), такъ и въ настоящемъ, должны увѣрены быть, что понятіе сіе естественнаго права и чрезмѣрное онаго разширеніе совсѣмъ ложны суть. Всемогущій Господь даровалъ естественое право для одного токмо сохраненія человѣческаго рода, получившаго умъ на пріобрѣтеніе благополучія. Въ семъ послѣднемъ случаѣ оставленъ человѣкъ, яко разумное существо, самому себѣ (§. 190.): и учиненіе обществъ хотя и есть его попускательная воля, однако не именная; чего ради и произходящія въ семъ состояніи человѣческія дѣла тѣмъ меньше принадлежать могутъ до окольности естественнаго права.

§. 192.

Изъ сего слѣдуетъ право собственныя своея обороны.

И какъ по сему самоохраненіе есть первѣйшей и высочайшей законъ естественнаго права, то невозможно быть никакому случаю и произшествію, въ которыхъ бы человѣку должно было оставить дарованное ему сіе отъ Бога толь великое преимущество. Во всѣхъ приключеніяхъ, гдѣ самоохраненіе его соблюдено быть не можетъ, безъ вданія въ опасность жизни другаго человѣка, всячески онъ извиняется, ибо Богъ даровалъ ему насажденіемъ естественнаго побужденія такое ощущеніе и право, что охраненіе собственныя жизни его больше его трогаетъ, и ему несравненно драгоцѣннѣе есть живота всѣхъ прочихъ людей. Собственная самаго себя оборона есть по сему не посредственное

ное слѣдствіе изъ перваго сего и высочайшаго закона естественнаго права: и никакой законодатель въ свѣтѣ не можетъ сего заказать, или признать оное преступленіемъ, не учинясь прежде злымъ мучителемъ человѣческаго естества, и непрекословныхъ правъ человѣчества. Изъ сего явствуетъ, что большая часть законодателей древнихъ Греческихъ обществъ имѣли весьма худое понятіе какъ о естествѣ человѣка, такъ и оправахъ естества; ибо подъ жестокимъ наказаніемъ невольникамъ запрещали обороняться противъ гражданина. Между тѣмъ, ежели оборона сія такъ далеко идетъ, что нападателя непремѣнно живота лишить надлежитъ; то надобно быть страху такъ велику и подлинчу, что нападенному по самому величайшему правдоподобію, какое токмо быть можетъ въ вещахъ человѣческихъ, живота своего никоимъ образомъ спасти было невозможно. Положенія утверждаемыя нѣкоторыми учителями, и состоящія въ томъ, якобы есть обязанность, честь свою и свое доброе имя, такожде имѣніе и добродѣтель женскаго пола смертію наступателя отмщевать, не суть согласны съ правомъ естественнымъ. Какія и коликія слабости! ежели себѣ вообразимъ, что Богъ, котораго намѣреніе состоитъ въ сохраненіи человѣка и человѣческаго рода, дозволилъ убить другаго человѣка для того, чтобъ соблюсти невредимость сумозбродства, и смѣха достойныхъ драгоцѣнностей, учиненныхъ нами о чести, имѣніи, женской добродѣтели, а можетъ быть и о дѣвственномъ цѣломудріи; они подлинно заслуживаютъ названіе сумозбродства, ежели слово идетъ о истинномъ естественномъ правѣ и жизни человѣческой, какъ бы они ни были драгоцѣнны въ другомъ раз-

разсужденіи и дѣйствительны по гражданскимъ установленіямъ; изъ сихъ начальныхъ основаній истолкователей правъ произтекаютъ прекрасныя ученія Езуитовъ, собранныя и изданныя на письмѣ по приказанію Португальскаго двора, и по которымъ можетъ быть честные сіи отцы думаютъ, что имѣютъ право непомѣрныя сокровища свои и ухищренно до сего полученное почтеніе умерщвленіемъ Государей, и паденіемъ цѣлыхъ государствъ, и народовъ охранять.

§. 193.

Принадлежащей до сего главнѣйшей законъ естества, есть исканіе пропитанія.

Побужденіе самоохраненія не въ одномъ токмо томъ состоитъ, чтобъ оборонять свою жизнь отъ нападенія другаго, и чрезъ то избѣжать опасности, но и сохранять животъ свой потребнымъ пропитаніемъ; и такъ главнѣйшей къ сему принадлежащей законъ естества есть сниканіе пищи. Сей естественной законъ есть толь несумнителенъ, и такъ мало зависящъ отъ нашего воображенія и разсужденія, что и дѣти новорожденные исполняютъ его, не получивъ еще нималѣйшихъ понятій. Какъ при защищеніи самаго себя, такъ и въ семъ случаѣ столько же мало такихъ приключеній быть можетъ, которыя бы были въ состояніи съ достизательнымъ основаніемъ ограничить сей законъ; къ тому жъ не можетъ во всемъ свѣтѣ никакого установленія быть, которое бы сему первому естественному закону противурѣчить и его лишить силы могло. Но вмѣсто того законъ сей предъидетъ всѣмъ прочимъ естественнымъ законамъ, и я сумнѣваюсь, можно ли кого съ основаніемъ наказать за то, ежели онъ находясь на кораблѣ или на пустомъ камнѣ въ морѣ, не

воз-

возмогши инымЪ образомЪ получить пропитанія, сЪЕстЪ собственное свое дитя, не взирая на то, что естество насадило вЪ насЪ кЪ дЕтямЪ нашимЪ толикую любовь. Такіе злощастные люди достойны сожалЕнія, а не наказанія, да и вЪ городЕ во время осады дЕйство сіе не можетЪ быть истязано, ежели никакого пропитанія больше не останется; хотя я притомЪ и содержу, что за ужасное сіе дЕло тЕ сЪ основаніемЪ наказаны быть долженствуютЪ, которые жестоковыйною своею обороною всякое уваженіе человЕчества ни во что вмЕнивЪ, такое состояніе причинятЪ. Но какЪ между тЕмЪ сей естественной законЪ ни неограниченЪ, однако разумЪ свойственно долженЪ дЕлать прямое онаго употребленіе, научая насЪ, избирать средство пропитанія нашего такимЪ образомЪ, чтобЪ оной соотвЕтствовалЪ благонравію и обычаямЪ тоя земли, и чтобы впрочемЪ непривлекЪ непріязни и гоненія другихЪ людей, вЪ гражданскихЪ же учрежденіяхЪ наказанія отЪ правительства.

§. 194.

Второй главной законЪ естества есть мирЪ.

Когда мы представимЪ себЕ человЕка вЪ состояніи естественныя вольности внЕ всякаго общества (§. 4.); то страхЪ есть второе его естественное побужденіе. Самоохраненіе дЕлаетЪ ему непрестанное о жизни попеченіе, и малЕйшая кажущаяся опасность возбуждаетЪ вЪ немЪ вниманіе, а чрезЪ то и страхЪ; и какЪ онЪ вездЕ, кромЕ слабости своея ничего не ощущаетЪ, то страхЪ сей еще больше усугубляется. ПровидЕніе Создателя, снабдившее жизнь человЕческую, кромЕ побужденія кЪ самоохраненію будто бы второю преградою, и изЪ далече научающее отЪ всякаго страха, насадило вЪ немЪ отпра-

отвращеніе, отъ всѣхъ болѣзненныхъ ощущеній: а сіе тѣмъ еще наивящше умножило естественное къ страху побужденіе; ибо человѣкъ хотя не лишенія жизни, однако другихъ болѣзненныхъ и непріятныхъ чувствованій опасается. Сіе къ страху побужденіе въ первомъ состояніи естественныя вольности должно было непремѣнно причинить, что люди другъ друга бѣгали; однако, взаимное опасеніе, ими другъ въ другѣ примѣченное, принуждаетъ ихъ, что они по большой части боязнь оставляютъ, и другъ друга ласково пріемлютъ. И такъ миръ между людьми есть второй естественной законъ. Воображаемое нами теперь о первомъ состояніи естественныя вольности, недолжно ограничено быть единственно на сіе состояніе. Побужденіе сіе къ страху является въ людяхъ какъ нынѣ, такъ и всегда. Когда на пустомъ островѣ или въ большомъ лѣсу человѣкъ съ человѣкомъ нечаянно повстрѣчаются, то сперва убоятся другъ друга, а потомъ съ обѣихъ сторонъ узрѣніе страха побудитъ ихъ миролюбно обойтися. Такимъ же образомъ, и разумъ произрастая, познаетъ естественныя побужденія, и старается, употребить оныя къ своему благополучію; слѣдовательно и весьма утверждаетъ сей второй естественной законъ, а именно миръ между людьми. Сей же разумъ, какъ скоро познаетъ побужденіе самоохраненія, долженъ изъ того естественнымъ образомъ здѣлать заключеніе, что полезнѣе будетъ для него ставить въ драгоцѣнность также и жизнь другаго человѣка; ибо легко можетъ усмотрѣть, что, когда онъ не сохраняетъ жизни другихъ людей, то и они такимъ же образомъ противъ него поступятъ, и что потому жизнь его большимъ опасностямъ подвержена будетъ. И такъ упо-

требленіе и обозрѣніе разума творитъ сей естественной законъ о наблюденіи мира между людьми отчасу дѣйствительнѣе; посему дивиться надлежитъ, какъ пришло *Гобезію* на мысль, брань общую между людьми здѣлать начальнымъ основаніемъ естественнаго права (§. 8.).

§. 195.

Третей законъ естества есть междуусобное мускаго и женскаго пола воздѣленіе.

Премудрый создатель, пекущейся нетокмо о сохраненіи человѣка, но и обезпрестанномъ продолженіи рода его, кромѣ всякаго сумнѣнія насадилъ къ тому въ немъ побужденіе; чего ради взаимное обоего пола возжделѣніе есть третей законъ естества. А дабы обоюдное стыдѣніе сему побужденію препятствія учинить не могло; то учредило естество, что одинъ полъ долженъ просить и наступать, а другой обороняться. И во всѣхъ звѣряхъ видимо, что естество даровало мужескому полу нападеніе, а женскому оборону. Выключая великихъ неспособностей, предлежащихъ женскому полу вовремя родовъ, суть много еще другихъ причинъ такого естественнаго учрежденія, разсмотрѣніе которыхъ больше принадлежитъ къ естествословію, нежели къ настоящему сочиненію. Между тѣмъ легко познается, что всѣ законодатели весьма изрядно поступаютъ, когда въ законахъ своихъ, касающихся до нравовъ воспитанія и честности, на премудрое сіе естества учрежденіе взираютъ и слѣдовательно надобно имъ въ семъ случаѣ пріучать женской полъ къ оборонѣ; какъ напротивъ того есть и будетъ ложное положеніе, вопреки сему естественному учрежденію идущее, ежели женскому полу, яко слабѣйшему, касательно сего предпочтительное послабленіе здѣлано будетъ. Какъ скоро женской полъ надежной путь въ законахъ

най-

найдетъ, похабствомъ замужъ выходить, (къ сему принадлежитъ извѣстной законъ, чтобъ мущина, на очрезатанной имъ женился, или бы покрайнѣй мѣрѣ приданымъ ея снабдилъ, хотя и не было притомъ о супружествѣ отъ него никакого обѣщанія;) какъ скоро воспитаніе такимъ образомъ рожденнаго младенца единствено мущинѣ предоставлено будетъ; и какъ скоро женщина сыщетъ въ законахъ защищеніе, хотя нетокмо не обороняется, но еще и прельщаетъ, то добрые нравы и честность много тѣмъ повредятся.

§. 196.

Побужденіе сіе къ рожденію имѣетъ быть разумомъ правимо.

Хотя побужденіе сіе само по себѣ, ежели не будетъ разумомъ правимо, и въ состояніи есть, произвесть не порядочныя смѣшенія обоего пола; (такъ какъ мы въ *Геродотѣ* и прочихъ древнихъ писателяхъ находимъ, что многіе народы въ первобытной своей дикости въ дѣторожденіи мало весьма отъ скотовъ разнились), однако не взирая на то не возможно сказать, чтобъ естество законы свои въ семъ случаѣ въ полномъ несовершенствѣ оставило. Закону сему о рожденіи спомеществуетъ еще оно другимъ естественнымъ уставомъ, состоящимъ въ побужденіи, любить рожденіе наше, о чемъ будемъ больше разсуждать въ слѣдующемъ §. Когда мы должны любить дѣтей нашихъ; то надобно намъ умѣть ихъ отличить отъ другихъ, а притомъ увѣреными быть, что они подлинно суть дѣти наши. Изъ сего явствуетъ, что многомужіе и прелюбы женскаго пола естественному закону противны; ибо чрезъ сіе неизвѣстность производится, которымъ отцамъ дѣти принадлежатъ; намѣреніе же естества видимо учреждаетъ, чтобъ мужъ съ женою сопряженъ былъ со изключеніемъ всѣхъ

другихъ. Еще слѣдуетъ изъ естественнаго сего побужденія, состоящаго въ любленіи дѣтей нашихъ, чтобъ мы ихъ возкормляли и воспитывали; изъ сего произходитъ также намѣреніе естества, чтобъ сопряженіе мужа и жены утверждено было не на короткое время, но по крайнѣй мѣрѣ до тѣхъ поръ, какъ дѣти возрастутъ. По мнѣнію моему можно уже и здѣсь найти наиглавнѣйшія свойства порядочнаго супружества. Между тѣмъ не отрицаемо есть, что разумъ въ провожденіи побужденія къ рожденію наиважнѣйше дѣйствовать долженъ, дабы избѣжать притомъ безпорядка; естеству надобно было и всемъ случаѣ предоставить нѣчто разуму, понеже предопредѣлено было человѣку, яко одаренной способностію къ уму твари, быть разумнымъ существомъ. Оное жъ естество приняло на себя трудъ, привесть въ порядокъ побужденіе къ рожденію своими уставами, по мѣрѣ касательности сохраненія рода человѣческаго. Намѣреніе его далѣе не разпространялось: слѣдовательно и могло оставить разуму стараніе человѣческое въ употребленіи сопряженія обоихъ половъ къ общему ихъ благополучію. По сему не сумнительно принадлежитъ разуму управленіе и умѣреніе побужденія къ рожденію и учиненіе расположеній, приличныхъ свойству и достоинству разумнаго существа, и которыя мнѣ здѣсь описать невозможно; ибо они принадлежатъ къ точному разсмотрѣнію естественнаго права; однако не могу преминуть, чтобъ не здѣлать о семъ примѣчанія. По мнѣнію моему безпорно требуетъ свойство разумнаго существа, не касаться жены своея, какъ скоро увѣреніе есть о зачатіи ея: подлинность же сія явна есть, когда дитя во утробѣ примѣтно вращается.

Разумному существу надобно имѣть при семъ самомъ по себѣ скотскомъ дѣйствіи намѣреніе умноженіе рода своего, а не утоленіе похоти. Видится мнѣ, что учители правъ, такое успокоеніе тѣлесныхъ желаній въ число намѣреній супружества полагающіе, не весьма исправно разсуждали. Сіе будетъ скотское намѣреніе, а неразумнаго существа, недолженствующаго напрасно истощать силы рожденія, какъ то и примѣръ *Онана* въ священномъ писаніи весьма омерзительнымъ представленъ. Поведеніе его, и соитіе съ чреватою женою, по мнѣнію моему суть одинаковы въ разсужденіи основанія и нравственности дѣйствія, коего кажется и естество не попускаетъ, насадивъ въ женскомъ полѣ почти всѣхъ звѣрей омерзѣніе отъ всякаго смѣшенія, какъ скоро почувствуютъ въ себѣ зачатіе. Однако трудно повѣрить, чтобъ омерзѣніе сіе было дѣйствомъ размышленія, но больше чаять надлежитъ, что соитіе по зачатіи извѣстныя причиняетъ болѣзненныя ощущенія, ими убѣгаемыя. Между тѣмъ очевидно есть чрезъ сіе естества намѣреніе, и то что разумъ охуждаетъ таковое смѣшеніе, то непремѣнно отъ сего воздержаться надлежитъ разумному существу, когда оно не захочетъ весьма оскорбить само естество, и не послушествовать разуму. Ежели же воздержанію сему по естеству человѣческому быть не возможно, что оставляю на разсужденіе другихъ, то произойдетъ изъ того непрекословно, а особливо когда человѣкъ не принадлежитъ къ тварямъ, въ извѣстное время побужденіе къ рожденію ощущающимъ, что многоженство на правѣ естественномъ основано. А ежели пяти или шестимѣсячное воздержаніе возможно, по естеству человѣческому, то мно-

многоженство бывЪ уже тогда единственно противостоянïемЪ разумнаго права, вЪ разсужденiи дозволенiя или запрещенiя вЪ области, будетЪ зависить отЪ обстоятельства страны воздуха, отЪ излишнаго множества женщинЪ, и отЪ необходимости оселенiя.

§. 197.

Любовь кЪ дѣтямЪ нашимЪ есть четвертой главный законЪ естества.

Естественное побужденiе кЪ люблѣнiю дѣтей нашихЪ сочиняетЪ четвертой главной законЪ естества, и произходитЪ по видимому изЪ самолюбiя, по коему мы влюблены во все отЪ насЪ произходящее, какЪ вЪ искусное творенiе рукЪ нашихЪ, такЪ и вЪ отрожденное духомЪ нашимЪ. Однако я не надѣюсь сего утвердить, ибо примѣчаю, что имѣющiе великое самолюбiе, дѣтей своихЪ не весьма любятЪ; и сiе соотвѣтствуетЪ сЪ естествомЪ чрезмѣрнаго самолюбiя, ни о чемЪ кромѣ себя самаго не пекущагося. Между тѣмЪ когда любовь кЪ дѣтямЪ нашимЪ была бы слѣдствiемЪ самолюбiя, то бы должно ей быть вЪ высочайшей степени у самолюбивѣйшихЪ. И такЪ вѣроятнѣе кажется, что любовь кЪ дѣтямЪ нашимЪ есть особливое побужденiе всемогущимЪ БогомЪ насажденное; и подлинно предвѣчная премудрость вЪ охраненiи человѣческаго рода весьма дѣятельною здѣсь является. Не взирая на сiе естественное побужденiе много бываетЪ родителей противоестественныхЪ, отметающихЪ или и убивающихЪ дѣтей своихЪ, для своея способности, сластолюбiя и роскоши, на избѣжанiе стыда, рѣдкоже изЪ бѣдности. Ежели бы всемогущiй БогЪ не насадилЪ сего побужденiя вЪ существѣ; то бЪ весьма мало было людей, или и совсѣмЪ бы не сыскалось, которые бы приняли на себя сей великой трудЪ и сiе великое попеченiе, требуемыя воспитанiемЪ дѣтей. Слѣдствiя изЪ сего по-

побужденія къ дѣтямъ нашимъ состоятъ въ томъ, чтобъ мы ихъ кормили, воспитывали, охраняли, обороняли и старались бы споспѣшествовать благополучію ихъ, отвращать же всякую отъ нихъ вредоносность. Всѣ государственные законы, ежели они не противоестественны, не мучительны, но справедливы, должны уважать естественное сіе побужденіе; чего ради и немогутъ требовать отъ родителей того, что дѣтямъ ихъ произвесть можетъ вредъ и нещастіе: и я незнаю еще, заслуживаютъ ли подлинно великую похвалу многими приписуемую. Тѣ толь славныя Римлянъ добродѣтели, по которымъ они любовь къ отечеству весьма предпочитали любви къ дѣтямъ своимъ. Сіи Римскія добродѣтели могутъ возбудить удивленіе, превосходя всѣ умоначертанія и превышая самое естество. Но въ самомъ дѣлѣ можетъ ли то быть хорошо и похвально, что естеству противно? о семъ я совсѣмъ инаго мнѣнія. И въ семъ случаѣ надобно разуму здѣлать прямое употребленіе сего естественнаго закона и провождать и управлять сіе побужденіе. Разумомъ не правимая любовь, будетъ и для дѣтей вредительна; а особливо, когда мы есьмы разумные существа, такожде и дѣти способность имѣютъ таковыми быть, то надлежитъ всему попеченію нашему устремляться на образованіе духа ихъ, и на учиненіе ихъ самихъ разумными существами. Стараніе въ наученіи дѣтей нашихъ такъ, чтобъ они со временемъ содержать, пропитать, и произвесть себя могли, есть также непосредственное слѣдствіе сего естественнаго закона. Мы видимъ и въ животныхъ, что они обучаютъ дѣтей своихъ бѣганію, летанію, похищенію и всему тому образу и подобію, какъ сыскивать

пропитаніе. Слѣдовательно ужѐ мы, будучи разумными и просвѣщенными предъ ними существами, долженствующими находить пропитаніе наше совсѣмъ инымъ образомъ; то изъ сего произходитъ долгъ родителямъ, дѣтей своихъ обучать, чтобъ они обыкновеннымъ между благонравными людьми образомъ пропитать себя могли, и произойти. Господинъ *Монтескю* (6) заблуждаетъ посему, когда онъ, разсуждая объ одномъ Аѳинскомъ законѣ, признаетъ должность родителей, обучать своихъ дѣтей, гражданскимъ закономъ. Долгъ сей есть подлинно законъ, но законъ естественной.

§. 198.

Пятой естественной законъ есть любовь и благодарность дѣтей къ родителямъ.

Любовь и благодарность дѣтей къ своимъ родителямъ есть пятой законъ естества, основанной на естественномъ побужденіи: и по мнѣнію моему произходитъ изъ благоугодности и веселости пріятныхъ ощущеній, безспорно принадлежащихъ къ естественнымъ побужденіямъ, такъ какъ мы съ природы имѣемъ отвращеніе отъ всѣхъ болѣзненныхъ чувствованій. Таковое дѣйствіе любви и благодарности за полученныя пріятныя ощущенія видимъ мы безспорно въ малыхъ дѣтяхъ къ ихъ кормилицамъ, прежде нежели понятія и разумъ дѣйствовать въ томъ могутъ. Однако по мнѣнію моему не справедливо разсуждаютъ признающіе почтеніе дѣтей къ своимъ родителямъ естественнымъ закономъ. Оно безъ сумнѣнія есть дѣйствіе ума. Чтобъ имѣть къ кому почтеніе, то надлежитъ безспорно признать и познать совершенно зависимость, въ которой мы къ нему состоимъ, также и защищеніе и благодѣянія, намъ отъ него бываемыя. Между тѣмъ не будетъ погрѣшительно, когда по-

(6) Въ *разумѣ законовъ* част. V. книг. XXVI. гл. 5.

почтеніе дѣтей къ родителямъ примемъ за употребленіе и объясненіе, чинимыя разумомъ при семъ естественномъ законѣ, такъ какъ онъ то дѣлать долженъ и при всѣхъ естественныхъ законахъ, о чемъ мы и показали. Какъ всѣ роды гражданскихъ законовъ и политическихъ почтеніе должны имѣть къ естественнымъ законамъ, то и надобно имъ взирать на сей естественной законъ, и ничего такого не утверждать, что противно есть любви, почтенію и благодарности дѣтей къ ихъ родителямъ. Весьма будетъ безумно, когда сынъ, имѣющей въ государствѣ высокой чинъ, станетъ поcѣдать отца, что нѣкоторые и изъ отцовъ за особливую честь себѣ вмѣняютъ. Какимъ образомъ сіи глупцы подумать могли, что случайное установленіе государственное можетъ уничтожить порядокъ естества? Прежде всего надлежитъ имъ разсуждать о себѣ по человѣчеству, а потомъ уже какъ о членахъ и слугахъ государственныхъ.

§. 199.

Наконецъ должны мы разсуждать о общительности, какъ о шестомъ естественномъ законѣ. Въ сіе число полагаемъ ея для того, что она происходитъ уже изъ прочихъ естественныхъ побужденій, отчасти же отъ разума. Мы выше (§. 5.) объяснили трудность доказанія того, что общительность сама собою есть естествомъ насажденное побужденіе; чего ради (§. 6.) и показали, что оная наиглавнѣйше раждается изъ познанія великихъ прибытковъ, отъ общественнаго вспоможенія произходящихъ. Познаніе же сіе предпоставляетъ разумъ, и слѣдовательно есть оная по большей части законъ разума. И какъ между тѣмъ общительное житіе въ состояніи естественныя вольности быть может

Шестой законъ естества есть общительность.

жетъ и дѣйствительно есть, то по сему и занимаетъ мѣсто между естественными законами, а особливо для того, что по крайней мѣрѣ посредственно отъ естественныхъ побужденій начинается. Самолюбіемъ нашимъ находимое удовольствіе въ пріятныхъ ощущеніяхъ, побуждаетъ насъ искать всѣхъ возможныхъ прибытковъ, спокойностей и пріятностей жизни. И такъ какъ скоро разумъ откроетъ намъ глаза, на узрѣніе великихъ выгодъ, отъ общительнаго вспоможенія бываемыхъ, то въ тожъ самое время поострятъ насъ вышесказанныя естественныя побужденія на снисканіе оныхъ; и слѣдовательно преклоняютъ насъ къ общительности посредственнымъ образомъ. Въ семъ случаѣ дѣйствуетъ такожде и страхъ, будучи естественнымъ побужденіемъ. Какъ долго человѣкъ разума не имѣетъ, то такъ долго чуждь есть и страха; въ такомъ состояніи были бы люди хищные звѣри, больше другъ друга удаляющіеся, нежели въ обществѣ живущіе (§. 5.). Но какъ скоро познаніе и разумъ оказываться начнутъ, то почувствуютъ люди повсюду слабость свою и такъ страхъ въ нихъ родится, по чему миръ есть изъ первѣйшихъ естественныхъ законовъ (§. 194.); и для того страхъ побуждаетъ людей равномѣрно къ общительной жизни, ибо они видѣть могутъ, что общество творить каждаго сильнѣе, нежели онъ самъ по себѣ быть можетъ. Шестой сей естественной законъ о общительной жизни есть великаго протяженія, и заключаетъ въ себѣ многіе еще роды законовъ, въ разсужденіе которыхъ мы здѣсь для того не входимъ, потому что намѣреніе наше состоитъ въ томъ, дабы показать начальныя основанія естественнаго права.

ЧЕТВЕР-

ЧЕТВЕРТОЕ ОТДѢЛЕНІЕ
О
ЗАКОНАХЪ или ПРАВИЛАХЪ ВѢРЫ.

§. 200.

Почитаніе всевысочайшаго Существа, насъ создавшаго, есть главнѣйшей и важнѣйшей законъ разума, изъ чего происходитъ богослуженіе или вѣра (§. 175.); слѣдовательно и первѣйшее правило не токмо истинныя вѣры, но и всѣхъ вѣръ вообще и у всѣхъ народовъ. Я не нахожу еще основанія приписать сіе врожденному побужденію. Такое умоначертаніе противорѣчитъ прочему естеству человѣка; какъ между тѣмъ образъ и подобіе произхожденія всеобщаго богопочитанія могутъ зделаны быть удобопонятными. Самой малѣйшей, и едва проникающей человѣческой разумъ познаетъ великую слабость, въ естествѣ своемъ находящуюся, и нималѣйшія защиты ему не дѣлающую отъ множества приключеній животъ его прекратить могущихъ. Къ сему способствуетъ еще и страхъ, насажденной въ немъ естествомъ на его охраненіе (§. 194.). Существо, ощущающее повсюду великую слабость свою, случайность и удобность разрушенія, приводится естественнымъ образомъ къ зависимости всевысочайшаго Существа, и старается, чтобъ сыскать у него защищеніе въ награду маломочія своего, и ежели разумъ его еще слабъ, и не можетъ истиннаго Бога познать; то скорѣе предается препростѣйшему

Богопочитаніе есть всевысочайшей вѣры уставъ, и въ извѣстномъ разумѣніи общъ всѣмъ народамъ.

и

и безразсуднѣйшему идолопоклонству, нежели себя почтетъ довольно сильнымъ, быть безъ защиты всевысочайшаго Существа. Смѣху достойное идолопоклонство на берегахъ Африканскихъ, по которому каждой выбрать себѣ можетъ *Фетиша* или идола, изъ чего бы то ни было, звѣрь ли, дерево ли, или камень, или какое ни есть животное, произошло безъ сумнѣнія изъ познанія великія человѣческія слабости и изъ необходимости преимущественнаго охраненія. Въ семъ смыслѣ достойны всѣ идолопоклонники сожалѣнія. Ощущеніе крайняго безсилія заставляетъ ихъ искать высочайшаго Существа; но разумъ ихъ не имѣетъ еще силы на познаніе истиннаго Творца. И такъ по необходимости заблуждаютъ они. Надлежащимъ образомъ не долженъ народъ въ тотчасъ приступать къ постановленію своего богослуженія, но прежде испытать, истинно ли или затѣянно есть преподаваемое ему откровеніе. Однако сіе вовсе невозможно. Боязнь и чувствованіе очевидныя слабости, побуждаютъ людей къ почитанію всевысочайшаго Существа; а ежели бы они увидѣли, что по недостатку разума не въ состояніи еще суть, учредить истиннаго богослуженія, то надобно, чтобъ они уже весь въ полности разумъ имѣли, чего имъ однако не достаетъ; по сему и ложное богослуженіе есть не избѣжимо почти для всѣхъ народовъ во время ихъ невѣжества; а изъ сего слѣдуетъ, что каждой народъ, по довольномъ просвѣщеніи разума своего, долженствуетъ возъимѣть справедливое подозрѣніе противъ принятой въ крайней своей грубости вѣры, а потомъ оную предать точному, мудрому и безпристрастному испытанію. Ежели бы въ Китаѣ вводима была всеобщая вѣра, и ежели бы при-

притомъ ученые и разумные Китайцы совсѣмъ другія отъ подлаго народа вѣры не имѣли, то бы всеконечно произошло тамъ нужное сіе вѣры разсмотреніе.

§. 201.

По сему безбожники въ благонравной области нетерпимы.

Я весьма не согласенъ съ мнѣніемъ господина *Беля*, утверждающаго быть лучше безбожникомъ, нежели идолопоклонникомъ. Мнѣніе сіе подкрѣпляетъ онъ весьма бѣднѣйшими основаніями, не приносящими ему ни малыя чести. По моему разсужденію довольно видимо изъ предшедшаго §.), что идолопоклонникъ достоинъ всегда сожалѣнія и прощенія; но безбожника что можетъ оправдать? Мнѣнія сего развратнаго не можетъ онъ производить изъ недостатка прозрѣнія и разума; ибо на него больше полагается, нежели на увѣреніе всѣхъ другихъ людей; а при такомъ о себѣ высокомысліи не знать зависимости человѣческія отъ всевысочайшаго Существа, произтекающія толь явственно и несумнѣнно изъ всѣхъ человѣческихъ обстоятельствъ, и изъ всего естества, есть весьма великое заблужденіе, жалости и снизхожденія ни мало не заслуживающее. Безбожіе, изъ котораго произходитъ понятіе независимости, или наиболѣе востаніе противъ высочайшаго Существа, наноситъ весьма великой вредъ роду человѣческому, и творитъ исполненнаго онымъ человѣка вовсе не способнымъ къ должному наблюденію необходимаго союза человѣческаго общества, такъ что онъ въ благонравной области терпимъ быть не можетъ. Противное мнѣніе Господина *Волфа*, что атеистъ способенъ ко всѣмъ должностямъ гражданскія жизни, принадлежитъ безъ сумнѣнія въ число многихъ другихъ заблужде-

блужденій сего Философа, а особливо такихЪ, которые ему мало чести дѣлаютЪ. Пустай атеистЪ преисполненЪ будетЪ положеніями чести? Придайте ему еще желаніе кЪ почитанію своихЪ сограждан! Пусть увѣренЪ будетЪ о необходимостяхЪ общественныя жизни и происходящихЪ изЪ того должностей! Но какЪ скоро будетЪ вЪ такомЪ состояніи, что злодѣйство никоимЪ образомЪ открыто, и слѣдовательно всѣмЪ симЪ положеніямЪ вредно быть не можетЪ; то не усумнится тогда, все желаемое исполнить; понеже по правиламЪ его всякое дѣйствіе по естеству своему ни хорошо ни худо, но бываетЪ таковымЪ по человѣческимЪ законамЪ; и какЪ онЪ всемогущаго Бога не признаваетЪ, то и не страшится будущихЪ наказаній. *Люди отрицающіе, что дѣйствія сами по себѣ не имѣютЪ никакія нрапотпенности, но получаютЪ оную отЪ законовЪ, суть всегда опасны.* И потому кажется мнѣ, что и тѣ деисты терпимы быть не могутЪ, которые Бога признаютЪ такимЪ образомЪ, будтобы онЪ ни малаго о человѣкѣ попеченія, такожЪ и вЪ существѣ своемЪ вѣчныхЪ законовЪ блага и зла не имѣетЪ. Такое богопочитаніе есть то же что и безбожіе. „Говорить, что нѣтЪ ничего справедливаго и „несправедливаго, кромѣ законами повелѣннаго „и запрещеннаго, будетЪ тоже, какЪ и утверждать, что всѣ полупоперешники были между собою прежде не равны до написанія цѣлаго круга„. Сіи суть слова господина *Монтескю* (7) весьма изрядныя и удостовѣрительныя. Однако я ни мало не почитаю за нужное налагать вЪ области наказаніе на атеистовЪ и деистовЪ;

(7) *ВЪ разумѣ законовЪ* часть I. книг. I. гл. I.

денствовъ; государству въ семъ случаѣ инако дѣлать не надлежитъ, какъ выгнать ихъ изъ своихъ предѣловъ, коль скоро о нихъ совершенно увѣрится, что они таковы суть и такое зловредное ученіе явно разсѣваютъ. Исповѣданія вѣръ не принадлежатъ къ намѣреніямъ и должностямъ гражданскихъ обществъ (186); слѣдовательно и неподвержены въ области никакой власти и наказаніямъ. Ежели кто захочетъ для того сихъ людей наказывать, чтобъ мстить божество, то и сіе основаніе есть также недостизательно. Люди не имѣютъ къ сему повѣренности, слѣдовательно и права. Изъ сего произойдетъ наиболѣе оскорбленіемъ правъ всевысочайшаго Существа, могущаго производить такое мщеніе и наказаніе, въ разсужденіи всевѣдѣнія своего о томъ, коль далеко простираться можетъ снисхожденіе слабости, несовершенству, утѣсненному уму, незнанію и поврежденному естеству человѣческимъ.

§. 202.

Второе положеніе основанія состоитъ въ томъ, что вѣра должна имѣть свои прáвила и наказанія, произходящія изъ собственнаго ея естества.

Мы показали выше (§. 186.), что какъ прáвила вѣры съ другими законами никогда смѣшены, такъ и свѣтская власть и наказанія притомъ употребляемы быть не долженствуютъ. Изъ сего слѣдуетъ второе основаніемъ служащее положеніе для законовъ или прáвилъ вѣры, а именно: вѣра должна имѣть собственныя свои изъ ея естества произтекающія прáвила, и никогда не употреблять гражданскихъ законовъ и наказаній. Исправность сего положенія явствуется изъ существа законовъ. Законы суть необходимыя изъ естества вещей произходящія содержанія и опредѣленія; то по сему должны законы или прáвила вѣры быть необходимыми содержаніями и опредѣленіями изъ естества

самыя

самыя вѣры. Выключая вѣчныя награжденія и наказанія, особливо вѣрѣ свойственныя (§. 186.), не могутъ правила вѣры въ иномъ чемъ состоять, какъ въ налагаемыхъ покаяніяхъ, духу и естеству вѣры согласныхъ, въ лишеніи духовныхъ благотворствъ, даемыхъ вѣрою общчикамъ своимъ по утвержденнымъ своимъ основаніямъ; величайшее же наказаніе ея есть и будетъ конечное изключеніе изъ сообщества вѣрныхъ. Всѣ сіи наказателиныя предписанія употребляемы быть долженствуютъ токмо при нарушеніи основаніемъ служащихъ положеній и должностей вѣры, кои суть собственные ея уставы. Они не могутъ быть въ гражданскихъ и смѣшенныхъ дѣйствіяхъ. Вообще вѣра должна во всѣхъ своихъ правилахъ, и наказаніяхъ являть себя кроткою. Сіе есть особливое ея написаніе, и безъ него едва ль можетъ она быть истинная. Менѣеже всего да недерзаютъ слуги вѣры при такихъ наказаніяхъ примѣшивать собственныхъ своихъ прихотей и пристрастій, и одни не могутъ быть судіями въ положеніи оныхъ. Они исполняютъ службу вѣры, но несуть судіи вѣрныхъ. Чинъ и званіе ихъ состоитъ въ служеніи, наученіи и увѣщаніи; и какъ скоро одни они примутъ на себя судъ, то не рѣдко преступаютъ предѣлы власти своея. Сіе самое произвело духовное самовластіе папежства. Каждое вѣрныхъ собраніе составляетъ духовное тѣло, общественность, и свободное общество, въ разсужденіи вѣры въ состояніи естественныя вольности находящееся (§. 186.); слѣдовательно и судитъ одно оно о томъ, заслуживаетъ ли кто, изключену быть изъ его сообщенія или нѣтъ. По сему и свѣтская власть недолжна вступаться въ собственныя правила и наказанія вѣры, такъ и вѣрѣ не надлежитъ требовать

вспоможенія отъ свѣтскихъ наказаній; ибо первой надобно наблюдать одинъ порядокъ. Коль скоро знатность верьховныя власти и правительства правиламъ и наказаніямъ вѣры могутъ здѣлать воспящение; то послѣдуетъ изъ того ненаблюденіе сихъ правилъ отъ всѣхъ знатныхъ, или управительства защиту нашедшихъ, и скоро потомъ произойдетъ въ вѣрѣ самой холодность. Первенствующая церковь, будучи еще во время языческихъ Цесарей, которые въ законы Христіанскія вѣры нимало не вмѣшивались, поступала во всемъ по утверждаемымъ нами теперь положеніямъ. Общество вѣрныхъ избирало служителей вѣры и разсуждало о свойственныхъ правилахъ и наказаніяхъ ея.

§. 203.

Изъ сего слѣдуетъ второе основаніемъ служащее положеніе, что каждой подданной долженъ судимъ быть по правиламъ своея вѣры, хотя оная въ области токмо терпимая и ложною почитается. Основаніе сіе идетъ такъ далеко, что хотя гражданскіе законы и дозволяютъ терпимою и за ложную признаваемою вѣрою запрещенное; однако гражданинъ сея терпимыя вѣры судимъ будетъ за преступленіе того, не по законамъ области, но по правиламъ собственнаго своего исповѣданія. Слѣдующей примѣръ изъяснитъ сіе внятнѣе. Галберштатской житель Римскокатолическаго вѣры исповѣданія, именемъ Беркмейеръ, женился въ такомъ свойствѣ, которое по Прускимъ гражданскимъ законамъ хотя и дозволено, однако Римскокатолическія вѣры правилами запрещено было. Какъ Беркмейеръ не получилъ на то Папскаго дозволенія, то Доминиканы Галберштатскіе отлучили его отъ исповѣди и причастія. О семъ

Изъ сего слѣдуетъ что каждой подданной долженъ судимъ быть по законамъ своея хотя и ложныя вѣры.

жаловался онъ правительству въ Галберштатѣ, которое, думая, что Доминиканы не могутъ и недолжны наказывать дѣйствія дозволеннаго тоя области законами и королевскимъ установленіемъ, а особливо, что Папежской судъ по силѣ Вестфальскаго мира, въ такъ называемыхъ Евангелическихъ земляхъ никакія силы не имѣетъ, склонилось было, защитить Бермейера противъ Доминикановъ. Может быть и многіе другіе правительства были бы такого же мнѣнія. Но какъ дѣло сіе дошло до Его Королевскаго Прусскаго Величества, то въ 1749. году Апрѣля 1. дня послѣдовало Королевское повелѣніе, съ такимъ постановленіемъ, чтобъ Беркмейеръ, доколѣ Римскимъ католикомъ пребудетъ, судимъ былъ яко сочленъ, по правиламъ того вѣры исповѣданія. Беркмейеръ преступилъ законъ своея церкви и Доминиканы наложили на него наказаніе правилами вѣры ихъ предписанное. И такъ чрезъ то нимало неоскорбили они государственныя власти, и тоя области узаконеній.

§. 204.

Третіе основаніемъ служащее положеніе есть то, чтобъ вѣра никогда принужденія не употребляла.

Третіе главное основаніемъ служащее положеніе вѣры есть то, чтобъ она никогда не употребляла принужденія. Естество вѣры состоитъ въ увѣщаніи, въ увѣреніи, а не въ принужденіи. Сіе слѣдуетъ изъ существеннаго свойства правилъ вѣры, сущихъ законовъ разума, и въ коихъ каждаго человѣка разумъ съ совершенною свободою, яко законодатель поступаетъ (§. 175.); такожде и изъ естественныя вольности, въ которой всѣ люди въ разсужденіи вѣры живутъ; ибо они, что до сего принадлежитъ, никогда не намѣрены были, воли своея покорить гражданскимъ учрежденіямъ (§. 186.).

(§. 186.). И такъ никакая въ свѣтѣ вѣра по естеству своему насилія дѣлать не должна; и выраженія: *духовная власть, власть въ дѣлахъ вѣры; власть и право исправленія*: когда подъ оными разумѣется существенность и свойственныя начальныя основанія вѣры, ничто иное суть, какъ противорѣчущія понятія. И по сему вѣра прочія къ своему исповѣданію силою принуждающая, и къ обращенію насильныя средства употребляющая, другія вѣры всевозможными образы изгоняющая и угнѣтающая, или за отступленіе отъ себя свѣтское наказаніе налагающая, производитъ въ дѣйство истинное мучительство, и нимало не имѣетъ написанія истинныя вѣры, долженствующія быть кроткою, щедролюбивою, благопріятною и привлекающею во объятія свои больше знаками и крѣпостію истины, нежели силою.

§. 205.

Четвертое главное основанія положеніе есть то, что законы или прáвила вѣры не долженствуютъ никогда противурѣчить законамъ естественнымъ; ибо сіи суть несумнѣнно законы божіи. Великой естества Производитель глаголалъ въ семъ случаѣ съ наисовершеннѣйшею ясностію и подлинностію (§. 190.). Онъ не можетъ никогда говорить себѣ вопреки, такъ чтобъ утверждалъ то одною частію законовъ, что другою уничтожалъ. Таковыя перемѣнныя намѣренія приписать бесконечной божественной премудрости, нетокмо вздорно будетъ помыслить; но и вовсе не простительно. На вопросъ же: законы ли естественные или прáвила вѣры волею божественною признавать? Отвѣчать должно всегда, что законы естественные. Прáвила вѣры суть законы разума (§. 175.);

Четвертое основаніемъ служащее положеніе: прáвила вѣры не должны противурѣчить законамъ естественнымъ.

разумЪ же всегда подверженЪ бываетЪ заблужденію, какЪ при поставленіи себѣ естественныя вѣры, такЪ и при испытаніи знаковЪ откровенія; наиболѣе же, когда онЪ откровеніе слѣдствіями и заключеніями распространитЪ, или находящееся вЪ немЪ сомнѣніе общими церковными соборами и знатностію учителей своихЪ утвердитЪ. НапротивЪ же того естественные законы по мѣрѣ дѣйствія своего естественными побужденіями суть неизмѣнны. И такЪ всѣ правила вѣрЪ противусловствующія явнымЪ и первымЪ законамЪ естества, открываютЪ чрезЪ то ложность свою. Ессеняне запрещающіе соитіе брачное и многіе другіе, бракосочетаннымЪ невредимое цѣломудріе налагающіе, суть нетокмо видимоложныя, но и еще крайне безумные и несмысленные расколы. Посему основанію всѣ слѣдствія и изложенія, учиненныя изЪ положеній и истинныя вѣры, суть ложны и неправедны, ежели они противурѣчатЪ законамЪ естественнымЪ. Жиды изЪ повелѣннаго священія субботняго дни заключившіе, что вЪ субботу и противЪ непріятелей защищаться не надлежитЪ, здѣлали весьма заблужденное заключеніе; ибо никакая вѣра, и ни вЪ какое время на законахЪ естественныхЪ столь ясно основанное самоохраненіе запрещать и отметать не можетЪ. Противуборствующее законамЪ и учрежденію естества не можетЪ никогда составить совершенства.

§. 206.

Пятое основаніемЪ, служащее положеніе: правила вѣры должны согласны.

Мы выше сего (§. 201.) упомянули, что гнусно и ложно есть ученіе, почитающее за одно и добрыя и худыя дѣла человѣческія, и одно токмо то признавающее справедливымЪ и несправедливымЪ, что человѣческими законами повелѣно или заповѣдано. Понятія добродѣте-

ми

ли и справедливости суть также вѣчны и неизмѣнны, какъ и божественныя свойства. И такъ, когда какой нибудь вѣрѣ, быть надлежитъ, не говорю уже истинной, но только согласной съ благомъ гражданскаго общества, то надобно законамъ ея или правиламъ соотвѣтствовать понятіямъ добродѣтели и справедливости, и людей къ тому ободрять. Сіе есть пятое главное основаніемъ служащее положеніе правилъ вѣры, и заслуживаетъ преимущественно особливое вниманіе. Вѣры, полагающія вѣчныя наказанія и награжденія за вещи маловажныя и не имѣющія никакого отношенія, какъ къ добродѣтели такъ и къ справедливости, суть во все непотребны. Когда Индѣйцы водѣ рѣки *Гангеса* приписываютъ силу святотворную, и опѣ наказаній будущія жизни изъемлющую; когда жители острова Формозы, адскія наказанія предопредѣляютъ носящимъ шерстяное, а не шелковое платье, подымающимъ раковины, и на летаніе птицъ нимало не взирающимъ; то чрезъ сіе все не токмо не дѣлаютъ никакого ободренія въ людяхъ; но еще и приводятъ ихъ въ наивящшее уныніе. Сіе положеніе требуетъ, чтобъ и сами по себѣ исправныя вѣры предписанія съ осторожностію употребляемы были.

быть съ понятіями добродѣтели и справедливости.

§. 207.

Трудно весьма согласиться съ Господиномъ *Монтескю* въ томъ, что будто Махометанская вѣра приличнѣе жаркимъ мѣстамъ, Христіанская же умѣреннымъ и студенымъ странамъ, и будто Католическое исповѣданіе больше согласно естеству единоначалія, какъ напротивъ того Протестанская вѣра соотвѣтствуетъ наипаче свойству смѣшенныхъ правленій и вольныхъ обществъ. Основанія его сего утвержде-

Шестое основанія положеніе: правила вѣры должны соотвѣтствовать намѣренію народовъ.

нія суть весьма слабы, да и сами примѣры, на коихъ утверждается, не всеобщи суть. Христіанскую вѣру находимъ мы и въ Абиссиніи, какъ въ самой жарчайшей землѣ; а Каталическое исповѣданіе сохранено и понынѣ въ Венеціи, Генуѣ, во многихъ Швейцарскихъ Кантонахъ и разныхъ другихъ вольныхъ областяхъ. Пріятіе и сохраненіе вѣры не зависитъ отъ óбраза правленія, но отъ обстоятельствъ времени и случаевъ. Все же то, что со основаніемъ утверждать можно, состоитъ въ томъ, что не страна воздуха, но паче многоженство разпространенію Христіанскія вѣры наивеличайшую дѣлаетъ препону. Мужъ не согласится разпустить до одной всѣхъ своихъ женъ; да и законы области здѣлать того не дозволятъ. Онъ понялъ ихъ съ дозволенія законовъ своихъ, и самимъ женамъ учинена будетъ наивеличайшая несправедливость, когда они извергнутся изъ своего состоянія. Вообще Господинъ *Монтескю* и самъ не находилъ довольныя крѣпости въ своихъ утвержденіяхъ. Не хотѣлъ ли онъ, можетъ быть, открыть чрезъ сіе остроумнымъ людямъ главнѣйшаго намѣренія сочиненія своего о законахъ. Между тѣмъ надлежитъ всегда утверждать, что предписанія вѣры великому намѣренію законовъ соотвѣтствовать должны, или чтобъ они ничего въ себѣ такого не содержали, что явно противно благоденствію области, и сіе есть шестое основаніемъ служащее положеніе для правилъ вѣры. Вѣра намѣренію гражданскаго установленія совсѣмъ противная не могла бы быть и принята; и какъ таковыя учрежденія суть хотя не точная, однако попускательная Воля всемогущаго Бога, по безконечной благости Своей такожде и временнымъ блаженствомъ человѣческой родъ благословляющаго,

щаго, то посему и истинная вѣра не можетъ ничего въ себѣ содержать, съ гражданскимъ установленіемъ не согласнаго. Господинъ *Бель* здѣлалъ Христіанской вѣрѣ укоризну, что истинными Христіанами учиненное общество состояться не можетъ. И Подлинно, ежели бы истинное христіанство состояло въ вѣрѣ Квакеровъ и Меннонистовъ, то бъ имѣлъ онъ къ тому нѣкоторое право. Сіи люди извергающіе военное состояніе, оборону, присягу и прочія въ гражданскихъ учрежденіяхъ нужныя постановленія, не могутъ сами собою сочинить вольныя области, не приближась въ тотчасъ къ паденію. Однако сіи отщепенники не имѣютъ нималѣйшія тѣни истиннаго Христіанства; и ежели бы составили общество, то думаю, принуждены бы были оставить вздорныя своего исповѣданія, правила. Нужда привела бы ихъ до того, чтобъ они такъ какъ нынѣшніе Кваккеры въ Пенсильваніи обороняться уже начали.

§. 208.

Наружное учрежденіе въ вѣрѣ, какъ седьмое основаніемъ служащее положеніе принадлежитъ до верьховныя власти.

Каждая вѣра должна имѣть обряды свои и праздновaнія. Всегда мало бываетъ людей усматривающихъ основаніе великость и существенность вѣры и не довольствующихся одною токмо поверьхностію ея. И потому для большія части людей надобны обряды и торжества съ содержаніемъ въ порядкѣ служителей вѣры, такожде и наружныхъ ея установленій. Изъ сего происходитъ седьмое главное основаніемъ служащее положеніе, а именно: наружность вѣры долженствуетъ приведена быть въ хорошей порядокъ и установленіе; и изъ сего положенія происходятъ предписанія обрядовъ вѣры, или то, что каноническимъ или церковнымъ правомъ называется. Таковыя установленія, такъ какъ и всѣ прочія

области благоустройства, зависятъ единственно отъ верьховныя власти; ибо имѣютъ такое великое влiянiе въ тишину, безопасность и благоденствiе всего народа, что законодательное оныхъ могущество никакой свѣтской и духовной власти поручено быть не может. Область или народъ есть одинакое нераздѣлимое тѣло, долженствующее во всѣхъ своихъ частяхъ наиточнѣйше сопряженно быть (§. 28.). Ежели верьховная власть раздроблена будетъ въ разныя отрасли, такъ какъ мы о семъ въ четвертой части упомянули, то будутъ всегда оныя невзирая на таковое раздѣленiе части тогоже самаго тѣла. Но ежели верьховной власти отчасти состоятъ у посторонняго могущества; то выдетъ или родится изъ того двуглавное чудовище, не имѣющее и имѣть немогущее истиннаго области естества. И такъ законодательное могущество въ благочинiи вѣры по естеству областей принадлежитъ единственно верьховной власти; однако мудрое правленiе неэдѣлаетъ ошибки, когда въ семъ случаѣ потребуетъ совѣта отъ духовенства: такъ какъ оное и въ прочихъ дѣлахъ вопрошать долженствуетъ, знанiе въ томъ имѣющихъ.

§. 209.

Коль далеко простирается власть государства или области надъ вѣрою.

Вообще можно теперь опредѣлить, какую власть и силу государство или народъ имѣетъ надъ вѣрою. Основанiемъ служащее въ семъ случаѣ положенiе есть сiе: поколику вѣра имѣетъ влiянiе въ намѣренiе и благоденствiе области, потолику и есть совершенно подвластна верьховной власти; во всѣхъ же вещахъ, съ государствомъ никакого отношенiя не имѣющихъ, а особливо въ исповѣданiи или въ свойственныхъ вѣры правилахъ, есть оная внѣ могущества верьховныя власти. Такимъ образомъ непомо устро-

устроеніе наружности вѣры принадлежитъ до верьховной власти, такъ какъ мы въ предшедшемъ §. изъяснили; но должна еще сія послѣдняя сугубое имѣть примѣчаніе, а именно: чтобъ въ вѣрѣ ничего такого не происходило, которое бы могло быть вредительно тишинѣ и безопасности государства, а потомъ, чтобъ подъ кровомъ вѣры не преподаваемо было ни какое ученіе, добрые нравы упразднить могущее. По силѣ перваго примѣчанія безъ дозволенія правительства невозможно въ области установить новаго явнаго богослуженія, ниже особыя учреждать собранія къ пользѣ церкви; ибо нетокмо всякой въ вѣрѣ раздоръ можетъ быть тишинѣ и безопасности государства вредителенъ, но и еще подъ предлогомъ вѣры могутъ быть сборищи благоденствію народному предъосудительныя или по крайней мѣрѣ разпространятся чрезъ то опасные истинной вѣрѣ толки. Государство или верьховная власть долженствуетъ токмо сохранять свободу совѣсти и вѣры гражданъ, такъ что каждой для себя въ собственномъ своемъ домѣ по вѣрѣ можетъ учредить свою набожность, какъ хочетъ. Согласно же второму примѣчанію должность есть народа или государства учительныя вѣръ предписанія самому разсматривать, не содержатъ ли они въ себѣ чего вреднаго и противнаго какъ благонравію такъ и естеству народному, и выгонять изъ предѣловъ области своея дерзающихъ зловредныя разсѣвать ученія? Наиглавнѣйше же долгъ имѣетъ всю мудрость свою употребить на истребленіе ненависти и огорченія между разными вѣрами въ области своея находящимися.

ПЯТОЕ ОТДѢЛЕНІЕ
О
НАРОДНОМЪ ПРАВѢ.

§. 210.

Понятіе и источники народнаго права.

Подъ словомъ, *Народное право*: разумѣемъ мы начальныя положенія и правила, обыкновеніемъ или въ молчаніи послѣдовавшимъ согласіемъ вольными народами принятыя и утвержденныя, дабы тѣмъ установить взаимное между ими поведеніе (§. 176.). Разумъ и въ семъ случаѣ есть законодатель; но обязанность для народовъ утверждается единственно на обыкновеніи или на произшедшемъ въ молчаніи согласіи въ томъ, что и прежде въ подобныхъ тому случаяхъ такъ, а не инакъ поступлено; и по сему могутъ и заблуждающимъ разумомъ предписанныя правила учиниться народнымъ правомъ, (въ томже §.) и состоять до тѣхъ поръ, пока народы въ лучшее познаніе пришедъ, положенія свои въ разсужденіи поведенія своего съ другими по истинному разуму учредятъ. И такъ наияснѣйшей знакъ разумнаго и благонравнаго народа состоитъ въ томъ, что имѣетъ оно народное право со здравымъ разумомъ согласное. Однакожъ и сіи разумные и благонравные народы, должны не токмо почитать въ народномъ своемъ правѣ разумъ законодателемъ, но столькоже много взирать всегда и на право естественное. Народы живутъ въ состояніи естественныя вольности, и каждой изъ оныхъ сочиняетъ одинакое нравственное тѣло (§. 28.); и

и посему каждая же область или государство есть въ разсужденіи другихъ такъ, какъ одинакой человѣкъ въ состояніи естественныя вольности содержится къ другимъ, чего ради обязаны они наблюдать другъ противъ друга право естественное, и утверждать наономъ право народное: разумъ же бываетъ токмо тамъ законодателемъ, гдѣ недостатокъ есть естественнаго права.

§. 211.

Взаимное народовъ содержаніе состоитъ не въ общественномъ, сопряженіи, и удалено весьма отъ естества области.

Народы состоятъ въ извѣстномъ между собою содержаніи; ибо въ разсужденіи сосѣдства, купечества и другихъ обстоятельствъ имѣютъ общительность и обхожденіе, въ прибыткахъ же своихъ и намѣреніяхъ, въ крѣпости своей и силѣ находятся всегда въ нѣкоторомъ направленіи и сравненіи другъ противъ друга. Однако весьма надлежитъ оберегаться, и не почитать содержанія сего союзомъ, сопряженіемъ или обществомъ народовъ между собою. Понятіе сіе и въ новѣйшія времена весьма было общее между великими учеными людьми; они представляли себѣ народы согражданами цѣлыя области, великимъ человѣческимъ обществомъ, и еще инными выраженіями, слуху хотя и пріятными, но невзирая на то съ самою вещію не согласными, и ни къ чему иному въ разсужденіи ложности своея не служащими, какъ токмо къ размноженію не справедливыхъ въ народномъ правѣ положеній, истинному благоденствію народовъ зѣло вредительныхъ. Ложныя сіи понятія произошли безъ сумнѣнія отъ того, что не дѣлали различія между общительностію и обществомъ. Народы имѣютъ обязанность къ должностямъ общительности, когда уже они показали одинажды

нажды точнымЪ или вЪ молчаніи послѣдовавшимЪ согласіемЪ: то есть поведеніемЪ своимЪ и дѣлами, что они желаютЪ быть общительными и обходительными народами. Но чрезЪ сіе самое не обязываются еще кЪ должностямЪ общества, предпоставляющаго извѣстное соединеніе кЪ одинакому намѣренію, между народами никогда и ни коимЪ образомЪ утвердиться не могущему. Тогоради не надлежитЪ никогда употреблять сего слова *общественная человѣческая жизнь*, когда рѣчь идетЪ о всѣхЪ людяхЪ вообще; но должно сказать вмѣсто того, *общительная*. ИзЪ перваго слова явствуется его собственная неудобность, ибо всѣ люди не кЪ одинакому намѣренію сопряжены; такЪ что можно утверждать, что общительность не есть свойственной законЪ естественнаго и народнаго права (§. 199.). Наиглавнѣйше произходитЪ оная изЪ познанія прибытковЪ, общаго вспоможенія, и слѣдовательно изЪ разума. И такЪ когда разумЪ признаетЪ согласнымЪ своему благополучію, не употреблять общественнаго вспоможенія, то имѣетЪ вЪ томЪ совершенную свободу. И по сему можетЪ и народЪ отЪ прочихЪ народовЪ вЪ удаленіи жить и прекратить сЪ другими народами всякое обхожденіе и общительность, такЪ какЪ одинакой человѣкЪ живетЪ вЪ уединеніи; вЪ семЪ случаѣ ни того ни другаго не возможно упрекнуть вЪ преступленіи должности. Тогоради суть два пути кЪ благоденствію народовЪ: первой путь общительности и обхожденія, второй же отлученія; а что понятіе о нѣкоторомЪ сопряженіи, соединеніи и общества народовЪ между собою естеству вещи совсѣмЪ противно, оное весьма легко можно доказать. Состояніе естественныя вольности, вЪ которой живутЪ вольные

ные народы, противополагается естеству гражданскихъ установленій (§. 1.). Каждой народъ имѣетъ свободную, и независимую волю; въ области же соединены всѣ воли одинакія, и покорены соединенной волѣ (§. 23.). Каждой народъ, такъ какъ и одинакой человѣкъ въ состояніи естественныя вольности, предпоставляетъ себѣ единственно свое благополучіе; въ гражданскихъ же учрежденіяхъ не возможно искать своего благополучія, не соединя оное съ общественнымъ благомъ. Въ состояніи естественныя вольности живетъ человѣкъ безъ обязательства и содержанія съ прочими; въ гражданствѣ же сопрягаетъ людей наикрѣпчайшей союзъ то есть: соединеніе воль и силъ. И такъ при сей весьма великой различности не возможно никогда вольныхъ народовъ почитать членами совокупныя области, и гражданами всего міра по естеству гражданскихъ учрежденій, не повредя народнаго права заблужденными и противомысленными положеніями, народамъ весьма предосудительными. Сегоради надлежитъ всячески убѣгать, чтобъ о дѣлахъ вольныхъ народовъ не судить по сравненіямъ и заключеніямъ, взятымъ изъ естества областей. Меньше же всего не должно вмѣшивать въ народное право положенія и законы гражданскаго права; я показалъ тому примѣръ въ (§. 40.). Осторожности при семъ надобно быть толь великой, что, когда дѣло идетъ о народномъ правѣ, то притвориться надлежитъ, будто и не знаемъ, что гражданскіе законы въ мірѣ существуютъ.

§. 212.

Истинное отношеніе народовъ

И такъ не имѣютъ народы никакого содержанія и сопряженія одинъ противъ другаго, какъ по мѣрѣ сосѣдственнаго жительства ихъ на

одного къ другому и произходящее изъ того общее начальное положеніе народнаго права.

на земномъ шарѣ; и состояніе ихъ есть совершенное равенство, ни малѣйшею силою, ни недостаткомъ сокровища не измѣняющееся, наиглавнѣйше же принадлежитъ къ тому совершенная воли свобода, ограничиваемая ничемъ инымъ какъ токмо принужденіемъ и законами разума. Принужденіемъ воля ихъ ограничивается, потому что они въ разсужденіи равенства своего и независимости инаго средства не имѣютъ на преклоненіе другъ друга къ справедливости, кромѣ принужденія: и состояніе ихъ потому есть таково, что они безпрестанно или принуждаютъ, или принуждаются (§. 1.). Разумъ для того волѣ ихъ полагаетъ предѣлы, ибо они видѣть должны, что благополучію своему поспѣшествовать не возмогутъ, ежели не будутъ наблюдать въ поведеніяхъ своихъ къ другимъ относительныхъ, естественныхъ законовъ и естественныя справедливости, а притомъ поступать съ ними, такъ какъ желаютъ, чтобъ отъ прочихъ въ подобныхъ случаяхъ съ ними самими поступаемо было. Изъ сего произходитъ общее начальное положеніе народнаго права, а именно: что народы должны между собою поступать такимъ образомъ какъ они хотятъ, чтобъ въ подобныхъ случаяхъ съ ними поступлено было. И подлинно сей есть первой и верьховной законъ всякія естественныя справедливости, а особливо для живущихъ въ совершенномъ равенствѣ и независимости; самъ *Христосъ* Спаситель нашъ извѣстнымъ реченіемъ утверждаетъ: *аще хощеши, да творятъ тебѣ человѣцы, и ты твори имъ такожде.* О семъ вѣра научаетъ и Пророки. Ежели разсудить о людяхъ въ состояніи естественныя вольности, или чтобъ опредѣлить, какъ люди, не имѣющіе никакія обязанности

ности и покоренія, между собою поступать должны; то есть сіе и будетъ содержаніе и правило всѣхъ нашихъ дѣлъ; но въ гражданскомъ установленіи, гдѣ особливое благо съ общимъ соединено быть долженствуетъ, общее сіе правило подвержено многимъ изъятіямъ, и потому не можетъ быть общимъ начальнымъ законовъ положеніемъ; которое свойственнѣе состоять можетъ въ томъ, и чего ожидать должны народы по силѣ совершеннаго своего равенства и независимости, что съ ними такимъ же образомъ поступлено будетъ, какъ они сами съ другими поступили. И такъ разумъ долженъ предписать имъ общее начальное положеніе для всѣхъ дѣлъ ихъ, чтобъ они такъ съ другими поступали, какъ сами хотятъ, чтобъ въ равныхъ случаяхъ съ ними отъ прочихъ поступлено было. Сіе общимъ основаніемъ служащее положеніе согласно есть особливому естеству народнаго права, коего обязанность и мочь утверждается единственно на послѣдовавшемъ въ молчаніи народовъ согласіи и на подобномъ поведеніи ихъ въ прежнихъ равныхъ случаяхъ (§. 176. 210.). И такъ совершенно будетъ согласно народному праву, когда мы съ другими такъ поступаемъ, какъ они съ ними поступаютъ. Подлинно и то, что изъ сего может произойти весьма дурное и варварское народное право. Однако и оно есть такожде дѣйствительное народное право (§. 176.), и боязнь подобнаго поведенія должна удерживать разумныхъ и благонравныхъ народовъ, такъ чтобъ они съ другими не инако поступали какъ сами желаютъ, чтобъ съ ними поступаемо было. По надлежащемъ сего разсужденіи никто не усумнится о исправности таковаго общимъ основаніемъ служащаго положенія.

§. 213.

§. 213.

Начальное положенie Господина Монтескю есть одно токмо изъ первѣйшихъ правилъ народнаго права.

Господинъ *Монтескю* (8) принялъ начальное положенie народнаго права, о которомъ говоритъ, что на ономъ основывается все народное право, и почему его почитаетъ всеобщимъ. Оно состоитъ въ нижеслѣдующемъ: народы должны во время мира дѣлать другъ другу столь много добра, а во время войны столь мало зла, сколько возможно, безъ повреждения истинныя ихъ пользы. Признаться надобно, что положенie сie прилично весьма благородному духу и соотвѣтственно предписанiямъ разума и человѣколюбiя. По крайней мѣрѣ уже есть оно весьма предпочтительнѣе звѣрскихъ правилъ, утверждаемыхъ до сего большою частiю правоучителей, увѣрившихъ людей, что они совершенное право имѣютъ непрiятеля своего во все искоренять. Мнѣ кажется, преизящному сему положенiю Господина *Монтескю* не достаетъ въ свойствѣ и *признакахъ дѣлающимъ его всеобщимъ*; ибо оно видимымъ образомъ не заключаетъ въ себѣ всѣхъ начальныхъ правилъ и положенiй, необходимо къ народному праву принадлежащихъ; такъ какъ и подлинно права посольства, и прочiя безпорныя народовъ преимущества, едва ль могутъ изъ онаго, да и съ трудностiю извлечены быть непосредственно и еще непринужденно. Между тѣмъ должно признать начальное сie Господина *Монтескю* положенie главнѣйшимъ правиломъ народнаго права; ибо несумнѣнно произтекаетъ и непосредственно изъ общаго основанiемъ служащаго положенiя, нами здѣсь утвержденнаго; понеже когда, народы такимъ образомъ будутъ съ другими по-

(8) Въ *разумѣ законовъ* часть I. книг. I. гла. 3.

поступать, какъ сами желаютъ, чтобъ съ ними поступаемо было, то слѣдуетъ необходимо, что они долженствуютъ во время мира дѣлать другъ другу столь много добра, а во время войны столь мало зла, сколько возможно по соображенію истинныя пользы ихъ.

§. 214.

Миръ есть первой законъ народнаго права.

Люди поощряются къ миру врожденнымъ въ нихъ естественнымъ страхомъ, созираніемъ взаимныя боязни и побужденіемъ къ самоохраненію; и страхъ есть такожде второй главной законъ права естественнаго (§. 194.). Народы, живущіе въ состояніи естественныя вольности, имѣютъ первѣйшимъ правиломъ естественное право: и слѣдовательно миръ есть первой законъ народнаго права. Такое же правило предписываетъ имъ и разумъ, какъ постановитель свойственнаго народнаго права, и воображаетъ имъ, что войны инако вести они не могутъ, не причиняя чрезъ то себѣ самимъ великаго вреда и убытка, и не вдавая на отвагу всего своего благополучія. Равномѣрнымъ образомъ есть такожде и миръ, первое и непосредственное слѣдствіе общаго основаніемъ служащаго положенія народнаго права; ибо, когда народы такимъ образомъ другъ съ другомъ поступать будутъ, какъ желаютъ, чтобъ съ ними самими поступаемо было; то вопервыхъ не здѣлаютъ другому народу такія обиды, чтобъ онъ чрезъ то поощренъ былъ къ начатію войны, а потомъ и сами не вознамѣрятся безъ справедливыя причины итти на другой народъ войною. И такъ видимъ мы повсюду, что миръ есть первой законъ для каждаго народа.

§. 215.

Второй законъ: на-

Между тѣмъ, какъ самоохраненіе есть высочайшей законъ естества, и каждому человѣку

 право

родъ можетъ начать войну ради извѣстнаго собственному его самоохраненію предлежащаго страха.

право подаетъ лишить и живота другаго человѣка, ежели его самоохраненіе инако соблюдено быть не можетъ (§. 191.); то по сему имѣютъ и народы право къ начатію войны, когда ихъ самоохраненіе въ извѣстной и неизбѣжной состоитъ опасности, къ тому жъ и естественное право дозволяетъ всегда себя защищать. Сія есть единственная справедливая войны причина, и второй законъ народнаго права: во всѣхъ случаяхъ, гдѣ естественное право для собственныя своея обороны, убивать другихъ повелѣваетъ, могутъ народы справедливо войну начинать. Такъ какъ естественное право одинакому человѣку неинако дозволяетъ ради собственнаго своего охраненія убивать другаго человѣка, токмо тогда, когда собственная жизнь его въ извѣстной и несумнѣнной находится опасности; то потому и народы не могутъ и не должны инако начать войны, ежели самоохраненіе ихъ не будетъ въ такомъ же обстоятельствѣ. Ученіе о равновѣсіи въ Европѣ, по которому яко бы прочимъ народамъ дозволено было ради весьма возрастающей силы какого нибудь государства, войну начать, есть по сему ложно, и всѣмъ народамъ чрезмѣру вредительно. Правда, народы живутъ въ состояніи принужденія, или лучше сказать, въ такомъ состояніи, въ которомъ они безпрестанно принуждаютъ или и сами принуждаются. Каждая причиненная обида и оскорбленіе, за которыя никакого удовольствія не послѣдуетъ, право подаетъ обиженному, преклонять обидчика принужденіемъ къ удовлетворенію. Но какую бѣдность проницанія и смысла оказать можно тогда, ежели мы войну признаемъ единственнымъ средствомъ принужденія? Развѣ нѣтъ иныхъ способовъ, чтобъ принудить не справедливой народъ.

родъ. Развѣ не можно ему здѣлать равномѣрныя обиды, чего и слѣдствіе всеобщаго основаніемъ служащаго положенія народнаго права требуетъ? Развѣ не можно обидчика прекращеніемъ всякаго купечества и общительности, взятіемъ находящагося въ своей землѣ подданныхъ его имѣнія и многими другими средствами принудить къ справедливости? Да можетъ ли еще быть согласно мудрости правительства и должностямъ противъ самаго себя, одной ради обиды толикое множество человѣческія проливать крови, и собственную свою область жителями обнажать, тишину, безопасность и имѣніе своихъ подданныхъ ни во что вмѣнять и причинять имъ наивеличайшее зло, государству же или народу явное бѣдствіе? и поистиннѣ разумъ человѣческой явитъ несмысленность свою, ежели возхочетъ сіе утверждать. Несправедливость сія есть такова жъ велика какъ и та, когда человѣкъ за бранное слово другаго до смерти убьетъ; къ сему принадлежитъ бѣшенство поединщиковъ; правительства хотя и положили на нихъ строгія наказанія, однако сами нимало не помышляютъ о томъ, что равное дѣлаютъ преступленіе, когда ради одной обиды войну начинаютъ. Однако ученые люди, сіи свѣтильники ума человѣческаго, и излагатели разума говорятъ правительствамъ съ подобающею сану своему чинностію и страннымъ лица своего устроеніемъ, что народы право имѣютъ бездѣльныхъ ради малостей земной шаръ опустошать, и самихъ себя искоренять. И по сему дивно ли, что война въ разумной въ просвѣщенной и въ благонравной части свѣта толь бываетъ часто?

§. 216.

И такъ намѣреніе справедливыя войны состоитъ въ отвращеніи опасности своего само- Побочное намѣреніе

войны есть овладѣніе, овладѣнія же удержаніе и такъ опустошенію и свирѣпостямъ быть не надлежитъ.

охраненія: и какъ скоро сіе намѣреніе будетъ достигнуто, и непріятель станетъ мира просить съ предложеніемъ удовольствія за причиненной вредъ и военные убытки; то согласно естественной справедливости и народному праву, оной ему даровать. Ибо въ противномъ случаѣ не исполнимъ всеобщаго, въ народномъ правѣ основаніемъ служащаго положенія, состоящаго въ томъ, чтобъ мы съ другими поступали такъ, какъ желаемъ, чтобъ съ нами отъ прочихъ въ подобныхъ случаяхъ поступлено было. И посему можетъ въ послѣдованіи и справедливо начатая война здѣлаться несправедливою. Выключая сіе главное намѣреніе, суть еще побочныя; между оными включается овладѣніе, дабы чрезъ то наградить претерпѣнной убытокъ и уронъ во время войны. Изъ сего слѣдуетъ, что намѣренію овладѣнія состоятъ надлежитъ въ удержаніи, ибо впрочемъ изъ овладѣнія, не произойдетъ ни малѣйшия пользы. Слѣдовательно какъ разумъ такъ и народное право не могутъ побѣдителю подать поводу овладѣнное опустошить, и вообще не долженъ таковой, по утвержденному нами начальному правилу, а именно: что народы во время войны обязаны другъ другу столь мало зла причинять, сколько возможно безъ поврежденія истинныя своея пользы (§. 213.), никакого дѣлать безъ человѣчія надъ непріятельскими подданными; ибо сіе и безъ того противно понятію разумнаго и благонравнаго народа, такожъ и самому человѣчеству. Избѣжаніе свирѣпостей въ войнѣ есть посему третей законъ народнаго права.

§. 217.

Народы должны въ войнѣ оста-

Какъ миръ есть первой народный законъ (§. 214.); и какъ также и справедливая война будетъ не справедливою, когда отрицаемся отъ мира

мира (§. 216.); то слѣдуетъ, что народы должны среди самыя войны не возбранять пути къ достиженію мира, и сей есть четвертой законъ народнаго права. И посему отправленные отъ непріятеля для какихъ нибудь предложеній или съ письмами, гражданскаго ли они или военнаго чина, должны имѣть совершенную безопасность и охраненіе. Однако вещь сама по себѣ и согласіе народовъ требуетъ того только, что, когда такіе отправленные суть военнаго чина, то пріѣхавъ въ извѣстное разстояніе между войскомъ, даютъ знакъ играніемъ на трубѣ или барабаннымъ боемъ, почему въ противной сторонѣ и узнаютъ, что они отправлены для нѣкоторыхъ предложеній. Нынѣ почти вездѣ вошло въ обыкновеніе, что такіе посланные непріятельскіе изъ гражданскаго чина, выправляютъ себѣ напередъ пропуски отъ той стороны, куда посылаются, но по мнѣнію моему, сіе не иное что есть какъ осторожность, дабы быть безопасну отъ разъѣжжающихъ непріятельскихъ разъѣздовъ; ибо когда они къ полководцу или начальнику прибудутъ, то увѣрительныя письма о посылкѣ ихъ здѣлаютъ всякую безопасность; такъ что имъ и въ пропускахъ нужды не будетъ. Совершенная сія охранность посылаемымъ отъ непріятелей давана была и въ самую древность отъ всѣхъ тогдашнихъ временъ благонравныхъ народовъ, какъ о томъ многіе примѣры въ Исторіи находимъ.

Оставлять свободной путь къ достиженію мира.

§. 218.

Ежели благонравные народы не должны вести варварской и свирѣпой войны, свойству ихъ и самому человѣческому не приличной (§. 216.): то обязаны они всячески свято наблюдать всѣ въ войнѣ заключенные договоры, и сіе составляетъ

Пятой законъ: военные договоры должны свято со-

держаны быть.

вляетъ пятой законъ народнаго права. Сего рода суть здачи крѣпостей; освобожденіе извѣстнаго числа военныхъ людей бывшихъ въ опасности, достаться непріятелю въ руки, съ тѣмъ, чтобъ нѣкоторое время противъ него не служили, отпущеніе чиновныхъ людей на честное слово, перемиріе, дарованной плѣннымъ животъ, и многіе другіе во время войны случающіеся договоры. И когда народъ не будетъ оныхъ содержать, то и непріятель его въ подобныхъ случаяхъ, по особливому естеству народнаго права данныхъ съ своей стороны условій, наблюдать не обязанъ: изъ сего не иное что произойдетъ какъ наивящшая въ войнѣ свирѣпость, и для рода человѣческаго сугубая пагуба. И посему никакое непріятеля обстоятельство не можетъ права дать народу къ ненаблюденію таковыхъ военныхъ договоровъ, такъ что неизключаются изъ сего и явные бунтовщики противъ законнаго своего правительства, коль долго они во оружіи находятся. И такъ не оснавательная будетъ причина, не сохранять военнаго договора для того токмо, что непріятель въ соединенной области началъ войну въ противность законовъ соединенія. При такихъ договорахъ не пріемлются въ разсужденіе ни свойство войны, ни свойство непріятеля: довольно того, что таковой ведетъ войну, и равное равнымъ заплатить можетъ; къ тому жъ и благонравнымъ народамъ неприлично недержаніемъ такихъ условій подавать поводъ ко введенію свирѣпости и варварства въ войнѣ. Посему не можетъ такожде ничто подать права къ нарушенію военнаго договора, кромѣ первѣйшаго естественнаго закона самоохраненія; понеже договоромъ симъ обыкновенно ограждается и его собственное самоохраненіе. И такъ когда чиновные военные

люди

люди свобождены на честное ихъ слово, безъ размѣны и заплаты, и не взирая на то захотятъ служить противъ непріятеля или его союзниковъ подъ видомъ, что имъ жить было нѣчимъ, то предлогъ сей весьма маловаженъ, и не дѣйствителенъ, ибо какъ они на честное ихъ слово отпущены были, то самимъ симъ довольно оказали, что содержаія своего и потребнаго къ пропитанію инымъ образомъ искать будутъ; ежели же тщетно было сіе ихъ чаяніе, то долгъ имѣютъ они возвратиться къ непріятелю и засѣсть подъ стражу въ темницѣ, дабы отъ него быть прокормленнымъ.

§. 219.

Шестой законъ: Послы должны наслаждаться совершенными вольностїю и безопасностїю.

Какъ народное право требуетъ, чтобъ народы и среди войны свободной оставляли путь къ достиженію мира (§. 217.); то кольми паче должны они во время мира и тишины сіе сохранять въ случающихся дѣлахъ. Сей есть шестой законъ народнаго права; и изъ сего произходитъ право посольства. Господинъ *Монтескю* толь прекрасно описалъ начало и источникъ сихъ правъ (10.), что мы употребимъ здѣсь точныя его слова „ Народное право, говоритъ „ онъ, здѣлало необходимымъ, что Государи „ другъ къ другу пословъ посылаютъ. И осно„ ваніе взятое изъ естества самыя вещи не до„ зволило, чтобъ таковые послы были под„ чиненны, какъ владѣтелю, такъ и правитель„ ствамъ тоя области, куда посылаются. Они „ суть слово пославшаго Государя [или народа], „ и слову сему надлежитъ быть свободну. Ни„ какого препятствія не должно чинить въ его „ разговорахъ. Часто бываютъ они безплодны „ для того, что рѣчь идетъ отъ такого, кото„ рому тотъ, предъ кѣмъ говорится ничего

(10) Въ *разумѣ законовъ* част. V. кн. 26. гл. 21.

,, приказать не можетъ. Ежели бы право было, ,, ихъ [пословъ] наказывать, то бъ можно ,, было безъ праведной причины затѣвать на ,, нихъ вины, когда бы дозволялось брать ихъ ,, подъ стражу, то бъ за долги въ темницу са- ,, жали. Владѣтель, долженствующей естествен- ,, нымъ образомъ свободной голосъ имѣть, ,, сталъ бы говорить устами человѣка всего ,, страшащагося. И для того въ разсужденіи по- ,, сольствъ слѣдовать надлежитъ правиламъ из- ,, влеченнымъ изъ народнаго права, а негосудар- ,, ственнаго. Ежели они во зло употребятъ званіе ,, своего посольства, то можно оное уничтожа ,, отослать ихъ обратно; такъ что слѣдствен- ,, но жаловаться на нихъ собственному ихъ вла- ,, дѣтелю, которой за преступленіе ихъ нака- ,, зываетъ, или иногда и самъ того участни- ,, комъ бываетъ ,,. Изъ сего легко познаѐтся, что права сіи посольства непосредственно произходятъ изъ всеобщаго основаніемъ народному праву служащаго положенія. Потому что когда владѣтели хотятъ, чтобъ ихъ послы совершенную имѣли свободу и безопасность, то надобно имъ тоже чинить и чужестраннымъ посламъ въ своихъ областяхъ.

§. 220.

Седьмой законъ: никакому народу не должно разрушать общительности между другими народами.

Седьмой и послѣдней главной законъ естественнаго права состоитъ въ томъ, чтобъ никакой народъ, какъ во время военное, такъ и мирное недолженъ нарушать общительности и обхожденія другихъ народовъ между собою. Хотя народъ и можетъ по соизволенію отдѣлиться отъ прочихъ, и прекратить съ ними всякую общительность и обхожденіе (§. 211.); однако никогда права имѣть не будетъ, чтобъ нарушить обхожденіе между другими народами; ибо чрезъ сіе оскорбитъ естественную народовъ

родовъ вольность, составляющую существенное оныхъ написаніе (§. 212.), и высочайшее благо. Сіе самое слѣдуетъ изъ всеобщаго въ народномъ правѣ служащаго положенія, потому что нарушитель не захочетъ и самъ, чтобъ съ нимъ такимъ же образомъ поступлено было. Отъ сего произходитъ безопасность почтъ и свободность купечества неучастныхъ въ томъ народовъ и въ военное время. Благонравные же народы и въ непріятельской землѣ не нарушатъ безопасности почтъ, понеже оные въ нашей части свѣта нераздѣлимое соотвѣтствіе имѣютъ и сопряженіе, и потому поврежденіе или нарушеніе оныхъ причинитъ вредъ всѣмъ неучастнымъ державамъ. Изъ сего непріятелю будетъ весьма мало пользы, а между тѣмъ для ево подданныхъ немалой убытокъ; владѣтель же или начальникъ не заслужитъ великія похвалы, когда будетъ причиною подданныхъ своихъ или своихъ согражданъ вреда. Ибо ничто такъ много и явно не оскорбляетъ вышесказаннаго прекраснаго и роду человѣческому благопристойнаго пра́вила, что народы долженствуютъ дѣлать другъ другу во время войны толь мало зла, а во время мира толь много добра, сколько имъ возможно безъ поврежденія истинныя пользы своея, какъ нарушеніе почтъ, потому что непріятель самъ отъ того прибытка никакого не имѣетъ. Такое же обстоятельство будетъ въ разсужденіи купечества и мореплаванія неучастныхъ народовъ. Совершенная оныхъ безопасность и свобода произтекаетъ явственно изъ сего жъ начальнаго положенія: а сверьхъ того и разумъ позна́етъ безъ всякаго затрудненія, что войну имѣющей народъ, недолженъ причинять вреда неучастнымъ областямъ, до коихъ военныя его дѣйствія нимало не касаются. Пра́вило на-

роднаго права вЪ семЪ случаѣ кромѣ всякаго сумнѣнія имѣетЪ быть слѣдующее: какЪ неучастной народЪ никоимЪ образомЪ не заступаетЪ мѣста непріятеля, и не вступитЪ вЪ такія дѣйствія, которыя бы непріятель самЪ предпринимать долженЪ былЪ кЪ своему охраненію и подкрѣпленію, ежели бы сей народЪ ему вЪ томЪ не вспомоществовалЪ, то невозможно никоимЪ образомЪ и не надлежитЪ помѣшательства чинить никакому народу вЪ купечествѣ ево и мореплаваніи. Неучастной народЪ заступаетЪ мѣсто непріятеля двоякимЪ образомЪ: 1.) Когда доставляетЪ непріятелю сЪѣстные припасы и всякіе военныя надобности, которыя бы непріятель еестественнымЪ образомЪ самЪ доставать и потому свои корабли и суда опасности вдавать принужденЪ былЪ, ежели бы сей народЪ втомЪ ему привозомЪ своимЪ вспоможенія не учинилЪ: и 2.) Когда собственное кораблеплаваніе и торги непріятельскіе производитЪ, что непріятель самЪ собою за страхомЪ судамЪ его предлежащимЪ производить не можетЪ: а именно, когда непріятельскіе товары изЪ его поселеній перевозитЪ вЪ другія части свѣта, и доставляетЪ туда, куда оныхЪ непріятель самЪ возить за опасностію не дерзаетЪ. Таковой народЪ неучастной вступается наиточнѣйшимЪ образомЪ за непріятеля, и для того не можетЪ жаловаться, когда сЪ идущими его кораблями изЪ непріятельскихЪ селеній, равно какЪ и сЪ непріятельскими поступлено будетЪ. ПредлогЪ, якобы вновѣ дозволеннаго сему не участному народу вЪ непріятельскія селенія купечества весьма маловаженЪ и послабленія здѣлать не можетЪ. Когда прежде войны таковаго торгу дозволено не было; то очевидно, что обЪявленіе сіе одни пустыя басни,

которыя извиненія здѣлать не въ состояніи. Всѣ сіи положенія толь согласны съ народнымъ правомъ, здравымъ разумомъ, и съ естественною справедливостію, что по истиннѣ надобно быть любостяжательному Голландцу, дабы незачать подлинности оныхъ. Вообще надлежитъ въ разсужденіи свободности и безопасности купечества неучастныхъ народовъ примѣчать, имѣлъ ли неучастной народъ до войны такое купечество и кораблеплаваніе; естьли то было уже прежде, то не думаю, чтобъ можно было по справедливости, дѣлать въ чемъ любо тому помѣшательства. Попустить хотя и невозможно, чтобъ непріятель чрезъ то подкрѣпленъ и въ состояніе приведенъ былъ, войну противъ насъ продолжать; но какое правило разума и народнаго права, подать намъ можетъ справедливую причину, усугублять пользу нашу вредомъ невиннаго третьяго народа или области, до которой война наша нимало не касается; да и какимъ предписаніемъ можетъ принужденъ быть и неучастной народъ, прекратить обыкновенное свое купечество, ибо война сія есть дѣло двухъ другихъ державъ, въ которой ему нималѣйшія надобности нѣтъ? И посему есть и будетъ истинное правило народнаго права, что хотя такіе съѣстные и прочіе военные припасы отнять и можно, однако истинную за нихъ цѣну заплатить надлежитъ. Я вѣдаю, что нынѣшняго народнаго права исполненіе противно мнѣнію моему; но развѣ не надобно благонравнымъ и благоразумнымъ народамъ, неистое народнаго своего права отмѣнить, когда они увѣрены будутъ, что въ семъ случаѣ до сего находились въ заблужденія.

ШЕСТОЕ

ШЕСТОЕ ОТДѢЛЕНІЕ
О
НРАВСТВЕННЫХЪ и ДОМОВНЫХЪ ЗАКОНАХЪ.

§. 221.

Что разумѣется чрезъ нравы.

Теперь приступаемъ мы къ третіему роду законовъ разума въ состояніи естественныя вольности, а именно: къ нравственнымъ и домовнымъ законамъ (§. 177.) Ибо хотя они и существуютъ между гражданскими учрежденіями, однако здѣсь находятъ свойственное мѣсто свое. Въ состояніи естественныя вольности имѣютъ они великую окружность (въ томъ же §.); такожде и въ областяхъ касательно оныхъ, люди зависятъ больше отъ самихъ себя, нежели отъ законовъ верьховныя власти. Нравы же ничто иное суть какъ поступки и поведенія людей въ разсужденіи равностоющихъ дѣйствій, которыя не имѣютъ соотвѣтствія въ состояніи естественныя вольности съ должностями естественнаго права и общества, а когда еще сихъ послѣднихъ нѣтъ, (§. 4.) то общительнаго житія, въ гражданскихъ же учрежденіяхъ съ намѣреніемъ области и гражданскими обязанностьми. Однимъ словомъ, чрезъ нравы разумѣются больше дѣйствія человѣка, нежели гражданина.

§. 222.

Начало и произхожденіе нравовъ

Обыкновеніе есть свойственной источникъ нравовъ, и произходитъ отъ того, что дѣйствія имѣющихъ особливую знатность, подражаемы

жаемы бываютъ. Когда отецъ въ состояніи естественныя вольности многихъ имѣетъ дѣтей, въ близости отъ него жилища себѣ устрояющихъ, то всѣ сіи отъ него произходящіе роды будутъ подражать всѣмъ поступкамъ и поведеніямъ, видѣннымъ ими у отца своего или прародителя; ежели же сіи роды размножатся, и составятъ общества, то выдутъ изъ сихъ обыкновеніи народные нравы. И какъ дѣйствія и дѣла человѣческія въ равностоющихъ вещахъ могутъ быть безконечно разнообразны; то посему могутъ также и народные нравы быть многочисленны. Ежелибы мы захотѣли повѣрить господину *Монтескю*, то бы нравы произходили по большей части отъ страны воздуха; по крайнѣй мѣрѣ старался онъ во многихъ мѣстахъ сочиненія своего о законахъ показать, что страна воздуха имѣетъ великое содѣйствіе во нравы и домовные уставы; но совсѣмъ тѣмъ основанія его весьма слабы. Сколь много есть народовъ живущихъ, такъ сказать, на одной земли полосѣ, и имѣющихъ великую какъ во нравахъ такъ и въ домовныхъ законахъ разность; сверьхъ того и жители одной и тоя же области, въ одинакой странѣ воздуха бывшіе, имѣли въ разныя времена разные нравы. Римляне въ первомъ и добродѣтельномъ своемъ вѣкѣ не заключали женъ своихъ, и доброта нравовъ ограничивала весьма обхожденіе обоего пола. Но какъ въ послѣдующія потомъ времена при концѣ общенародія, въ началѣ же одновластія, нравы вовсе погублены были, то наглость и безстыдство въ обхожденіи обоего пола пришли на высочайшую степень. Нынѣ же извѣстно намъ, что Италіанцы женской полъ въ обхожденіи за нѣсколько сотъ лѣтъ вторично заключили. И такъ не возможно согласиться съ госпо-

господиномъ *Монтескю*, въ томъ, что жаркая страна влечетъ по себѣ женскаго пола заключеніе, и что неволя ихъ свойственное свое на востокѣ жилище имѣетъ. Въ Ливіи наижарчайшей землѣ, по объявленію *Геродота* (12) у Адирмахидовъ, Назамоновъ, Гіндановъ, и многихъ другихъ народовъ былъ женской полъ чрезвычайно воленъ, и невоздерженъ, какое же развращеніе нравовъ женскаго пола, и какая неограниченная его вольность была въ Вавилонѣ, о томъ каждому извѣстно; по мнѣнію господина *Монтескю* надобно бы было тамъ быть неослабному женскаго пола заключенію въ разсужденіи теплоты воздуха.

§. 223.

О вліяніи образа правленія и мыслей народныхъ во нравы.

Удобнѣе можно согласиться въ томъ съ господиномъ *Монтескю*, что образъ правленія имѣетъ великое вліяніе во нравы народовъ. Нравы происходятъ отъ обычаевъ, обычаиже суть подражанія имѣющихъ большую знатность (§. 221.). И такъ явственно есть, что дѣла и дѣйствія владѣтеля и его двора во всѣхъ сомовластныхъ и самодержавныхъ областяхъ великое имѣютъ содѣйствіе во нравахъ народныхъ: образъ же обхожденія между обоимъ поломъ, вѣжливость и учтивство начинаются у двора, разширяются въ столичномъ городѣ, а изъ онаго идутъ во всю область; такимъ же образомъ видимъ, что неволя жителей въ самовластномъ владычествѣ, или и во злоупотребляемомъ самодержавствѣ (§. 73.) и вольность гражданина въ смѣшенныхъ правленіяхъ и общенародіяхъ великое имѣютъ сопряженіе съ сердцемъ и духомъ человѣческимъ,

---

(12) *Геродотъ* книг. IV. §. 159. 162 и 166.

ческимъ, чрезъ что и нравы образуемы бываютъ. Невозможно также отрицать, что нравы народные отъ смысла его и общаго духа и свойства весьма зависятъ; но притомъ не надлежитъ утверждать, чтобъ смыслъ и свойство народа по большой части отъ страны воздуха происходили. И хотя не возможно во все влiянiя сего отрицать, однако большая часть нравовъ основывается на подражанiи; понеже дѣти устроютъ себя по образцу отцовъ своихъ и прародителей. Я о семъ въ особливомъ сочиненiи (§. 13.) показалъ пространнѣе, что не большее сiе страны воздуха влiянiе весьма легко отмѣнено быть можетъ. Китайцы обитаютъ многiя страны воздуха. Великая области ихъ обширность заключаетъ въ себѣ, знойныя умѣренныя и студеныя страны; но не взирая на то повсемѣстно имѣютъ они всеобщей духъ, свойство, написанiе и нравы.

§. 224.

Всеобщее основанiя правило нравственныхъ и домовныхъ законовъ.

Ничто такъ не трудно, какъ разсуждать о добротѣ нравовъ. Предсужденiя воспитанiя и обычаевъ имѣютъ въ томъ такую силу надъ нашимъ умомъ, что мы склонны всегда почитать то вздорнымъ и безумнымъ, что несогласуетъ съ собственными нашими нравами и обыкновенiемъ. Дѣла и образы обхожденiя, сами по себѣ равнозначущiе (§. 221.) учреждаются разновидно, такъ что всякаго предсужденiя чуждимъ разумомъ въ точность опредѣлить не возможно, которой образъ другаго предпочтительнѣе. Между тѣмъ равно стоющiя сiи дѣйствiя не лишаются вовсе общихъ правилъ. Разумъ предсказываетъ намъ, что, когда мы желаемъ наслаждаться общественнымъ вспоможенiемъ соближнихъ нашихъ, слѣдовательно

тельно спокойностями и пріятностями жизни, то надобно, чтобЪ поступками нашими и дѣлами оказали кЪ нимЪ нѣкоторую преклочность; и какЪ каждой человѣкЪ наиглавнѣйшее имѣетЪ намѣреніе, снискать себѣ почтеніе другихЪ людей образомЪ житія своего и правами; то не можетЪ имѣть успѣха вЪ таковомЪ пріобрѣтеніи, когда самЪ не будетЪ имЪ оказывать вЪ томЪ взаимности. И такЪ всеобщее основаніемЪ служащее положеніе всѣхЪ нравственныхЪ и домовныхЪ законовЪ есть взаимное почтеніе. Китайскіе законодатели весьма держались сего правила, ибо все ихЪ намѣреніе состояло вЪ томЪ, чтобЪ впечатлѣть вЪ людяхЪ великое другЪ кЪ другу почтеніе. КЪ тому склоняются всѣ ихЪ предписанія великаго почитанія властей, родителей, свойственниковЪ и умершихЪ предковЪ, и суть оныя нравственные и гражданскіе законы, имѣющіе тамЪ неразрывное сопряженіе; для такого жЪ намѣренія установлены тамЪ великіе и пространные обряды, нравственными уставами узаконенные, и такЪ далеко идущіе, что тамошніе и земледѣльцы все то одинЪ противЪ другаго наблюдаютЪ, что между знатными людьми употребительно. Между тѣмЪ вЪ семЪ случаѣ весьма возможно прейти предѣлы. БезЪ сумнѣнія противно будетЪ разуму вводить обширные обряды дѣлающіе обхожденіе между людьми затрудительнымЪ. Нѣкоторые изЪ нашихЪ нѣмецкихЪ городовЪ повидимому, будто по вкусу Китайскому образовали нравственные свои обряды.

§. 225.

ВЪ вѣжливости и учтивствѣ

ПосилѢ сего всеобщаго основаніемЪ служащаго положенія вѣжливость и учтивство есть знатнѣйшее начальное правило нравовЪ; и никакой

какой народъ не можетъ признанъ быть благонравнымъ, ежели не оказываетъ оныхъ въ поведеніяхъ своихъ и въ образѣ житія своего. Вѣжливость и учтивство суть то, чемъ люди сами себя въ уздѣ содержатъ, и междоусобное являютъ почтеніе. Господинъ *Монтескю* (14) прекрасно сіе изображаетъ, говоря: „отказаться отъ наблюденія правилъ вѣжливости, ничто иное въ самомъ дѣлѣ есть, какъ искать способа на пріобрѣтеніе недостаткамъ своимъ большія удобности. Вѣжливость въ семъ случаѣ предпочтительнѣе учтивства. Учтивство ласкаетъ пороки другихъ людей, какъ напротивъ того вѣжливость запрещаетъ свои открывать; она яко стѣна, или осыпь, коею люди себя отъ другихъ ограждаютъ, чтобъ не заразиться„. Изъ сего можно разсудить, что есть вѣжливость и учтивство. Поведеніе и нравы, коими не скрываемъ погрѣшностей нашихъ, и не являемъ къ другимъ почтенія, но напротивъ того грубость, не могутъ посему быть вѣжливостію и учтивствомъ. И ежели симъ оселкомъ испытать толь много выхваляемыя Французскія вѣжливость и учтивство; то найдется, что онымъ во многомъ не достаетъ быть совершенными. Невоздержность и нескромность есть свойственное написаніе Французскаго учтивства; самъ господинъ *Монтескю* признается, хотя потомъ явнопротивурѣчущимъ образомъ утверждаетъ, что недостатокъ почтенія къ другимъ вѣжливостію Французовъ награждается, причемъ чаятельно имѣлъ онъ весьма особливое и вышесказанному совсѣмъ противное понятіе о вѣжли-

состоитъ главнѣйшее правило нравовъ.

Ф вѣжли-

(14) Въ *разумѣ законовъ* часть III. книг. XVIII. гла. 16.

вѣжливости. „Природа, говоритъ, исправляетъ „все. Она снабдила насъ извѣстною живностію; „и ею мы часто другихъ обижаемъ, со оставленіемъ должнаго къ нимъ почтенія. Однако живность сія исправляется вѣжливостію „дарованною намъ естествомъ возжигающимъ „въ насъ угодность въ обхожденіи, а особливо „преданность къ женскому полу. И такъ надлежитъ оставить насъ таковыми, каковы „мы уже есьмы. Нескромныя свойства наши, „нѣсколько и съ легкомысліемъ сопряженныя, „произведутъ, что законы общительную преклонность воспящающіе, будутъ для насъ совсѣмъ несносны (15.)„.

§. 226.

Нравамъ надобно согласоваться съ законами.

Хотя нравы и суть дѣйствія человѣческія, не имѣющія съ должностями и съ намѣреніемъ гражданскаго установленія никакого непосредственнаго сопряженія (§. 221.); однако посредственно весьма дѣйствуютъ въ гражданскихъ обязанностяхъ и въ благоденствіи области, такъ, что ежели законы не возпрепятствуютъ и попустятъ быть всеобщимъ тому, что законами заповѣдано, то нравы не взирая на то дозволяютъ уже сіе законами запрещенное. И такъ главнѣйшее основаніемъ во нравахъ служащее положеніе да будетъ сіе, а именно: чтобъ они законамъ никогда не были прекословными, или заповѣданію оныхъ противурѣчущими. Однимъ словомъ: имъ надобно совершенно согласоваться съ законами. Наиглавнѣйшая погрѣшность всѣхъ Европейскихъ народовъ состоитъ въ томъ, что нравы повсюду съ законами ни мало не соотвѣтсвуютъ, но во многихъ вещахъ онымъ вопреки идутъ.

Такое

(15.) Въ *разумѣ законовъ* часть III. книга XIX. глава 6.

Такое послѣдованіе будетъ всегда естественнымъ образомъ, когда нравы не опредѣляются законами, но зависить будутъ отъ обычаевъ и подражанія, слѣдовательно и перемѣнѣ подвержены. Какъ скоро въ поврежденномъ правленіи дворъ и нашедшіе отъ законовъ защиту, примутъ нравы, въ самой вещи хотя законамъ противоборствующіе, однако не взирая на то распространятся оные по всему государству; и такой народъ будетъ находиться всегда въ высочайшемъ степени своего поврежденія. И посему наипремудрѣйшіе законодатели не оставляли нравовъ на произволъ народа; но въ тѣхъ же самыхъ книгахъ, которыя законы въ себѣ содержали, вписывали такожде и нравы; часто же бывали вкупѣ правила вѣры, гражданскія должности и нравы. Такого обстоятельства суть Китайскіе законы, законы *Ликургоны* и *Платоновы*, да и сами книги *Моисеевы* соединяютъ вѣру со нравами и законами неразрывно. Когда же и гражданскіе законы опредѣляютъ нравы, то свойственные гражданскіе уставы бываютъ отъ того не столь многосложны. *Платонъ* (16) разсуждаетъ основательно, что законодатель не прилагая раченія воспитаніемъ и нравами образовать добрыхъ гражданъ, будетъ ожидать отъ гражданскихъ законовъ тщетнаго дѣйствія. Таковые граждане будутъ законамъ всегда противоборствовать, и хотя для обмана и обогащенія найденному своему средству увидятъ въ законахъ воспищеніе, однако не преминутъ прилагать старанія о сысканіи другаго. Какъ напротивъ того благовоспитанные и добронравіемъ украшенные граждане не законовъ ради, но изъ собственнаго своего побужденія законное исполняютъ. И такъ невозможно

(16) ПЛАТОНЪ о общенародіи книг. IV.

можно области, или государству прочными и благополучными быть, когда нравы съ законами не будутъ совершенно согласны. Сего ради нужно, чтобъ гражданскія узаконенія не весьма много отъ человѣка требовали. Имъ всегда надлежитъ взирать какъ на его естество такъ и на его слабости, и не дѣлать преступленіемъ того, что не есть преступленіе по истинному разуму. Впрочемъ оградится человѣкъ нравами отъ законовъ, и нравы не исправятъ ни мало излишности, законами запрещенныя.

§. 227.

Нравы не должны противными быть честности.

Третіе главное нравовъ правило есть то, чтобъ нравы ничего въ себѣ честности противнаго не заключали. И посему весьма вольное обхожденіе между особами обоего пола есть не токмо великое нравамъ поврежденіе, но когда и женской полъ оставитъ стыдливость, сію ему преимущественно свойственную добродѣтель; когда онъ не убѣгаетъ и не защищается такъ какъ ему естество повелѣваетъ (§. 177.), но можетъ быть будетъ и зачинщикомъ, то уже все безъ изятія погибло; чего ради повелѣваютъ добрые нравы, многія и естественныя дѣйствія скрытно исполнять. Правда нужныя естественныя дѣла не суть срамны. Но сіе само собою не отрицаемое положеніе не подаетъ Киническому любомудрію никакого подкрѣпленія. Не могущее срамнымъ почитаемо быть, не соотвѣтствуетъ еще для того съ честностію и съ добрыми нравами. Таковыя естественныя дѣйствія оскорбляютъ стыдливость, долженствующую быть всегда въ благонравномъ народѣ, и противны суть взаимному людей почтенію сущему великимъ основаніемъ служащему положенію вовсѣхъ добрыхъ нравахъ. Подлинно никакому любомудрія расколу нужды не было, такое стран-

странное разсѣвать ученіе. Люди въ первоначальной дикости безъ всякаго умнаго познанія, бываютъ всегда Киниками. Наи дичайшіе древности народы, описанные *Геродотомъ*, наблюдали всѣ правила Киническаго любомудрія.

§. 228.

Нравамъ должно быть таковымъ, чтобъ народъ отъ нихъ не приходилъ въ разслабленіе.

Наконецъ нравы не должны приводить народъ въ разслабленіе, и сіе есть четвертое главное оныхъ правило. Разслабленность отличается весьма отъ сластолюбія; первая ничто иное есть, какъ извѣстная нѣжность въ самомъ сластолюбіи и роскоши, весьма увеличенной страхъ отъ всѣхъ непріятныхъ и болѣзненныхъ ощущеній, творящей жителей области не способными къ защищенію отечества, и чрезъ что слѣдовательно при первомъ со внѣ учиненномъ нападеніи народъ необходимо погибнуть принужденъ. Какъ Лидіане востали противъ *Кира*, и онъ городъ ихъ главной Сардъ раззорить было хотѣлъ, то присовѣтовалъ ему бывшей ихъ Царь *Крезъ*, привесть ихъ въ расслабленность, для того, что впредь нѣчего ему будетъ отъ нихъ опасаться, и сей совѣтъ имѣлъ предсказанное слѣдствіе (17). Такимже образомъ приказалъ *Аристодемъ*, мучитель Куннейской, всѣхъ молодыхъ людей области своея воспитывать во всякой разслабленности, велѣлъ за ними носить солнечныя застѣни, опахала и разныя благовонныя масти, которыми ихъ въ баняхъ мазали, и ко всякимъ нѣжнымъ ощущеніямъ пріучивали (18). Намѣреніе его было, дабы утвердиться чрезъ то въ мучительствѣ безъ боязни возмущенія, что ему и удалось. Въ самомъ дѣлѣ ничто такъ не

(17) ГЕРОДОТЪ книг. I. §. 145. 146.
(18) ДІОНИСІЙ Галикарнаской книг. VII.

можетъ удручить народнаго мужества, и здѣлать жителей неспособными къ защищенію своея области, какъ таковая разслабленность.

§. 229.

Домовные законы зависятъ отъ нравовъ.

Домовные законы зависятъ по большой части отъ нравовъ. Вольность или ограниченіе женскаго пола, поведенія супружествующихъ, образъ и подобіе дѣтей воспитанія, обхожденіе и содержаніе челядинцовъ; все сіе учреждается по принятымъ обычаямъ; да и само господство мужа надъ женою зависитъ отъ нравовъ женъ. Извѣстно намъ, что не токмо цѣлые народы видимымъ и явнымъ образомъ уступили большинство женамъ своимъ, но и жёны господствуютъ по силѣ нравовъ и въ такихъ земляхъ, гдѣ мужья наружно еще имя имѣютъ господства. Шевалье *Темпль* (19) описываетъ весьма прекрасно касающіеся сего нравы Голландцовъ. Между тѣмъ неоспоримо есть, что нравы имѣютъ великое вліяніе въ благоденствіе области. Народъ составленъ изъ одинакихъ родовъ; состояніе же перваго, могущество его и сила произходятъ, потому отъ обстоятельства одинакихъ родовъ (§. 19.). Чрезъ сіе доказывается наиболѣе утвержденное нами въ (§. 226.), а именно: что нравы недолжны оставлены быть собственному ихъ попеченію; но паче имѣть съ гражданскими законами наиточнѣйшее сопряженіе и соотвѣтствіе.

§. 230.

Власть родоначальни-

Однако невозможно сказать, что гражданскіе наши законы домашнія дѣла оставляютъ безъ

(19) Примѣчаній на Французскомъ языкѣ глава 3. стра. 354. и 355.

безъ всякаго призрѣнія. Они ужѐ и чрезмѣрное о нихъ прилагаютъ попеченіе; не оставливая домоначальникамъ никакого средства къ его домоправительству (§. 177.). Но сіе самое наиболѣе поспѣшествуетъ нравовъ поврежденію. Гражданскіе законы ни мало во нравы не вступаются; ибо хотя они поврежденными нравами вошедшіе пороки и истязываютъ; однако надобно, чтобъ законодатели весьма мало прозрѣнія имѣли, ежели надѣялись, такими наказаніями нравы исправить. Чтожъ касается до мѣръ и установленій, до основаній нравы проникающихъ и оныя исправить могущихъ, то о томъ никогда и помышляемо не было. Съ другой стороны разрушаютъ оплотъ, поврежденіе оныхъ удержать могущей, лишая домоначальника всея власти, потребной ему для содержанія въ порядкѣ, какъ женскаго пола, такъ и своихъ домочадцовъ. Онъ управляетъ ими не инако какъ просительнымъ образомъ; и какъ скоро кто изъ его рода дерзнетъ ему возпротивиться, то будетъ для него лучше все то оставить, нежели итти предъ судъ, гдѣ какъ правымъ такъ и виноватымъ приказные крючкотворцы многодосадные устрояютъ козни. Между тѣмъ не токмо наноситъ сіе вредъ добрымъ нравамъ и благосостоянію области, ибо благоденственное ея состояніе произходитъ отъ благосостоянія одинакихъ родовъ (§. 229.); но и оскорбляетъ еще весьма правдоподобную предоставленность, съ коею одинакія семейства въ гражданскія вступили учрежденія; ибо впрочемъ родоначальники здѣлали бы непростительное безуміе, ежели бы они изъ домовныя власти уступили больше, нежели потребно было къ естеству и намѣренію области. Да сверьхъ того можно еще утверждать, что сіе преходитъ весьма законы

ка, или главы дома, Римскокатолическимъ вѣры исповѣданіемъ утѣсненная, да пребудетъ въ надлежащей знатности.

естества и разума: господство мужа надъ женою основано въ естествѣ, намъ вездѣ показующемъ, что слабѣйшей отъ мочнѣйшаго и питаемой отъ питающаго зависить должны. Сie подтверждается такожде и разумомъ, ибо впрочемъ будетъ противурѣчie, когда долженствующей домомъ всѣмъ управлять, не будетъ имѣть надлежащей къ тому отличности и силы, такожде и нужныхъ къ тому средствъ. Всѣ благоразумные и благонравные въ древности народы въ семъ были согласны, ибо ни который изъ нихъ въ тогдашнее время не уменьшалъ домовныя власти. Наслѣдственное сie ограниченie домовныя и отцовскiя власти произошло съ господствомъ Христiанства. Злочестивой нѣкой духъ вселился въ началѣ весьма скоро въ вѣру, и повредилъ многихъ изъ вѣровавшихъ. Уставы или правила Эссенянъ, (одного жидовскiя вѣры раскола), отметающихъ во все супружество, и поставляющихъ особливую изящность и святыню въ безбрачномъ состоянiи, въ такую пришли повсемѣстность въ первенствующей церквѣ, что никоимъ образомъ не возможно было быти сему блаженнымъ намѣренiемъ *Христа спасителя*, и его учениковъ, не взирая на то, что нѣкоторые Апостолы, а особливо Святый Павелъ, симъ положенiямъ весьма благопрiятными являются. Ужѐ во второмъ вѣкѣ усилилось весьма отшельническое, и монашеское житie; въ третiемъ же и четвертомъ столѣтiи сихъ отшельниковъ и монаховъ такъ умножилось, что въ нѣкоторыхъ умѣренныхъ удѣлахъ Римскаго государства бывало оныхъ до нѣсколькихъ сотъ тысячь, и они не рѣдко возставали на своихъ Архiепископовъ, и причиняли великое безпокойство, какъ о томъ первые церковные Историки, *Евсевiй*, *Созоменъ*, и другie

тіе довольныя о томъ извѣстія оставили. Всѣ сіи Тунеядцы, (сочинитель говоритъ какъ отщепенникъ :) хотѣли жить, и могли надѣяться лутчаго подкрѣпленія отъ простоты, мягкосердія и суевѣрія женскаго пола, нежели отъ мужей; и такъ надобно было имъ стараться упразднить законную мужа власть. Число свое хотѣли всегда умножать; и какъ они простыхъ и несмысленныхъ токмо юношей прельщать могли, то нужно было имъ непремѣнно домогаться, уменьшить родительскую власть. Можетъ быть нѣкоторымъ изъ нихъ надобна была и распутная вольность женскаго пола для другихъ намѣреній; ибо многіе изъ честныхъ сихъ отцовъ не были внутренно толь строги въ наблюденіи чести, каковыми являлись. Въ такомъ состояніи была первая церковь Христіанская по полученіи владычества надъ идолопоклонствомъ; и духъ, правившей злоупотребленія ея, получилъ чрезъ сіе наибольшую силу. Духъ сей имѣлъ два великіе предмѣта, преимущество безбрачнаго житія, или святость монашества, и алчность обогащенія духовенства; духъ сей сохраняется еще и понынѣ безъ умаленія въ Римскокатолической церквѣ. Какъ духовенство въ непродолжительномъ времени умѣло овладѣть Христіанскими цесарями, то явились въ тотъ часъ прекрасные законы, находящіеся по большой части въ нашихъ правахъ о преимуществѣ святаго безбрачнаго житія, и о ограниченіи супружественныя и отцовскія власти, явно противоборствующіе благоразумнымъ узаконеніямъ идолопоклонствовавшихъ Римлянъ, постановленныхъ на поспѣшествованіе оселенія, и на содержаніе домашняго спокойствія. Сіи два великіе конечныя намѣренія Римскаго духовенства требовали такожде,

кожде, чтобЪ отцовская и супружественная власть для того всегда была вЪ утѣсненіи содержана, дабы, когда духовенство привлекало вЪ монашество богатыхЪ наслѣдниковЪ и наслѣдство ихЪ получало, согласно было сЪ ихЪ любостяжаніемЪ, чтобЪ отцы не имѣли великія власти; и какЪ еще великие примѣры распутнаго житія, не взирая на утвержденное клятвою цѣломудріе, Католическаго духовенства вЪ Исторіи довольны извѣстны, то было намѣреніе многихЪ, женскому полу доставить совершенную вольность, со уничтоженіемЪ власти мужа. Сей есть истинной источникЪ и причина, для чего между всѣми разумными и добронравными народами, о коихЪ мы изЪ Исторіи знаемЪ, одни токмо Христіанскія области власть доманачальника толь много умалили. Ибо хотя протестанты и оставили Римскокатолическія церкви исповѣданіе, однакожЪ совершенно удержали положенія правЪ произшедшихЪ отЪ духа сея церкви. НаконецЪ предлежитЪ намЪ долгЪ совершенно очиститься остатковЪ Папежства.

§. 231.

Всеобщее основаніемЪ служащее положеніе домовныхЪ законовЪ есть благосостояніе всѣхЪ родовЪ и каждаго.

Всеобщее основаніемЪ служащее положеніе домовныхЪ законовЪ есть благосостояніе всѣхЪ родовЪ и каждаго: и какЪ всѣ оныхЪ сочлены кЪ достиженію сего намѣренія трудиться должны; то и принадлежитЪ доманачальнику всѣхЪ составляющихЪ родЪ его наставлять и направлять кЪ таковому намѣренію, и издавать особливыя домовныя предписанія, соотвѣтствующія избранному имЪ образу житія и особливымЪ предмѣчаніямЪ, по коимЪ мыслитЪ онЪ достигнуть совокупнаго благосостоянія какЪ всеобщаго намѣренія. И такЪ власть доманачальника основана

на на естествѣ самыя вещи, и благосостоянie родовъ зависитъ отъ сегоже. Ибо когда онъ не имѣетъ никакія преимущественности, для содержанія въ порядкѣ своего семейства, то не возможно будетъ ему изрядно воспитывать дѣтей своихъ, ни споспѣшествовать какъ ихъ такъ и всего рода благополучія. Нестроенie производитъ всякое поврежденiю, а особливо упадокъ пропитанія. И посему когда дѣло идетъ о собственномъ рода благосостоянiи, то доможачальнику надобно свободныя руки имѣть и неограниченную власть; но какъ скоро коснется надобность сопряженія и соединенія одинакихъ родовъ благоденствія съ общественнымъ благомъ, то въ тогдашнее время каждой доможачальникъ правительству покаряется. Великое намѣренie и естество областей состоитъ въ таковомъ сопряженiи. Сie есть такожде начальное пра́вило того, коль далеко справедливое и мудрое правительство, предѣловъ намѣренія своего никогда непреступающее, входить можетъ въ домовные законы.

СЕДЬМОЕ

СЕДЬМОЕ ОТДѢЛЕНІЕ
О
ПОЛИТИЧЕСКИХЪ ЗАКОНАХЪ.

§. 232.

Сопряженіе съ предшедшимъ.

Теперь приступаемъ мы ко второму главному роду законовъ, а именно: имѣющихъ необходимое содержаніе съ существомъ областей (§. 152.): и могущихъ потому названными быть законами государственными. Всѣ сіи законы, суть законы разума (§. 180.), по мѣрѣ какъ оной управляетъ всѣми земными обитателями, и употребляется на особливое естество, свойство, состояніе и содержаніе каждаго народа порознь. Всѣ различные ко второму главному роду принадлежащіе законы имѣютъ одинакое всеобщее основаніемъ служащее положеніе, то есть: великое государствъ намѣреніе, общественное благоденствіе; и какъ оно есть первѣйшей и высочайшей законъ каждыя области (§ 38.); то и долженствуютъ всѣ прочіе законы государственные изъ него извлечены быть (§. 41.). Таковые законы раздѣляются въ два главные рода, въ политическіе и гражданскіе (§. 181.), кои еще въ нижніе роды раздѣляются же; а ежели и благоустройственные (полицейскіе) почесть главнымъ родомъ; ибо и они особливыя законовъ отрасли имѣютъ какъ на примѣръ: касающіяся торговли и домостройства (государственнаго), то въ такомъ случаѣ будетъ при главныхъ рода законовъ государственныхъ, такъ какъ

какъ мы согласно сему въ (§. 41.) и упомянули. Но какое раздѣленіе ни принять, однако политическіе законы будутъ всегда первые, о коихъ въ семъ отдѣленіи намъ разсуждать надлежитъ.

§. 333.

Что разумѣется здѣсь чрезъ политическіе законы.

Чрезъ свойство политическихъ законовъ, когда во оные не включаются законы о доходахъ государственныхъ (§. 182.), и тогда первые обыкновенно называются государственнымъ правомъ, разумѣются законы, опредѣляющіе все государственное сопряженіе или его содержаніе, какъ въ разсужденіи прочихъ державъ такъ и собственныхъ его частей, то есть: правительствующихъ и повинующихся между собою. Слѣдовательно вопервыхъ принадлежатъ къ тому государственныя преимущества, полученныя областію надъ другою, или данныя по нуждѣ государствомъ другой державѣ; также предписанія и правила, согласныя благоденствію его въ отношеніи къ другимъ народамъ, и польза государственная, произходящая, и поставляемая изъ содержанія его съ чужестранными державами, и изъ свойственнаго его состоянія и особливаго намѣренія (§. 43.). По семъ слѣдуютъ къ политическимъ законамъ наиглавнѣйше всѣ основаніемъ служащіе законы Государства, опредѣляющіе образъ и подобіе произведенія въ дѣйство верьховныя власти или правительства (§. 46.), къ тому жъ должности и преимущества правительствующихъ и повинующихся, какъ равномѣрно разные чины и раздѣленія народа. Наконецъ долженствуютъ во оные включены быть законы и правила, непосредственно принадлежащіе ко внутренной силѣ и безопасности государства, и еще касающіеся всякаго военнаго учрежденія, и вооруженія,

нія, оселенія земли, прихода и выхода денегЪ изЪ области; равномѣрно жЪ и всѣхЪ внутреннихЪ произшествій, коль скоро оныя будутЪ имѣть вЪ тишину и безопасность области по наружности или по внутренности явное вліяніе. И посему можетЪ вещь, сама по себѣ кЪ гражданскимЪ правамЪ принадлежащая, здѣлаться предметомЪ законовЪ политическихЪ, какЪ скоро видимымЪ образомЪ будетЪ имѣть сопряженіе со внутренною или наружною тишиною и безопасностію.

§. 234.

Всеобщее намѣреніе и начальное правило политическихЪ законовЪ есть вольность народа и гражданина.

А что все сіе принадлежитЪ кЪ политическимЪ законамЪ, то доказывается намѣреніемЪ сихЪ законовЪ. Благоденствіе государства, первѣйшей и высочайшей его законЪ составляющее (§. 38.), и прочіе его уставы производить долженствующее (§. 4.), утверждается на трехЪ его обстоятельствахЪ, а именно на вольности, безопасности и внутренней силѣ (§. 42.): и какЪ всѣ государственныя предписанія всегда взирать должны на сіи три главныя примѣчанія, то посему и есть вольность особливое намѣреніе предпоставляемое при учиненіи политическихЪ законовЪ. Сія государственная вольность раздѣляется на политическую и гражданскую (§. 41.): обѣ же вообще суть намѣреніе политическихЪ законовЪ. Раченіе о политической вольности, которой противополагается политическое рабство или зависимость одного государства отЪ чужестранныя державы (вЪ томЪ же §.), требуетЪ потому государственныхЪ правилЪ и уставовЪ, такояЪ и постановленія прибытка его вЪ отношеніи кЪ другимЪ народамЪ: основаніемЪ же служащіе государственные законы или опредѣленіе содержанія

нія правительствующихъ и повинующихся и разныхъ народа раздѣленій, суть необходимы ко утвержденію и охраненію гражданскія вольности. Законы и пра́вила внутренния безопасности и силы принадлежатъ къ политическимъ законамъ по мѣрѣ основанія на оныхъ политическія и гражданскія вольности, или по мѣрѣ непосредственнаго оныхъ вліянія въ наружную и внутреннюю тишину и въ наблюденіе основаніемъ служащихъ законовъ государственныхъ. Посему всеобщее намѣреніе политическихъ законовъ есть политическая и гражданская вольность, слѣдовательно же есть сія и будетъ ихъ всеобщее положеніе, изъ котораго всѣ особливые политическіе законы и пра́вила произведены быть долженствуютъ.

§. 235.

Гражданская вольность есть намѣреніе всѣхъ основаніемъ служащихъ законовъ.

И такъ когда область образуется, и народъ постановитъ основаніемъ служащіе законы и образъ правленія (§. 46.); то вольность гражданина послѣ всеобщаго государствъ намѣренія, то есть: общественнаго благоденствія долженствуетъ наиглавнѣйшимъ быть предметомъ. Къ сему да склоняются всѣ начальныя учрежденія, и чемъ совершеннѣе гражданская вольность во основаніе положенными законами постановлена быть можетъ, безъ поврежденія общаго намѣренія, тѣмъ премудрѣе будутъ сами сіи законы. Не возможно, да и естеству мыслящаго существа противно, чтобъ оно добровольно покорилося самопроизвольной власти или мучительству. Люди соединяютъ воли свои (§ 23.). Сей соединенной волѣ послушествуютъ они; а какъ соединенная сія воля не инако явиться можетъ какъ законами (§. 149.); то и не имѣютъ они другаго намѣренія, какъ покориться

ся

ся законамъ. А какъ долго граждане повиноваться должны для общественнаго благоденствія учиненнымъ законамъ, то суть они дѣйствительно вольны. Сіе есть существенное написаніе гражданскія вольности. И такъ во всѣхъ полагаемыхъ во основаніе законахъ государственныхъ долженствуетъ гражданская вольность главнѣйшимъ быть намѣреніемъ.

§. 236.

Выборъ правленія образа зависитъ отъ обстоятельствъ народа.

Гражданская сія вольность можетъ достигнута быть во всѣхъ разныхъ правленія образахъ. И такъ выборъ правительства, или учиненное преимущественное предъ прочими онаго принятіе долженствуетъ зависить отъ особливаго состоянія и обстоятельствъ народа, на которыя взирать надлежитъ по общественномъ благополучіи при сочиненіи всѣхъ и каждаго закона (§. 141.). Многочисленному народу прибыточнѣе всегда избрать единовластіе, ибо великое число случающихся дѣлъ и произшествій въ обширной области, когда оныя надлежащимъ образомъ исполнять, требуютъ такія дѣятельности, которую одно только единоначаліе дать можетъ (§. 108.); для не большагоже народа полезно учредить народоначаліе. Не большая область не можетъ безъ крайняго своего убытка содержать издержки и великолѣпіе, нужныя для владѣтеля, и имъ всегда чинимыя. Ежели такой малочисленной народъ воспосадитъ себѣ государя, то сей ощутитъ пріумножительное желаніе или обыкновенную страсть владѣтелей, сіе жъ самое приведетъ область во многія не нужныя войны; когда великой или больше нежели посредственной народъ живетъ на островѣ или съ моремъ граничитъ, и намѣреніе свое устремляетъ на купече-

печество и мореплаванiе, то весьма будетъ для него прибыточно избрать смѣшенной правленiя образъ, ввѣряющей Государю исполнительное, народу же законодательное могущество. Посредствомъ сего правленiя образа такой народъ получитъ дѣятельность единовластiя, и возможетъ самъ законодательною своею властiю прилагать попеченiе о всемъ, купечеству его и мореплаванiю споспѣшествующемъ и усугубляющемъ, не вдаваясь опасности, которой таковыя дѣла во время правительства худаго владѣтеля подвержены бываютъ. Знатному народу, тучныя и плодородныя зéмли обитающему надобно учредить единодержавiе; ибо оной всегда будетъ находиться въ хорошемъ состоянiи, когда останется при обильномъ своемъ земледѣлiи: сего можетъ оной надѣяться отъ самодержавiя, котораго свóйство состоитъ въ имѣнiи всегда набраннаго наличнаго войска; какъ напротивъ того жителямъ гористыя землй прилично, въ общенародiи жить; понеже они сами въ состоянiи бываютъ, защищать область свою по причинѣ горъ, не имѣя наличнаго войска, бываемаго общенародiю всегда въ тягость, такожъ и не рѣдко оное устрашающаго. Таковыя гористыя и неплодныя зéмли учинятся людямъ прiятными единственно драгоцѣнною вольностiю въ общенародiяхъ царствующею, и будутъ весьма оселены.

§. 237.

Когда правленiя образъ единожды постановится, то посемъ основываетса въ единовластiяхъ и смѣшенныхъ правленiяхъ наслѣдство въ правительствѣ на естествѣ избраннаго правленiя óбраза, ежели токмо во основанiе полагаемые законы съ мудростiю установляются. Согласно естеству единоначалiя, чтобъ воономъ *О законахъ воснованiе положенныхъ, касательно наслѣдства въ правленiи.*

было родонаслѣдіе; ибо какъ въ семъ правленіи народъ съ совершенною довѣренностію повергаетъ себя правителю во объятія, то надлежитъ присоединить его государству тѣснѣйшимъ союзомъ, и возжечь въ немъ побужденіе толь сильное для всѣхъ людей подкрѣпленіе, а именно: чтобъ онъ трудясь о общемъ благѣ, въ тоже самое время радѣлъ и облагополучіи своего рода. Ежели народъ въ законахъ своихъ во основаніе положенныхъ не захочетъ дозволить Государю своему наслѣдства рода его, то тѣмъ немало повредитъ самые сіи законы; ибо владѣтель имѣющей въ рукахъ своихъ всю власть, и могущей дѣлать благодѣяніе и зло, утвердитъ наслѣдство въ родѣ своемъ противъ воли и намѣренія народа. Какъ напротивъ того согласно естеству смѣшеннаго правленія составленнаго изъ единоначалія и многоначалія, чтобъ Государь былъ въ немъ избираемъ; потому что наслѣдственно правительствующей родъ можетъ легко истребить многоначаліе; такъ какъ само искуство доказало сего событіе, кромѣ одной Польши на всѣхъ прежде бывшихъ государствахъ въ Европѣ, въ которыхъ долгое время избирались наслѣдники изъ одного рода. Совсѣмъ же другое обстоятельство есть въ смѣшенномъ правленіи, состоящемъ изъ единоначалія и народоначалія. Родонаслѣдство ему сродно. Вообщежъ несумнѣнно есть, что народъ въ полагаемыхъ во основаніе законахъ родонаслѣдіе утверждаетъ не для блага правительствующаго рода, но ради собственнаго своего благоденствія на избѣжаніе раздора и внутреннаго безпокойства при выборахъ бываемыхъ. Ибо, ежели бы люди хотя половину здраваго разума имѣли, и ежели бы плачевное и всегда бываемое искуство недоказывало, что имѣющіе въ выборѣ довѣренность почти всегда поноснѣйшей подлости рабо-

лѣп-

дѣйствуютъ, особливой свой прибытокъ и побочныя намѣренія общему благу предпочитаютъ, то бы не надобно было никогда имѣть родоваго наслѣдства; а выбрать бы надлежало въ Государи премудрѣйшаго, справедливѣйшаго и достойнѣйшаго. Но злощастная необходимость принуждаетъ людей избирать между двумя злами малѣйшее, то есть родонаслѣдіе. И такъ когда не желать противурѣчить здравому разсудку, то должно признать непрекословнымъ сіе положеніе, а именно: что наслѣдство въ родѣ утверждается не для благополучія правительствующаго рода, но для благоденствія совокупныя области. Изъ сего произходитъ начальное правило политическаго права, могущаго во многихъ случаяхъ служить къ разрѣшенію, то есть: что народъ, по силѣ начальныя своея власти, право всегда имѣетъ дѣлать о наслѣдіи въ правительствѣ установленія, и изключать отъ наслѣдства и ближайшихъ по крови, другую вѣру, или владѣніе сильнаго государства имѣющихъ, или по другимъ обстоятельствамъ къ правленію не способнаго; однако право сіе принадлежитъ единственно народу (§. 46.) и Государь завѣщаніемъ или какимъ другимъ торжественнымъ установленіемъ наслѣдіе утверждающей, противоборствуетъ естеству и существу государствъ, и мучительски оскорбляетъ начальную власть народа, долженствующую отъ него всегда святопочитаемою быть, понеже ею одною учиненъ онъ то, что есть.

§. 238.

Гражданская вольность должна во всѣхъ прочихъ во ос-

Всѣ сіи во основаніе положенные законы о наслѣдствѣ и правленія образѣ должны имѣть намѣреніемъ благоденствіе области и вольность гражданина (§. 235.); и самыя сіи положенія долженствуютъ служить основаніемъ при всѣхъ

нованіе полагаемыхъ учрежденіяхъ быть главнѣйшимъ правиломъ.

другихъ учрежденіяхъ, на примѣръ въ преимуществахъ и содержаніяхъ разныхъ чиновъ и раздѣленіи народа между собою, при установленіи преподанія правосудія (§. 67.), что равномѣрно принадлежитъ такожде къ начальнымъ установленіямъ. Постановленіе сіе, какимъ образомъ преподавать правосудіе требуетъ особливо мудраго весьма прозрѣнія. Отъ сего зависитъ по большой части и вольность гражданина (§. 53.) въ смѣшенныхъ же правленіяхъ равновѣсіе разныхъ властей, истинную вольность гражданина производящее, требуетъ великія осторожности, кому препоручить судебную власть.

§. 239.

Политическая вольность есть основаніемъ служащее положеніе для всѣхъ государственныхъ правилъ противъ чужестранныхъ державъ.

Политическая вольность, или вольность государства есть основаніемъ служащее положеніе, на которое правители въ поведеніяхъ своихъ и мѣрахъ въ разсужденіи другихъ державъ взирать долженствуютъ; ибо въ извѣстномъ отношеніи составляетъ она охранность и самаго владѣтеля. Двоякимъ же образомъ могутъ разрушиться гражданскія учрежденія. Область уничтожается, когда взята будетъ другою державою, и лишится прежняго своего правленія, и гражданскаго установленія, и граждане, составлявшіе до сего особливую область или народъ принуждены будутъ или гражданами или невольниками принять иное господство. Область сія погибнетъ такожде, когда необходимо должна будетъ зависить отъ другія державы такимъ образомъ, что оная страха ради покорившія власти не возможетъ въ дѣйство производить потребнаго къ поспѣшествованію своего благополучія. Верьховная власть есть существенное свойство всякія державы, чемъ оная отъ простаго общества отличается. Симъ государство всякое образуется; когда жъ оное не

имѣетъ больше верьховныя своея власти, когда не можетъ соединенныя своея силы употреблять къ своему благоденствію; то не существуетъ уже и намѣреніе и подлинное его свойство, слѣдовательно, и государство какъ будто изчезнетъ. И какъ самоохраненіе есть высочайшей естества законъ, къ которому всѣ роды существъ наиглавнѣйше дѣйствія свои направлять долженствуютъ, то посему непремѣнно надлежитъ и области совокупной главнѣйшимъ правиломъ всѣхъ своихъ дѣхъ въ разсужденіи чужестранныхъ державъ постановить свое самохраненіе, состоящее въ политической вольности. Однако ежели она заблагоразсудитъ для сего самоохраненія и утвержденія политическія своея вольности начать дѣйствительно войну, то надобно страху быть неизбѣжну и очевидну, такъ какъ мы о семъ показали въ первомъ отдѣленіи о народномъ правѣ. Въ разсужденіи дальныя и неизвѣстныя опасности, хотя и должна держава всемѣрно наблюдать всякую осторожность, понеже требуетъ того ея самоохраненіе, однако ненадобно ей ничего инаго употреблять, кромѣ союзовъ, обнадеживаній, взаимной обороны и защиты, внутренняго укрѣпленія и предпріятій благоразуміемъ предписываемыхъ. Посемъ должна каждая область въ поведеніяхъ своихъ и въ предпріемлемыхъ мѣрахъ въ отношеніи съ другими державами смотрѣть особливаго прибытка своего, произходящаго изъ состоянія и намѣренія его купечества такожъ и другихъ предметовъ. Но сія государственная польза долженствуетъ бысть вторымъ примѣчаніемъ, и слѣдовательно никогда не предпочитается правилу охраненія политическія вольности. Неблагоразумно поступаютъ тѣ державы, которыя ради настоящаго особливаго прибытка, на будущее время политиче-

скую вольность свою вдаютъ опасности, между тѣмъ научаетъ насъ Исторія, коль много сего въ свѣтѣ бывало.

§. 240.

Государству надобно стараться силы свои съ силами сосѣдственныхъ державъ приводить въ уравненіе.

А дабы области политическую свою вольность сохранять могли, то надобно имъ на сіе извѣстная сила. Сила сія и мощь народная есть относительное понятіе касающееся силъ другихъ а особливо сосѣдственныхъ державъ; и посредственная область, сильными государствами ограниченная и въ сравненіи съ оными слабою почитаемая, была бы сильна, ежели бы окружена была небольшими областями. И такъ главнѣйшее правило политическихъ законовъ есть такожде и сіе, чтобъ каждая область старалась силу свою, какъ возможно, уравнять силамъ сосѣдовъ своихъ; ибо отъ того зависитъ политическая ея вольность и безопасность. Государство же имѣетъ токмо два пути къ приведенію въ соравненіе силъ своихъ съ силами сосѣдственныхъ державъ, а именно: вопервыхъ надлежитъ ему всеприлѣжно рачить всегда о умноженіи своихъ силъ внутреннихъ, и о надлежащемъ предписаніи въ разсужденіи оселенія купечества, домостроительства и другихъ внутреннихъ дѣлъ политическими законами, но и законы о доходахъ государственныхъ бываютъ чрезъ то вторымъ родомъ политическихъ узаконеній. Слѣдовательно и гражданскіе законы должны всегда соотвѣтствовать политическимъ, о чемъ мы ниже сего обстоятельнѣе покажемъ, понеже вольность есть высочайшее благо государства; посемъ слѣдуетъ второй путь; чтобъ область старалась мудростію своею силу сильнаго сосѣда раздѣлить, и въ слабость привесть. Я нарочно говорю здѣсь, мудростію своею; понеже правила

вила мудрости суть всегда справедливы и дозволенны, потому что собственная вольность и безопасность каждому государству въ разсужденіи самоохраненія бываетъ всѣхъ драгоцѣннѣе. Но не будетъ согласно ни мудрости ни правосудію войною напасть на область, чтобъ ея ослабить, ибо война и насъ самихъ почти также ослабляетъ, какъ и непріятелей нашихъ.

§. 241.

Государству надлежитъ приводить себя въ хорошее оборонительное состояніе.

Мощь или сила государственная есть двоякая, нападательная, и оборонительная, и обѣ между собою весьма разнятся. Государство можетъ весьма сильно быть къ защищенію, а не къ нападенію; сіе жъ можетъ еще быть обратительнымъ образомъ. Сила защищенія произходитъ отъ естественнаго положенія и предѣловъ выгодныхъ, защищеніе подкрѣпляющихъ и удобность къ тому подающихъ, отъ многочисленныхъ и сильныхъ крѣпостей, и отъ изрядныхъ пріуготовленій и учрежденій, и въ семъ свойственно состоитъ истинная сила государства. Чемъ больше затрудненій и препонъ можетъ область противоположить своимъ непріятелямъ, напасть на нея хотящимъ; чѣмъ больше средствъ имѣетъ оная неизмѣнно содержать себя въ своемъ состояніи, тѣмъ сильняе надлежитъ ея почитать; ибо нападеніе въ рѣдкихъ случаяхъ дозволяется ей и бываетъ полезно, отъ защищенія же зависитъ ея политическая вольность, безопасность и вообще большая часть ея благополучія. Государство въ нападеніи мощное, въ оборонѣ же безсильное, не произведетъ ничего важнаго въ дѣйство своимъ нападеніемъ, ибо непріятель, какъ скоро въ область его войдетъ, то оно принуждено будетъ оставить всѣ успѣхи нападенія и свою землю собственную защищать.

И такъ главное правило политическихъ законовъ состоитъ въ томъ, чтобъ государство всячески старалось въ оборонѣ весьма укрѣпиться; и когда уже однажды находиться будетъ помощію естественнаго своего мѣстоположенія и удобностію предѣловъ своихъ, также и посредствомъ крѣпостей своихъ въ сильномъ оборонительномъ состояніи, то не будетъ для него полезно, дѣлать завоеванія, чрезъ которыя являетъ непріятелямъ своимъ, слабую свою сторону для учиненія нападенія, стараясь же взятое защитить и удержать, то сообщается чрезъ сіе слабость сія въ завладѣніи чужаго, и собственной своей области. Отдаленныя же войны никогда имѣть не надлежитъ, не возмогши тогда подкрѣпленія получить изъ своей земли, найдетъ въ предпріятіяхъ своихъ непреодолимыя затрудненія и препятствія, и деньги рѣками потекутъ изъ государства.

§. 242.

Въ какомъ правленія образѣ къ оборонѣ области жителей или гражданъ употреблять надлежитъ.

Не взирая на то, что каждой подданной имѣетъ долгъ къ охраненію государства и правителя не щадить ни добра своего ни своея крови (§. 125. 126.); однако естество народоначалія требуетъ, употреблять самихъ гражданъ или жителей къ оборонѣ области. Здѣсь, гдѣ житель, Государь и подданной (§. 83.) вкупѣ, имѣетъ каждой и кромѣ общественнаго благоденствія, особливой великой прибытокъ, область сохранить въ томъ состояніи. Войны, несущіе граждане, будутъ народоначалію всегда опасны, и кажутся внутреннимъ потаеннымъ непріятелемъ; да и воинство необыкновенно повиноваться гражданамъ, а склонно всегда къ сторонѣ единоначалія. Съ начала самаго, какъ утвердилось Нидерландское общенародіе, собственное его войско было всегда преклонно Статгальтерамъ,

терамъ, которые бы могли его употреблять по своему блогаизображенію противъ самаго сего общенародія, ежели бы токмо хотѣли онымъ овладѣть. Такія же отъ жителей, обороны требуетъ и естество смѣшенныхъ правленій; понеже они въ сохраненіи области въ ея состояніи настоящемъ, имѣя во власти ея участіе собственной свой прибытокъ находятъ. И для того Англія дѣлаетъ весьма благоразумно, что оборону свою полагаетъ на земское войско, на которое больше нежели на набранное надѣется, понеже симъ послѣднимъ въ сохраненіи правленія óбраза мало нужды. Здѣсь изъятіе здѣлать надлежитъ при смѣшенномъ правленіи изъ единоначалія и многоначалія состоящемъ, и не великое число благородства имѣющемъ. Но когда ужѐ благородство есть, то оборона области произходитъ отъ благородства, которое свойственно въ правленіи семъ гражданствомъ почесться должно. Ибо настоящей гражданинъ и земледѣлецъ здѣсь не значатъ ничего. Однимъ, токмо самодержавіямъ и многоначаліямъ прилично, набраннымъ войскомъ государство защищать; единоначалію не надлежитъ гражданину дѣлать помѣшательства въ прилѣжаніи его и чаемой изъ того пользы; ибо сіе то самое единственная есть ему награда за принесеніе на жертву всего своего въ верьховной власти участія, и за вспоможеніе имѣніемъ своимъ къ тратамъ государственнымъ. Многоначаліе не можетъ силы государственныя поручить гражданамъ, коихъ угнѣтаетъ и отъ всякаго содѣйствія въ верьховной власти изключаетъ. Согласно естеству, надѣяться всегда лучшаго государству защищенія, когда оборона находится въ рукахъ гражданъ, тѣснѣйшимъ союзомъ къ области при соединенныхъ, нежели отъ набраннаго войска. Всѣ доблественныя дѣлà Римлянъ и Гре-

ковЪ произведены вЪ дѣйство гражданами, и мужество Римское вскорѣ весьма умалилось, какЪ легіоны начали составляться по большой части изЪ набранныхЪ воиновЪ и варваровЪ. И самыя великія МакедонянЪ дѣла при *Филиппѣ* и *Александрѣ великомЪ* учинены гражданами области имѣвшей смѣшенное правленіе, состоящее изЪ единоначалія и народоначалія. Македонскіе Цари были весьма ограниченные государи, потому что Македонскіе воины вЪ общихЪ собраніяхЪ своихЪ одни право имѣли судить о животѣ и смерти, такЪ какЪ изЪ *Курція* сіе многими мѣстами явствуется. Посему не дивно, что мы нынѣ толь мало видимЪ подобнаго дѣламЪ древнихЪ, и когда наиразумнѣйшіе и храбрѣйшіе полководцы наши не всегда что нибудь здѣлать могутЪ. Нынѣшнее воинство наше весьма отлично отЪ Греческаго и Римскаго. ТамЪ сражались граждане тѣснѣйшимЪ и неразрывнымЪ союзомЪ кЪ области присоединенные, нынѣ же обороняютЪ государство челядь за малую цѣну служащая. Она хотя и можетЪ исполнена быть предсужденіемЪ чести, и самой себя забытіемЪ, такЪ какЪ *Кромпелевы* воины; но сіи суть слабыя подкрѣпленія, не могущія составить постоянного и на всѣ случаи равнодушнаго мужества. Сіе самое есть причина толь часто бываемыхЪ перемѣнЪ нынѣшняго военнаго щастія.

ОСЬМОЕ

ОСЬМОЕ ОТДѢЛЕНІЕ
О
ЗАКОНАХЪ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ ДОХОДОВЪ.

§. 243.

Начало и изъясненіе законовъ касающихся доходовъ государствъ.

Когда многіе одинакіе роды народъ составить желаютъ; то надобно имъ соединить одинакія свои силы въ одну силу, и употребленіе соединенныя сея силы есть составляющее верьховную власть и существо государства (§. 25). Соединенная сія сила состоитъ наиглавнѣйше въ общемъ имѣніи государственномъ; и суть токмо два пути, къ употребленію сего имѣнія. Жители государства должны жить или въ обществѣ имѣнія на подобіе одинакого большаго семейства, или когда раздѣлятся по поверьхности, которую оселять и введутъ собенность, надобно имъ предоставить для всего государства особливую собственность; также долженъ каждой гражданинъ или житель въ случающейся, надобности изъ собственнаго своего стяжанія давать потребное на общественное содержаніе, или напроизведеніе въ дѣйство соединенныя силы. А какъ общественность имѣнія можетъ быть токмо въ маломъ общенародіи, а притомъ требуетъ великія осторожности, и весьма премудрыхъ законовъ, дабы не истребить прилѣжанія и трудовъ гражданъ, слѣдовательно и дѣятельности всея области, то собственность почти у всѣхъ народовъ въ свѣтѣ и во всякое время введена была; и по сему существенное свойство государства

дарства состоитЪ вЪ томЪ, дабы граждане изЪ собственнаго имѣнія своего нѣчто давали на вспомоществованіе ко общественнымЪ издержкамЪ. И по сему надобно для того законы, свойственно опредѣляющіе; какЪ управленіе особливо оставленнаго государственнаго имѣнія, такЪ и содержаніе гражданЪ вЪ даваніи кЪ тому потребнаго: сіи законы называются, доходовЪ государственныхЪ (камеральные и финанцЪ-законы).

§. 244.

Для чего оные принадлежатЪ кЪ главному роду политическихЪ законовЪ.

НѣтЪ и сумнѣнія вЪ томЪ, что сіи законы принадлежатЪ кЪ главному роду политическихЪ законовЪ. СихЪ послѣднихЪ существенное свойство состоитЪ вЪ томЪ, что они сопряженіе цѣлаго государства, и содержаніе правительствующихЪ и повинующихся, или разныя степе́ни и чины народа опредѣляютЪ (§. 133.). Законы же о доходахЪ государственныхЪ постановляютЪ содержаніе какЪ вЪ разсужденіи особливаго государственнаго имѣнія, и вспомоществованія гражданЪ на издержки верьховной власти, такЪ равномѣрно и того, какЪ разные народа чины, вЪ разсужденіи тако́ваго вспоможенія одинЪ противЪ другаго, содержаны быть долженствуютЪ. Управленіе особливаго государственнаго имѣнія и вспоможеніе подданныхЪ на государственныя траты, касаются вопервыхЪ употребленія и произведенія вЪ дѣйство соединенныя государственныя силы. Все́ же непосредственно силѣ и внутренней крѣпости государства касающееся, безспорно принадлежитЪ кЪ политическимЪ законамЪ. СверьхЪ того первѣйшіе законы доходовЪ государственныхЪ принадлежатЪ всегда кЪ положеннымЪ во основаніе законамЪ: ибо когда государство устрояется; то непремѣнно надлежитЪ разсудить

дить притомъ о иждивеніи, потребномъ гражданскому учрежденію. И какъ оныя суть основаніемъ служащіе законы, то по сему и надлежитъ ихъ почитать политическими законами.

§. 245.

Разделеніе государственнаго имѣнія, что и есть предметъ попеченія о доходахъ государственныхъ.

Государственное имѣніе есть противостояніе законовъ о доходахъ государственныхъ. Сіе имѣніе надлежитъ раздѣлить на двѣ части, въ общее государственное имѣніе, (къ чему принадлежатъ такожде и имѣніе подданныхъ), и въ особливое государственное имѣніе, подъ чемъ разумѣется предоставленное области особливо въ ея собственность. Отъ сихъ двухъ родовъ государственнаго имѣнія отличается наличное государственное имѣніе, извлекаемое изъ обоихъ прежнихъ имѣнія родовъ, яко пользуемость для случающихся государственныхъ тратъ, которыя потому государственными доходами называются. Вся попечительность, дѣло сіе объемлющая, состоитъ въ намѣреніи извлекать наличное сіе имѣніе, или пользуемость изъ общаго и особливаго государственнаго имѣнія на доставленіе области средствъ въ разсужденіи нужныхъ тратъ; въ самомъ же основаніи ничего инаго не бываетъ, какъ то, что питательные соки соединенныя силы направляются и къ дѣятельности и исполненію готовѣйшими чинятся (§. 243.). Ибо безъ доходовъ, или наличнаго имѣнія, то есть, безъ извѣстныхъ средствъ, яко произходящаго отъ соединенія плода, не можетъ оказать соединенная сила никакія дѣятельности.

§. 246.

Намѣреніе и всеобщее

И такъ можно по сему разсудить въ чемъ состоитъ намѣреніе законовъ государственнаго

имѣнія

основаніе законовЪ о доходахЪ государственныхЪ.

имѣнія касающихся; какЪ всѣ законы утверждаться должны на государственномЪ благоденствіи, какЪ на первѣйшемЪ и высочайшемЪ своемЪ законѣ (§. 38.); то и особливое намѣреніе законовЪ о государственныхЪ доходахЪ не можетЪ иное что быть, какЪ доставить области всю возможную дѣятельность и силу доходами его, и производимою изЪ общаго его или особливаго имѣнія пользою. Доходы государственные имѣютЪ такое жЪ обстоятельство какЪ и питательные соки тѣла. Когда всѣ части состоятЪ вЪ безвредности, и питательные соки исправно отдѣляются, то получаетЪ тѣло и всю надлежащую крѣпость: точно тожЪ бываетЪ и вЪ тѣлѣ государственомЪ. Когда извлекаются всѣ воспользованія изЪ государственнаго имѣнія по справедливому содержанію, когда присоединятся соединенной силѣ или верьховной власти, и надлежащимЪ образомЪ употребятся; то тогда область всю будетЪ имѣть крѣпость и дѣятельность, кЪ чему она по обстоятельству состоянія своего способна. Таковое намѣреніе разсуждаемыхЪ нами теперь законовЪ преподаетЪ намЪ вЪ тожЪ самое время всеобщее начальное положеніе, а именно: законы государственнаго имѣнія должны доставить области всю ту силу и дѣятельность, кЪ которымЪ она способна; изЪ сего безЪ затрудненія явствуется, что всѣ особливыя прáвила и предписанія для двухЪ важностей, то есть: збора доходовЪ и ихЪ употребленія или выдачи, изЪ сего всеобщаго положенія непосредственно произтекаютЪ.

§. 247.

Первое начальное прáвило: поль-

Каждое непомѣрное силы напряженіе, то есть, злоупотребленіе есть ея уменьшеніе (§. 26.). И такЪ государство, желающее изЪ общаго

щаго и особливаго имѣнія своего, производитъ больше пользы, нежели оное по настоящему содержанію своему можетъ произвесть, хотя и умножитъ на тотъ часъ силу свою, но потомъ умалитъ ея или вовсе или на долгое весьма время. Сіе жъ самое противно всеобщему основаніемъ служащему положенію законовъ касающихся управленія государственнаго имѣнія, а именно: что области чрезъ сіе надлежитъ получить всю дѣятельность и силу, къ которымъ токмо способна. По сему первѣйшее пра́вило попечительности о доходахъ государственныхъ будетъ сіе: всеобщимъ и особливымъ государственнымъ имѣніемъ пользоваться надлежитъ такъ, чтобъ чрезъ то какъ само сіе имѣніе такъ и будущіе доходы его не были умалены. По сему пра́вилу не можетъ вопервыхъ область продать казеннаго своего имѣнія, ни изъ доходовъ своихъ уступить нѣчто навсегда, ибо чрезъ то на будущее время доходы ея умалятся, также и произведеніе и дѣятельность соединенныя ея силы ослаблены будутъ. Согласно сему же пра́вилу, не должно правительству чрезмѣрныя пользы требовать, какъ отъ всеобщаго имѣнія, такъ и отъ имѣнія частныхъ людей, чтобъ не коснуться существу перваго, а подданной бы жить могъ, не претерпѣвая недостатка въ нужномъ къ содержанію своему. Первое противно намѣренію обществъ, то есть общественному благоденствію: ибо никакое предпріятіе не можетъ быть толь прибыточно для государства, чтобъ для онаго пóдати возвышены были на такую степень, что нѣкоторая часть подданныхъ принуждена будетъ, здѣлать убавку въ нужномъ къ своему пропитанію. Второе же уменьшаетъ силы области, и слѣдовательно идетъ вопреки общему осно-

Зованїемъ не должно никогда уменшать какъ самого имѣнїя, такъ и доходовъ.

основаніемъ служащему положенію въ законахъ касающихся государственныхъ имѣній правленія; для того что, коль скоро подданные обѣдняютъ; то чрезъ сіе безспорно ослабѣютъ соединенныя силы государственныя, утверждающіяся на силахъ одинакихъ родовъ. Изъ сего произходитъ другое правило, для законовъ государственныхъ имѣній правленія, весьма важное, а именно: подати долженствуютъ собираемы быть съ прибытка подданныхъ, да и въ такой мѣрности, чтобъ и сами подданные отъ остатковъ прочія прибыли жить могли.

§. 248.

Второе правило: подати должны собираемы быть со всякимъ справедливымъ уравненіемъ.

Второе главное правило законовъ поставляющихъ государственныхъ имѣній управленіе состоитъ въ томъ, чтобъ подати собираемы были со всякимъ справедливымъ уравненіемъ. Сего требуетъ не токмо всеобщее основаніемъ служащее положеніе; ибо въ противномъ случаѣ одна часть подданныхъ обѣднѣетъ, слѣдовательно чрезъ то и государственныя дѣятельность и сила ослабѣютъ. Сіе самое согласно естеству и намѣренію областей; ибо какъ всѣ граждане и жители будутъ равное участіе имѣть въ общественномъ благоденствіи, то и должны они посему всѣ равное области чинить вспоможеніе. Равенство сіе долженствуетъ естественнымъ образомъ основано быть на великости имѣнія ихъ, понеже большее стяжаніе имѣющіе, пользуются наибольшимъ защищеніемъ и благодѣяніями отъ государства, и ежели бы всѣ жители безъ уваженія притомъ такого уравненія въ разсужденіи имущества, равныя подати давали, то всѣ бы не богатые пришли чрезъ то въ крайнюю нищету, а сіе причинило бы дѣятельности и силамъ государственнымъ весьма великой

великой вредъ. Такое въ подашяхъ уравненіе, составляетъ въ правленіи государственнаго имѣнія великое дѣло, и требуетъ многихъ учрежденій и законовъ. Согласно оному необходимы суть измѣреніе оселенныя или во владѣніи состоящія земли, разсмотреніе доброты ея, изчисленіе ею производимаго, и раздѣленіе ея на извѣстныя степени, плодоношенію ея сообразныя; однако совсѣмъ тѣмъ едваль можно здѣлать справедливое уравненіе; понеже доброта, образъ и подобіе произходящей отъ того пользы почти безконечно между собою разнятся, къ тому жъ и дѣлающіе уравненіе бываютъ такожде подвержены порокамъ, заблюжденіямъ, страстямъ, и побочнымъ намѣреніямъ. Между тѣмъ не большее неравенство не вредитъ, когда подати не столь велики, чтобъ могли платящихъ оныя лишить и пропитанія; при добромъ же правленіи безъ сумнѣнія сему быть не надлежитъ.

§. 249.

Третіе главное правило: податямъ должно быть по естеству и состоянію области.

Вышесказанные законы долженствуютъ сообразны быть естеству и состоянію области, а по сему и предпріемлемымъ мѣрамъ къ ея поправленію. Сіе есть третіе главное правило; исправность же и слѣдствіе его весьма видимы суть изъ всеобщаго основаніемъ служащаго положенія, понеже главное его намѣреніе состоитъ въ умноженіи дѣятельности и силы государственной. Я не могу согласиться съ господиномъ *Монтескю*, въ томъ, что онъ въ третейнадесять книгѣ сочиненія своего въ нѣкоторыхъ мѣстахъ упоминаетъ, о постановленіи податей по естеству правленія образа; и нахожу въ томъ больше остроты, нежели основанія. Однако надлежитъ же присемъ утвердить, чтобъ подати всегда соотвѣтствовали естеству

и особливымЪ подкрѣпленіямЪ каждаго правленія образа. Не согласно будетЪ сЪ народоначаліемЪ, на совершенномЪ равенствѣ утвердающемся, чтобЪ кто нибудь изЪ подданныхЪ уволенЪ былЪ отЪ податей; какЪ напротивЪ того вЪ единоначаліи сему быть возможно и надлежитЪ; и подушной сборЪ какЪ сЪ крестьянина такЪ и сЪ господина оскорбилЪ бы естество единодержавія. РавномѣрнымЪ образомЪ освобожденіе благородства отЪ всѣхЪ податей вЪ многоначаліи, котораго подкрѣпленіе есть самого благородства умѣреніе, противно будетЪ естеству сего правленія образа. Подати долженствуютЪ еще поддерживать подкрѣпленія правленія образовЪ. Сіе самое утвердили Аѳиняне весьма мудрымЪ узаконеніемЪ о казенныхЪ сборахЪ, поставляющимЪ повидимому великое неравенство вЪ поборахЪ, равенство же гражданЪ, сему народоначалія подкрѣпленію весьма изрядно поспѣшествовавшимЪ. МещанинЪ получавшій ежегодно сЪ земли своея по 200. мѣрЪ всякаго плода, давалЪ подати по 10. минЪ, какЪ напротивЪ того гражданинЪ, коего доходы ежегодно же простирались таковыхЪ плодовЪ до 500. мѣрЪ, долженЪ былЪ платить цѣлой талантЪ или 60. минЪ, слѣдовательно вЪ шестеро болѣе; по прежнемуже бы разчисленію надобно было ему заплатить только 25. минЪ. Однако сей законЪ весьма соотвѣтствовалЪ естеству народоначалія, требующаго, вЪ разсужденіи стяжанія, по самой возможности совершеннаго гражданЪ равенства. И такЪ законЪ сей нетокмо предпоставлялЪ то, чтобЪ всѣ граждане, одинакое содержаніе имѣли, и подати бы платили изЪ остатковЪ излишняго, но и хотѣлЪ еще наиглавнѣйше воспрепятствовать, дабы никто изЪ гражданЪ весьма преимущественно-

ствен-

ственнаго не получалъ богатства. Удивително, что господинъ *Монтескю* о законѣ семъ не разсуждалъ по естеству Аѳинскаго правленія, оказавъ въ прочемъ желаніе безъ всякаго основанія найтить при другихъ о сборахъ установленіяхъ соотвѣтствіе съ образомъ правленія. Таковымъ подобіемъ можно еще и нынѣ изрядно управлять посредствомъ податей недвижимую собенность подданныхъ.

§. 250.

Четвертое начальное пра́вило; податямъ надобно имѣть извѣстное и неложное основаніе.

Четвертое начальное пра́вило законовъ о сборахъ государственныхъ состоитъ въ томъ, что по́дати должны имѣть извѣстное и неложное основаніе, то есть, чтобъ они на такіе предмѣты съ точностію установлены были, при которыхъ опредѣленныя казны похищать и окрадывать, такожъ и подданныхъ утѣснять и высасывать не могли, или бы и подданные сами хитростію и обманами отъ должныхъ податей не избѣгали. Всѣ сіи три случая причиняютъ вредъ какъ государству, такъ и жителямъ, слѣдовательно и приводятъ въ слабость силы области. Изъ сего начальнаго пра́вила произтекаютъ еще многія другія, а именно: что казенныхъ податей а особливо неизвѣстныхъ никогда не надлежитъ отдавать на откупъ; ибо откупщики не могутъ никогда содержаны быть въ такомъ ограниченіи и смотреніи, чтобъ они для подданныхъ многообразныхъ томленій и притѣсненій не придумали. Искуство всѣхъ временъ довольно показало, что откупщики всегда были и суть народа кровопійцы. Второе изъ того жъ произходящее пра́вило есть то, чтобъ по́дать сбираема была съ людей, а не съ вещей, въ работу идущихъ; понеже сія такъ называемая внутренная пошли-

на такъ подданнымъ отяготительна, что излишное будетъ пространно о томъ разсуждать.

§. 251.

Пятое начальное правило: все государственныя издержки должны установлены быть единственно нужды ради и къ благосостоянію области.

Наконецъ пятое и последнее начальное правило законовъ о сборахъ государственныхъ состоитъ въ томъ, чтобъ все издержки казенныя единственно установлены были для нуждъ, и на благосостояніе государственное. Наличное именіе есть средство къ деятельности государства. Ежели средство сіе непотребнымъ образомъ употребится, то государство не возможетъ иметь деятельности, поспешествующей его благоденствію. Оно будетъ подобно человеку, удручающему силы свои вредительнымъ времени препровожденіемъ, и расточающему именіе свое непотребнымъ образомъ. Но когда государство издержки свои захочетъ употребить на свою нужду, и къ своему благосостоянію, то надобно принять притомъ въ уваженіе, нужное полезное и благопристойное. Во первыхъ надлежитъ определить все выдачи потребныя на его содержаніе, и на неминуемыя надобности. Потомъ можетъ постановить поспешествующія пользе и цветущему состоянію; а наконецъ не прежде какъ после сихъ, мыслить уже должно о укрощеніи и благопристойности. А дабы о каждой издержке разсудить можно было по не обходимости ея и нужде, то надлежитъ всемъ выдачамъ зделать роспись, а противъ оныхъ тутъ назначить и доходы, и потомъ выложа сравнять, дабы по правиламъ добраго домостройства, государству больше, нежели частному человеку, нужнаго, розходъ не превзошелъ, прихода.

ДЕВЯТОЕ

ДЕВЯТОЕ ОТДѢЛЕНІЕ
О
ГРАЖДАНСКИХЪ ЗАКОНАХЪ.

§. 252.

Существенная особливость свойственныхъ гражданскихъ законовъ, и дальнѣйшее оныхъ раздѣленіе въ гражданскіе и наказательные.

Теперь приступаемъ мы ко второму главному роду законовъ, а именно: гражданскихъ, раздѣляющихся еще въ гражданскіе и благоустроственные (§. 183.). Такъ какъ мы въ предшедшихъ двухъ раздѣленіяхъ видѣть могли, что существенность политическихъ законовъ наиглавнѣйше состоитъ въ опредѣленіи содержанія и сопряженія всего государства или народа; то равномѣрнымъ сему образомъ и существо гражданъ между собою, или точное показаніе, какія должности подданнымъ другъ противъ друга наблюдать надлежитъ; поелику они суть граждане одной и той же области. Справедливость заключаетъ въ себѣ всѣ помянутыя обязанности (§. 106.). И такъ вмѣстительное понятіе всѣхъ свойственныхъ гражданскихъ законовъ есть наставленіе гражданъ къ междоусобной справедливости; оная двоякимъ образомъ можетъ нарушена быть: вопервыхъ заблужденіемъ, незнаностію, и сомнѣніемъ о подлинности правъ, а потомъ съ намѣреніемъ преступается, такъ что несправедливость сего послѣдняго каждымъ видима быть можетъ. Изъ сего происходятъ два рода свойственныхъ гражданскихъ правъ, а именно: гражданскіе законы въ тѣсномъ разумѣніи, примиряющіе подданныхъ ссоры происходящіе отъ

заблужденія ихЪ, и сумнѣнія о правѣ, такожде и отЪ незапности, и вЪ законы наказательные, истязующіе преступленіе гражданскихЪ должностей сЪ намѣреніемЪ учиненное, коего исполненіе сЪ нещастливыми слѣдствіями, хотя бы то и незапностію учинилось, каждой легко видѣть можетЪ. ОднимЪ словомЪ первые прекращаютЪ несогласія гражданЪ, яко гражданЪ, вторые наказываютЪ преступленія, исполнители которыхЪ престаютЪ быть гражданами, и для того почитаются врагами гражданскаго общества. Сему различію надлежитЪ быть по крайней мѣрѣ вЪ правленіи гражданскаго и наказательнаго правосудія; кЪ послѣднему же не должно причислять маловажныхЪ преступленій. Понятію уголовныхЪ дѣлЪ надобно имѣть вЪ подданныхЪ чрезмѣрное выраженіе, которое всегда тѣмЪ больше теряется, чемЪ чаще подданные суду сему и вЪ малостяхЪ подвергаемы бываютЪ.

§. 253.

Свойственное намѣреніе и всеобщее начальное основаніе всѣхЪ гражданскихЪ законовЪ есть безопасность.

Свойственное конечное намѣреніе какЪ гражданскихЪ такЪ и наказательныхЪ законовЪ состоитЪ вЪ безопасности гражданина, нетокмо вЪ разсужденіи его лица, правЪ и вольностей, но и имѣнія его; общественное благоденствіе, сіе всеобщее конечное всѣхЪ государствЪ, или народовЪ намѣреніе, изЪ коего яко изЪ высочайшаго его закона, всѣ прочіе уставы произтекать долженствуютЪ (§. 41.), утверждается особливо на трехЪ главныхЪ понятіяхЪ, на вольности, безопасности, и на внутренней силѣ (§. 42.). ТакЪ какЪ мы вЪ седьмомЪ отдѣленіи показали, что вольность есть свойственное намѣреніе политическихЪ законовЪ; то напротивЪ того безопасность есть главнѣйшей и повсюда

повсюда весьма видимой предметъ гражданскихъ уставовъ. Всѣ законы устремляются на то, дабы доставить безопасность имѣнію правамъ и вольностямъ гражданъ отъ неосновательныхъ притяжаній; наказательные же законы особливымъ имѣютъ намѣреніемъ оградить отъ всѣхъ насилій, и наглостей не токмо самихъ подданныхъ; но и имѣніе ихъ. На такой же конецъ склоняется все управленіе правосудія и въ гражданскихъ учрежденіяхъ. Когда государство не сдѣлаетъ установленія на прекращеніе ссоръ между гражданами, то сіи принуждены будутъ приступить къ своевольствамъ и къ самопособію; и посему безъ малѣйшія трудности познаѐтся, что внутренная безопасность есть намѣреніе и дѣйствіе преподанія правосудія. И такъ неоспоримое намѣреніе сіе гражданскихъ законовъ предъявляетъ намъ всеобщее начальное положеніе, совершенная же безопасность гражданина, какъ въ разсужденіи его лица, жизни и чести, такъ и его имѣнія, преимуществъ и вольности, есть и будетъ великое и твердое основаніе, на немъ же всѣ гражданскіе и наказательные законы созидаемы быть долженствуютъ.

§. 254.

Притомъ надобно имъ взирать на вольность гражданина.

Не взирая, что внутренная безопасность составляетъ свойственное намѣреніе гражданскихъ законовъ; долженствуютъ всѣ сіи уставы происходить изъ высочайшаго области закона, то есть всеобщаго благоденствія (§. 41.): прочія же оба главныя свойства нужныя къ таковому благосостоянію, яко то вольность и внутренная сила, имѣютъ съ безопасностію такое точное сопряженіе, что гражданскіе законы не возмогутъ никогда достигнуть намѣреннаго

дѣйствія, когда они притомъ не станутъ всегда взирать на вольность и внутреннюю силу. Наказательные законы тѣмъ еще наипаче долженствуютъ уважать вольность гражданина. Когда главно намѣреніе ихъ состоитъ въ наказаніи преступленія и въ обнадеженіи безопасностію, то должна вольность гражданина быть вторымъ главнымъ намѣреніемъ, дабы впрочемъ сами наказательные сіи законы не могли быть предлогомъ на притѣсненіе и отягощеніе гражданина, и пода́ть случая коснуться жизни его, чести и имѣнію по злобѣ, мщенію и другимъ пристрастіямъ. Посему требуютъ они великія осторожности, и чрезмѣрное множество постановляемыхъ оными обрядовъ, бываетъ великою защитою вольности гражданина. Обвиняемые должны имѣть всѣ средства на защищеніе себя и на изведеніе своея невинности, не имѣя же ничего объявить къ своему оправданію сами себя, яко осуждаютъ. Хотящіе сократить дѣла́ ка́зни и наказанія объемлющіе и яко бы умѣющіе въ скорости оныя окончать, весьма малое знаніе имѣютъ въ необходимости общественнаго благоденствія и воли гражданина. Чрезъ сіе отворяютъ таковые всегда путь къ мучительству; и самовластіе всегда начиналось тѣмъ, что возмутительнымъ образомъ и съ уничтоженіемъ введеннаго порядка противъ преступниковъ поступаемо было.

§. 255.

Они должны такожде поспѣшествовать внутренней области силѣ.

Таковымъ же образомъ долженствуютъ гражданскіе законы поспѣшествовать внутренней области силѣ, и здѣсь открывается пространное поле для мудраго законодателя. Гражданскими уставами можетъ онъ имѣніе частныхъ людей такимъ образомъ управлять, какъ

какъ наиспособнѣе есть благосостоянію и благоденствію области; чрезъ сіе поспѣшествуетъ онъ земледѣлію, и разнымъ образамъ пропитанія. Ему наиглавнѣйше старатся надлежитъ всевозможную мудрость показать въ законахъ о раздѣлѣ недвижимаго имѣнія, о наслѣдствѣ, завѣщаніи, награжденіи замужъ идущихъ, и прочихъ притомъ случающихся ссоръ, и многообразныхъ произшествій. Всѣ сіи вещи имѣютъ великое вліяніе во внутренную области силу: однако повсюду находимъ въ сихъ случаяхъ великое законодателей нерачение. Весьма того жаль, что Господинъ *Монтескю*, въ сочиненіи своемъ о законахъ, ни во что вмѣнилъ великое сіе вліяніе гражданскихъ уставовъ во внутренные могущество и силу области. Въ таковомъ пространномъ о законахъ сочиненіи должно бы было большаго надѣяться, а не одних токмо остроумныхъ примѣчаній о наслѣдствахъ и приданствѣ по разности образовъ правленія, и о завѣщаніяхъ Римлянъ и Грековъ. Здѣсь, гдѣ мы представляемъ только первыя начальныя законовъ основанія, и гдѣ намъ для каждаго рода уставовъ не больше листа употребить можно, не надлежитъ требовать и искать особливаго вліянія гражданскихъ законовъ во внутренную силу.

§. 256.

Послѣ сего при установленіи гражданскихъ законовъ наиглавнѣйше и весьма прилѣжно взирать надлежитъ на особливое области состояніе и обстоятельство, въ разсужденіи его мѣстоположенія, земли качества, пространства, богатства, оселенія, а наиболѣе нравственнаго жителей состоянія. По различию въ семъ случаѣ областей должна наблюдена быть и разно- образ-

Гражданскіе законы должны такожде согласовать особливому области состоянію.

образность гражданскихЪ законовЪ, почему и будетЪ весьма смѣшно и неразумно, ежели область законы другаго народа приметЪ безЪ всякаго соразсужденія, что тотЪ другой народЪ почти во всѣхЪ вещахЪ сЪ нимЪ безконечно разнится. Поведеніе РимлянЪ, принявшихЪ законы Греціи, есть посему не похвально, а было бы еще наивящшія хулы достойно, ежели бы они не имѣли притомЪ намѣренія чужіе сіи законы десятомужіемЪ устроить по собственному своему состоянію. Меньше же всего могутЪ быть извинены нынѣшніе Европейскіе народы принявшие Римскіе законы, не здѣлавЪ напередЪ сравненія со оными и соотвѣтствія сЪ особливымЪ своимЪ состояніемЪ. Сея же ради причины должны гражданскіе законы всегда взирать на политическіе, понеже сіи послѣдніе, ежели они мудро установлены, полагаютЪ во основаніе себѣ особливое естество и свойство области, а изЪ того и содержаніе, предписаній и особливой прибытокЪ государства вЪ извѣстномЪ кЪ другимЪ областямЪ отношеніи. А ежели гражданскіе законы вЪ семЪ случаѣ сЪ политическими законами не согласуются, то произойдетЪ изЪ того законовЪ противоборство, и вмѣсто того, чтобЪ гражданскіе законы подкрѣпляли политическіе, такЪ какЪ требуетЪ того неразрывное законовЪ вЪ одномЪ и томЪ же государствѣ сопряженіе, будутЪ они послѣднимЪ вопреки дѣйствовать, и произведутЪ повсюду препятствія. Хотя бы народЪ и избралЪ для себя особливымЪ намѣреніемЪ, напримѣрЪ: купечество и мореплаваніе, совершенное отЪ прочихЪ народЪ удаленіе, и прочее тому подобное (§. 43.); однако и тогда гражданскіе законы сЪ таковымЪ намѣреніемЪ кромѣ всякаго сумнѣнія согласовать должны.

§. 257.

§. 257.

Равномѣрно жъ съ правленія образомъ и съ его подкрѣпленіями.

Законы суть нужныя изъ естества вещей произходящія содержанія и опредѣленія, то посему и должны гражданскіе уставы каждыя области соотвѣтствовать такожде своему правленія образу. Онъ есть свойственно области естество (§. 100.); слѣдовательно и долженствуютъ законы тѣмъ точнѣйшее имѣть со онымъ содержаніе; а особливо надобно при гражданскихъ законахъ всегда уважать общія и особливыя подкрѣпленія областей. Сіи подкрѣпленія законами приводятся въ дѣйство и напряженіе; и какъ долго сіе продолжается, то такъ долго находится и область въ цвѣтущемъ состояніи. И посему должны гражданскіе законы во первыхъ охранять всеобщее областей подкрѣпленіе, то есть добродѣтель; о ея необходимости къ силѣ и благосостоянію государства доказали мы (§. 104. 105.). Потóмъ надобно имъ наблюдать невредимость особливыхъ подкрѣпленій каждаго правленія: а именно въ единоначаліи чести, въ многоначаліи умѣренности, въ народоначаліи же любви къ равенству, и стараться, содержать ихъ всегда въ дѣятельности и напряженіи. Отъ сего произходитъ великое различіе законовъ въ разныхъ правленія образахъ. Разность сія является не токмо въ содержаніи гражданъ между собою, но и въ законахъ управленія собственности. Въ народоначаліи долженствуютъ законы, елико возможно, посредственнымъ и непосредственнымъ образомъ сохранять равенство имѣнія между гражданами, чего ради законы касающіеся наслѣдства, завѣщанія, приданства и прочаго, должны, склоняться къ сему намѣренію. Въ многоначаліи, гдѣ умѣренность благородства есть подкрѣпленіемъ, надобно законамъ препятствовать чрезмѣрному обога-

обогащенію, и право первенства, взрослости, престарѣнія и порученія не могутъ быть въ семъ правленіи; а между гражданами недвижимое надлежитъ дѣлить на мѣлкія доли, дабы каждой житель сея собственности получить могъ, и чтобъ такожде не много весьма было имѣнія въ однихъ рукахъ. Неравенство имѣнія можетъ быть въ одномъ токмо единоначаліи, не причиняя правленію никакого вреда, чего ради и въ управленіи имѣнія взирать токмо надлежитъ на земледѣліе, приведеніе въ лучшее состояніе пропитанія, и вообще на благоденствіе области.

§. 258.

Такожде и наказательнымъ законамъ должно смотрѣть направленія образъ.

Въ разсужденіи наказательныхъ законовъ надобно равномѣрнымъ образомъ смотрѣть на особливые образы правленія и ихъ подкрѣпленія. Въ единоначаліи весьма надлежитъ остерегаться, дабы налагаемыми наказаніями не подавить въ подданныхъ сѣменъ любочестія; а особливо не должны знатныя особы, въ опалу пришедшія и самымъ дѣломъ наказаніе заслужившія, срамомъ и презрѣніемъ озлобляемы быть. Ничто не причиняетъ умоначертанію чести толь вреднаго выраженія, какъ означенная поступка. Наказательные законы долженствуютъ наибольше возбуждать любочестіе; имъ исполненные подданные не требуютъ строгости; побужденіе сіе наивящшую имѣетъ силу, нежели лютѣйшія казни къ доставленію законамъ повиновенія; и посему кротость есть всегда написаніе добраго единоначалія. Въ многоначаліи же бываетъ сіе совсѣмъ инако. Сей по естеству своему недостаточной правленія образъ, имѣющей во внутренности своей всегда двухъ враговъ, устрашающихъ многоначаліе превращеніемъ въ народо-

народоначаліе или единоначаліе (§. 76.), долженъ употреблять наистрожайшія наказанія противъ всѣхъ тѣхъ преступленій, кои хотя малѣйшее имѣютъ вліяніе въ покой и безопасность государственные. Естество народоначалія требуетъ, чтобъ съ гражданами кротко поступаемо было, которые не выходятъ изъ предѣловъ равенства, сущія сея области души. Ибо какъ здѣсь народъ вкупѣ Государь и подданной, то будетъ противу естества человѣческаго, когда народоначаліе захочетъ употреблять противъ самаго себя великую строгость. Однако граждане чрезмѣрнымъ богатствомъ и чрезвычайными заслугами предъ прочими отличающіеся, и слѣдовательно черту всеобщаго равенства преходящіе согласно естеству народоначалія заслуживаютъ недремлющаго всѣхъ ихъ поведеній наблюденія, а по изобрѣтенію дѣла, крайнія строгости. Сіи народоначалію несообразные сочлены устрашаютъ его, несмотреніе же за оными, а потомъ и данная имъ предъ прочими отличность, были всегда причинами паденія народоначальныхъ обществъ.

§. 259.

Наказанія должны соотвѣтствовать преступленіямъ.

Наиглавнѣйшее свойство наказательныхъ законовъ состоитъ въ томъ, чтобъ узаконять наказанія соотвѣтствующія преступленіямъ. И такъ не большія преступленія должны влечи по себѣ не большія и наказанія; великое же преступленіе большимъ наказаніемъ да истяжется; напримѣръ воръ и смертоубійца вкупѣ несравненно величайшее претерпѣть долженъ наказаніе, нежели простой грабитель. Посправедливости же разсуждается о великости преступленія единственно по величинѣ вреда, причиненнаго чрезъ то тишинѣ и безопасности гражданскаго

скаго общества и благоденствію области. Вообщежъ всякое государство или народъ недолженъ признавать никакихъ другихъ преступленій, кромѣ имѣющихъ вредоносное вліяніе въ покой, безопасность и общее благо гражданскаго общества. Дозволеніе даемое монашескому чину жестоко наказывать своихъ бѣглецовъ, и оставляющихъ свое обѣщаніе, есть и будетъ весьма вздорно; ибо народу нужды нѣтъ нималѣйшей, когда тотъ или другой человѣкъ живетъ въ монастырѣ или внѣ онаго; и такихъ преступленій бываетъ великое множество, которыя въ разсужденіи государственнаго учрежденія почесться оными никогда не могутъ. И посему наказанія должны всегда извлечены быть изъ естества преступленія. Господинъ *Монтескю* въ сочиненіи своемъ помѣстамъ дѣлалъ о семъ изрядныя примѣчанія, и вообще о наказаніяхъ лутче всего писалъ.

ДЕСЯТОЕ

ДЕСЯТОЕ ОТДѢЛЕНІЕ
О
ЗАКОНАХЪ БЛАГОУСТРОЙСТВА. (*)

§. 260.

Существенное написаніе и конечное намѣреніе законовъ благоустройственныхъ.

Теперь остается послѣдней родъ законовъ, а именно благоустройственныхъ, составляющихъ второй главной родъ гражданскихъ узаконеній (§. 183.); существо сихъ послѣднихъ состоитъ въ опредѣленіи взаимнаго гражданъ содержанія (§. 252.). Когда же существо особливо такъ названныхъ гражданскихъ законовъ, разсужденныхъ нами въ предшедшемъ отдѣленіи утверждается на означеніи и постановленіи содержанія гражданъ, въ разсужденіи особливыхъ ихъ должностей, то существо уставовъ благоустройства требуетъ, чтобъ опредѣлено было взаимное содержаніе гражданъ въ сопряженіи общественнаго блага; а именно: граждане имѣютъ нужду не токмо въ предписаніяхъ къ взаимному своему отношенію и поступкамъ, по мѣрѣ гражданства своего одной и тоя жъ области; но надобно имъ еще и законы, дабы поведеніе ихъ другъ къ другу такимъ образомъ означено было, чтобъ все сіе общему благу соотвѣтствовало: и сіе послѣднее производится благоустройствомъ. И такъ всеобщее его намѣреніе есть по сему, опредѣленіе взаимнаго гражданъ содержанія въ разсужденіи общаго блага, то есть, законы благоустройства долженствуютъ, елико возможно, стараться о приведеніи въ точнѣйшее сопряженіе и соотвѣтствіе благоденствія всѣхъ одинакихъ

(*) Инако Полиціи.

кихъ родовъ, народъ составляющихъ, съ общимъ благомъ.

§. 261.

Благоустройство берется въ трояковъ знаменаніи.

Понятіе благоустройства пріемлется въ трояковъ смыслѣ. Въ пространномъ знаменаніи разумѣются чрезъ то всѣ государственные законы и установленія о умноженіи общаго имѣнія и внутренныхъ силъ, и о учиненіи ихъ дѣятельными и соотвѣтствующими общему благу; и по сему понятію правительства попеченіе о купечествѣ градскаго и земскаго и прочаго строительства государственнаго принадлежитъ къ благоустройству, земскимъ, называемому. Въ ограниченномъ смыслѣ разумѣется чрезъ благоустройство, всѣ законы и мѣры правительства, дабы сохранить потребные къ гражданскому житію доброе содержаніе и порядокъ, прокормленіе привесть въ цвѣтущее состояніе, и въ точное соотвѣтствіе съ благосостояніемъ одинакихъ родовъ, и всего общества, и въ семъ смыслѣ называется просто благоустройствомъ. Въ тѣсномъ же знаменованіи, говоря о благоустройствѣ, разумѣется чрезъ оное градочиніе, яко то: чистота, украшеніе и порядокъ въ городахъ, присмотръ надъ ремесленными людьми, надъ съѣстными припасами, надъ справедливыми мѣрою и вѣсомъ, попеченіе о отвращеніи въ городахъ всѣхъ нещастливыхъ приключеній, и такъ далѣе. Господинъ *Монтескю* весьма мало въ сочиненіи своемъ о законахъ упоминаетъ о благоустройствѣ, и чаятельно пріемлетъ его въ послѣднемъ смыслѣ, ибо великія наказанія отъ него изключаетъ (21), для того что люди

(21) Въ *разумѣ законовъ* част. V. книг. XXVI. глав. 24.

люди всегда въ глазахъ бываютъ управительства, котораго должность есть истязывать преступленія.

§. 262.

Всеобщее начальное положеніе и ближайшее намѣреніе и конецъ всѣхъ законовъ благоустройства.

Легко видѣть можно, что во всѣхъ трехъ знаменованіяхъ существо благоустройства состоитъ въ опредѣленіи взаимнаго гражданъ содержанія въ разсужденіи всеобщаго блага, или приведеніе блаженства одинакихъ родовъ со всеобщимъ благомъ въ точное сопряженіе и соотвѣтствіе (§. 260.). И такъ симъ образуется всеобщее основаніемъ служащее положеніе всѣхъ законовъ благоустройства, а именно: надлежитъ прилагать всекрайнее раченіе на приведеніе благосостоянія одинакихъ родовъ во всѣхъ по внутренности государства случающихся дѣлахъ въ точное соединеніе и неразрывность съ общественнымъ благоденствіемъ; изъ сего начальнаго положенія произходятъ непосредственно и непринужденно всѣ особливыя правила и законы благоустройства. Дѣйствіе, коего надѣяться можетъ благоустройство отъ точнаго соединенія одинакихъ родовъ благоденствія съ общимъ благомъ, составляетъ внутренную области крѣпость; потому что силы государственныя утверждаются на силахъ одинакихъ родовъ, народъ составляющихъ (§. 25. 26.). Особливое и ближайшее намѣреніе благоустройства устремляется посему наиглавнѣйше на внутренную области силу; и здѣсь находимъ мы третіе главное свойство, производящее благоденствіе гражданскаго учрежденія (§. 42.) содѣйствіемъ законовъ. Политическихъ законовъ намѣреніе есть вольность области и гражданина, гражданскіе же и наказательные имѣютъ предметомъ безопасность гражданина, или подданнаго. Законы же благоустройства, здѣсь нами разсуждаемые,

стараются дѣйствительною учиниить внутренную области силу. И такъ вольность, базопасность и внутренная сила суть три главныя понятія, на нихже государственное благосостояніе, сіе всеобщее намѣреніе и конецъ всѣхъ гражданскихъ учрежденій, утверждается.

§. 263.

Благоустройство имѣетъ три великіе предмета, изъ которыхъ произтекаютъ всеначальныя правила.

Временное благосостояніе и благоденствіе людей касается предпочтительно двухъ обстоятельствъ, а именно: случайныхъ пріобрѣтенія и нравственнаго людей обстоятельства. И такъ когда надлежитъ привесть благосостояніе одинакихъ родовъ въ точное сопряженіе и соотвѣтствіе съ общимъ благомъ, то должно оному послѣдовать нижеслѣдующимъ образомъ. Чрезъ случайное пріобрѣтеніе не можно здѣсь иное что разумѣть, какъ имѣніе, понеже прочія таковыя съ общимъ благомъ мало соотвѣтствія имѣютъ, или и совсѣмъ никакого. Имѣніе есть сугубо движимое и недвижимое. Какъ первой такъ и второй имѣнія родъ есть весьма великія важности въ сопряженіи съ общимъ благомъ, тогоради надлежитъ принять притомъ три главныя обстоятельства, а именно: 1.) недвижимое имѣніе, 2.) движимое имѣніе, и 3.) нравственное людей состояніе. И какъ всеобщее начальное положеніе благоустройства состоитъ въ сопряженіи благоденствія одинакихъ родовъ съ общимъ благомъ, дабы чрезъ то достигнуть къ намѣренному концу внутренния силы области; то слѣдуетъ изъ сего, что сіе самое составляетъ три великія благоустройства предмета, на которыхъ всѣмъ онаго (благоустройства) закономъ, предписаніямъ и учрежденіямъ утверждаться надлежитъ. Каждой изъ сихъ трехъ предмѣтовъ приведетъ насъ

по-

посему къ начальному основаніемъ служащему положенію, а изъ сихъ трехъ произойдутъ уже сами по себѣ всѣ прочія благоустройства законы.

§. 264.

И такъ первой великой предметъ благоустройства, суть посему недвижимыя въ области имѣнія: и какъ всеобщее основаніе требуетъ, дабы благоденствіе одинакихъ родовъ съ общимъ благомъ въ наиточнѣйшемъ было сопряженіи, то происходитъ изъ сего первое главное начальное правило благоустройства, а именно: обстоятельству недвижимыхъ въ области имѣній надлежитъ всегда состоять въ точнѣйшемъ сопряженіи и соотвѣтствіи съ общимъ благомъ, дабы доставить чрезъ то государству или народу всю внутреннюю силу, къ чему оные способны. Сіе начальное правило есть благополучіе издающей источникъ, многіе другіе законы и предписанія благоустройственныя производящей. Изъ сего слѣдуетъ во первыхъ правило о самолучшемъ по возможности земледѣліи, о управленіи и содержаніи всѣхъ недвижимыхъ имѣній, и о должномъ за всѣмъ симъ благоустройства присмотрѣ. Но какъ надлежащему земли обработанію безъ довольнаго оселенія быть невозможно; то происходятъ изъ того какъ всѣ нужныя къ оселенію мѣры, такъ и служащія къ приведенію въ цвѣтущее состояніе городовъ, и къ удобренію и украшенію земли предписанія.

Первое начальное правило: содержаніе недвижимаго имѣнія съ общимъ благомъ.

§. 265.

Движимыя имѣнія суть второй главнѣйшей предметъ благоустройства. Они происходятъ начально, яко плоды и произведенія, недвижимыхъ

Второе начальное правило: содержаніе

движимаго имѣнія, или прокормленія съ общимъ благомъ.

жимыхъ имѣній, или производятся искусствомъ и прилѣжаніемъ людей чрезъ обработаніе и инообразуемость естествородныхъ вещей; и какъ сіи потребны суть къ пропитанію, и къ спокойностямъ человѣческія жизни, то посему также и необходимы, что область безъ довольнаго числа таковыхъ движимыхъ имѣній благополучія своего снискать не можетъ; такъ что и утверждать притомъ можно, что внутренная области сила по оселеніи весьма зависитъ отъ великаго стеченія сихъ имѣній; ибо золото и серебро суть знаки сего имѣнія; безъ котораго самаго невозможно области доставить, какъ истинныя, силы такъ и благоденствія, такъ какъ о семъ Гишпанцы при всѣхъ сокровищахъ новаго свѣта примѣромъ своимъ довольно свидѣтельствуютъ. И какъ народное благосостояніе на семъ движимомъ имѣніи толь много утверждается; и какъ притомъ благоустройству надлежитъ безпрестанно приводить по всеобщему основаніемъ служащему положенію, благоденствіе одинакихъ родовъ съ общимъ благомъ въ точнѣйшее соотвѣтствіе, то произходитъ изъ того второе главное правило благоустройства, а именно: сниcканіе движимаго имѣнія, или прокормленіе, долженствуетъ въ наиточнѣйшемъ соотвѣтствіи быть какъ съ благосостояніемъ одинакихъ родовъ, такъ и общаго блага. Изъ сего начальнаго правила произтекаютъ всѣ законы, учрежденія, мѣры и пріуготовленія, потребныя въ приведенію въ цвѣтущее состояніе прокормленія, а особливо рукодѣлія и купечества, положенія для непрерываемаго обращенія золота, и самаго сего движимаго имѣнія, законы о сохраненіи вѣры, и вѣрности, о учрежденіи денежнаго дѣла, не меньше жъ и всѣ установленія отвращающія всѣ

запру-

затрудненія въ поспѣшествованіи цвѣтущаго состоянія оказаться могущія, ибо все сіе есть основаніе и подпора незыблемыя благоденствія области: и во всѣхъ сихъ вещахъ надобно благоустройству недреманнымъ окомъ назирать, и прилѣжать о соединеніи одинакихъ родовъ благосостоянія съ общимъ благомъ. Сего не учиня, не достигнетъ оно никогда намѣреннаго дѣйствія. Ежели же взираетъ токмо на общее благо, или на чаемую пользу правителя, то прокормленіе дальныхъ успѣховъ не произведетъ. Коль скоро совсѣмъ симъ не будетъ соединено благосостояніе одинакихъ родовъ, то всѣ подкрѣпленія и напряженія къ трудамъ прилѣжанія и искусства изчезнутъ. Ежели же противнымъ тому образомъ благоустройство уважать будетъ благоденствіе одинакихъ родовъ, безъ воззрѣнія на общее благо, или дозволитъ одинакимъ родамъ разпространять намѣренія свои къ особливому благосостоянію своему и наобогащенію по своему произволу, не смотря на то, согласно ли оное общему благу или вредительно, то подлинно нѣкоторые роды чрезмѣрно обогатѣютъ, но сіе ни малаго вспомоществованія не учинитъ, какъ цвѣтущему прокормленію, такъ и внутренней области силѣ, за неимѣніемъ сопряженія одинакихъ родовъ съ общественною надобностію; сіе же есть основаніе внутреннія силы, да и можно еще сказать, совокупнаго благоденствія, ибо соединеніе одинаки сихъ составляетъ существенность гражданскаго чрежденія (§. 25.).

§. 266.

Третіе начальное правило:

Третей великой предметъ благоустройства есть нравственное гражданъ, или подданныхъ состояніе, и видѣть легко можно, что и

содержаніе нравственнаго подданныхЪ состоянія сЪ общимЪ благомЪ.

и сей предметЪ имѣетЪ великое вліяніе во внутреннюю силу, а особливо вЪ благосостояніе всея области. Добродѣтель есть общее областей подкрѣпленіе (§. 105.); и безЪ нея невозможно государству или народу обнадежить себя твердымЪ благоденствіемЪ (§. 106.) Ибо добродѣтель вЪ семЪ смыслѣ состоитЪ вЪ исполненіи должностей кЪ области и кЪ нашимЪ согражданамЪ (§. 107.); и какимЪ же образомЪ гражданское учрежденіе можетЪ, не говорю ужѐ благолучнымЪ быть, но состоять безЪ сея добродѣтели, безЪ вѣры и вѣрности, безЪ наблюденія своихЪ обязанностей кЪ государству, безЪ чести и честности вЪ отношеніи кЪ согражданамЪ? И такЪ изЪ сего явствуется важность сего противостоянія; и посему должны мы здѣсь утвердить третіе начальное пра́вило всего благоустройства, а именно: нравственное состояніе подданныхЪ долженствуетЪ имѣть по возможности наилучшее содержаніе какЪ сЪ благосостояніемЪ одинакихЪ родовЪ, такЪ и сЪ общимЪ благомЪ. И сіе начальное пра́вило есть такожде обильной источникЪ многихЪ другихЪ законовЪ и предписаній благоустройственныхЪ, а именно: произходятЪ изЪ того всѣ законы благоустройства кЪ поспѣшествованію добрыхЪ нравовЪ, и кЪ содержанію добраго жЪ порядка, а ко отвращенію всего, вредоносное вліяніе вЪ нравственное состояніе подданныхЪ имѣть, могущаго: вЪ семЪ случаѣ требуетЪ и вѣра вниманія благоустройства, по мѣрѣ соотвѣтствія ея со нравами, и вообще сЪ безопасностію и благосостояніемЪ области. Сіе жЪ самое главное пра́вило производитЪ всѣ установленія и предпріятія, потребныя кЪ поспѣшествованію искуствЪ и способностей подданныхЪ, слѣдовательно жЪ попеченія, наукЪ, воспитанія

и наученія юношества; ибо безъ сихъ способностей и искусствъ невозможно никогда снискать какъ цвѣтущаго пропитанія, такъ и надлежащаго созиранія въ благоденствіе области.

§. 267.

Благоустройству надлежитъ соотвѣтствовать всегда настоящему области состоянію.

Не взирая, что сіи три начальныя правила всѣ предметы, и потребные къ тому законы и мѣры въ себѣ заключаютъ, однако суть еще и другія начальныя же, касающіяся вообще исполненія и учрежденія благоустройства. Во первыхъ принадлежитъ къ сему правило, чтобъ благоустройство взирало всегда на настоящее общества состояніе. Подлинность сего доказать не трудно, все благоустройство утверждается на отношеніи одинакихъ родовъ къ общему благу; отъ сего же отношенія или содержанія происходятъ особливые законы и учрежденія. Какъ скоро въ семъ содержаніи произойдетъ перемѣна; какъ скоро состояніе одинакихъ родовъ измѣнится, или какъ скоро общему благу то или другое намѣреніе не будетъ потребно, то надобно и благоустройства установленіямъ быть перемѣннымъ; и посему существенное свойство благоустройства состоитъ въ томъ, чтобъ быть, всегда сообразну настоящему всего общества состоянію. Наизнатнѣйшей знакъ добраго благоустройства есть слѣдовательно безпрестанная, и неослабная примѣчательсть настоящаго состоянія земли или города, надъ коими установлено, равномѣрно жъ и перемѣна учрежденій при всѣхъ видимыхъ же особливостяхъ, производящихъ въ предмѣтахъ и намѣреніи благоустройства другое направленіе и содержаніе. И такъ никакіе законы неподвержены толикой перемѣнѣ, какъ законы благоустройства, а сіе есть не токмо его погрѣшность, но еще знакъ

отмѣнныя его доброты, когда таковая перемѣна законовъ произойдетъ не отъ недостатка прозрѣнія, или дурнаго намѣренія. Вмѣсто того здѣлаетъ благоустройство великую погрѣшность, ежели въ нѣкоторыхъ случаяхъ не захочетъ уставовъ своихъ перемѣнить. Какъ скоро то намѣреніе достигнуто будетъ, для коего законъ установляется, то надобно и закону конецъ воспріять. Въ прочемъ же произведется дѣйствіе и дѣятельность не нужныя, съ цѣлымъ никакого сопряженія и соотвѣтствія неимѣющія, и посему всегда внутреннимъ силамъ вредительныя; такъ какъ будто бы лука, по выстрѣленіи, уже больше и натягивать не надлежало, ежелибы напрягательная сила и крѣпость лука не умалялись.

§. 268.

Къ сему слѣдуютъ еще нѣкоторыя другія правила къ исполненію благоустройства.

Изъ сего существеннаго обстоятельства благоустройства слѣдуютъ еще два другія правила, касающіяся его исполненія. Первое состоитъ въ томъ, чтобъ благоустройство никогда не учреждало пространныхъ судовъ и слѣдствій. Ибо сіе отлучитъ его отъ безпрестанныя великія примѣчательности, которую ему имѣть надлежитъ на настоящее состояніе области. Тогоради имѣетъ долгъ благоустройство, пекущееся какъ о внутренной всеобщей такъ и каждаго гражданина безопасности, брать подъ стражу преступниковъ, однако въ преступленіяхъ ихъ не входить въ дальныя и долговременныя изслѣдованія, но по узнаніи отдавать ихъ къ надлежащему суду. Второе правило есть сіе, а именно: благоустройству не должно налагать великихъ наказаній, которыя справедливымъ образомъ не могутъ присуждены быть безъ надлежащего и обстоятель-

тельнаго о томъ изслѣдованія, что до благоустройства не принадлежитъ для того, что всѣ наказанія имѣть должны справедливое къ преступленію отношеніе. Свойственно же благоустройству, для наказанія оставляемыя преступленія суть маловажны, и состоятъ въ погрѣшностяхъ и недостаткахъ въ отношеніи гражданъ къ общему благу, а чтобъ гражданъ къ сему содержанію паки привесть и направить, то по естеству вещи не могутъ притомъ быть тяжкія наказанія. Свойство благоустройства требуетъ гражданъ принуждать, чтобъ жили по законамъ общества; уголовному же суду принадлежитъ, вовсе поврежденныхъ сочленовъ извергать изъ общества или смертію, или изгнаніемъ или вѣчнымъ заключеніемъ. Правительства для сего устроенныя, исполняютъ казни, благоустройство же напротивъ того употребляетъ отеческія наставленія и наказанія, учиненнымъ преступленіямъ сообразныя.

ПЕРВОЕНАДЕСЯТЬ ОТДѢЛЕНІЕ

О

ПОВРЕЖДЕНІИ ЗАКОНОВЪ.

§. 269.

Всѣ человѣческіе законы подвержены суть поврежденію.

По учиненному нами разсмотренію первыхъ начальныхъ правилъ всѣхъ родовъ законовъ, остается здѣлать намъ одно токмо примѣчаніе о поврежденіи законовъ (§. 151.). Всѣ человѣческія учрежденія подвержены суть гибели. Слабость человѣческая и несовершенство являются повсемѣстно; прилѣпляются какъ первымъ установленіямъ, такъ и предпріемлемымъ мѣрамъ къ содержанію и прочности ими учиненнаго. И такъ невозможно никакимъ человѣческимъ законамъ и распоряженіемъ быть таковыми, чтобъ они мало помалу въ упадокъ не пришли. Правда; могутъ быть узаконенія и гражданскія учрежденія, великую и многовремянную прочность имѣющія. Чемъ премудрѣе законы сочинены, тѣмъ крѣпче и дѣйствительнѣе бываютъ ихъ подкрѣпленія, и тѣмъ долговременнѣе пребываютъ они законы въ нерушимости. Законы *Ликургоны* имѣли такія сильныя подкрѣпленія, что вѣчною казалась безвредность ихъ: и *Филемонъ*, хотѣвшей побѣжденныхъ Спартанцовъ лишить законовъ, не думалъ исполнить сего намѣренія своего, не лиша самихъ законовъ наи знатнѣйшаго ихъ подкрѣпленія, то есть: воспитанія дѣтей по законамъ Ликурговымъ. Такожде и Китай-

скіе законы оказали твердость свою; ибо до настоящаго времени сохраняются уже болѣе четырехъ тысячь лѣтъ, такъ что и побѣдители Китайскіе силою непоколебимыхъ подкрѣпленій сихъ законовъ всегда принуждены бывали, принимать побѣжденныхъ законы, и въ семъ случаѣ прочность сія утвердается на воспитаніи дѣтей; а что законы нашихъ Европейскихъ областей не имѣютъ такія долговременности, то произходитъ сіе наиглавнѣйше отъ недостатка соотвѣтственнаго съ законами дѣтей воспитанія. Но какъ бы подкрѣпленія законовъ ни были сильны и прочны, однако наконецъ погубляемы бываютъ. Законы Египтянъ, во многихъ вещахъ весьма мудро устроенные, и чрезмѣрною древностію превозносящіеся, законы Іудеевъ, всемогущаго Бога Царемъ своимъ почитавшихъ, долженствовавшіе быть вѣчно неизмѣнными, и всѣ другіе законы древнихъ народовъ поглощены, не взирая на то поврежденіемъ; теперь приступимъ мы къ ближайшему разсмотренію причинъ такого и толикаго поврежденія.

§. 270.

Естественная причина поврежденія законовъ состоитъ въ перемѣнахъ, произходящихъ въ состояніи областей. Всѣ государства и общенародія перемѣняютъ непрестанно свое состояніе; къ сему побуждаются не токмо тьмочисленными наружными и внутренными произшествіями, но и естественными слѣдствіями, изъ обстоятельства ихъ правительствъ произрастающими. Ежели правительство особливою ограждено мудростію, и щастливыми успѣхами споспѣшествуются; то область приходитъ въ лучшее состояніе; дурное же правленіе погубляетъ

Естественная причина есть перемѣна въ состояніи области.

ляетъ сіе. Но хотя бы государство въ лучшее или худшее состояніе приходило, однако все сіе влечетъ по себѣ поврежденіе законовъ; понеже оные то есть: законы суть необходимые изъ естества вещей произходящія содержанія, и слѣдовательно должны быть всегда сообразными состоянію общества. Чрезмѣрно щастливой успѣхъ Римлянъ, и удивительное возрастѣніе области ихъ влекло по себѣ естественнымъ образомъ поврежденіе законовъ ихъ, установленныхъ на состояніе весьма умѣреннаго общества. Сила и могущество Римское съ обширностію владѣнія превзошли начальныя свои основанія; но какъ они въ законахъ своихъ не съ надлежащею мудростію перемѣну учинили, то необходимымъ образомъ надлежало было обществу разрушиться. Изъ сего явствуетъ, что и премудрѣйшіе законы подвержены суть поврежденію, коль скоро состояніе общаго существа такъ измѣнится, что законы вовсе со онымъ никакого сотвѣтствія имѣть не будутъ; и область не можетъ благоразумно поступать, когда поврежденныхъ законовъ, съ состояніемъ ея настоящимъ несогласныхъ, не перемѣнитъ.

§. 271.

О ненаблюденіи законовъ.

Вторая главнѣйшая причина поврежденія законовъ есть ненаблюденіе оныхъ. Ненаблюдаемые законы лишаются силы дѣйствительности и дѣятельности, составляющихъ существенное всѣхъ законовъ намѣреніе, и тогда оные не отрицаемо въ поврежденіи находятся. Ненаблюденіе законовъ можетъ произходить отъ двухъ причинъ, а именно: отъ подданныхъ или отъ правительства самаго. Нужно, о каждой изъ сихъ причинъ порознь разсудить.

§. 272.

§. 272.

Когда причина того бываетъ на сторонѣ народа.

Ежели причина законовъ ненаблюденія находится въ сторонѣ народа; то область дѣйствительно состоитъ въ великой опасности. Наглостямъ и поврежденію народовъ надлежитъ быть чрезвычайнымъ, а правительству безсильному и слабому. Такое состояніе въ единоначаліи быть не можетъ инако, развѣ государсто ужѐ колеблется, и къ паденію наклоняется, или угрожаемо превращеніемъ въ многоначаліе силы народоначаліе; въ семъ послѣднемъ скоряе сіе случается. Коль скоро нравы весьма повредятся, то народъ получаетъ въ тотъ чесъ удовольстіе къ необузданной вольности, и радуется воображеніемъ, что законодателемъ и государемъ себя почитаетъ, позабывая притомъ, что въ тожъ самое время онъ же и подданнымъ быть долженствуетъ. Таковое состояніе было въ Аѳинахъ; какъ народъ надмясь благополучнымъ успѣхомъ своихъ предпріятій, не захотѣлъ повиноваться законамъ, и устремляющемуся поврежденію нравовъ со всѣхъ сторонъ свободной путь отворилъ. Богатой Аѳинской житель почелъ бы себѣ въ безчестіе, ежели бы о немъ сказали, что онъ законамъ покориться долженъ. Однако пришедшее въ такое состояніе общенародіе, будетъ ужѐ чрезмѣрно слабо, и самое малѣйшее внутреннее или наружное произшествіе опровергаетъ его. Единственное средство для такія области состоитъ въ томъ, чтобъ поврежденныя подкрѣпленія поправлять и приводить въ надлежащую силу. Любовь къ отечеству, любовь къ равенству и добродѣтель могутъ токмо возстановить преклоненныхъ законовъ могущество въ такомъ общенародіи.

§. 273.

Когда причина ненаблюденія законовъ произходитъ отъ правленія.

Состояніе области есть также поврежденно, когда причина законовъ ненаблюденія отъ правительства произходитъ. Обыкновенно бываетъ сіе въ единоначаліяхъ, слабыми и простыми Государями обладаемыхъ, которые по большой части поручаютъ себя въ худыя руки; за тѣмъ что не умѣютъ здѣлать прямаго выбора въ наперстникахъ своихъ и любимцахъ; такъ и не имѣютъ же надлежащаго проницанія, со основаніемъ пожаловать кого либо своею довѣренностію. Любимцы ихъ бываютъ по сему наиподлѣйшіе и непотребнѣйшіе люди, нетокмо законы многотысящными злодѣйствами и несправедливостями преступающіе, но и прочему безчисленному множеству злодѣевъ и враговъ человѣчества, защищеніе свое и кровь продающіе. Таковымъ образомъ бѣдствуютъ законы и лишаются своея силы; какъ напротивъ того пороки и злости со всевозможными неправосудіями рѣчными стремленіями всю область наполняютъ. Такое было по большой части состояніе Римскія Имперіи во второмъ, третьемъ, и четвертомъ столѣтіи, когда всѣ добрые и честные люди такъ были беззащитны отъ мучительства любимцовъ, скопцовъ и всѣхъ служителей императорскихъ чертоговъ, заключавшихъ въ себѣ не властителей человѣческихъ, но изверговъ человѣчества, что симъ бѣднымъ не оставалось ничего кромѣ смерти или убѣжища у варваровъ. Въ царствованіе такихъ слабыхъ и бѣдныхъ Государей важность законовъ оскорбляется еще инымъ образомъ. Всѣ, нѣкоторую власть въ рукахъ имѣющіе, примѣчаютъ вскорѣ слабость двора. И такъ дѣлаютъ токмо сообразное побочнымъ своимъ намѣреніямъ и стра-

стямъ

стямъ законамъ повинованіе: недостойные же наперстники, многія причины имѣющіе къ нераздраженію намѣстниковъ и полководцовъ, взираютъ на сіе сквозь завѣсу. Посему въ толь злощастномъ самодержавіи останется сила и дѣйствительность закона нужная токмо къ прикрытію неправосудія и мучительства. Къ исправленію сего злощастнаго состоянія нѣтъ почти ни малѣйшаго средства, кромѣ того, что Государь долженъ непремѣнно всѣхъ своихъ любимцовъ и знатныхъ служителей отъ себя отлучить, а на ихъ мѣста возвесть разумныхъ честныхъ и справедливость любящихъ людей. Препростой владѣтель здѣлать сего не можетъ, а хотя и учинитъ перемѣну, но въ лицахъ однихъ, а не въ свойствахъ, такъ что иногда и злѣйшимъ еще себя ввѣряетъ.

§. 274.

Наивеличайшее поврежденіе есть то, когда законы сами вовсе непотребны.

Наивеличайшее поврежденіе законовъ есть наконецъ то, когда они сами вовсе непотребны. Законы, неимѣющіе нималѣйшаго соотвѣтствія и содержанія съ естествомъ и состояніемъ области, и посему немогущіе быть необходимыми изъ естества вещей происходящими содержаніями и опредѣленіями; законы вовсе неспособные къ поданію средствъ на поспѣшествованіе области благоденствія, но еще усугубляющіе злополучіе ея; законы, непріемлющіе въ уваженіе ни вольности гражданина, ни общія, ни частныя безопасности, ни внутренnія государственныя силы, но вмѣсто того по себѣ влекущіе неволю и нещастіе подданныхъ, слѣдовательно же и слабость области; таковые законы имѣютъ въ себѣ начальное поврежденіе, и суть тѣмъ опаснѣе и вредительнѣе; ибо

яда

яда исполненъ есть источникъ, долженствующей искапать всевозможныя благоденствія. Въ заключеніи сего усердствую, чтобъ всѣ народы и общества имѣли властей и правителей, довольною мудростію одаренныхъ на узрѣніе существеннаго и естественнаго областей состоянія. Симъ возмогутъ избѣжать всякаго поврежденія.

КОНЕЦЪ.

Оик N 4225.